

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Материалы Двадцатых Санкт-Петербургских
этнографических чтений

Санкт-Петербург
2021

УДК 39:069.7;316.7
ББК 63.5:79.1;60.54
Э91

Печатается по решению Ученого совета
Российского этнографического музея

Редакционная коллегия:

*Д. А. Баранов, Е. Е. Герасименко, В. В. Горбачева, В. А. Дмитриев,
Т. Г. Емельяненко, Л. А. Жгун, Н. М. Калашникова, Ю. А. Купина,
А. Б. Островский, Л. Ф. Попова, И. И. Шангина*

Э91 Этнографический музей как феномен культуры: Материалы Двадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений.—СПб.: Российский этнографический музей, 2021—312 с.

Тематика «Чтений-2021» посвящена основным направлениям работы этнографических музеев с коллекциями – их комплектованию, изучению и экспонированию. В докладах анализируется вклад музеев в конструирование идентичностей (этнической, региональной, национальной), рассматривается их деятельность по репрезентации этнических культур. Специальное внимание уделено персоналиям: основателям музеев, собирателям, исследователям этнографических коллекций.

ISBN 978–5–7937–1977–3

© Авторы, 2021

© Российский этнографический музей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

*Этнографические предметы
в музейных коллекциях:
принципы комплектования, атрибуция
и интерпретация*

<i>Д. А. Баранов</i> Музейные исследования материальной культуры и филология	8
<i>О. В. Лысенко</i> Этномузеологическое наследие: между археологией и современным искусством.....	17
<i>В. А. Дмитриев</i> Эпистемология этнографического музееведения	23
<i>И. И. Шангина</i> Этнографические экспонаты Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года в Москве: история комплектования и поступления в Российский этнографический музей	30
<i>А. Н. Копанева</i> История организации научного архива Государственного музея этнографии (1935–1941).....	35
<i>Л. В. Королькова</i> Итоги атрибуции музейных коллекций по этнографии финнов из поступлений в Российский этнографический музей 1930-х годов	41
<i>А. А. Заньковская</i> Определение этнической принадлежности музейного памятника на примере ложи арбалета из карельской коллекции Российского этнографического музея	49

<i>Н. Е. Плаксина</i>	
Старообрядческие резные «Голгофы» Пижемского религиозного центра в музейных собраниях России.....	54
<i>С. В. Романова</i>	
Хакасские изображения духов в собрании Российского этнографического музея: история комплектования и перспективы изучения.....	60
<i>Т. Ю. Сем</i>	
Семиотика шаманских атрибутов из коллекции Российского этнографического музея по культуре забайкальских орооченов.....	65
<i>В. А. Кисель</i>	
Якутский «боевой» топор из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук	71
<i>Е. И. Водичар</i>	
Коллекция обрядовых хлебов в собрании Национального этнографического института-музея Болгарии	78
<i>А. С. Закирова</i>	
К истории одной казахской этнографической коллекции, собранной на территории Челябинской обл.	83
<i>Н. Г. Краснодарская, Е. С. Соболева</i>	
Политика как спонсор культуры: о пополнении советских музеев раритетами этнической культуры народов Цейлона в 1958–1962 годах	89
<i>К. Р. Смурова</i>	
Семиотика бумажных прорезных узоров в контексте трансформаций.....	91

*Персоналии: основатели музеев,
собиратели, исследователи
этнографических коллекций*

<i>А. Б. Островский</i>	
Сахалинские краеведы: профессия и личность	102
<i>С. С. Петряшин</i>	
Изучение рабочих золотых приисков в Этнографическом отделе Русского музея: А.А.Макаренко , Д.А. Клеменц	108
<i>Е. Ю. Гуляева</i>	
Сотрудники Этнографического отдела Государственного Русского музея и Государственного музея этнографии в воспоминаниях Е. Н. Студенецкой о 1930-х годах.....	114

<i>Т. В. Пинкусова</i> Вклад Г.Н. Бабаянц в комплектование и изучение русских изразцов (коллекция Российского этнографического музея)	122
<i>Е. В. Дьякова</i> Вклад Я.Ф. Головацкого в формирование коллекций по этнографии лемков, бойков и гуцулов Российского этнографического музея	127
<i>В. А. Баранова</i> История формирования коллекций Российского этнографического музея по традиционной культуре украинцев на территории Воронежской и Курской губерний.....	133
<i>А. А. Песецкая</i> Экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность Т. А. Крюковой в Горномарийском крае	139
<i>З. Н. Мирсиялова</i> Этнографические фотографии К. Т. Софонова в коллекционном собрании Национального музея Республики Татарстан	146
<i>Н. А. Вaskanова</i> Семейно-брачные отношения у горных и луговых марийцев (по материалам полевых исследований в Республике Марий Эл в 2018–2021 годах).....	155
<i>В. В. Кавецкая</i> Проблемы и перспективы освоения этнографического наследия В. К. Арсеньева	161
<i>Л. С. Гуцын</i> Деятельность востоковеда Ашхарбека Лорис-Калантара в Санкт-Петербурге в начале XX века	167
<i>А. В. Газданова</i> З. П. Валаев – собиратель первых осетинских коллекций	174
<i>Л. Ф. Попова</i> История киргизского фонда Российского этнографического музея: собиратели Е. И. Махова и Б. К. Балакин, народный мастер М. Шамурзаев и его потомки.....	179
<i>Е. Л. Кубель</i> Роль А. Л. Мелкова в формировании каракалпакского фонда Российского этнографического музея	187
<i>Т. В. Ермакова</i> Экспедиция Г. Ц. Цыбикова в Тибет.....	194
<i>О. А. Ананьева</i> История формирования туркменского фонда Российского этнографического музея: экспедиция С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной в Туркменскую ССР (1978 год)	199

*Репрезентация музеем этнических культур.
Вклад этнографических музеев
в конструирование идентичностей
(этнической, региональной, национальной)*

<i>Н. И. Ивановская</i> «Краеведческий метод» в этнографии и роль региональных музеев в этнографических исследованиях.....	207
<i>О. М. Фишман</i> Музеефикация жилого и приусадебного пространства как форма этнолокальной идентификации (на примере современной постаграрной карельской и русской деревни Тверской области).....	213
<i>Л. Н. Хаховская</i> Репрезентация этнических культур сквозь призму контрастов северного гардероба	220
<i>А. А. Михайлова</i> Между сербами и хорватами: традиционные костюмы шопцев в собрании Российского этнографического музея	225
<i>Т. Г. Емельяненко</i> Культура бухарских евреев в музейных собраниях.....	235
<i>О. В. Ладыгина</i> Репрезентация таджикской идентичности в музейных экспозициях	240
<i>О. В. Старостина</i> Музеи Горноматчинского района Республики Таджикистан.....	246
<i>Е. А. Берман</i> Этнографические музеи и экспозиции Израиля в формировании еврейского культурного наследия и конструировании национальной идентичности	252

*Этнографические коллекции
в экспозиционно-выставочной
и культурно-образовательной
деятельности музеев*

<i>Т. А. Зими́на</i> Проект «Музейный десант»: коллекция и просветительная деятельность контактного этнографического музея.....	258
<i>Н. М. Мельникова, И. В. Мельников</i> Традиционная культура русских Заонежья в архитектурно-этнографической экспозиции музея-заповедника «Кижи» в 1990–2010-е годы	264

<i>П. В. Матвеец</i>	
Этнографическая экспозиция «Люди моря» в Музее Мирового океана	270
<i>Е. В. Колчина</i>	
Традиционная кукла в проектах Российского этнографического музея 2010–2021 годов	276
<i>Л. Г. Ганина</i>	
Онлайн-выставка «Бисер в украинском костюме: традиция и современность» – от замысла к воплощению	280
<i>Г. Н. Варавина, Н. Г. Лаптева</i>	
Конная культура в краеведческом музее «Полюс холода»: наследие северных якутов	285
<i>Н. М. Калашиникова</i>	
Опыт взаимодействия Российского этнографического музея с высшими учебными заведениями Санкт-Петербурга	290
<i>Н. В. Мальцева, В. А. Белокопытова</i>	
Анимация как способ передачи этнографических знаний (на примере культурно-просветительной деятельности Магаданского областного краеведческого музея)	297
<i>В. Э. Первак</i>	
Живопись в экспозиционном дизайне Российского этнографического музея	302
<i>В. Э. Первак, Г. Н. Романова</i>	
Люди и манекены: история создания этнографических фигур в Российском этнографическом музее	307

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ
В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ:
ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ,
АТРИБУЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

УДК 903.2

Д. А. Баранов

Музейные исследования
материальной культуры и филология

Баранов Дмитрий Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, заведующий отделом, кандидат исторических наук; dmitry.baranov@list.ru

В докладе анализируются предпосылки возникновения новых подходов в музейных исследованиях материальной культуры. Несмотря на то, что долгое время этнографические музеи были центрами по исследованию материальной культуры, прорыв в этой области произошел в других дисциплинах, в первую очередь, в филологии. Структурно-семиотический и этнолингвистический подходы, оказавшись на первых порах плодотворными в изучении культуры, в том числе материальной, были взяты на вооружение и музейной этнографией. Появилось множество работ, посвященных обрядовым функциям и семантике предметного мира. Как следствие, сама материальность вещей оказалась слабо проблематизирована, но именно филологический взгляд позволил говорить об агентности вещи, характерной для навивной картины мира, и сделать ее частью научного дискурса. Подхватив идею субъектности предметов, музейные этнографы обратились непосредственно к их материальности с тем, чтобы показать, как физические свойства, технология изготовления и инструментальность вещи превращают ее

в активного субъекта во взаимоотношениях с человеком.

Ключевые слова: музей, материальная культура, агентность, филология, материальность, технология.

Появление нового взгляда на предметный мир в отечественных исследованиях материальной культуры парадоксальным образом оказалось связанным не с теми дисциплинами, которые традиционно были погружены в стихию материальной культуры, то есть с этнографией и музеологией, а, прежде всего, с филологией. Было бы неверным утверждать, что здесь мы имеем дело с чисто российским случаем – сходную ситуацию появления новых подходов извне, в первую очередь, из этноархеологии, лингвистики и литературоведения, отмечает, например, Д. Хикс и для британской антропологии 1980–1990-х гг.¹, но, пожалуй, именно в России филологический след оказался особенно заметным в музейных исследованиях материальности.

Почему же этнографические музеи оказались в стороне от новых веяний в этой области? Ведь долгое время музеи были центрами по исследованию материальной культуры и, более того, средоточием всей этнографической науки. Так, многие историки науки отмечают роль этнографических музеев в начале XX в. как научных центров. Н. Диас говорит о том, что в конце XIX – начале XX в. музеи и материальная культура стали в определенном смысле синонимами²; музейный этап развития антропологии выделяют М. Эймс и Э. Шелтон³. Россия в этом смысле разделяла эту общую тенденцию в развитии этнографии: в начале XX в. этнографическими центрами стали Кунсткамера и Этнографический отдел Русского музея» (сейчас – Российский этнографический музей). Да и в глазах широкой публики именно музейная этнография олицетворяла этнографию в целом.

Причину определенной рутинизации материальных исследований можно видеть в консервативной природе музея как социального института, предназначенного в том числе для (со)хранения материальных объектов, что не способствовало появлению каких-либо прорывов в этой области. Другая причина заключалась в том, что сама материальная природа объекта научного интереса послужила неким сдерживающим фактором в гуманитарных дисциплинах. В самом деле, с одной стороны, материальность, «телесность», осязаемость и мобильность большинства вещей порождали иллюзию легкости их научного описания и анализа. С другой, изучение собственно физических характеристик предмета было отдано на откуп точным наукам. В итоге материальность – важный опознавательный признак предмета – оказалась слабо проблематизирована

в гуманитарных исследованиях. Кроме того, наступает разочарование в музейной этнографии, на Западе связываемое с именем Ф. Боаса, который после нескольких лет сотрудничества с Американским музеем естественной истории пришел к убеждению, что материальные предметы не способны адекватно отражать культуру⁴. Само представление о вещи как материально-символической целостности ставится под сомнение, а исследования материального приобретают характеристики периферийности, вторичности и старомодности и в целом становятся на долгое время непроницаемыми для новых, «продвинутых» теорий и перспектив.

В академической этнографии процесс постепенной «дематериализации» исследований может быть описан как сдвиг к функционалистским и, чуть позднее, к структурно-функционалистским подходам, инициированным продолжительными экспедициями Б. Малиновского. В качестве результата полевой работы выступали уже не этнографические коллекции, а письменные работы нового жанра – этнографическая монография. На долю же музейной этнографии оставалось лишь ограничиваться эмпирическими описаниями коллекций и так называемых примитивных технологий вплоть до второй половины XX в. В дальнейшем исследования коллекций постепенно маргинализируются, поскольку сами музеи начинают рассматриваться как материальные манифестации колониального наследия, от которого большинство антропологов стремилось дистанцироваться.

В России ситуация с изучением материальной культуры только отчасти, к тому же внешне, совпадала с европейской историей. Действительно, примерно в это же время, то есть на рубеже 1920–1930 гг. также отмечается сужение горизонта материальных исследований, но связано это было с борьбой с так называемым «вещизмом», поскольку вещи, представляющие традиционные культуры, приобрели сугубо негативные коннотации в рамках возникшего модернистского дискурса: такие черты экспонатов как архаичность, орнаментированность, сакральность, экзотичность, редкость придавали демонстрируемым в музее культурам определенный романтический ореол, столь необходимый для возбуждения интереса у посетителя и столь же неподходящий для решения задачи «показа коренных изменений и достижений, произведенных у народов Советского Союза Октябрьской революцией»⁵.

Нападки на вещьцентризм не получили поддержки у большинства этнографов; победила точка зрения о необходимости и ценности подобных исследований. Важнейшим фактором, постоянно поддерживающим интерес в СССР к материальной культуре и оставляющим лазейку для выхода за рамки эмпирических описа-

ний, стало формулирование одной из важнейших для этнографии задач – этнической атрибуции вещей. Это было особенно актуальным для этнографических музеев, где попытки нарисовать «этнический портрет» народа посредством материальных репрезентаций традиционно считались не только возможными, но и необходимыми. Этнографический музей оставался научным центром, который мог через свои коллекции наглядно демонстрировать собственно объект этнографии – этнос. Но несмотря на то, что утилитарные, «технические» характеристики вещи продолжали подробно описываться во множестве этнографических работ, ее материальность была проблематизирована и теоретически осмыслена в гораздо меньшей степени, чем другие ее характеристики. Исследования материальной культуры привлекались для прояснения довольно ограниченного круга вопросов, связанных, например, с этногенезом этнических групп, культурными контактам, торговыми связями, характеристиками хозяйственных практик и т.д. В целом, это выпадение материальности вещей из поля зрения этнографов не должно вызывать удивления – предметная область гуманитарных наук включает преимущественно социальное, человеческое «измерение» предметов, а их физические характеристики большей частью остаются в компетенции точных наук.

Ситуация стала меняться только в 1970–1980-х гг., когда наметился рост интереса к вещам. Новый взгляд на вещи имел отчасти филологические корни, уходящие в московско-тартускую семиотическую школу во главе Ю.М. Лотманом (1960–1970 гг.), а кроме того, сильное влияние оказала этнолингвистика, в частности, на направление, возглавляемое Н.И. и С.М. Толстыми (1970–1990 гг.). Тем самым, вероятно, объясняется не просто преимущественное внимание к «невещественному» в вещи, но и убеждение, что именно «нематериальные» свойства являются ее наиболее сильной характеристикой⁶. Здесь важно отметить, что появление новой перспективы не было связано с музейными или вещеведческими исследованиями. Свежесть взгляда на мир материальных объектов требовала определенного дистанцирования от собственно материальности, и эту дистанцию создавала аналогия материальной культуры с языком.

Лингвистический уклон в материальных исследованиях последней трети XX в. в сторону семантики и обрядовых функций вещей по большей части решил задачу описания символического языка предметного мира. Но выявление семантики вещи происходило в отрыве от физических свойств предмета, что зачастую делало эти построения умозрительными и метафизическими. Подобный подход привел к тому, что сами исследования материальной

культуры стали определяться как своего рода вид «чтения» текста, за пределами которого ничего не существует. Реакцией на «презентизм» (Hicks), игнорирующий материальность вещи, явилось формирование объектно-центричной перспективы в социологии, которая придала иную конфигурацию картине мира, будучи представленной «глазами вещей». Последним приписывалась агентность, то есть способность к самостоятельным действиям.

Филологическая линия рождения нового взгляда на вещь неслучайна, поскольку именно языковой материал, попавший в поле зрения этнолингвистов, дает множество примеров агентности вещей, способности их к активным действиям. Разумеется, и этнографы знали о субъектности вещей в народных представлениях, но эта концепция была усвоена и использована ими лишь как материал для дальнейшего анализа, а не как готовый концептуальный продукт. Возможная причина игнорирования этой перспективы заключается в том, что она принадлежит другим, которых этнографы изучают, описывают и интерпретируют, но не учатся у них. Кроме того, хотя в этнографической парадигме концепт «другого» является чрезвычайно емким и открытым для различного рода проекций, последние до недавнего времени традиционно не включали в себя «нечеловеческое».

Филология же не выстраивала непроницаемых барьеров между объектом и субъектом и учитывала разные перспективы, нередко заимствуя их у литературы, фольклорных текстов и мифопоэтических представлений. Для нее подобное «превращение объектов в людей»⁷ стало удобным концептом, с помощью которого можно было бы описывать отношения между людьми и вещами как субъектно-субъектные. Это стало, вероятно, следствием развития теории полифонии М. Бахтина, применение которой к материальным объектам позволило услышать «голос» вещей. Так, Т. В. Цивьян, рассматривая материальные предметы в «филологической перспективе», отмечает, что «вещный мир, создаваемый, охраняемый, поддерживаемый человеком, приобретает самостоятельность, независимость и даже власть над ним. Превращаясь из объекта в субъект, он, в свою очередь, поддерживает и охраняет человека, обеспечивает его существование иногда на поколения вперед, то есть переживает человека. Получая власть над человеком, он формирует и его образ...»⁸

Говоря об «объектно-центричной» перспективе нельзя не упомянуть известную работу В. Н. Топорова «Вещь в антропоцентрической перспективе (Апология Плюшкина)»⁹. Несмотря на название статьи, Топоров говорит и о необходимости учитывать «вещецентрический» взгляд, наделяющий вещь субъектностью: «...несом-

ненно, что и у вещи есть своя доля, в которой она диктует свою волю человеку, и „антропоцентрическая” в отношении вещей позиция вовсе не исключает целесообразность „вещецентрического” взгляда на человека. Не только „человек – мера всех вещей”, но в известном отношении и обратно: „вещь – мера всех людей”¹⁰. Но было бы заблуждением назвать подобную перспективу по-настоящему вещьцентрической. Множество примеров из этнографии и фольклора если и указывают на вещьцентричность подобных описаний мира материальных объектов, то вещьцентричность особого рода, по сути, строится на отождествление вещи с человеком и приписывании ей человеческих свойств, то есть, в своей основе является вторичной. Ее можно назвать проективной, поскольку в такой перспективе в вещах нет ничего такого, что отличало бы их от человека. В свою очередь, воздействие вещей на человека является производным от производного, результатом обратной проекции. Фольклорные и мифологические тексты открыли для ученых мир многоголосья, и один из самых громких голосов оказался принадлежащим миру оживших вещей. Традиционное для отечественной филологии снятие противопоставления между субъектом и объектом исследования, когда и литературовед является «немного поэтом», привело к плодотворному объединению концепций и практик, принадлежащих миру «субъекта» и миру «объекта». Агентность вещи, характерная для наивной картины мира, была взята на вооружение филологами и стала частью научного дискурса.

Музейные исследования материальной культуры, до сих пор ориентированные на этническую атрибуцию коллекций и семантику вещи, лишь в самое последнее время обратились к собственно той материальности вещи, которая наделяет ее агентностью. Взгляд на вещи в технологической перспективе позволяет утверждать, что в определенном смысле, технология является «языком» симметричных отношений человека и природы. Более того, именно природа в лице материала, из которого создается вещь, задает грамматику этого универсального «языка», то есть материал активен в том смысле, что любая придуманная человеком технология изготовления вещи определена природой самого материала: глину нельзя ткать, а лен обжигать, дерево не лепят, а металл не треплют и т.д. Даже способы украшения и особенности декора вещи зачастую детерминированы природными характеристиками материала и спецификой технологии изготовления. В своих музейных исследованиях текстиля О. В. Лысенко показал, как во время изготовления тканых поясов технологические аспекты переходят в визуальный план, определяя специфику орнамента¹¹. Иными слова-

ми, появление той или иной фигуры орнамента определяется не интенцией изготовителя, а технологией. Смысловым же содержанием орнамент наделяется постфактум, и оно большей частью не произвольно, а органичено характером орнамента.

В недавних работах другого музейного этнографа – С. С. Петряшина – акцент сделан на инструментальности вещи. На примере «русского» безмена автор, используя теорию аффордансов Дж. Гибсона, рассматривает как материальность предмета ограничивает число «сценариев» обращения с ним¹². Благодаря тому, что свойственное человеку чувство веса весьма субъективно и не позволяет точно и наглядно для других определять вес, это действие было делегировано весам и, как следствие, сама процедура взвешивания при помощи безмена виделась залогом объективного измерения веса вещей и, соответственно, справедливой цены, что послужило основанием доверия к безмену. Вместе с тем конструкция безмена открывала дорогу к обману и мошенничеству, так как обнаружить точку равновесия на безмене, подвешенном на узкой проволоке или веревке, весьма затруднительно. Таким образом, владельцы безмена, совершая с ним различные манипуляции, могли улучшать или ухудшать его измерительные характеристики, взвешивать честно или обманывать¹³.

Эти и другие подобные им подходы, которые в последнее время стали применяться в работах сотрудников РЭМ, указывают на сдвиг в исследованиях материальной культуры в сторону непосредственного влияния технологии изготовления вещи и самой ее материальности на человека. Объединяет эти подходы преимущественное внимание к «контактной зоне» взаимодействия человека с вещью – зоне человеческих чувств, к которым «апеллирует» вещь и которые всегда были в фокусе внимания филологов. Именно здесь вещь приобретает вневещное, человеческое измерение, которое, собственно, и является предметным полем антропологии/этнографии. Это позволит, не выходя за пределы собственной онтологии, в объектно-центричном подходе не терять человеческое измерение (в противном случае антропология лишается своей эпистемологической основы), а в антропо(социо)центричном взгляде – не забывать о собственно материальной основе самой культуры.

---

¹ Hicks D. The material-cultural turn: event and effect//The Oxford Handbook of Material Culture Studies, edited by D. Hicks and M. C. Beaudry. Oxford: Oxford University Press. P. 71.

² Dias N. Does Anthropology need Museums? Teaching Ethnographic Museology Portugal Thirty Years Later// M. Bouquet (ed.). Academic Anthropology and the Museum: Back to the Future. Oxford. Beghahn, 2001. P. 93.

³ Ames M. What Could a Social Anthropologist do in a Museum of Anthropology/Museums, the Public and Anthropology. A Study in the Anthropology of Anthropology. Vancouver and New-Delhi: University of British Columbia Press and Concept Publishing Company, 1986. P. 27; Shelton A. Museum Ethnography: An Imperial Science//E. Hallam, B.V. Street (eds.). Cultural Encounters. Representing "Otherness". London and New-York. Routledge, 2000. P. 175.

⁴ Cruikshank J. Oral Tradition and Material Culture: Multiplying meanings of «words» and «things»//Anthropology Today. Vol. 8. No. 3, June 1992. P. 5.

⁵ Потапов Л. Саяно-Алтайская выставка (Ленинград)//Советская этнография. 1932. № 3. С. 95.

⁶ Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 137.

⁷ Hicks D. Указ. соч. С. 10.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс- Культура», 1995. С. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Лысенко О. В., Комарова С. В. Ткань. Ритуал. Человек. Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб.: Издательство Астур, 1992. С. 18–19.

¹² Петряшин С. С. Русский безмен: материальность и (не) справедливость//Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 24–27.

¹³ Там же.

UDC 903.2

D. A. Baranov

Museum Studies of Material Culture and Philology

Baranov Dmitry Aleksandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, head of department, Ph. D. (History); dmitry.baranov@list.ru

The article analyzes the preconditions for the emergence of new approaches in museum research of material culture. Despite the fact that for a long time ethnographic museums were centers for the study of material culture, a breakthrough in this area occurred in other disciplines, primarily in philology. Structural-semiotic and ethnolinguistic approaches, being at first fruitful in the study of culture, including material culture, were also adopted by museum ethnography. There have appeared many

works devoted to the ritual functions and semantics of the objective world. As a result, the very materiality of things turned out to be weakly problematized. But on the other hand, the philological view made it possible to talk about the agency of things in traditional culture, and to make it a part of scientific discourse. Museum ethnographers, having borrowed the idea of subjectness of objects, turned directly to their materiality in order to show how the physical properties of a thing, the technology of its manufacture and instrumentality transform the objective world into an active subject in relations with a person.

Key words: museum, material culture, agency, philology, materiality, technology.

О. В. Лысенко

Этномузеологическое наследие:
между археологией и современным искусством

Лысенко Олег Викторович, Российский этнографический музей (С. Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдовы, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; n_lysenko@mail.ru

Репрезентация как функция музея по-разному проявляется в музейной деятельности – собирательской, научно-исследовательской, экспозиционной. Комплексная работа по изучению коллекций предметов, фотографий, письменных источников и архивных документов в совокупности с полевыми материалами этнографических экспедиций способствует обнаружению многих интересных деталей и фактов в области историографии и источниковедения, исторической этнографии и истории музейного дела. Одновременно расширяется горизонт идей о сущности музея, реценции и репрезентации как инструментах исторического мышления, их значения в понимании стратегии и развития музея, органичной связи музейной практики с концептуальной целостностью основных направлений деятельности. Этномузеологическое наследие как совокупность артефактов, погруженных в насыщенный раствор этнологических исследований, рассматривается в докладе в исторической перспективе, в контексте связей между археологией и современным искусством.

Ключевые слова: репрезентация, архаичные технологии, археология и этнология, этномузеологическое наследие, этнографические экспозиции, мифология вещи, сохранение культурного наследия.

Репрезентация как функция музея по-разному проявляется в музейной деятельности – собирательской, научно-исследовательской, экспозиционной. Насколько полно коллекции Этнографического отдела Русского музея императора Александра III отражали этнокультурный ландшафт Российской империи начала XX в.? Хотя это вопрос исторический, подчеркнем, что в совокупности коллекции являлись его репрезентацией, которая не была эксплицирована и не нашла единого экспозиционного решения. Опыт

временных выставок говорит о развитии тенденции показа этнокультурных ареалов как самодостаточных образований в системе единого, целостного пространства. Именно поиск связей между этими ареалами в полиэтническом пространстве России и составлял проблемное поле этномузеологического подхода в исследовании этого огромного наследия и его воспроизводства в различных формах музейных репрезентаций.

Так, анализ экспозиционного опыта музея в репрезентации локальных этнокультурных традиций на примере трех выставок: «Галицийская выставка», 1915 г.; «Полесье – архаичные зоны славянского мира», 1990 г.; «Славяне Восточной Европы» 1992–2002 гг. – обнаруживает общую линию в изучении локальных этнокультурных традиций с момента возникновения музея как научно-исследовательской лаборатории. Наличие этой общности свидетельствует о преемственности идей, методов и научных подходов нескольких поколений ученых – сотрудников музея, – скованных одной цепью и концептуально связанных одной нитью, что особенно важно для понимания стратегии и развития музея.

В наше время на фоне деструкции локальной этнокультурной среды как важнейшего объекта научно-прикладной деятельности этнографических музеев открываются новые возможности и перспективы для дальнейших исследований этномузеологического наследия.

Опыт системной работы по изучению коллекций предметов, фотографий, письменных источников и архивных материалов в совокупности с полевыми материалами этнографических экспедиций, приобретенный в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное исследование белорусского этномузеологического наследия А. К. Сержпутовского, 1906–1930 гг.», оказался весьма продуктивным, способствующим расширению горизонта идей о сущности музея, рецепции и репрезентации как инструментах исторического мышления, их значения в понимании стратегии и развитии музея, органичной связи музейной практики с концептуальной целостностью основных направлений деятельности.

Однако, мы хотим остановиться на деталях, за которыми видны определенные тенденции. Так, в архиве музея обнаружена важная для нас информация о собранных А. К. Сержпутовским коллекциях, касающаяся комплекса домашней утвари¹ из «курной избы» – *хаты*, которая топилась по-черному. Отметим, что подобные образцы деревянной посуды – миски, чашки, ковши с пестами для растирания сала и др. изделия, выполненные в примитивной технике выдалбливания из древесных наростов (капы), архаичной формы, с грубо обработанной поверхностью, покрытой копотью

и следами жира, проникшего в текстуру древесины², были собраны и во время его первой экспедиции 1906 г.³ И хотя эти предметы бытовали и были собраны в 1906–1912 гг. как образцы традиционно-бытовой культуры жителей Полесья, в настоящее время, когда кардинально изменились и этнокультурный ландшафт, и сами «белорусы-полешуки», использовавшие их в быту, – произошло расширение исторического горизонта. Простейшие формы этих сосудов, по сути, праформы, также как и архаичная техника изготовления, образуют один типологический ряд с объектами из археологических раскопок. Следует обратить внимание, что в качестве музейных экспонатов они впервые были отобраны на выставку в 1982 г.⁴ В процессе реставрации стенки нескольких сосудов были очищены от «копоти и жира». Очевидно, что следы бытования для этнографического объекта в отличие от археологического не рассматривались как ценный атрибутивный признак, хотя и содержали косвенную информацию о среде обитания, типе жилища, традиционной гигиене и т.д. В коллекционных описях эта информация присутствовала в латентной форме, намекая на практически неисчерпаемый потенциал музейного предмета в будущем. Тем не менее понадобилось более 30 лет, чтобы найденные в архиве материалы о непосредственной связи музейных предметов с типом жилища и образом жизни, создали информационный повод рассмотреть их в ином ракурсе. Таким образом, мы вновь открыли «копоть и следы жира» на стенках сосудов как исторический источник, оценив их уникальность, но уже как ментальный опыт, относящийся к сфере «археологии знания», как это описывал Мишель Фуко⁵. Метаморфозы вещей как естественная форма существования музейных предметов продолжились, когда в 1983 г. эти обыденные вещи, утратившие в процессе реставрации/музеефикации следы среды обитания, были представлены уже в качестве музейных экспонатов в современном выставочном пространстве⁶. В избранной концептуальной модели экспозиции как репрезентации традиционного белорусского народного искусства они оказались в качестве самодостаточных объектов «чистого искусства» и праздного эстетического созерцания, отвечая таким образом на вызовы современности (например, рост белорусского национального самосознания) и реагируя на запросы белорусских дизайнеров, вдохновляя их на создание арт-объектов – от простейших художественных стилизаций до концептуальных инсталляций и изделий народного творчества.

В рассмотренном нами примере вещь с признаками этнической маркировки, извлеченная из контекста и оказавшаяся в этнографической коллекции, в своем движении по шкале семиотичности

рискует стать археологическим артефактом, подверженным логической реконструкции, или фрагментом отраженной реальности, или семантической единицей в качестве объекта перформативного искусства. Мне уже приходилось писать о флуктуациях вещи, попавшей в музейное собрание⁷, указывая на музей как на точку бифуркации, в которой пересекаются множество траекторий. Сейчас мне хотелось подчеркнуть, что у вещи, превращенной в музейный предмет, всегда сохраняется шанс стать экспонатом и «получить слово». Тогда как в обыденном пространстве, где вещи исчезают, оставляя след в «архиве памяти», вещественность вещи остается потаенной, забытой. Как указывал Мартин Хайдеггер, «существо вещи никогда не дает о себе знать, то есть ему не дают слова»⁸.

Продуктивность и перспектива экспериментальной деятельности в изучении артефактов может быть рассмотрена на примере научно-прикладного исследования этнографического текстиля с использованием аутентичного материала музейных коллекций и опыта реконструкций архаичных традиционных текстильных технологий. Тридцатилетний опыт работы с этноclubом «Параскева» в рамках комплексной программы «Исследования в области архаичных форм текстиля» позволил представить их в одном кейсе как объекты этнологических исследований и как репрезентации концептов традиционной культуры и народного творчества. Благодаря этому перед нами открылись перспективы для экстраполяции в сферу и ритуальных практик, и археологического текстиля, и современного искусства, и, одновременно, в область деятельности по сохранению материального/нематериального культурного наследия.

В заключение необходимо отметить, что проблема рецепции культурного наследия и его репрезентации в музейной практике остро обсуждается не только в музейном сообществе⁹, но остается одной из магистральных линий современных гуманитарных исследований в области преемственности и сохранения культурного наследия. Обращение к этномузеологическому наследию как комплексному историческому источнику и антропологическому феномену помогает осмыслить экспозицию как специфическую форму музейного высказывания, а неизбежность и необходимость постоянных реэкспозиций, как результат смены доминирующих научных концепций и аксиологических интерпретаций культурного наследия.

¹ РЭМ. № 2107: коллекция «собрана А. К. Сержпутовскимъ по поручению Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ 1912 г. Минская губ., Мозырскій у., Бѣлоруссы-польшукѣ».

² Из коллекционной описи: № 941–80. «Салѣнка» – солонка с ручкой, сделанная из древесного нароста («ляпы»), с. Ванюжичи; № 941–81. «Ваган» или «каўгашка» – деревянная чашка, сделанная из березовой «ляпы» (нароста), от употребления пропитана жиром, с. Ванюжичи; № 941–82. «Ваган» или «каўгашка» – деревянная чашка, выдолбленная из липовой «ляпы» (нароста), старая, разбитая, причем щели стянуты железными скобами, д. Бобрѣк.

³ РЭМ № 941: коллекция «собрана А. К. Сержпутовскимъ по поручению Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ 1906 г. Минская губ., Мозырскій у., Бѣлоруссы-польшукѣ».

⁴ Выставка «Белорусские коллекции в собрании Государственного музея этнографии народов СССР» (авторы: Е. Ф. Кононова и О. В. Лысенко).

⁵ Имеется в виду «археология знания», как обобщенное название новой дисциплины и нового подхода к истории мысли и социальных институтов, которые Мишель Фуко начал разрабатывать в 1960-е гг. (ср. «Рождение клиники: археология взгляда медика», 1963; «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», 1966; а также его одноименная работа «Archéologie du savoir», Paris, 1969); Фуко Мишель. Археология знания/Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

⁶ Выставка была открыта в июле 1983 г. в Музее белорусского народного искусства, филиале Белорусского государственного художественного музея.

⁷ Лысенко О. В. Музей и традиционная культура//Славянский ход 1991–2002. Материалы и исследования: Альманах. Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 1. С. 83–130; Он же. Этнографические музеи сегодня// Антропологический форум. 2007. № 6. С. 65–72.

⁸ Хайдегер М. Вещь//Время и бытие. М., 1993. С. 319.

⁹ В работе секции «Национальные и этнографические музеи в постсоветской современности: смена диспозиции» на XIV Конгрессе антропологов и этнологов России (КАЭР) в 2021 г. была представлена целая серия докладов сотрудников РЭМ по проблематике рецепции культурного наследия и его репрезентации в музейной практике: Д. А. Баранова «Имперские амбиции или компаративистская перспектива»; И. А. Карапетовой «Поиски новых направлений в музейной работе (на примере корейского „музея рыбацкой деревни“»); О. В. Лысенко «„Уставшие артефакты“: этномузеологическое наследие в постсоветской современности»; А. А. Михайловой «Этнографический памятник в XXI в.: исторический факт, произведение искусства или символ идентичности? (на примере музейных предметов по культуре южных славян)»; С. С. Петряшина «Этнография приисковых рабочих в Русском музее: история коллекции А. А. Макаренко 1904 года»; А. В. Христенко «Кустарные музеи и выставки дореволюционной России в национальном проекте музеефикации народной культуры».

O. V. Lysenko

**Ethnomuseological Heritage:
between Archaeology and Contemporary Art**

Lysenko Oleg Viktorovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, leading research fellow, Ph. D. (History); n_lysenko@mail.ru

Representation, as a function of the museum is manifested in different ways by museum practice: collecting, research and exposition activities. The experience of complex work on the study of collections of objects, photographs, written sources and archival materials in combination with field materials of ethnographic expeditions reveals many interesting details and facts in the field of historiography and source studies, historical ethnography and the history of museum business. At the same time, the horizon of ideas about the essence of the museum, reception and representation as tools of historical thinking, their significance in understanding the strategy and development of the museum, the organic connection of museum practice with the conceptual integrity of the main areas of activity is expanding. Ethnomuseological heritage as a set of artifacts immersed in a saturated solution of ethnological research is considered in the report in historical perspective and museum practice between archaeology and contemporary art.

Key words: representation, archaic technologies, archeology and ethnology, ethnomuseological heritage, ethnographic expositions, mythology of things, preservation of cultural heritage.

В. А. Дмитриев

Эпистемология этнографического
музееведения

Дмитриев Владимир Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; dmitriev_home@mail.ru

В докладе рассматривается наличие признаков классической, неклассической и позднеклассической науки в этнографической музеологии. Делается вывод о соотношении этнографической музеологии с позднеклассической наукой и сочетании принципов классической и неклассической науки, а также о неизбежном (но не абсолютном) доминировании в музейной деятельности подходов классической науки.

Ключевые слова: наука, эпистемология, этнографическая музеология, Российский этнографический музей.

Для развития частной научной дисциплины может оказаться полезным определение ее отношения к общей теории научного знания. Представляется, что вопрос эпистемологии этнографического музееведения не является исключительно схоластическим.

В современной общей методологии науки существует такая ее классификация, которая разделяет науку на классическую, неклассическую и позднеклассическую. Оставляя только основные характеристики онтологии, гносеологии и социальной значимости данных разновидностей, можно выделить следующие:

для классической науки характерно изучение макрообъектов, жесткий эмпиризм, поиск детерминистских законов, признание постоянства мира и его законов, рационализм подходов, предложение однозначных трактовок, следование тезису: один объект – одна истина;

для неклассической науки свойственно исследование микрообъектов, признание вероятностного характера связей между объектами, условность пространственно-временных связей, борьба за вероятностно-достоверное знание и, как особо декларируется, исследование объектов в условиях их конкретного существования, возможность различной трактовки изучаемых объектов;

позднеклассическая наука наделяется признанием антропоности мира и того, что объекты изучения наделяются признаками природно-социальных и человеко-размерных систем, а также того, что вклад ученого имеет меньшее значение, чем свойства объекта изучения и применяемый им инструментарий влияет на характер объекта; объекты оцениваются с позиций гипотетического пробабелизма¹.

Несомненно, такая схема разработана для естествознания, преимущественно физических объектов, и к гуманитарному знанию трудно применима, но является общей в теории познания и поэтому ее принципы имеют отношение к конкретному знанию, но это отношение не является прямым и простым.

Начнем с позднеклассического подхода. Основной смысл его состоит в том, что выделение постклассической науки является показателем того, как естественная наука сближается с гуманитарной в признании зависимости результатов наблюдения от наличия наблюдателя, и образования объекта в космосе человеческой деятельности. Несомненно, в данном случае наблюдается то, что в исторических источниках является проблемой факта и источника. Ее решение в этнографии выделено в работах В. В. Пименова² и В. А. Козьмина³, что позволяет не смешивать эти категории, а выстраивать их в общую цепочку. Последовательность выглядит следующим образом: факт действительности (факт-предмет, факт-событие, факт-процесс, факт-сознания) – фактосуждение исследователя – этнографический источник – документ (верифицированный источник превращенный в обработанный информационный блок знаний о факте) – факт науки. Спецификой этнографической науки, особо изучающей факты массового сознания, будет включение в эту цепочку, в разные ее участки оценочных мнений этнофора, как факта и как приема согласования факта действительности и факта науки. Отметим, что для этнографической музеологии цепочка уточняется тем, что:

– в одном месте, с разделением факта действительности на те факты, в которых имеется единство информации и ее носителя до появления наблюдателя (предметы материальной культуры – артефакты), факты, в которых информация напрямую соединяется с носителем (фотофиксация), и факты, которые образуются опосредованным их соединением (например, полевые дневники); первые две категории являются потенциальными музейными предметами; – в другом месте, добавлением к факту науки моделированного в музейной среде факта общественного сознания на основе проектов экспоната и экспозиционной структуры, являющихся демонстрационной моделью факта науки.

Таким образом, этнографическая музеология почти полностью вписывается в рамки позднеклассической науки, возможно, это связано с тем, что она является отраслевой прикладной дисциплиной.

Обращаясь к оппозиции классической и неклассической науки, очевидно можно предполагать, что этнография/этнология связана более с неклассической наукой, как дисциплина, изучающая локальные культуры, ограниченные в пространстве и времени и сосредоточенные на этнических территориях (полевая этнография), но способная к исследованиям возникающих пространств (диаспора) или признанию существования неизвестных культур, то есть тех, у которых не было своих исследователей, но, предположительно, реконструируемых.

Этнографическую музеологию, напротив, следует связать с классической наукой, исходя:

– из опоры на музейное собрание, являющееся сформировавшимся фондом в собственной среде существования и представляющим этнографические факты прошлого;

– отрицательного отношения к артефактам неопределенного культурного, в том числе и этнографического, статуса;

– поиска в собирательской работе артефактов, принадлежащих к традиции и к прошедшим историческим периодам;

– задач в экспозиционной и шире пропагандистской работе, предлагать оптимальные образцы народной культуры и тем самым вызывать в обществе настроения на реконструкции явлений прошлого;

– монографических дискурсов описания этнографического материала и однородных этнических территорий.

Деление науки на категории классической и неклассической не является оценочным и не указывает на общественную ценность того или иного подхода, в рассматриваемом аспекте нет кризиса методов познания, о котором принято говорить, имея в виду историю естествознания. В этнографической музеологии присутствует скорее конфликт сосуществования приоритетов комплектования, вызванный тем, что предмет этнографической музеологии – объективированный этнографический факт в XX в. расщепился на предмет этнической традиционной культуры и предмет этнической модернизированной культуры. Предмет модернизированной культуры утрачивает признаки аттрактивности и информативности, то есть основы музейного предмета, а предмет традиционной культуры (традиционный по материалу, конструкции, дизайну, орнаментике, бытованию и пр.) – связь с реальной общественной средой.

Это разделение получило признание в принятии таких названий претендующих на автономность дисциплин как традиционная этнография и этнография современности.

Ученых, даже когда они активно пользовались данными формулами, такие термины раздражали и нетрудно понять, почему. Изучение современности в позднесоветское время, когда утвердился этот термин, и этнография современности в науке получила приоритет, было откровенной идеологической установкой, спущенной сверху. Термин же современность грешил многозначностью, обозначая явления, то ли синхронные наблюдению, то ли обозначающие происходящее в советском государстве, то ли последствия модернизации в народной культуре, то ли явления, связанные с унификацией этнических признаков, то ли обозначающие вестернизацию⁴. Другим обстоятельством, вызывающим критику, была явно продиктованная вторичность термина традиционная этнография по отношению к этнографии современности, хотя, если исходить из понимания значения традиции в феноменах этнографии, правильно было бы считать наоборот.

В истории Российского этнографического музея (РЭМ) вопрос о важности изучения современности не поднимался специально только в дореволюционные годы и в первые раннесоветские. Причиной этому было не только отсутствие необходимой для того идеологической установки, но и характер народной культуры прошлого, которая с позиций нашего времени была современной по методам полевой работы и традиционной по большинству признаков, хотя нельзя не отметить, что антиномия дискурсов традиционности и современности свойственна объекту этнографической науки.

С начала 1930-х гг. требование отражения современности стало обязательным для экспозиционной работы музея, что, несомненно, было признаком диктата государственной идеологии. Просматриваются два периода подходов к решению проблемы: время создания «советских разделов» в монографических экспозициях (1930–1960-е гг. и его начальный этап – период отражения в экспозициях музея приемов отечественного конструктивизма середина 1920 – начало 1930-х гг.)⁵, и время создания экспозиций, представляющих модернизированную этническую культуру в метаэтническом срезе⁶. Между этими периодами можно выделить отрезок времени, отмеченный решениями Совещания 1939 г., возможно, указывающими на рубеж возникновения этнографической музеологии, и выходом статьи Е. Н. Студенецкой, сформулировавшей определение предмета этнографии современности, как перспективных явлений традиционной культуры⁷. Это определение, явно указывающее

на вероятностный характер объекта этнографии современности, является принципом неклассической науки наряду с переходом в экспонировании культуры этнографии современности к показу предметов культурного континуума, принадлежащего не одной этнической культуре, а представленного во многих.

С нашей точки зрения, противопоставление традиционной этнографии и этнографии современности, не ставшее особо актуальным в академической этнографической науке, и постоянно дебатированное в среде РЭМ, является проявлением обычного для науки XX–XXI вв. сочетания классических и неклассических принципов. К классическим относятся жесткость подходов (например, в определении характера основного фонда музея), монографический принцип фиксации, описания, изучения и презентации этнографических реалий, представление об этнической территории как неизменно воспроизводящемся пространстве, отсутствие исследований в диаспорной среде, определение музейно-этнографического предмета через набор категорий традиционности (материала, конструкции и т.д.). Классические подходы являются сильным фактором этнографической музеологии, в целом позволяющим осуществлять функцию музея как института сохранения этнокультурного наследия.

Неклассический подход указывает на неустоявшиеся явления культуры и на предметы неопределенного этнографического статуса, на предметы культуры, прошедшей модернизации, на маргинальные объекты, на исследование трансрегиональных культур и региональных полиэтнических комплексов, на изучение возникающих и исчезающих явлений и поиск путей фиксации этнографического факта вне объективированных предметов культуры. Их изучение ставит музей в положение института фиксатора актуальной реальности, но создает давление на исполнении функции сохранения традиционного наследия.

Обращение к неклассическим методам не является признаком текущего дня. Одним из показателей раннего обращения к ним, является история этнографии современности в музеологии. Другим – постоянное обращение к приемам регионального подхода, как в организации научной работы в РЭМ по региональному принципу или применявшиеся принципы научной регионалистики, например, кавказоведения. В последнем случае можно отметить участие музея в работе Северо-Кавказской экспедиции ГАИМ в 1920-х гг. и несколько раз повторявшиеся эпизоды строительства региональных экспозиций по Кавказу (конец 1930-х гг., начало 1980-х гг., 2010-е гг.).

Признано, что развивающейся науке свойственны признаки классического и неклассического подходов. Для этнографической музеологии такой синтез естественен в силу дупредметности научной направленности этнографических музеев: отражения (и неизбежной при этом реконструкции) категорий этнокультурного наследия, где господствуют приемы классической этнографии и парадигма ценности отдельной этнической культуры; отражения реалий этнокультуры современности, где необходимы методы неклассической науки. Сохранение культурного наследия и его социализация выступают приоритетной задачей этнографических музеев, решаемой, в основном, в рамках монографического подхода к комплектованию музейных коллекций и их экспозиционной презентации в монографических экспозициях, то есть в рамках парадигмы этноса как носителя отдельной самодостаточной локальной культуры. Так, в музеологии существует классическая этнография, позиции которой достаточно прочны для определения основного фонда этнографического музея. Отклонения от ее норм проявляются в подготовке временных выставок и частных собирательских программ, являясь вариациями музейной ортодоксии.

Многофункциональность музейного института проявляет себя в том поле, в котором ортодоксальные установки остаются доминирующими, но не могут являться единственными и исключительными, и этнографическому музею также важно синхронизироваться с теми процессами, которые происходят с этнической материей, с различными категориями культуры как общественного явления, с наукой и музейным делом. Это связано с позицией РЭМ как государственного музея, имеющего задачу отражения разнообразия этнических культур в рамках системы регионов, составляющей Россию в том этнокультурном формате, который оперирует пространством, в том числе и более широким, чем государственное.

---

¹ Лебедев С. А. Классическая, неклассическая и позднеклассическая методология науки//Гуманитарный вестник. 219. Вып 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx/doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-596> (Дата входа 4.09.2021).

² Пименов В. В. Этнографический факт//Этнографическое обозрение. 1990. № 3. С. 42–51.

³ Козьмин В. А. Полевая этнография. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-341621_1279 (Дата входа 5.09. 2021).

⁴ Юхнева Н. В. Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения//Советская этнография. 1975. № 1. С. 18–30; Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран//Советская этнография. 1967. № 5. С. 133–142; Современные

этнические процессы в СССР/Отв. Ред. Ю. В. Бромлей, М.: Наука, 1975. 543 с.; Этнография в странах социализма. Очерки развития/Отв. Ред. Ю. В. Бромлей, М.: Наука, 1975. 342 с.; Марков Г. Е. Советский образ жизни и проблемы этнографии//Советская этнография. 1976. № 2. С. 3–14; Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности//Советская этнография. 1977. № 1. С. 3–18.

⁵ Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20–30-х гг. XX в. //Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–81; Петряшин С. С. Соцреализм и этнография: Изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг.//Антропологический форум. 2018. № 39. С. 142–175.

⁶ Баранова И. И. Показ современности в государственном музее этнографии народов СССР [поиски и проблемы]//Советская этнография. 1981. № 2. С. 25–35; Баранов Д. А. «Приручение» традиции. Включение понятия традиция в нарратив о советском народе (по материалам ГМЭ народов СССР)// Антропологический форум. С. 351–366.

⁷ Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище//Советская этнография. 1948. № 4. С. 105–123.

UDC 001; 069.8

V. A. Dmitriev

Epistemology of Ethnographic Museology

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus and Central Asia, top-grade researcher, D. Sc. (History); dmitriev_home@mail.ru

The article examines the presence of signs of classical, non-classical and late-classical science in ethnographic museology. The conclusion is drawn about the correlation of ethnographic museology with the late-classical science and the combination of the principles of classical and non-classical science, as well as the inevitable (but not absolute) dominance of the approaches of classical science in museum activities.

Key words: science, epistemology, ethnographic museology, The Russian Museum of Ethnography.

И. И. Шангина

Этнографические экспонаты Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года в Москве: история комплектования и поступления в Российский этнографический музей

Шангина Изабелла Иосифовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук, профессор; iz.schangina@yandex.ru

В докладе рассказывается о собрании этнографических экспонатов Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве в 1923 г. и истории их передачи в Российский этнографический музей. Коллекция была скомплектована этнографами и краеведами для демонстрации бытового уклада народов Советского Союза. Экспонаты размещались в павильоне «Народный быт и домоводство», а также использовались для показа интерьеров традиционных жилищ разных народов страны, воссозданных на выставке в натуральную величину.

Ключевые слова: выставка, народный быт, сельское хозяйство, этнографические экспонаты, музейные собрания памятников культуры.

Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, с иностранным отделом, была организована по Постановлению ВЦИК от 9 марта 1922 г. и Постановлению Президиума ВЦИК от 20 октября 1922 г. Она работала с 19 августа по 21 октября 1923 г. на правом берегу Москвы-реки от Крымского моста до Нескучного сада, занимала территорию Нескучного сада и примыкающих к нему Воробьевых гор.

Правительство страны придавало выставке очень большое значение. Она должна была представить состояние сельского хозяйства, промышленности, кустарных промыслов Советской России¹, а также продемонстрировать особенности быта всех народов созданного в декабре 1922 г. Советского Союза. Такой «генеральный смотр» хозяйства страны, как считалось, необходимо было провести для того, чтобы со знанием ситуации приступить к задуманной

большевиками полной перестройке страны на новые социалистические начала². При этом преобразования должны были происходить не только в экономике, но и в народном быте, который был тесно связан с хозяйственной деятельностью людей и определял их мировоззрение³.

Концепция экспозиции, посвященной народному бытовому укладу, была разработана С.К. Чаяновым (1882–1963), ученым-агрономом, и этнографами Д.Т. Яновичем (1879–1940) и П.Е. Островских (1870–1940), а также прошла обсуждение на Всероссийском совещании представителей областных выставочных комитетов 5–7 марта 1923 г. и была утверждена президиумом ВЦИК⁴.

Концепция предполагала показ бытового уклада народов страны на примере подлинных предметов, расположенных в естественной обстановке. Для ее реализации было принято решение воссоздать на выставке в натуральную величину жилища разных народов, заполнив жилые и хозяйственные помещения подлинными предметами народного быта⁵. Стремление к показу подлинных памятников народной культуры объяснялось тем, что только они могут «явить без прикрас» подлинную картину быта народа на современном этапе развития страны⁶.

На выставке были воссозданы восемь традиционных усадеб русских крестьян, одна усадьба кубанских казаков и одна – украинских крестьян Полтавской губ. Рядом был построен кирпичный дом-коммуна со всеми хозяйственными постройками и мастерскими – жилище крестьян социалистического будущего. Эта экспозиция получила название «Деревня настоящего и деревня будущего». Жилища других народов страны – чувашей, татар, народов Северного Кавказа, ненцев, туркмен, узбеков, бурят и др. располагались около павильонов союзных и автономных республик. Подлинные этнографические памятники были также представлены в павильоне «Народный быт и домоводство».

Заведующим отделами и руководителем всех этнографических работ на выставке был назначен Д.Т. Янович. Отбор типичных жилищ и экспонатов для их заполнения проводился при активном участии этнографов, сотрудников центральных и местных музеев, а также краеведов во время экспедиций в апреле – июле 1923 г.

Сбор вещей для будущей выставки производился в ходе экспедиций. В Тверской и Ярославской губ. работали сотрудники русско-финского отделения Этнографического отдела Государственного Русского музея Д.А. Золотарев (1885–1935), Е.Э. Бломквист (1890–1956), Н.П. Гринкова (1895–1961). В Саратовской губ. сбор вещей возглавлял Б.М. Соколов (1889–1930), профессор Сара-

товского университета, директор Саратовского этнографического музея. В 1923 г. он с группой студентов в сопровождении фотографа и художника обследовал 25 русских, чувашских, мордовских и татарских сел. Для отдела «Народного быта и домоводства» ими было собрано 400 вещей памятников, отснято 200 фотографий и сделано 100 рисунков⁷.

Этнограф-кавказовед Е. И. Шиллинг (1892–1953), сотрудник Комитета по изучению языков и этнической культуры народностей Кавказа (в 1920–1924 гг.), собрал в Холмогорском у. Архангельской губ. коллекцию из 122 предметов, которые были помещены в интерьер старинной архангельской избы, построенной на выставке. В Пермском крае в подготовке к выставке принял участие А. К. Сыропятов (1882–1954), заведующий Пермским научно-промышленным и художественным музеями. В Пензенской губ. над сбором материала для выставки работала Н. И. Спрыгина (1880–1953), заведующая отделом археологии и этнографии Пензенского естественно-исторического музея (ныне Пензенский государственный краеведческий музей). В деревнях Городищенского и Новослободского у. она приобрела прекрасную коллекцию предметов быта мордвы (мокши и эрзи). Коллекция была признана «выдающейся по своей полноте и систематичности, создавшей прекрасную этнографическую картину края»⁸. Кроме Н. И. Спрыгиной мордовские экспонаты поступили на выставку также от мордовского этнографа, фольклориста, просветителя мордовского народа М. Е. Евсевьева (1864–1931), заведующего отделом Казанского краеведческого музея. Чувашский этнограф и фольклорист А. П. Прокопьев (Милли) (1894–1942) участвовал в сборе экспонатов для интерьера чувашского дома на выставке и для отдела «Народного быта и домоводства». Хата Полтавской губ. создавалась по рисункам и чертежам архитектора Л. З. Чериковера (1895–1964), уроженца Полтавы. В качестве консультантов к работе были привлечены профессор, историк Д. И. Багaley (1857–1932), профессор, Д. И. Эварницкий (Яворницкий; 1855–1940). В Белоруссии экспонаты для выставки собирали сотрудники организованного в 1922 г. Института белорусской культуры. Подбором экспонатов для выставки занимался также Н. В. Азбукин (1894–1943), один из главных организаторов краеведческого движения в Белоруссии, и А. А. Смолич (1891–1938), ученый в области сельского хозяйства, этнографии и картографии и др.

Экспонаты отбирались очень тщательно, по правилам, принятым в те годы в музеях. Каждый предмет имел легенду, в которой отмечалось его название, назначение, точное место бытования.

Если приобреталось орудие труда, то к нему прикладывалось описание процесса работы, в которой оно использовалось⁹.

Таким образом, все этнографические экспонаты Сельскохозяйственной выставки, собранные профессиональными этнографами, были подлинными памятниками и достаточно полно представляли предметный мир многих народов страны первой четверти XX в.

После закрытия выставки в октябре 1923 г. ее этнографическое собрание было фактически полностью передано в Центральный музей народоведения, организованный в 1924 г. Всего с выставки было передано около восьми тысяч вещей, фотографий, рисунков и моделей¹⁰. В 1934 г. Центральный музей народоведения был преобразован в Музей народов СССР, а в 1948 г. расформирован. Его коллекции были переданы в Российский этнографический музей, называвшийся в те годы Государственный музей этнографии. При регистрации московского собрания в 1950–1952 гг. предметы, поступившие с Сельскохозяйственной выставки, не были выделены в отдельную коллекцию, а включены в состав четырех коллекций, в которых были зарегистрированы экспонаты Музея народов СССР (№№ 8761, 8762, 8763, 8764). При этом во многих случаях, к сожалению, в легенду к экспонатам не всегда вписывалась информация о их принадлежности к Сельскохозяйственной выставке, как и сведений о каждом отдельном предмете. Однако архивные материалы, переданные из Музея народов СССР, а также архив Сельскохозяйственной выставки, находящийся сейчас в Москве, позволяют восстановить утраченные сведения и сделать эту коллекцию более информативной для этнографов.

---

¹ Положение о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, синостранным отделом//Материалы к Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. М., 1922. С. 7–8.

² Программа выставки // Там же. С. 25. С. 5, 6.

³ Троцкий Л. Д. Вопросы быта: Эпоха культурничества и ее задачи М., 1923; Золотарев Д. А. Вопросы изучения быта деревни СССР //Этнография. 1926. № 1–2. С. 10.

⁴ Доклад Д. Т. Яновича об отделе народного быта//Бюллетень Всероссийского совещания о сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Приложение к № 5 Бюллетеня Главного выставочного комитета № 5 от 10 марта 1923 г. М., 1923. С. 20–24.; Сборник программ отделов Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР. М., 1923. 21–25.

⁵ Общий каталог Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. М., 1923. С. 95–100; Первая сельскохозяйственная

и кустарно-промышленная выставка СССР. Спутник по выставке/Под общ. ред. А. П. Модестова. М., 1923. Кн.1. М., 1923. С. 109–110.

⁶ Янович Д. Т. Доклад об отделе народного быта//Бюллетень Всероссийского совещания о сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Приложение № 5 к Бюллетеню Главного выставочного комитета № 5 от 10 марта 1923 г. М., 1923. С. 20.

⁷ Соколов Б. Ю. По Петровскому уезду (из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году//Труды Нижне-Волжского Областного научного Общества краеведения. Этнографический сборник. Саратов, 1926. С. 7–21.

⁸ Ставицкий В. В. Из истории музея. Археолог, краевед, этнограф Спрыгина Н. И. //Интернет-источник. URL: <http://kraeved.museum-penza.ru/news/2014/03/4/17305186>

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 41–46.

UDC 39.69

I. I. Shanghina

The Ethnographic Exhibits of the All-Russia Agricultural and Handicraft-Industrial Exhibition in 1923 in Moscow: The History of Acquisition and Admission to The Russian Museum of Ethnography

Shanghina Izabella Iosiphovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, main research fellow, D. Sc. (History), professor; iz.schangina@yandex.ru

The article deals with the collection of ethnographic exhibits of the “All-Russian agricultural and handicraft-industrial exhibition» in Moscow, in August-September 1923, and the history of its transfer to the Russian Ethnographic Museum. Collection was compiled by ethnographers and local historians to demonstrate the way of life of the peoples of the Soviet Union. The exhibits were placed in the pavilion «People’s life and home economics», and were also used to show the interiors of traditional dwellings of various nations of the country, recreated at the exhibition in full size.

Key words: exhibition, folk life, agriculture, ethnographic exhibits, museum collections of cultural monuments.

А. Н. Копанева

История организации научного архива Государственного музея этнографии
(1935–1941)

Копанева Анна Николаевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), архив, научный сотрудник, хранитель; kopaneva@bk.ru

С начала работы Этнографического отдела Русского музея формировалось документальное собрание, составляющее основу современного архива Российского этнографического музея (РЭМ). Однако самостоятельным подразделением музея архив стал только в 1935 г., тогда же был назначен первый заведующий – А.Г. Данилин. Он видел свою задачу, с одной стороны, в разборе и описании уже имеющихся архивных фондов, с другой – в формировании научного архива на основе материалов сотрудников, прежде всего их научных трудов, отчетов о работе и экспедиционных поездках. А.Г. Данилиным был составлен «Аннотированный указатель фонда Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева», а также опубликованы некоторые документы из так называемых «собираТЕЛЬских дел». Во время Великой Отечественной войны система учета и хранения архива была нарушена, и разбор документов пришлось начинать заново. Тем не менее, в самом музее уже прочно закрепилось структурное подразделение «научный архив» и сформировалось понимание о необходимости хорошо организованного архивного научно-справочного аппарата.

Ключевые слова: история РЭМ, научный архив, архивное дело, А. Г. Данилин.

Собрание документов, составляющее основу современного архива Российского этнографического музея (РЭМ), начало складываться с первых месяцев деятельности Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ). Тогда же обозначились две главные точки сосредоточения материалов – канцелярия и библиотека. Формирование канцелярского архива было связано с отделением части делопроизводства ЭО от общей канцелярии Русского музея из-за большого объема и специфики корреспонденции. Переписка с фондообразователями концентрировалась в так называемых

«собираТЕЛЬских делах», многие из которых, несмотря на реорганизацию фондов архива в 1960–1970-х гг., дошли до нас в своем первоначальном виде. «СобираТЕЛЬские дела» составляют основу архивного фонда № 1 (документация музея до 1917 г.) и являются одним из основных источников по истории музейных коллекций.

Накопление архивных документов в библиотеке ЭО также началось с 1902 г. Первым подобным собранием были библиографические материалы по русской этнографии, переданные А. Н. Пыпиным «на условиях дальнейшей обработки их под наблюдением этнографического отдела Русского Музея»¹ и последующей публикации (в настоящее время – архивный фонд № 3). Следующим и наиболее значительным поступлением стали материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, переданные в музей в 1904 г. княгиней М. К. Тенишевой (архивный фонд № 7). Помимо этих двух комплексов, в библиотеку поступали рукописи научных трудов сотрудников и корреспондентов ЭО и некоторые отчеты о экспедиционных поездках. Уже в 1928 г. было принято решение «обязать сотрудников представлять в Отдел научные отчеты о командировках»². Все документы и рукописи регистрировались в инвентарной книге библиотеки, также для их учета была заведена специальная шифровая книга «Рукописи» (весной 1930 г. в ней значилось 38 номеров)³. Помимо канцелярии и библиотеки, архивные материалы накапливались и хранились на рабочих местах сотрудников.

Вопрос об организации в Русском музее архивов и/или отделений рукописей при библиотеках начинает обсуждаться в 1920-е гг. Принимаются различные решения, однако, по крайней мере, в ЭО они не реализуются. В 1928 г. в пятилетнем плане работы упоминается, что библиотекой «будет проведено выделение фондов для организуемого при Этнографическом Отделе отделения рисунков и рукописей (1929 г.)»⁴, но во время обследования архивных материалов, которое проводилось в ЭО в 1930 г. по запросу Центрального архивного управления РСФСР, такое отделение не упоминается. В акте обследования перечислены три комплекса документов: два («собираТЕЛЬские дела» и переписка по движению музейных коллекций, хранящихся в «комнате, смежной с кабинетом Заведующего Отделом»), и рукописи, хранящиеся в библиотеке⁵. Ситуация начала меняться только после 1934 г., когда ЭО стал самостоятельным учреждением – Государственным музеем этнографии. В 1935 г. была учреждена должность заведующего научным архивом и в октябре 1935 г. на эту должность был назначен Андрей Григорьевич Данилин⁶ – этнограф с широким кругом научных интересов, энергичный и деятельный человек. Говоря о его архивной

работе в музее, всегда следует помнить, что помимо этого, а также исследовательской деятельности, он выполнял многочисленные обязанности: заведовал научной инвентаризацией, был секретарем редакционно-издательского бюро, занимался разработкой планов экспозиций и совершал экспедиционные поездки⁷. В 1936 г. он писал в отчете: «Я встретил такое положение дела: для архива не было специального помещения, одни материалы были сложены (вернее свалены) в библиотеке, другие (в относительно порядке) расставлены в шкафах в кабинете ученого секретаря, регистрационные списки коллекций лежали в шкафах и на них, заполняя большую площадь. Предстояло, прежде всего, срочно организовать хранение материалов, затем приступить к разборке и систематизации. В течение летних месяцев в специально отведенном помещении установлены шкафы и построены стеллажи. На стеллажах размещены папки с коллекционными списками, в шкафах – рукописи архива. Следует отметить, что во время наводнения 1924 г. некоторые материалы сильно пострадали (были подмочены) и за последующие годы начали уже разрушаться, так как „хранились” просто в свальной куче»⁸. К ноябрю 1936 г. А. Г. Данилиным была составлена первичная опись «с краткими аннотациями и указанием местонахождения материалов», что сделало архив доступным «для научной разработки». Особое внимание он уделил научно-собирательской переписке музея с многочисленными корреспондентами, в которой видел ценный исторический источник, а также материалам «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева.

Тогда же был сделан еще один шаг к упорядочиванию комплектования архива материалами сотрудников: «В научном архиве постепенно собираются также рукописи научных сотрудников Музея, почему-либо не напечатанные. Специальным приказом дирекции было предложено сдать в архив рукописные материалы, находящиеся в отделах. При разборке этих материалов выявлены дополнительно научные работы в разной степени обработки – от путевых записей и дневников до законченных статей»⁹. В дальнейшем, после описания всех материалов архива, А. Г. Данилин предполагал издание «Аннотированного указателя Архива ГМЭ»: «Таким образом в научный обиход будут введены новые обширные и ценные источники»¹⁰.

Таким образом, первым заведующим были сформулированы и отчасти начали воплощаться в жизнь основные задачи научного архива музея: обеспечение сохранности материалов, их учет и описание, изучение и введение в научный оборот. В перспективе, по мысли А. Г. Данилина, архив должен был стать одним из «важных подсобных учреждений Музея».

В том же отчете он упоминает две публикации, в которых затронуты наиболее важные на тот момент направления архивной работы в музее. Во-первых, статью М. О. Косвена, посвященную выявлению архивных материалов по этнографии в Архиве Академии наук и других архивохранилищах¹¹, в ней автор предлагает организовать в журнале «Советская этнография» «особый, хотя бы небольшой, постоянный отдел, в котором публиковались бы архивные этнографические материалы»¹². Эта идея была реализована уже в № 4–5 за 1936 г., а первой публикацией в разделе «Из архива» стали подготовленные А. Г. Данилиным письма Н. Я. Марра к К. А. Иностранцеву¹³. Второй публикацией, привлечшей внимание, была статья А. А. Мансурова об организации источников изучения в краеведческих музеях¹⁴. Мнение А. А. Мансурова о необходимости существования в музее научного архива, в котором концентрировались бы прежде всего экспедиционные материалы сотрудников, об упорядочивании научных записей, своевременной передаче их в архив, составлении внятного и доступного научно-справочного аппарата, – было близко А. Г. Данилину.

В 1937 г. он начинает систематическое описание фонда «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Первые аннотации были составлены еще в 1936 г., теперь же А. Г. Данилин практически полностью сосредоточил свою архивную работу на этом фонде. К 1938 г. был готов «Аннотированный указатель к архивным материалам Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева» («рукопись 10 п[ечатных] л[истов]»), намеченный музеем к изданию¹⁵, которое, однако, не состоялось.

В 1938 г. А. Г. Данилин много работает над справками «о коллекциях, истории ГМЭ, экспозициях и т.п. Эти материалы потребовались особенно в большом количестве в связи с составлением очерка истории Музея для Нью-Йоркской выставки 1939 года»¹⁶. В дальнейшем доля архивной работы в его плане сокращалась, замещаясь другими обязанностями. В планах и отчетах за 1940–1941 гг. (до мая) архив не упоминается вообще¹⁷. Гибель А. Г. Данилина в блокадном Ленинграде и тяжелые военные условия привели фонды научного архива ГМЭ к состоянию едва ли не худшему, чем то, в котором застал их первый заведующий. «Система хранения архива... была нарушена»¹⁸, документы опять хранились в связках, специальное помещение отсутствовало, сотрудника, ответственного за архив не было, поэтому все необходимо было начинать сначала. Однако сохранилось главное – понимание необходимости хорошо организованного научного архива и наличие самого структурного подразделения «научный/научно-ведомственный» архив в музее.

В послевоенные годы разбором архивных материалов музея занимался научный сотрудник отдела Средней Азии Ю. В. Кноров. В 1953 г. ведение архива было поручено ученому секретарю музея П. И. Каралькину, в 1960 г. заведующим стал В. С. Бойков. Собрание архива продолжало пополняться, а в 1960–1970-е гг. было проведено фондирование – то есть описание и систематизация архивных материалов, составлены описи и сформирована система фондов, существующая до настоящего времени.

¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.

² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 132.

³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 35.

⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 148.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 32–35.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 39.

⁷ О нем см.: Арзютов Д. В., Данилина Л. А. Этнография этнографа: Андрей Григорьевич Данилин и его архивы//Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 274–325.

⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 565. Л. 39.

⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰ Там же. Л. 41.

¹¹ Косвен М. О. Об архивных материалах по этнографии СССР//Советская этнография. 1936. № 1. С. 132–135.

¹² Там же. С. 135.

¹³ Данилин А. Г. Два письма Н. Я. Марра (Из научного архива Государственного музея этнографии в Ленинграде)//Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 219–222.

¹⁴ Мансуров А. А. Организация источников изучения в краеведческих музеях//Советский музей. № 4. 1936. С. 43–51.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 14.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 658. Л. 92.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 19–21.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1095. Л. 8.

UDC 930.251; 930.253

A. N. Kopaneva

History of Establishment of the Archives of The
State Museum of Ethnography (1935–1941)

Kopaneva Anna Nicolaevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Special collections, curator of the archives; kopaneva@bk.ru

Since the foundation of The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum in 1902 it's been accumulating the documentary collection, that forms a basis of the Archives of The Russian Museum of Ethnography. Nonetheless, the Archives became a separate section of the museum only in 1935, also at the same time A. G. Danilin was appointed as a first head of that new department. From the one side, he considered his objective as an analysis and description of the present archive documents, but from the other side he aimed to create the Scientific Archives, consisting of documentary materials of the museum employers: scientific articles, reports on different tasks and expeditions. A. G. Danilin composed the «Annotated indexes to archival fonds of The Ethnographic Bureau of V. N. Tenishev» and also published some documents from so called “collector’s files”. During World War II the system of archival storage and stocktaking had been damaged and all works had to be started all over again. Despite those unfortunate events, the idea of the Scientific Archives had been already established as a general conception and there was a clear understanding that a well-organised archival inventories were most important.

Key words: history of The Russian Museum of Ethnography, the scientific archives, archival studies, A. G. Danilin.

Л. В. Королькова

Итоги атрибуции музейных коллекций
по этнографии финнов из поступлений
в Российский этнографический музей
1930-х годов

Королькова Людмила Валентиновна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник ведущей категории, кандидат исторических наук; korolkova@list.ru

В публикации рассматриваются итоги научной атрибуции коллекций, сформированных из предметов, поступивших в Российский этнографический музей в 1930-е гг. и зарегистрированных под № 5276 (финны), № 6816 (финны), № 6793 (финны), № 6796 (латыши). История их формирования до недавнего времени была не известна. Три последние из указанных коллекций были зарегистрированы в послевоенные годы с пометками: «от неизвестных собирателей», «выявленные в ходе инвентаризации 1951 г.». Сведения, необходимые для проведения атрибуции музейных предметов, были получены из архивных источников, публикаций Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛЮИКФУН) и в ходе исследования самих предметов, на которых сохранилась информация о местах их сбора. Благодаря этим материалам, автору удалось определить источники поступления музейных предметов и имена их собирателей.

Ключевые слова: музейные коллекции, полевые исследования, научная атрибуция, финские коллекции, литовские коллекции, Российский этнографический музей.

В публикации представлены итоги научной атрибуции коллекций, сформированных из предметов, которые поступили в Российский этнографический музей в 1930-е гг. и были зарегистрированы под № 5276 (финны), № 6385 (финны), № 6816 (финны), № 6793 (финны), № 6796 (латыши). Три последние коллекции были зарегистрированы в послевоенные годы с пометками: «от неизвестных собирателей», «выявленные в ходе инвентаризации 1951 г.»¹. История формирования перечисленных коллекций до недавнего времени была неизвестна, что и побудило автора к проведению

научного исследования, посвященного атрибуции этих музейных предметов. Сведения необходимые для проведения научной атрибуции, были получены из архивных источников (СПбФА РАН, ЦГАЛИ СПб, АРЭМ, ГРМ), публикаций Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (далее ЛОИКФУН), а также в ходе изучения музейных предметов, на которых сохранилась информация о местах сбора.

Благодаря этим материалам, автору удалось пролить свет на историю формирования финских коллекций. Было выяснено, что в их состав входят предметы, приобретенные во время экспедиций ЛОИКФУН и Ленинградского отделения общества изучения местного края (далее ЛОИМК), которые проводились с 1927 по 1929 г. в Колпинском, Куйвазовском, Мгинском и Парголовском р-нах Ленинградской обл. В соответствии с договором, заключенным между ЛОИКФУН и ЛОИМК, вещи, приобретенные во время полевых исследований, передавались на хранение в Музей северных окрестностей Ленинграда, а на сотрудников ЛОИКФУН возлагалось научное изучение памятников традиционной культуры².

После закрытия ЛОИКФУН (1931 г.), находившиеся в его распоряжении музейные предметы были переданы в Этнографический отдел Русского музея (далее ЭО РМ)³. Они были зарегистрированы в коллекции № 5276. Остальная часть этнографического собрания, приобретенная при посредничестве ЛОИМК, оставалась на тот период времени в Музее северных окрестностей Ленинграда. Известно, что положение музея к тому времени стало критическим – отсутствовали субсидии из госбюджета на его содержание, не было подходящего помещения для размещения экспонатов. Остро стала ощущаться возможность ликвидации детища ЛОИМК⁴.

Осенью 1931 г. руководством Пригородного р-на было принято решение о передаче коллекций Музея северных окрестностей Ленинграда во вновь создаваемый Музей Пригородного района⁵. Акт о передаче предметов был составлен 25 января 1932 г.⁶ В этом музее этнографическое собрание находилось до 1934 г., в то время его возглавляла Е. Р. Лепер⁷. Преемником Музея Пригородного района должен был стать Политический музей Выборгского р-на Ленинграда. Согласно концепции его создания, новое учреждение культуры должно стать «опорным пунктом агитации и пропаганды» и «занять свое место на фронте классовой борьбы и социалистического строительства»⁸. Таким образом, этнографическое собрание оказалось «непрофильным». Где находились коллекции по этнографии финнов с 1934 по 1937 г. пока не выяснено.

Но, как показало наше исследование, в 1937 г. они уже были в Государственном музее этнографии (далее ГМЭ). Это удалось вы-

яснить после детального изучения коллекции № 6385, поступившей согласно заголовку коллекционной описи в качестве дара из Детскосельского музея⁹. Поиск в архиве РЭМ информации, освещающей историю поступления и формирования этой коллекции, результатов не дал. После детального изучения опубликованных полевых отчетов ЛОИКФУН¹⁰ появились первые свидетельства того, что РЭМ стал преемником этнографического собрания Музея северных окрестностей Ленинграда.

Пролить свет на эту ситуацию помогли материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ). В документах ЛОИМК был обнаружен список этнографического собрания Музея северных окрестностей Ленинграда и список приобретений, сделанных в экспедиции¹¹. Изучение их состава, краткого описания и сопоставление с предметами из коллекции Российского этнографического музея (далее РЭМ) № 6385 показало, что зарегистрированные в этой коллекции вещи являются частью приобретений, сделанных ЛОИМК и ЛОИКФУН в период 1927–1929 гг.

Также в ходе атрибуции было определено, что 7 фибул, зарегистрированных в послевоенные годы в коллекции № 6796 как латышские, являются по типу финскими, типичными для Карельского перешейка. На двух из них сохранились бирки с пометами сбора: д. Рандолово, д. Химакколово (владелец – Мария Нуя). Эти фибулы также указаны в перечне экспедиционных поступлений 1928 г. Одновременно с атрибуцией музейных предметов по финской этнографии было проведено исследование по выявлению источников поступления финских коллекций. В результате чего были получены сведения об экспедициях, подготовленных и осуществленных ЛОИКФУН и ЛОИМК, и о составе их участников (собрателей).

Первая экспедиция ЛОИКФУН, осуществленная с целью систематического изучения занятий и промыслов, культуры и быта финнов-эврейсов, а также сбора предметов крестьянского хозяйства для Музея северных окрестностей Ленинграда¹², была проведена на территории Куйвазовского и Парголово р-нов (дд. Кузьмолово, Лупполово, Морозомяки, Рандолово, Сепеленмяки, Таскумяки, Токсово) в период с 8 по 23 сентября 1927 г. В ней приняли участие студентки географического факультета Ленинградского Государственного университета Е. Р. Лепер, М. Д. Торэн и член ЛОИМК Е. П. Шенк¹³. Во время этой экспедиции особое внимание этнографов было уделено изучению народного ткачества. Ими была собрана небольшая, но ценная коллекция образцов ткани домашнего изготовления¹⁴.

Также в октябре 1927 г. состоялась поездка к финнам-эврейсам Куйвазовского р-на председателя ЛОИКФУН В. А. Егорова. Он посетил дд. Вуолы, Гарболово, Куйвази, Лесколово, Лехтуси, Матокса. Значительную помощь в поиске информантов ему оказали местные учителя Н. С. и А. С. Тигонен. В ходе полевых исследований была собрана первая коллекция по этнографии финнов¹⁵.

Следующие экспедиции, организованные ЛОИКФУН и ЛОИМК на финско-ладожском перешейке, ставили своей целью изучение корзиночного промысла, рыболовства, молочного хозяйства, овцеводства и ткачества финнов Куйвазовского р-на (1928 г.)¹⁶. Они были осуществлены в период с 18 июня по 10 июля (В. А. Егоров, А. С. Тигонен) и с 30 июля по 2 августа 1928 г. (Е. Р. Лепер, М. Д. Торэн, Е. П. Шенк). Первый отряд обследовал дд.: Большое Суоелово, Верхние Никулясы, Вуолеярви, Вуолы, Коркино, Матокса, Нижние Никулясы, Рагозинка, Салокюля, Тозерово. Для музея тогда было приобретено 90 образцов ткачества и вязания¹⁷. Эти материалы после закрытия в 1931 г. ЛОИКФУН поступили в ЭО РМ и были зарегистрированы в коллекции № 5276¹⁸.

Исследования второго отряда проводились в поселениях Койвокюля, Лесколово, Лехтуси, Токсово. Они финансировались из бюджета ЛОИМК. Сотрудники экспедиции изучали молочное хозяйство, овцеводство и ткачество финнов-эврейсов. За время работы отряда было приобретено 80 предметов музейного значения (список этих предметов составлен М. Д. Торэн 22.10.1928)¹⁹. Собранная коллекция состояла из хозяйственной утвари, сельскохозяйственных орудий, предметов ткачества, одежды и пр. Все эти вещи поступили в Музей северных окрестностей Ленинграда, в отдел деревни²⁰. В настоящее время часть этих вещей входит в состав коллекции РЭМ (№ 5276 и № 6793).

Также в 1928 г. ЛОИКФУН предприняла полевое обследование финского населения, проживавшего на территории южных р-нов Ленинградской обл.: Детскосельского, Колпинского, Мгинского. Первый отряд (Г. А. Пидотти, Л. А. Творогов) с 20 августа по 20 сентября проводил обследование населенных пунктов Колпинского и Мгинского р-нов: Белово, Келколово, Лагита, Майдухта, Нечеперь, Нечеперт-Жоржино, Новая Деревня, Пендиково, Поляны, Старая Мельница, Хандрово. В этих деревнях собирался материал по финскому ткачеству и традиционной одежде. Было приобретено 7 плетеных изделий из осинового стружки (местный промысел д. Нечеперь-Жоржино) и 176 образцов вязания и домотканины XVIII – начала XX в.²¹ Значительное количество предметов из этой экспедиции было передано в ЭО РМ еще в 1931 г. (кол. № 5276)²².

Экспедиционные выезды в Детскосельский р-н Ленинградской обл. были осуществлены сотрудником ЭО РМ, членом ЛОИКФУН Г. А. Пидотти.

В период с 3 по 4 октября 1928 г. и с 20 по 25 мая 1929 г. он изучал финское и русское гончарство в дд. Горка и Каушта. Здесь он приобрел для музея коллекцию гончарных изделий (25 предметов): миски, горшки, судки, вазу и пр.²³ Отдельные предметы из этой коллекции вместе с другими экспонатами в 1931 г. были переданы в ЭО РМ (кол. № 5276)²⁴.

В 1929 г. ЛОИКФУН и ЛОИМК продолжили исследования северных окраин Ленинграда. Полевые исследования и сбор вещевого материала проводились в Куйвазовском и Парголовском р-нах Ленинградской обл. Первая экспедиция этого года работала в деревнях, расположенных на территории Елизаветинского и Лемболовского сельских советов (дд. Керро, Лемболово, Ненимяки, Рогосары, Ховимяки). Она проходила в два этапа. С 6 по 11 июня и с 27 июня по 10 июля. Участниками экспедиции были член ЛОИМК Е. С. Тигонен и А. С. Тигонен²⁵. Они целенаправленно собирали материал по ткачеству финнов-эврейсов. Из поездки были привезены полевые записи, предметы музейного значения и альбом с 33 образцами тканей домашнего изготовления²⁶. Часть этих образцов поступила в 1931 г. в ЭО РМ и была зарегистрирована в коллекции № 5276.

В июле-августе и в конце сентября 1929 г. ЛОИМК провело масштабную исследовательскую полевую работу на территории Куйвазовского, Парголовского, Токсовского, Химикалловского и части Рондоловского сельских советов Куйвазовского и Парголовского р-нов Ленинградской обл. Этнографические исследования проводили Е. Р. Лепер и М. Д. Торэн²⁷. На первом этапе работы было снято около 350 негативов, собран материал по земледелию, молочному хозяйству, народному ткачеству, одежде²⁸. На втором — сделано около 60 фотоснимков и приобретено 150 предметов: хозяйственная утварь, старинные сельскохозяйственные орудия, предметы прядения и ткачества, костюм пастушка²⁹. Все эти вещи были доставлены в Музей северных окрестностей Ленинграда³⁰. В июле-августе того же года членом ЛОИМК Я. Я. Ленсу был принят рекогносцировочный выезд в деревни финнов-эврейсов Ленинского, Куйвазовского и Парголовского р-нов³¹. В дд. Вуолеярви, Кузьмоллово и Лупполово он приобрел образцы домотканины³². Часть предметов из этого экспедиционного поступления в настоящее время входит в состав финских коллекций РЭМ (№ 5276, 6385, 6793, 6796).

Представленный в данной публикации материал является завершающим этапом работы автора по научной атрибуции недостаточно аннотированных финских коллекций РЭМ. Ранее была проведена атрибуция предметов, поступивших в ГМЭ в 1940 г. из г. Сортавала. Таким образом, все имеющиеся в собрании РЭМ предметы по этнографии финнов из поступлений 1930-х гг. могут быть соотнесены с конкретной экспедицией и собирателем, а в ряде случаев и с владельцем вещи. Работа по составлению научных паспортов на эти предметы была начата несколько лет назад. Поскольку объем финских коллекций довольно значителен, научная паспортизация всех музейных вещей, собранных ЛОИКФУН и ЛОИМК, может занять не одно десятилетие.

¹ Описи кол. РЭМ № 5276, 63385, 6816, 6793, 6796.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 44. Л. 37; Д. 46. Л. 1, 20.

³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1; Рукописный фонд ГРМ. Фонд ГРМ (1). Оп. 864. Л. 75.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 91. Л. 6, 12.

⁵ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81. Л. 113, 113об., 129.

⁶ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 154. Л. 10.

⁷ СПФ РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 310 (1932). Л. 113.

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

⁹ Опись кол. № 6385. Л. 1.

¹⁰ Королькова Л. В. Ленинградское Общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Дела и люди//IN SITU (к 85-летию профессора А. Д. Столяра). СПб., 2006. С. 421–432.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 154. Л. 10–16; Ф. 296. Оп. 1. Д. 44. Л. 26, 26об.

¹² Там же. Л. 8об.

¹³ Там же. Л. 30об.

¹⁴ Там же. Л. 8об.

¹⁵ Егоров В. А. Эвремейсы Лесколовского сельсовета. Из поездки 1927 г.// Исследования и материалы по финноугроведению: Сборник ЛОИКФУН. Л., 1929. С. 31–32.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81. Л. 102; Д. 44. Л. 16об; Егоров В. А. Экспедиция ЛОИКФУН в Ленинградский округ//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 1. С. 13.

¹⁷ О работе Е. Р. Лепер и М. Д. Торэн в Лехтусском с/с Куйвазовского района с 30 июня по 2 августа 1928 г.//Бюллетень ЛОИКФУН. Л., 1928. Вып. 1. С. 13–14.; Егоров В. А. Работа Никуляского отряда//Бюллетень ЛОИКФУН. Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 2. С. 15–18.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 44. Л. 26, 26об.; Д. 70. Л. 4; Лепер Е. Р., Торэн М. Д. Работа Койвокольского отряда//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 3. С. 16–17.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.

²¹ Творогов Л. А. Работа Мгинского отряда//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 2. С. 18–19; Он же. Собрание образцов мгинской домотканины//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 3. С. 19–21; Он же. К истории одежды и ткачества Мгинского края//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 4. С. 20–23.

²² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

²³ Пидотти Г. А. Финны-гончары деревни Горка//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 4. С. 19–20; Егоров В. А. Экспедиция ЛОИКФУН в Ленинградский округ. Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 1. С. 13–14; Он же. Экспедиционные работы ЛОИКФУН в 1929 г.//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 3. С. 1.

²⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 39. Л. 95; Тигонен А. С. Работа Лембовского отряда. 1929 г.//Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты докладов и хроника работы. Л., 1929. Вып. 3. С. 3–4.

²⁶ СПФ РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 310 (1932). Л. 113.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81. Л. 50–53; Лепер Е. Р., Торэн М. Д. Указ. соч. С. 16–18.

²⁸ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81. Л. 53об.

²⁹ Там же. 296. Оп. 1. Д. 80. Л. 42.

³⁰ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81. Л. 39; Д. 80. Л. 42.

³¹ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 39. Л. 131; Д. 80. Л. 34об; Д. 70. Л. 4.

³² Опись коллекции РЭМ. № 6793.

UDC 168.522; 069.424

L. V. Korol'kova

The Results of the Attribution of the Finnish and the Latvian Collections from Acquisitions to The Russian Museum of Ethnography in the 1930s.

Korol'kova Liudmila Valentinovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of the North-Western Russia and Baltic Region, research fellow of leading category, Ph. D. (History); korolkoval@list.ru

The publication examines the results of the scientific attribution of collections formed from objects received by the Russian Ethnographic Museum in the 1930s and registered under numbers 5276 (Finns), 6816 (Finns), 6793 (Finns), 6796 (Latvians).

The history of their formation was unknown until recently. The last three of these collections were registered in the post-war years with the note «from unknown collectors», «identified during the inventory of 1951». The information necessary for attribution of museum items was obtained from archival sources, publications of the Leningrad Society of Researchers of the Culture of Finno-Ugric Nations (LOIKFUN) and during the study of the items themselves, on which information about the places of their collection was preserved. Thanks to these materials, the author was able to determine the sources of acquisitions to the museum and their collectors.

Key words: museum collections, field research, scientific attribution, the Finnish collections, the Latvian collections, The Russian Museum of Ethnography.

А. А. Заньковская

Определение этнической принадлежности музейного памятника на примере ложки арбалета из карельской коллекции Российского этнографического музея

Заньковская Анастасия Анатольевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник; anastasiaethnomuseum@yandex.ru

В докладе на примере ложки арбалета из карельской коллекции Российского этнографического музея автором рассматриваются вопросы атрибуции этнографических памятников: определение этнической принадлежности в тех случаях, когда предметы изначально изготовлены или бытовали в среде другого народа.

Ключевые слова: этнографический артефакт, атрибуция, этническая принадлежность, карельская коллекция, арбалет, охота.

При атрибуции этнографических музейных предметов большое значение имеет место бытования и происхождение памятника. В Российском этнографическом музее (РЭМ) при регистрации и составлении научного паспорта этническая принадлежность предмета определяется, в первую очередь, по месту его бытования. В «Системе научного описания...»¹ в разделе «Этническая принадлежность» утверждается, что в соответствующую графу «записывается название народа, в среде которого данный памятник бытовал до поступления в музей... В случаях, когда памятник изготовлен в среде другого этноса, эта информация фиксируется в поле № 24 „Изготовление” подполе „История”»². При этом очевидно, что в условиях постоянного взаимовлияния соседствующих народов процесс товарного и культурного обмена происходил непрерывно, и случаев бытования предметов, изготовленных представителями другой этнической общности, довольно много. В докладе рассмотрим один из таких предметов, относящийся к карельской коллекции по месту бытования и являющийся самским по традиции изготовления и употребления.

С 1913 по 1916 г. корреспондент Этнографического отдела Русского музея императора Александра III Алексей Алексеевич Иванов собрал в северных областях Карелии, в Кемском у. Архангельской обл. пять коллекций, насчитывающих 91 музейный предмет (сохранились 74 номера). Коллекции содержат предметы и комплексы, отражающие различные стороны традиционной культуры северных карел. А. А. Иванову удалось привезти старобрядческие книги и записи песен, костюмы, предметы рыболовства, охоты, рукоделия, музыкальные инструменты и т.д. Среди них выделяется один экземпляр из коллекции № 3627, собранной А. А. Ивановым в 1914 г. и зарегистрированной Л. Л. Капицей. Описание предмета следующее: «3627–7, *a*, *b*. Приклад (*a*) от старинного лука «ёужи», березовый, некрашенный, общ. длиной 80 см, на нижнем конце по обеим сторонам вставлены костяные пластинки с резным геометрическим орнаментом. (*b*) – подставка к луку, железная, на двух колесиках. Архангельская губ., Кемский у., с. Логоварака. Карелья».

Рассматриваемый предмет является ложей арбалета. К сожалению, нам пока не удалось найти примеры карельских «ёужи». В РЭМ хранятся еще две аналогичных ложи, относящиеся к русским коллекциям. Территориально они также относятся к Кемскому у. Архангельской губ. и тоже имеют костяные накладки с резным геометрическим орнаментом. Однако, при обращении к базам данных финских музеев был обнаружен ряд предметов, называющихся «varsijousi» или «jalkajousi» – ручной арбалет или ножной арбалет. В Национальном музее Финляндии, Музее охоты Финляндии и в др. хранятся похожие ложи, а также целые укомплектованные арбалеты³. Предметы датируются местными хранителями XVII–XIX вв. В экспозиции Национального музея Финляндии, в разделе, посвященном саамам, среди других предметов охоты демонстрируется аналогичный арбалет.

Деревянная ложа из карельской коллекции РЭМ имеет костяные накладки, а точнее, накладки из оленьего рога, об этом говорит структура материала: на торцевом срезе которого заметен пористый слой, характерный для внутреннего слоя рога северного оленя. Роговые накладки украшены резным геометрическим орнаментом в виде зигзагообразных полос, обрамленных прямыми линиями, а также тремя косыми крестами и одним прямым, поверхностно вырезанным, практически процарапанным. Косые кресты заключены в квадратные поля, расположенные симметрично, в четвертом поле крест отсутствует. Характер резьбы говорит о непрофессиональном изготовителе данного оружия, а использование оленьего рога в отделке подразумевает доступность

данного материала. Кемский у., откуда был привезен данный предмет, граничил с Улеаборгской губ. Великого княжества Финляндского. Северную часть губернии населяли саамы, основными занятиями которых, как известно, были оленеводство и охота. Кажется вероятным заимствование или приобретение у них данного оружия. Еще одним фактом, подтверждающим «саамскую» идею его происхождения, является вторая составляющая музейного предмета, часть «в», именуемая в описи как «подставка к луку, железная, на двух колесиках». Абсолютно совпадающие по описанию предметы присутствуют в коллекциях музеев Финляндии вместе с аналогичными арбалетами⁴, а также отдельно от них⁵. «Подставка» оказывается частью так называемого «Самсонова пояса» – приспособления для натягивания тетивы арбалета, известного уже с XVI в. Металлическая деталь состоит из двух крюков и двух роликов. Сквозь ролики пропускается веревка, которая соединяет их с поясом, а крюки цепляются за тетиву и натягивают ее в то время, как охотник распрямляет согнутую ногу, вставленную в кольцо посередине дуги арбалета. Почему корреспондент охарактеризовал эту деталь как «подставку на колесиках»? Очевидно, что во время приобретения предмета А. А. Иванов записал легенду, рассказанную владельцем. А поскольку приклад «старинный», то, вероятно, уже и сами владельцы не могли правильно атрибутировать дополнительную металлическую часть.

Использование саамами арбалетов для охоты известно по упоминаниям авторов начиная с XVI в. К этому времени в Западной Европе арбалет перешел из разряда военного оружия к оружию охотничьему. У военных к этому времени арбалет потеснило первое огнестрельное оружие – аркебуза. В своем произведении «Лаппония» Иоанн Шеффер цитирует другого автора Олафа Магнуса, его произведение «История северных народов» (1555 г.), где упоминается об использовании оленьего рога мастерами луков: «Перечисляя все выгоды, извлекаемые лопарями из оленей, Магнус говорит: „Оленьи кости и рога охотой вымениваются у них мастерами луков и самострелов”»⁶. Из настоящего утверждения видно, что изготовлением арбалетов занимались мастера, специализирующиеся на этом виде оружия. То есть саамы вероятнее всего покупали арбалеты, поэтому позволить их приобрести могли только состоятельные представители этноса. Там же автор упоминает о том, что арбалетов у лопарей мало, и, в основном, они используют для охоты самодельные легкие луки.

Далее Шеффер уточняет, какие именно луки украшались деталями из оленьего рога: «...на самом же деле Олаф Магнус имел в виду совсем другого рода луки, снабженные ложем для вкла-

дывания дротика, известные у немцев под названием Armbrust, а у французов arbalestre. Несомненно, что и они делаются не из кости, а только вышеупомянутое ложе и рукоятки, украшаются в европейских странах слоновой костью, перламутром и т.п., вместо чего в северных странах лучники (мастера луков) пользуются иногда и оленьей костью...»⁷ Также упоминает И. Шеффер и рассматривавшееся нами приспособление для натяжения тетивы: «Кроме описанных нами простых луков, за последнее время появились в Лапландии и арбалеты, для которых в качестве приспособления используется железный крюк с кольцом, упираясь в которое ногою, изо всех сил натягивают тетиву, зацепляя ее за курок, который потом спускается при стрельбе»⁸. В книге имеется изображение лопаря на лыжах с арбалетом через плечо. Известно, что арбалет является оружием преимущественно западноевропейским. Поэтому и распространенность использования арбалетов среди саамов, скорее всего, была значительнее на территориях, граничащих с западноевропейскими государствами. Карелы всегда славились как отличные стрелки, охотники. Но появление огнестрельного оружия со временем вытеснило использование луков и арбалетов и в практике охотников. Популярность же использования тяжелого дорогостоящего оружия среди крестьянского населения Карелии для охоты нуждается в дальнейшем исследовании.

¹ Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология/Под ред. И. В. Дубова, И. И. Шангиной. СПб., 2003.

² Там же. С. 25.

³ URL: <https://www.finna.fi/Search/Results?lookfor=>jalkajouset&type=Subject>

⁴ URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.0B3808B359645ED042D91FA8FEE9C9B4>

⁵ URL: <https://www.finna.fi/Record/metsastysmuseum.knp-45184>

⁶ Шеффер И. Лапония. 1673 г. Гл. XX. Об оружии и охотничьем снаряжении лопарей. URL: <http://www.saami.su/lapponiya-sheffer-ioann/56-glava-xx-ob-oruzhii-i-okhotnicchem-snaryazhenii-loparej.html>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

A. A. Zankovskaya

Attribution of Ethnicity of a Museum Item
on the Example of a Crossbow Stock
from the Karelian Collection of The Russian
Museum of Ethnography

Zankovskaya Anastasia Anatolievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of North-West Russia and Baltic Region, research fellow; anastasiaethnomuseum@yandex.ru

Using the example of the crossbow stock from the Karelian collection of the Russian Museum of Ethnography, the article examines the attribution of ethnographic artifacts: the attribution of ethnicity in cases where the objects were originally made or existed among another people.

Key words: museum attribution, ethnographic artifacts, ethnicity, the Karelian collection, crossbow, hunting.

Н. Е. Плаксина

Старообрядческие резные «Голгофы»
Пижемского религиозного центра
в музейных собраниях России¹

Плаксина Наталия Евгеньевна, Национальная галерея Республики Коми (Сыктывкар, Республика Коми), главный научный сотрудник; nplaks@mail.ru

В докладе рассматриваются примеры выявления и атрибуции деревянной резной пластики с изображением Голгофского креста Пижемского старообрядческого центра (современный Усть-Цилемский р-н Республики Коми) в музейных собраниях Российской Федерации – Пермском краеведческом музее, Государственном Русском музее, Соликамском краеведческом музее.

Ключевые слова: старообрядческое искусство, деревянная резная пластика, Крест Голгофский, Великопоженский скит.

В последние десятилетия исследователи существенно продвинулись в изучении и атрибуции старообрядческой резной пластики с изображением Голгофского креста. Внимание, преимущественно, привлекают произведения Выговского религиозного центра², широко представленные в музейных собраниях РФ, что дает возможность с определенной долей уверенности определять памятники этого круга. Вместе с тем, сохранилось немало предметов резной пластики, не относящихся к Выговскому центру, которые за редким исключением не имеют региональной привязки. Актуальной задачей остается систематизация памятников по визуальным признакам и их сопоставление с уже атрибутированными артефактами. Подобная работа проведена и связана с относительно недавно выделенной и описанной группой произведений так называемого (по терминологии Т. И. Дроновой) Пижемского религиозного центра XVIII – начала XX в., который своим происхождением соотносится с деятельностью крупного центра старообрядцев поморского даниловского согласия Великопоженского скита на реке Пижме (притоке Печоры, территории современного Усть-Цилемского р-на Республики Коми, в прошлом Мезенского, затем Печорского у. Архангельской губ.)³.

Пижемские резные «Голгофы» были выявлены не только на территории Республики Коми, но и в собраниях ряда музеев РФ. Полученные результаты систематизированы в виде каталога⁴, который может стать инструментом в атрибуции старообрядческой пластики Нижней Печоры в других музейных и частных собраниях. В рамках данного доклада мы остановимся на нескольких примерах атрибуции памятников из музеев РФ, на момент исследования не имеющих определения или определенных на уровне крупного географического региона.

Одним из самых значимых результатов стало обнаружение пижемской иконы «Крест Голгофский» в собрании Пермского краеведческого музея (XVIII в.; дерево: береза; резьба рельефная; краска: сурик; 18,8 x 10,5 x 1,7; ПОКМ 10259/71). Икона поступила в музей до 1930 г. Обстоятельства поступления не известны. Этот артефакт позволил доказать связь пижемских резных «Голгоф» с погребальным обрядом. До недавнего времени первоначальная функция подобных предметов, и по сей день бытующих в Усть-Цилемском р-не в качестве моленных образов, была не ясна и не связывалась с установкой на надгильных сооружениях⁵. На оборотной стороне иконы из собрания ПКМ имеется надпись зелеными чернилами в семь строк: «Дер.Скитская//по р. Пижда//Староверское//кладбище// оттуда же// 2 креста деревянные».

Как известно, д. Скитская была образована на месте Великопоженского скита, закрытого в середине XIX в. Икона из собрания ПКМ отличается небольшими размерами и вытянутыми пропорциями, что может быть связано с ее предназначением – размещением на надгильном сооружении. Иконография относится к типу «крест под аркой». Присутствуют все типичные для пижемской пластики визуальные признаки, в том числе характерный рисунок наконечников орудий Страстей (копье в виде граненого треугольника, губка трости в форме прямого четырехконечного креста с выемками внутри лопастей), расположение аббревиатур в строго определенной последовательности, горизонтальная перемычка в букве «Х» в теонимограмме Христа и самый яркий признак – мотив крина в верхних углах над аркой в виде вытянутого заостренного центрального лепестка, обрамленного по сторонам трилистниками. Арка имеет форму массивной дуги, декорированной ярусами треугольных и округлых выемок, и покоится на столбиках из чередующихся овальных и круглых бусин, расположенных на базах в виде сдвоенных волют. Титла присутствует над каждой буквой акронимов: «КТПВ», «ИВТС». Буквы «А» и «Л» – с засечками. Широкая рамка-киот отсутствует, высокий бортик обведен красно-оранжевой краской. Красно-оранжевый цвет присутствует также в контурах

креста, в углублениях между буквами криптограмм, в резьбе арки и Голгофского холма. По всей видимости, в окраске иконы использован сурик. Как показало изучение пигментного состава красок другой иконы Пижемского центра «Крест Голгофский» (НГРК КП 2510), проведенное И. С. Астаховой и С. В. Соколовым в Центре коллективного пользования «Геонаука» Института геологии КНЦ УрО РАН, в качестве красного пигмента использовался сурик⁶. Из письменных источников известно, что в конце XVIII в. великопоженцы получали сурик с верховьев Печоры. Так, в своем письме от 2 июля 1794 г. житель Усть-Волосницкого скита Диомид Ломаев сообщает в Великопоженский скит, что наряду с другими товарами послал «толченого сурику полтора фунта»⁷.

К произведениям Пижемского религиозного центра, на наш взгляд, относится также икона «Крест Голгофский» из собрания Государственного Русского музея (XVIII в.; дерево; резьба рельефная; краска, живопись; 33,5 x 25 x 2,5; ГРМ ДРД-227). Икона была опубликована А. А. Бобринским как произведение XVIII в., без региональной привязки⁸. С иконой из собрания ПКМ ее роднит, помимо вышеназванных традиционных признаков пижемской пластики, декоративное решение арочной дуги с треугольными и полукруглыми насечками, идентичное решение основания колонн, засечки со свисающим «козырьком» в буквах «А» и «Л», отсутствие широкой рамки-киота. Живопись фигуры распятого Христа является более поздним поновлением образа. Икона происходит из собрания В. В. Верещагина, более раннее ее бытование не известно.

Еще одна пижемская икона была выявлена в собрании Соликамского краеведческого музея (СКМ-4330). В музейной документации местом ее создания называется «Пермская или Архангельская губерния». Икона представляет более распространенный на Пижме тип иконографии – крест на свободном поле. Присутствуют все основные признаки пластики Пижемского центра. Живопись более поздняя, выполнена масляной краской поверх первоначальной окраски. Изображен распятый Христос в терновом венце, на верхнем конце креста – полуфигура Саваофа в облаках, а ниже, на малой горизонтальной перекладине – акроним «ИИЦ»; слева и справа на большой горизонтальной перекладине креста – Богородица и апостол Иоанн Богослов. Фон выкрашен в темно-синий цвет с розовой полосой у нарисованного позема, поля окрашены в желтый цвет. По сведениям сдатчика, икона происходит из некоего Нырбского скита.

Запись может быть атрибутирована серединой – второй половиной XIX в., и, вероятно, была выполнена неизвестным иконописцем официальной церкви на территории позднего бытования иконы в Пермском крае

Известно, что оформление старообрядческих центров по р. Колве происходило под непосредственным влиянием Великопоженского скита⁹. В преданиях жителей древнейшего колвинского поселения Искора, находящегося недалеко от Ныроба, сохранилась история рода Пешехоновых, тесно связанного с Великопоженским скитом. По легенде, один из представителей этого рода – Доментий Козмич Пешехонов – удалился в Великопоженский скит, был одним из двух скитников, которые не пошли на самоожжение в 1743 г.; отправившись на р. Щугор, он обосновался в скиту в ее верховьях, а когда стал «слаб здоровьем», выехал оттуда и поселился в деревушке Усть-Щугор¹⁰. Якобы полученные от великопоженцев перед самоожжением деньги он завещал своим сыновьям на строительство каменной церкви в Искоре¹¹.

Имя Доментия Пешехонова упоминается в допросных речах по следствию о Великопоженской гари 1743 г.: бергаул Леонтий Кириллов сообщил, что Д. Пешехонов «по все годы в Пустозерский острог ходил по Печоре реке с хлебом на каюках, а в той скит от чего приехал, он не знает»¹². В Усть-Цилемском собрании рукописей Пушкинского Дома имеется происходящая из д. Филипповской, расположенной на р. Цильме, Минея Праздничная первой трети XVIII в., имеющая владельческую надпись: «сия книга, глаголемая праздники... села Искора крестьянина Дементия Кузмича сына Пешехонова, а подписал внук его Ларион»¹³. О значительном влиянии Великопоженского скита на Верхней Колве в первой половине XIX в. свидетельствуют опубликованные Г. Н. Чагиным материалы дела Чердынского уездного суда по обвинению крестьянина с. Мылома Усть-Сысольского у. Стефана Пыстина, посланного в 1830-е гг. из Великопоженского скита на Верхнюю Колву с рукописными копиями Указа 1831 г. от имени царя Николая Павловича с разрешением жить по старым обрядам и иметь льготы¹⁴. В этом источнике среди прочего описывается маршрут великопоженских старцев в Сибирь с Верхней Печоры на Колву с обязательной остановкой в д. Нюзим.

Таким образом, установление визуальных признаков пижемской старообрядческой резной пластики позволило выявить произведения этого центра в музейных собраниях за пределами Республики Коми. Полученные в ходе исследования дополнительные сведения обогащают представления о характере бытования резных «Голгоф», а также о географии внутриконфессиональных связей печорских старообрядцев-беспоповцев.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00238 А.

² См.: Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест в памятниках мелкой пластики из дерева. СПб., 2009; Миядзаки И. Резные иконы Выговской старообрядческой пустыни//Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. Вып. 3. Гос. Исторический музей/Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 297–310; Она же. Иконографические особенности группы резных деревянных икон из Выговской старообрядческой пустыни//Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев». 15–16 мая 2008 г., Сыктывкар. Сыктывкар, 2009. С. 82–86; Пивоварова Н.В. О коллекции старообрядческих резных «намогильных досок» из фонда отдела древнерусского искусства Русского музея//Страницы истории отечественного искусства XVI–XX веков. Вып. XII. СПб., 2005. С. 21–31; Она же. Старообрядческая культура в историко-культурном контексте XVIII – начала XX века: опыт систематического анализа. М., 2018; Томсинский С.В. Старообрядческие намогильные доски из Тихвина Бора//Сообщения Государственного Эрмитажа. 1983. Вып. 48. С. 18–19; Он же. Об одном направлении в мелкой культовой пластике Заонежья XIX в.//Сообщения Государственного Эрмитажа. 1986. Вып. 51. С. 28–30; Уханова И.Н. О некоторых старообрядческих резных иконах XVII–XIX вв. из собрания Эрмитажа//Церковная археология: Материалы Первой всерос. конф. Псков. 20–24 ноября 1995 г. СПб; Псков, 1995. Ч. 3. С. 12–14; Она же. Резные деревянные иконы Русского Севера//Народное искусство: исследование и материалы/Сб. ст. к 100-летию Государственного Русского музея. СПб., 1995. С. 54–66; Она же. Группа резных деревянных икон с соборами и крестами из собрания Эрмитажа//Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура. Вологда, 2001. С. 126–134 и др.

³ Плаксина Н.Е. Памятники деревянной резной пластики Нижней Печоры//Народная культура Пижмы: Сб. мат.-лов Всерос. науч.-практ. конференции «За веру и крест», 10 марта 2013 г., с. Замятная Усть-Цилемского р-на Республики Коми. Усть-Цильма, 2013. С. 19–28; Она же. К вопросу об атрибуции старообрядческой деревянной резной пластики Нижней Печоры конца XVIII–XIX века//Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков: материалы V науч.-практ. конф. (25–27 окт. 2017 г.). М., 2019. Вып. 212. С. 261–270.

⁴ Плаксина Н.Е. Крест Голгофский в искусстве старообрядцев нижней Печоры. Киров, 2020.

⁵ Дронова Т.И. Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар, 2019. С. 30; Плаксина Н.Е. К вопросу об атрибуции старообрядческой деревянной резной пластики нижней Печоры конца XVIII–XIX века//Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков: Материалы V науч.-практ. конф. (25–27 окт. 2017 г.). М., 2019. Вып. 212. С. 267–268.

⁶ Астахова И. С., Плаксина Н. Е., Соколов С. В. Минеральные пигменты резной иконы «Голгофский крест с орудиями страстей» из собрания Национальной галереи Республики Коми//Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2018. № 5 (281). С. 55–59.

⁷ Мальшев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVII–XX вв.//Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 455.

⁸ Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода М.: Издательство В. Шевчук, 2014. Табл. 69, № 15. С. 221.

⁹ Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь, 2017. С. 402.

¹⁰ Попов В. Древнейшие города Перми Великой Искор и Покча//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерниею. Вып. III. Пермь, 1891. С. 82.

¹¹ Чагин Г. Н. Указ соч. С. 315–316.

¹² ГААО. Ф.1. Оп. 1. Д. 3539. Л. 88 об.

¹³ ИРЛИ РАН. УЦ собрание, № 329. Миния праздничная XVIII в. (1-я треть) в 4-ку.

¹⁴ Чагин Г. Н. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв.//Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 259–260; Он же. Колва, Чусовское, Печора... С. 403–404.

UDC 7.0; 27

N. E. Plaksina

Old Believer Carvings «Golgotha»
of the Pizhma Religious Center
in the Museum Collections of Russia

Plaksina Natalia Evgenievna, The National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar, Komi Republic), chief researcher; nplaks@mail.ru

The report examines examples of identifying and attributing wooden carved sculptures depicting the Calvary cross of the Pizhmsky Old Believer Center (modern Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic) in museum collections of the Russian Federation (The Perm Museum of Local Lore, The State Russian Museum, The Solikamsk Museum of Local Lore).

Key words: Old Believer art, wooden carved plasticity, Cross of Calvary, The Velikopozhensky monastery.

С. В. Романова

Хакасские изображения духов в собрании Российского этнографического музея: история комплектования и перспективы изучения

Романова Светлана Владимировна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, научный сотрудник ведущей категории; romanova_rme@mail.ru

Доклад посвящен истории изучения и формирования коллекционного собрания Российского этнографического музея по такой категории сакральных предметов разных этнографических групп хакасов, как *тӧс*'и, считавшиеся материальным воплощением различных духов. Охарактеризована источниковая база – материалы фондов, коллекционных описей, архива РЭМ по данной теме. Определена степень репрезентативности коллекции, намечены перспективы и направления ее изучения.

Ключевые слова: предметы культа, сакральные практики, история комплектования коллекционного собрания РЭМ, собиратели, история этнографической науки, Хакасия, хакасы.

В рамках собирательской и вещеведческой проблематики, затронутой на конференции Российского этнографического музея (РЭМ) в 2021 г., автор обращается к такой категории культовых объектов, которые характерны для традиционной культуры различных этнотерриториальных групп хакасов (качинцев, сагайцев, бельтыров, кызыльцев), – как *тӧс*'и или обозначение множественного числа на языке этноса – *тӧстер*. В научной литературе, архивных материалах и коллекционных описях для артефактов подобного рода также можно встретить следующие обозначения: *тӧс*, *тӧсь*, *тес*, *тесь*, *тӧс*, *тӧсь*. В целом, эту категорию сакральных предметов можно обозначить как материальное воплощение различных духов, населяющих, согласно традиционному мировоззрению хакасов, не только «нечеловеческие» (Верхние и Нижние) миры Вселенной, но и обиталище живых людей – Средний мир. Духи Среднего мира, по представлениям аборигенного населения Сибири, это прежде всего духи-хозяева мест, духи-покровители

отдельных видов хозяйственной деятельности и духи различных болезней.

Одним из первых исследователей этих объектов у хакасов был Дмитрий Александрович Клеменц – первый заведующий Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III в бытность его политическим ссыльным на территории Хакасско-Минусинской котловины, где, занимаясь изучением традиционной культуры коренного населения, активно сотрудничал с интереснейшим музеем г. Минусинска и его основателем и заведующим Николаем Михайловичем Мартьяновым. Полевые изыскания Клеменца на территории Енисейской губ. нашли воплощение в ряде научных работ, важнейшими из которых для нас в данном случае являются статьи «Заметки о тюсях» (1892) и «Минусинская Швейцария и боги пустыни» (1884), переизданные в сборнике, вышедшем в честь его 150-летнего юбилея в 1998 г. (публикация А. Б. Островского)¹. В статье, предваряющей публикацию, А. Б. Островский характеризует первую статью как «одну из жемчужин этнографического наследия Д. А. Клеменца» и «одну из первых попыток проникновения отечественными этнографами-сибироведами в предметный мир сакрального», а вторую – как «воссоздающую этнокультурный и, в частности, этноэкологический аспект ритуальных предметов»².

В дальнейшем, занимаясь организацией корреспондентской сети Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ) с целью формирования его коллекционного собрания, Д. А. Клеменц вел активную переписку со своими корреспондентами, работавшими в Саяно-Алтайском регионе. В первую очередь, это известный исследователь и собиратель этнографических коллекций Феликс Яковлевич Кон³ (на тот момент политссыльный) и Александр Васильевич Адрианов⁴, путешественник, археолог, этнограф, публицист. С последним Клеменц познакомился в период сибирской ссылки и состоял в многолетней переписке, касающейся прежде всего формирования собрания ЭО по традиционной культуре хакасов⁵.

Коллекция Ф. Я. Кона, содержащая предметы хакасской традиционной культуры, включает в себя четыре культовых изображения⁶, причем принадлежность к той или иной группе хакасов, а также назначение этих артефактов не фиксируется. Предметы были зарегистрированы Ц. Жамцарано в марте 1905 г., как принадлежащие «минусинским инородцам» (дореволюционное собирательное название близкородственных этнических групп современного хакасского этноса).

Основной вещевой материал по интересующей нас теме был собран в начале XX в. А. В. Адриановым в Минусинском у. (территории расселения качинцев и сагайцев) и Ачинском у. (территория расселения кызыльцев) Енисейской губ. *Тӧс*'и, приобретенные у качинцев и сагайцев, зарегистрированы Д. А. Клеменцем преимущественно в 1908 г. Кызыльские *тӧс*'и зарегистрированы в 1913 г. А. А. Макаренко, который также вел полевую работу в хакасской среде и был непосредственно знаком с ее традиционной культурой.

Информация об этих коллекциях (№ 600, 1282, 1277, 2538) содержится в описях и в основном включает этнические названия, формальные описания, в редких случаях указывается локализация того или иного изображения в пространстве жилища, кем изготавливается подобный «божок», а также назначение – лечебное или промысловое.

Среди архивных документов РЭМ имеется переписка со старшим ревизором акцизного управления⁷ А. В. Адриановым о собирании этнографических материалов нерусских народов Енисейской губ. Минусинского у.⁸ (помимо Клеменца она велась также с Н. М. Могиланским и А. А. Макаренко), позволяющая получить дополнительные сведения. Об одном из *тӧс*'ей сказано, что он покровительствует скотоводству, описываются некоторые ритуальные практики, относящиеся к тому или иному изображению, акцентируется внимание на том, кем в традиции изготавливается тот или иной предмет культа – шаманом или обычным человеком, в последнем случае иногда приводятся конкретные сведения: например, охотником, неженатым парнем или девицей и т. д. В счетах указываются цены, за которые приобретались экспонаты, поясняется – какие предметы являются аналогами бытовавших и были изготовлены специально для музейного собрания.

Деятельность вышеуказанных собирателей продолжил в советское время в середине 1920-х гг. во время своих экспедиций в Хакасию известный археолог, этнограф и лингвист Евгений Робертович Шнейдер⁹. О приобретенных им *тӧс*'ях¹⁰ интересная информация, в частности, некоторые правила обращения с ними, содержится в архивных документах¹¹.

Последнее по времени поступление относится к 1977 г. Это три культовых изображения¹², приобретенные сотрудником отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Н. Г. Алоевой и ею же зарегистрированные во время командировки в Хакасскую АО, одной из основных задач которой являлось изучение традиционного жилища. В отчете об этой командировке сказано, что «состояние предметов свидетельствует об их длительном использовании».

Кроме того, она пишет: «Приобретенные нами экземпляры, забытые самими хозяйками, были найдены нами в юго-западной части юрты между стропилами перекрытий и корьевым покрытием... на месте, специально отведенном, с учетом функциональной специализации и иерархии»¹³.

Этой же исследовательницей в начале 1980-х гг. в рамках подробной обобщающей статьи о дореволюционном собрании Государственного музея этнографии народов СССР по традиционной культуре хакасов была предпринята попытка систематизации *töc* 'ей, приобретенных в дореволюционный период. В этой работе она сообщает о том, что в то время было собрано семьдесят пять культовых изображений (*töc*) двадцати семи разновидностей, а также утварь для их кормления¹⁴. К сожалению, автор не приводит в статье принципов систематизации этих пластических изображений.

Материалы РЭМ по данной теме, обладающие высокой репрезентативностью, позволяют наметить перспективу более глубокого изучения этих предметов. Прежде всего, это касается архивных изысканий и изучения материалов описей, которые связаны с информацией о назначении того или иного «идола», об особенностях его изготовления и бытования, о локализации в пространстве жилища. Особого внимания заслуживает зафиксированная терминология, связанная с этими предметами, которая может пролить дополнительный свет на их место в традиционной мировоззрении в целом. Подробное морфологическое описание в сочетании с анализом вышеуказанной информации может дать основу для их научной типологии.

¹ Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998.

² Островский А. Б. Малоизвестные страницы этнографического наследия Д. А. Клеменца//Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998. С. 175–176.

³ Ткаченко И. Д. Кон Феликс Яковлевич. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirатели/kon-feliks-yakovlevich> (Дата обращения: 02.09.2021).

⁴ Дзвлет М. А. А. В. Адрианов как этнограф//Репрессированные этнографы. М., 2002. С. 9–56.

⁵ Романова С. В. Д. А. Клеменц и А. В. Адрианов – основоположники комплектования коллекций РЭМ по традиционной культуре тюрков Южной Сибири//Вестник Восточного института. Россия и тюркский мир: Материалы I Международной конференции (Санкт-Петербург 28–30 ноября 2001 года). № 1 (15). Т. 8. 2002. СПб., 2003. С. 24–29.

⁶ РЭМ. 664–127, 128, 129, 130.

⁷ Некоторое время А. В. Адрианов помимо прочих многочисленных видов своей деятельности занимал и эту должность.

⁸ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.

⁹ Орлова Е. П. Исследователь удэгейцев Евгений Робертович Шнейдер (1897–1937): К 80-летию со дня рождения (материалы к биографии)//Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. 20. Кн. 4. С. 134–140.

¹⁰ РЭМ. 4361–56, 4362–33.

¹¹ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 449. Л. 4об., 5.

¹² РЭМ. 8667–62, 63, 64.

¹³ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 1872. Л. 24.

¹⁴ Алоева Н. Г. Коллекция хакасских предметов в Государственном музее этнографии народов СССР (дореволюционный период)//Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 142.

UDC 993; 328; 308; 433

S. V. Romanova

The Khakass Cult Artifacts in The Russian Museum of Ethnography's Collection: History of Acquisition and Prospects for Studying

Romanova Svetlana Vladimirovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and Far East, researcher of the leading category; romanova_rme@mail.ru

The report is devoted to the history of the study and formation of the collection of the Russian Museum of Ethnography (RME) on such a category of sacred objects of various ethnographic groups of the Khakas, as *tös'i*, that were the material embodiment of various spirits. The source base – materials of funds, collection inventories, The Archive of the RME – on this topic is characterized. The representativeness of the collection is analyzed, prospects and directions of its study are outlined.

Key words: objects of worship, sacred practices, the history of The Russian Museum of Ethnography's collection, museum collectors, the history of ethnographic science, Khakassia, the Khakass.

Т. Ю. Сем

Семиотика шаманских атрибутов
из коллекции Российского этнографического
музея по культуре забайкальских орохонов

Сем Татьяна Юрьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; semturem@mail.ru

В докладе исследуется семиотика шаманских предметов – ритуального костюма и атрибутов шамана – на основе коллекций Российского этнографического музея, привезенных собирателем Д.К. Головачевым с р. Нерчи Забайкальской обл. Для анализа культуры орохонов Забайкалья применяется герменевтический и семиотический методы. Вещи взяты собирателем с *арангаса* – деревянного сруба на сваях, расположенного над могилой шамана. В комплекс шаманских вещей входили: одежда из ровдуги лоса (кафтан, два нагрудника, круглая шапка с широкой лентой, прикрывающей спину и обувь), железный головной убор «корона», бубен с колотушкой, жезл, связка из шести масок и два амулета. Исходя из семиотики шаманского костюма, он принадлежал шаману высшего посвящения, способного камлать в три мира Вселенной – Верхний, Средний и Нижний – с лечебной и промысловой целями, а также для проводов души умершего в мир мертвых. Костюм уникален своим декоративным оформлением – наличием железных и костяных подвесок. В целом костюм символизировал птицу и зверя (птицу-оленья, либо птицу, либо медведя) и характеризовал высшую категорию шамана-тигра. Надпись на колокольчике позволяет датировать костюм 1817 г. В заключении автор приходит к выводу, что на формирование шаманского костюма забайкальских эвенков повлияли амурские орохоны.

Ключевые слова: шаманизм, орохоны, забайкальские эвенки, этнографические коллекции, Российский этнографический музей, семиотика.

Проблема изучения этнографических предметов, как текста в системе культуры, составляет основу герменевтического анализа. Этот подход является одним из наиболее актуальных в этногра-

фии и социально-культурной антропологии. В настоящее время его объединяют с феноменологией и семиотикой. Наиболее крупное исследование подобного типа представляется в книге М. Элиаде «Шаманизм как техника экстаза»¹.

Шаманизм – это феномен особых «холотропных» отношений человека с космосом². Исследование шаманизма в целом и шаманизма народов Сибири в частности проводится как с позиции этнографии, так и религиоведения. Известный шамановед М. Элиаде относил шаманизм к мистическим религиям³. Исследователь Е. А. Торчинов охарактеризовал специфику шаманизма, объединив ее с древними религиями Передней Азии и античности, через психологию религиозного опыта. Он связал их с «перинатальным» (родовым) переживанием единения с Космосом, смерти и возрождения. По его мнению, в мировых религиях преобладает трансперсональный опыт как способ общения с верховными боже-ствами и другими сущностями, а также как единение с Космосом⁴. Судя по материалам эвенкийского шаманизма конца XIX – начала XX в., его сущность была, на наш взгляд, связана как с перинатальным, так и трансперсональным опытом, причем последний составлял существенную часть его содержания⁵.

Шаманизм и колдовство, как считает этнолог В. И. Харитонова, характеризуют разные способы работы в измененном состоянии сознания⁶. Большинство исследователей связывают шаманизм со способностью шамана входить в состояние экстаза и работать в нем по определенным правилам в течение ритуала камлания⁷.

Коллекции Российского этнографического музея содержат уникальные материалы по шаманизму народов Сибири. В 1910 г. известный общественный деятель, публицист, ученый Д. М. Головачев привез в музей предметы шаманского культа с *арангаса* – деревянного сруба на столбах (сваях) – как атрибутики «подземного» захоронения шамана с р. Нерчи близ с. Кыкеры Забайкальской обл. (кол. № 1923). В комплекс сопроводительных ритуальных предметов умершего шамана входили: одежда, головные уборы, обувь, бубен с колотушкой, жезл, шесть масок и два амулета.

Шаманский кафтан ороchonского шамана в коллекции Российского этнографического музея (кол. № 1923–5) состоит из разрозненных фрагментов. Нами была проведена реконструкция частей шаманского костюма, был восстановлен его покрой и декор, семантика подвесок и костюма в целом. Кафтан сшит из ровдуги лося и окрашен в рыжий цвет; покрой по отдельным фрагментам удалось восстановить как цельношкурный, с двумя треугольными клиньями сзади. Судя по классификации шаманских костюмов народов Сибири Е. Д. Прокофьевой, проведенной на основе коллек-

ций МАЭ РАН, такой тип кроя относится к общему кето-селькупо-эвенкийскому, подварианту Б, у эвенков⁸. Эту разновидность кроя Е. Д. Прокофьева отнесла к наиболее архаичному образу оленьей символики шаманских костюмов⁹. Л. Р. Павлинская уточнила, что он связан с наиболее архаичным тотемическим мировоззрением, характеризующим отождествление человека со зверем¹⁰.

Данный костюм отличается оригинальным архаичным вариантом декора, сочетающего типичное и специфичное оформление. Типичным для шаманских костюмов забайкальских эвенков-орочонов является украшение контрастной полосой по подолу и полочкам, а также вдоль спины и рукавов с бахромой и жгутами, придающей костюму образ птицы. Дополнительно к спинке прикреплена ровдужная полоска с шестью змеевидными лентами – символами дорог во Вселенной, а также *аркалан* – полоска с 6 железными подвесками животных, космических символов и духов – охранителей пути в Нижний мир. Наличие *аркалана* свидетельствует о том, что этот костюм принадлежал сильному шаману и служил, как броня, защитой от стрел злых духов. К спинке прикреплены два бронзовых колокольчика с надписью и датой: «В городе Слободском, Василий Макушин, 1817 г.». Таким образом, эта надпись позволяет датировать захоронение началом XIX в. Кроме того, на ровдужных полосках кафтана пришиты костяные кружки и фигурки птиц, а также девять металлических фигурок тигров китайской работы, символизирующих принадлежность костюма шаману высшего посвящения. Наличие этого элемента в декоре данного костюма забайкальских эвенков свидетельствует о влиянии амурских эвенков-орочонов.

К кафтану принадлежат два ровдужных нагрудника в виде полос с железными профильными фигурками птицы гагары – духа-проводника шамана – и костяными подвесками в виде кружков – символов солнца – и птиц с распростертыми крыльями. Наличие костяных подвесок, наряду с железными, свидетельствует о сохранении архаичных форм декора.

Головной убор шамана (кол. № 1923–9), сшитый из ровдуги в виде круглой шапки с тремя уровнями бахромы – символами трех миров Вселенной, – с длинной наспинной полосой, также имеет нашитые костяные кружки и фигурки птиц. На теменной части шапки – месте выхода души шамана – пришит круглый железный диск с зазубринами, возможно астральный знак. Поверх шапки шаман надевал железную «корону» в виде обруча с перекрестьем и изображением рогов оленя (кол. № 1923–1). Этот атрибут также принадлежал сильному шаману.

Обувь шамана имеет наибольшую семантическую нагрузку. К полосам с бахромой пришиты: круглая пластина – солярный знак; личины, изображающие души предков, а также железный стержень с рогами оленя сверху и копытами снизу – символ оленя, придающий всему костюму наряду с материалом из ровдуги лося символику оленя. На носке обуви прикреплен подвеска в виде лапы медведя.

Таким образом, данный костюм нерчинского шамана, судя по декору и подвескам, символизировал птицу и зверя (птицу, оленя, медведя, тигра). Костюм принадлежал сильному шаману высшего посвящения, имевшему множество дорог во Вселенной и использовался им для полетов в Верхний и Нижний миры. Такой костюм шаман надевал во время больших камланий по случаю лечения больного или проводов души в Нижний мир.

В процессе камлания шаман использовал различные атрибуты – связку из шести масок из металла и дерева (кол. № 1923–2/6), амулеты (кол. № 1923–66, 69), жезл, бубен с колотушкой (кол. № 1923–54а, б). Жезл имел костяное навершие в виде головы лошади и внизу костяные копыта. Бубен был широкоободный, яйцевидной формы, без рисунков. С внутренней стороны бубна закреплено железное перекрестье – символ Вселенной – и две полуовальные железные подвески сверху и снизу – символы сфер Верхнего и Нижнего мира. Колотушка состоит из рукояти с железным навершием в форме головы гагары и металлической пластины с полукольцами на внешней стороне ударной части. Один амулет представляет собой две деревянные дуги с головами лошадей на концах. Второй амулет в виде фигуры птицы с железной антропоморфной маской использовался как промысловый предмет культа.

Таким образом, комплект шаманской атрибутики Большого нерчинского шамана оро초нов Забайкалья из коллекции РЭМ (собиратель Д. М. Головачев, начало XIX в.) позволяет характеризовать покрой, декор, функции и символику его одежды, как главные символические признаки шаманства забайкальских эвенков. В процессе камлания шаман использовал различную атрибутику: костюм с бахромой, с железными и костяными подвесками, шаманскую железную «корону» с изображением рогов оленя, символизирующих птицу и зверя (птицу, оленя, медведя, тигра), а также бубен с колотушкой, жезл и амулеты для промыслового ритуала. Атрибутика и костюм отражали полеты по различным мирам Вселенной Большого шамана высшей категории и связаны с шаманскими камланиями

- ¹ Элиаде М. Шаманизм: архаическая техника экстаза. Киев, 2000.
- ² Харитонова В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006. С. 3.
- ³ Элиаде. Указ. соч. С. 11.
- ⁴ Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1998. С. 12, 34, 45–46.
- ⁵ Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков по материалам Российского этнографического музея. СПб., 2017. 302 с.
- ⁶ Харитонова. Указ. соч.
- ⁷ Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов// Ученые записки историко-филологического факультета ДВГУ. Владивосток, 1919. С. 60.
- ⁸ Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971. С. 80–82.
- ⁹ Прокофьева. Указ. соч. С. 84.
- ¹⁰ Павлинская Л.Р. Некоторые дополнения к изучению шаманского костюма народов Сибири//Шаман и Вселенная в культуре народов мира. СПб., 1997. С. 26.

UDC 213; 391

T. Yu. Sem

Semiotics of Shamanic Attributes from the
Collection of The Russian Museum of Ethnography
on the culture of the Trans-Baikal Orochons

Sem Tatyana Yurievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and Far East, leading researcher, Ph. D. (History); semturem@mail.ru

The report examines the semiotics of shamanic items – ritual costume and attributes of a shaman – based on the collections of The Russian Museum of Ethnography, brought by the collector D.K. Golovachev with r. Nerch, Transbaikal region. Hermeneutic and semantic methods are used to analyze the culture of the Orochons of Transbaikalia. The things were taken by the collector from the arangas – a wooden blockhouse on stilts located above the shaman's grave. The set of shamanic things included: clothes made of moose rovduga (caftan, two bibs, a round hat with a wide ribbon covering the back and shoes), an iron headdress «crown», a tambourine with a mallet, a wand, a bunch of six masks and two amulets. Based on the semiotics of the shamanic costume, it belonged to a shaman of the highest initiation, capable of communicating in the three worlds of the Universe – The Upper, The Middle and The Lower – for healing and fishing purposes, as well as for sending off the soul of the deceased to the world of the dead.

The costume is unique for its decorative design – the presence of iron and bone pendants. In general, the costume symbolized a bird and an animal (a bird-deer, or a bird, or a bear) and characterized the highest category of the shaman-tiger. The inscription on the bell allows the costume to be dated to 1817. The author comes to the conclusion that the Amur Orochons influenced the formation of the shamanic costume of the Transbaikal Evenks.

Key words: shamanism, the Orochons, the Transbaikal Evenks, ethnographic collections, The Russian Museum of Ethnography, semiotics.

В. А. Кисель

Якутский «боевой» топор из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Кисель Владимир Антониевич, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (С.-Петербург), старший хранитель, кандидат исторических наук; kisel@kunstkamera.ru

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) хранится тщательно изготовленный топор (МАЭ № 334–59). Он поступил из Императорского Русского географического общества, куда был доставлен экспедицией Р.К. Маака (1854–1855 гг.). Внешне предмет напоминает небольшую секиру. Его боковые грани украшены серебряной инкрустацией с растительным орнаментом. Как указано в коллекционной описи, топор принадлежал якутам и являлся боевым оружием. Однако якуты не использовали топоров в военных столкновениях. Более того, они не декорировали свои изделия подобным образом. Странно выглядит и рукоять, для которой, скорее всего, была использована ножка табурета или столика.

Проведенное исследование показало, что типологически топор соответствует секирам мусульманского мира и, вероятно, был изготовлен казахами во второй половине XVIII – начале XIX в. Очевидно, предмет вместе с другими импортными товарами поступил в Якутию из России. Рукоять сделал якутский мастер. Видимо, она появилась непосредственно перед покупкой Р.К. Маака из-за стремлению владельца дороже продать целую вещь.

Ключевые слова: топоры, секиры, якуты, казахи, инкрустация, резьба, торговля.

В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) (далее МАЭ) хранится тщательно изготовленный топор (МАЭ, № 334–59), вызывающий большой интерес. Он входит в собрание предметов, поступивших из Императорского Русского географического общества (далее ИРГО) в 1891 г. и доставленных экспедицией Р.К. Маака. Экспедиция проходила в 1854–1855 гг. в Вилюйском округе Якутской обл.¹

Согласно коллекционной описи, предмет представляет собой якутский «боевой топорик – сүгэ»². Однако якуты в военных столкновениях топоров не применяли. К тому же сүгэ, по якутской терминологии, являлся бытовым инструментом³.

Предмет достигает в длину 37 см. Его стальной боек (длиной 15 см, шириной 10,1 см) имеет месяцевидное лезвие, трехгранные «щеки», выпуклую проушину с восьмиугольным отверстием и призматический обух (длиной 2,3 см). «Щеки» с обеих сторон инкрустированы серебряной ромбовидной пластиной с выгравированным и прочеканенным крестовидным узором. Несмотря на сходную схему рисунка и одинаковый фон из маленьких кружков, узоры различаются. На левой стороне – это пламевидный четырехлистник с кружком в центре каждого листа, на правой же – симметричный лист, венчающий фигуру из трех округлых выступов, тоже с кружками.

Деревянное топориче напоминает перевернутый высокий конус с расширением на конце (длиной 34,5 см; диаметром 3,1–3,4 см). Оно закреплено в проушине двумя деревянными клиньями, забитыми крест-накрест. Топориче украшено поперечными поясками плосковыемчатой резьбы: один – гладкий, два – из полукруглых углублений.

Боек, судя по замятой режущей кромке и забитостям на обухе, активно использовался. На рукояти же явных следов бытования не прослеживается.

Топориче, несомненно, уникальное. Подобных рукояток топоров не известно ни у якутов, ни у других народов. К тому же, круглое сечение не соответствует вытянутому отверстию проушины. Внешний вид топорича напоминает ножку низкого столика или небольшого табурета. Думается, оно не аутентично и было произвольно соединено с бойком. Обладая симметричной формой, изделие не выточено на токарном станке, а вырезано с помощью ножа. Это может указывать на работу якутских мастеров, у которых отсутствовали сложные механические инструменты.

Боек не имеет ничего общего с якутскими образцами. В.Л. Серошевский писал о якутском топоре: «Он узок, в 2½-3''/6,35–7,62 см – В.К./, ровен, с тонким обухом, без бородки и обушной закраины, с прямым тонким острием»⁴. Следует добавить, что орнамент, нанесенный на серебряные пластинки, также не находит подобий среди якутских узоров⁵.

По всей видимости, боек был сделан не якутами. Поиски места его изготовления уводят в края, отдаленные от Якутии. Как показывает сравнительный анализ, предмет обнаруживает близкое сходство с секирами мусульманского мира: *табар*, *табарзин*, *тебер*, *венмуру*, *айбалта*. В XVII–XIX вв. они были распространены

ны в Египте, Иране, Турции, Азербайджане, Узбекистане, Афганистане, Индии, Казахстане, Киргизии, встречались в Монголии, Южной Сибири и Тибете⁶. Секиры являлись боевым ударно-рубящим оружием, хотя нередко служили ритуально-парадными аксессуарами.

По общим пропорциям предмет из МАЭ РАН особенно близок казахским *айбалта*, которые представляли собой плоско- или низкообушные топоры с трапециевидным клинком и месяце-видным лезвием, насаженными на длинные (до 1 м) рукояти⁷. Лезвие у айбалта обычно было шириной 15–20 см. Поэтому рассматриваемый образец можно отнести к уменьшенному варианту – *айбалташык*⁸.

Декор предмета из МАЭ РАН также находит параллели в казахской культуре. Техника насечки по металлу (тауширование) широко применялась казахами. Именно о ней писал И.Я. Слопцов, посетивший Северный Казахстан в 1878 г.: «Особенной отделкой и красотой отличались предметы кузнечной работы с накладным серебром. Топоры, уздечки, седельные наборы, ножи, стремена и т.п.»⁹. Проработка фона чеканными кружками, «жемчужником», или точками представлена на казахских боевых топорах из собраний Российского этнографического музея, Центрального государственного музея Республики Казахстан, а также частных коллекций¹⁰. Встречается и художественная манера выделять кружком-«жемчужиной» центр листа или округлой фигуры. Примером служит обкладка рукояти казахского топора *балта* из МАЭ РАН, у которого на бойке имеется сходная листовидная фигура с двумя округлыми выступами¹¹.

Узор топора из коллекции Р.К. Маака стилистически близок к декору *балта* из Российского этнографического музея, где сочетаются изображения листьев и округлых фигур («комбинация растительного и "облачного" орнаментов»)¹². Мотив же пламевидного четырехлистника присутствует в орнаменте казахских вышитых панно *тускийиз*¹³.

Все это позволяет сделать вывод о связи якутского топора из МАЭ РАН с казахской культурой. Однако необходимо отметить специфические особенности изделия. Так, ромбовидную серебряную вставку с чеканным и гравированным узором нельзя назвать характерной казахской чертой. Обычно казахи для насечки использовали не одну крупную пластину, а несколько небольших пластинок или куски проволоки. Редчайшей аналогией предмету из МАЭ РАН выступает топор *шакан* из Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, который украшен парой треугольных медных вставок¹⁴. Нетипичен также узкий и длин-

ный обух. Близкие по размерам и формам обухи встречаются не на казахских, а на киргизских, азербайджанских, персидских и индийских топорах¹⁵. Но по-настоящему необычной чертой являются грани на «щеках». Подобное моделирование клинка не характерно для боевых топоров. Относительные параллели можно обнаружить лишь на турецких и индо-персидских парадных образцах.

Приведенные наблюдения приводят к заключению: боек был изготовлен казахскими мастерами, работавшими под сильным инокультурным влиянием (возможно, ближневосточным). Судя по датировкам упомянутых аналогий, изделие следует отнести ко второй половине XVIII – началу XIX в.

Можно предположить, что в Якутию был доставлен только боек казахской секиры. Появление в глубине Сибири такого экзотического изделия объясняется сближением казахов с Российской империей в первой трети XVIII в., которое привело к провозглашению российского протектората над Младшим жузом Казахского ханства в 1731 г.

Необычный облик импортной вещи и представление якутов о топоре как сугубо бытовом предмете, видимо, не позволили ей занять достойное место в новой среде. Снабжение бойка топоричем (очевидно, ножкой столика или табурета) вряд ли было вызвано стремлением создать рабочий инструмент¹⁶. В таком случае на рукояти остались бы следы износа, как и на бойке. Возможно, рукоять появилась непосредственно перед покупкой Р.К. Маака благодаря стремлению владельца дороже продать целый топор.

¹ Маак Р. Виллюйский округ Якутской области. СПб., 1883. Ч. I. С. II–V; МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ. № 334. Л. 1.

² МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ. № 334. Л. 12.

³ Якутско-русский словарь. 1972. С. 348. Даже для рубки деревьев, хвороста и колки дров якуты часто использовали не топор, а оружие батыа (Ионов В. Обзор литературы по верованиям якутов // Живая старина. 1914. XXIII. Вып. III–IV. 1915. С. 345; Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск, 1971. С. 122–124; Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995. С. 94.

⁴ Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. С. 381.

⁵ См.: Неустроев Б. Ф. Саха ойуута-бичиг // Узоры и орнаменты саха. Якутск, 2010. С. 53–55.

⁶ Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. М., 2007. Кат. 31, 32, 89, 90, 92, 376; Малоземова Е. И. Иранское холодное оружие IX–XIX вв. Автореф. дис. к. и. н. СПб., 2008. С. 23–24; Она же. Холодное оружие народов Ближнего Вос-

тока в коллекциях МАЭ//Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии: Сборник МАЭ. 2015. Т. LXI. С. 479–483; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. С. 323; Бобров Л.А., Илюшин Б.А. Секира «айбалта» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея//Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 252; Носов К.С. Традиционное оружие Индии. М., 2011. С. 251–252, 254; Ибрагимов Т. Восточное оружие. Баку, 2013. С. 27, 47–48; Карлова Е.М., Пастухов А.М., Попов А.Ю., Успенская Е.Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая: Каталог выставки. М., 2015. С. 75; Федорук Н.В. Комплекс наступательного индо-персидского оружия из коллекции Одесского историко-краеведческого музея//Вестник Одесского историко-краеведческого музея. 2016. Вып. 15. С. 163–165.

⁷ Тронов В.Д. Материалы по антропологии и этнологии киргиз. СПб., 1891. С. 11; Курылев В.П. Оружие казахов//Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник МАЭ. 1978. Т. XXXIV. С. 11–13; Левшин А.И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 312; Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы, 1998. С. 46; Кушкумбаев А.К. Военные дела казахов в XVII–XVIII веках. Алматы, 2001. С. 65–66; Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы, 2007. С. 116–117; Худяков Ю.С. Оружие ближнего боя у кыргызов Тянь-Шаня в позднее Средневековье и Новое время//Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени: Сборник научных статей. Астана, 2013. С. 128, рис. 2, 1, 3, 4; Бобров Л.А. Казахские боевые узколезвийные топоры «шакан» XVIII–XIX веков//Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 4. С. 112; Бобров Л.А., Пронин А.О. Казахские боевые топоры в изобразительных источниках XVIII–XIX веков//Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. Рис. 13–31, 35, 38.

⁸ Бобров Л.А., Орозбекова Ж. Казахские секирки айбалташык позднего Средневековья и раннего Нового времени//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 112–113; Бобров. 2015. Рис. 2, 8.

⁹ Словцов И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 г.//Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1881. Кн. III. С. 51.

¹⁰ Бобров, Орозбекова. 2014. Рис. 6, 8; Бобров, Илюшин. 2015. Рис. 1, 2; Бобров Л.А., Шереметьев Д.А. Казахский топор «балта» из фондов Российского этнографического музея//Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 3. Рис. 1, 2.

¹¹ Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1986. Т. 1. Рис. на с. 175; Бобров Л.А. Казахский топор балта из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого

(анализ и результаты междисциплинарных исследований)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 232–235. С. 233. Рис. 1, 2.

¹² Бобров, Шереметьев. 2016. Рис. 2.

¹³ Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1987. Т. 2. Рис. на с. 130.

¹⁴ Бобров. 2015. С. 110, рис. 1, 8, 2, 1.

¹⁵ Худяков. 2013. Рис. 2, 3; Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Кыргызский боевой топор «ай-балта» из музея «Раритет» в Бишкеке//Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 2. Рис. на с. 32; Ибрагимов. 2013. Ил. 49; Малоземова. 2015. Рис. 29а, 62а; Федорук. 2016. Рис. 3а. Обух сходных очертаний имеется у секироподобной булавы XIX в. из Китая (Карлова и др. 2015. Кат. 300). И хотя авторы-публикаторы считают, что она является подражанием китайскому топору юэ, скорее всего, образцом послужила индийская секира табар.

¹⁶ Дополнительным косвенным доказательством изготовления рукояти якутами, а не казахами, является знакомство последних с токарным станком (Масанов Э. Из истории ремесла казахов (Вторая половина XIX – начала XX в.)//Советская этнография. 1958. № 5. С. 48.

UDC 39; 069

V. A. Kissel

Yakut «Battle» ax from Peter the Great Museum
of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera) the Russian Academy
of Sciences

Kisel Vladimir Antonievich, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), senior keeper, Ph. D. (History); kisel@kunstkamera.ru

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) the Russian Academy of Sciences (MAE RAS) stores a carefully made ax (MAE No. 334–59). It came from the Imperial Russian Geographical Society, there it was delivered by the expedition of R. K. Maack (1854–1855). The object looks like a small poleaxe. It is decorated with silver inlay with floral ornaments. As indicated in the collection inventory, the ax belonged to the Yakuts and was a military weapon. However, the Yakuts did not use axes in military clashes. Moreover, they did not decorate their products in this way. The handle also looks a bit strange, most likely the leg of a stool or a table was used for its production.

The research showed that typologically the ax corresponds to the poleaxes of the Muslim world and was probably made by the

Kazakhs in the second half of the 18th – early 19th centuries. Obviously, the item, along with other imported goods, came to Yakutia from Russia. The handle was made by a Yakut master. Apparently, it appeared just before the purchase of R.K. Maak due to the desire of the owner to sell a whole thing more expensive.

Key words: axes, poleaxes, the Yakuts, the Kazakhs, inlay, carving, trade.

Е. И. Водинчар

Коллекция обрядовых хлебов в собрании Национального этнографического института-музея Болгарии

Водинчар Елена Илиева, Институт этнологии и фолклористики с Этнографическим музеем Болгарской академии наук, гр. София (София, Болгария), главный ассистент, кандидат исторических наук; elena.vodinchar@iefem.bas.bg

В докладе рассматриваются основные моменты формирования одной из интереснейших коллекций Национального этнографического института-музея Болгарии «Обрядовые хлеба». Собрание насчитывает более 300 гипсовых скульптур (муляжей), представляющих многообразие болгарского обрядового хлеба. Автор прослеживает историю комплектования данных объектов культуры, уделяя особое внимание собирателю и его последователям.

Ключевые слова: коллекция, комплектование, обрядовый хлеб, болгарская культура.

Изучение музейных предметов и коллекций является одной из важнейших функций музея. Именно научно-исследовательская работа позволяет осмыслить значимость артефактов в историческом, художественном, эстетическом и коммуникативном планах. В данном сообщении рассматривается уникальная «биография» и неповторимая судьба одной из интереснейших коллекций Национального этнографического музея Болгарии – «Обрядовые хлеба».

В традиционной болгарской культуре хлеб занимает особое место среди всех продуктов питания. Он является неизменной частью обрядов и ритуалов и в этом смысле воспринимается болгарскими как дар, молитва, жертва или магия. Грех бросать хлеб и наступать на него, а также произносить неприличные слова рядом с ним. Впервые на обрядовые хлеба обратил внимание Димитрий Маринов¹, посвятивший не один год собиранию сведений о способах их приготовления, их наименованиях, формах и пластике этих изделий. Понимая значимость накопленной информации, Д. Маринов не раз задавался вопросом о музеефикации и презентации данного объекта обрядовой культуры. Принимая во

внимание историческое время – конец XIX в., когда создание этнографического музея было всего лишь намерением, Димитрий Маринов пришел к идее непременно показать многообразие хлебных изделий на Первой болгарской сельскохозяйственной и промышленной ярмарке, проходившей в Пловдиве в 1892 г. Подготовленную к экспонированию коллекцию можно считать большим достижением в деятельности великого этнографа, представившего 93 обрядовых хлеба, выполненных женщинами из разных областей страны. В этом смысле начинания Д. Маринова следует рассматривать как последовательную реализацию особой стратегии, позволявшей посредством зрительной конкретизации культурных артефактов указать на значимость их собирания и коллекционирования. Поведение Димитрия Маринова, часто характеризующееся исследователями как «романтическое», на самом деле преследовало вполне реальную, исторически важную на тот момент цель, связанную с идеей создания в Софии народного музея, «где будут собираться старинные вещи, необходимые для нашей истории, где будет собираться старинная одежда, украшения, предметы быта... и все это для внуков и правнуков, чтобы знали»².

Обрядовые хлеба на ярмарке в Пловдиве, как и многие другие предметы, представленные на грандиозной для того времени презентации болгарской идентичности, вошли в состав базового собрания будущего Этнографического музея в Софии³. По сути, эту небольшую коллекцию обрядового хлеба в Пловдиве можно считать первым болгарским опытом в презентации хлеба как культурного феномена. К великому сожалению, часть этих хлебов испортилась, а другую – погрызли мыши.

Судьба первого собрания обрядовых хлебов стала поводом для размышлений музейных работников того времени о методах сохранения этнографического статуса⁴ подобного типа вещей. Был выбран способ изготовления муляжей хлеба из гипса, в связи с чем в музее появился профессиональный скульптор, который умело выполнял копии обрядовых хлебов по оригиналу. Таким образом, к середине XX в. в Этнографическом музее сформировалась большая коллекция муляжей, точно передающих форму, пластику и окраску подлинных обрядовых хлебов. Однако, к сожалению, это собрание было уничтожено в 1944 г. во время Второй мировой войны, когда при бомбардировке был разрушен музей в Софии.

Новое руководство музея в лице Христо Вакарелского приняло смелое решение за короткие сроки воссоздать уничтоженные образцы болгарского культурного наследия, в том числе и коллекцию (муляжи) хлебов. За помощью известный этнограф обратился к народу со следующим призывом: «Почти к каждому празднику

и важному событию в жизни болгарка готовит специальный хлеб. В этот хлеб она вкладывает свои мысли и чувства, а каждый элемент в пластике является магией и символом. Стремясь восстановить утраченное, руководитель музея просит Вас собрать необходимую информацию по указанной анкете и отправить ее вместе с хлебом, который вы делаете или был вам известен в прошлом. Информация будет оплачена в зависимости от ее объема»⁵.

В акции по сбору новой коллекции обрядовых хлебов участвовало более 400 человек, среди которых были люди разных возрастов и профессий. Почти из всех уголков страны в музей поступали посылки с выпеченным хлебом и письмами с подробными описаниями и эскизами. Так, на протяжении нескольких лет этнограф Росица Ангелова и скульптор Йордан Крычмаров скомплектовали новую коллекцию муляжей, демонстрировавших обширную палитру форм, пластики, назначения и регионального разнообразия болгарских ритуальных хлебов. В этом смысле эти маленькие скульптуры из гипса – копии болгарских обрядовых хлебов – можно охарактеризовать как уникальный ансамбль вещей этнографического значения.

Большая часть коллекции составляют хлеба на Коляду (период Святков от Рождества до Крещения). Имеются образцы западных регионов, где хлеб на Рождество носит название боговица, светец, вечерник, а в восточных районах – богова пита, колак, быдняк. Эти хлеба круглые, большие, с пластикой, изображающей овчарню с овцами, волов с плугом, фигуру хозяина, сторожевого пса, то есть фрагменты хозяйственной деятельности крестьян. В пластике встречаются и христианские элементы: кресты и отпечатки просфорной печати.

Особый интерес представляют муляжи хлебов Северо-Западной Болгарии, где к Сочельнику хозяйки выпекали с десятков маленьких хлебцев, каждый из которых имел свое название, форму и предназначение: для дома, гумна, нивы, виноградника, а также для телеги, коровы, свиньи, бочки с вином.

Тема Пасхи также широко представлена в коллекции хлебов. Согласно болгарской традиции, на Пасху маленькие дети обходили дворы и поздравляли хозяев словами: «Христос Воскресе!» За это их одаривали хлебом куколка – маленьким, круглым, с белым или красным яичком по середине. Хлеба к пасхальному столу так же украшали яйцами: белыми и красными или разноцветными. Сырыми яйцами украшали хлеб перед самой выпечкой, при этом количество яиц всегда было нечетное – одно, три, пять. Так, например, в южных областях хлеб декорировали пятью яйцами: в середине – белое, а по краям – красные. Иногда пасхальный

хлеб украшали наподобие рождественского. Вот почему среди названий можно встретить и такие, как овчарня и гумно. Имеются в коллекции и праздничные хлеба ко Дню святого Георгия. В их пластике можно увидеть стилизованные овчарни и христианские элементы – кресты.

Таким образом, коллекция муляжей болгарских обрядовых хлебов из собрания Национального Этнографического музея Болгарии иллюстрирует пути музеефикации представлений о технологии и способах приготовления хлеба ритуального назначения. Этнографы прошлых лет, создавая не этнографические вещи (муляжи), сумели сохранить культурное наследие болгарского народа – пластику обрядового хлеба.

---

¹ Димитрий (Димитър) Маринов (1846–1940) – выдающийся болгарский этнограф, автор этнографической серии «Жива старина», основатель Национального этнографического музея Болгарии.

² Научный архив Болгарской академии наук. Ф.11к. Оп. 3, а.е. 913, л. 2.

³ Этнографический музей в Софии основан в 1906 г. по инициативе Димитрия Маринова. В 1949 г. музей включен в состав Болгарской академии наук, а в 1968 г. получает статус Национального этнографического института-музея (National Ethnographic Institute with Museum. Подробнее см.: URL: <http://iefem.bas.bg/za-muzeia.html>.

⁴ Об этнографическом статусе вещей и их этнографичности см.: Баранов Д. А. Об этнографическом измерении материальности//Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 2 (24). Июль–декабрь. С. 36–56.

⁵ Архив Института этнологии и фолклористики с этнографическим музеем (Арх. ИЕФЕМ) № 727. Писма във връзка с анкета за обредни хлябове. С. 37.

UDC 39

E. I. Vodinchar

The Collection of Ceremonial Breads in the
Collection of the National Ethnographic
Institut with Museum of Bulgaria

Vodinchar Elena Piieva, The Institute of Ethnology and Folklore Studies with the Ethnographic Museum Bulgarian Academy of Sciences, gr. Sofia (Sofia, Bulgaria), chief assistant, Ph. D. (History); elena.vodinchar@iefem.bas.bg

The report examines the main points in the formation of one of the most interesting collections of the National Ethnographic In-

stitute with Museum of Bulgaria – «Ritual bread». The collection includes more than 300 plaster sculptures (dummies) representing the variety of the Bulgarian ceremonial bread. The author traces the path of the idea of acquiring that cultural artefacts, paying special attention to their creators and followers.

Key words: collection, dummies, acquisition of museum collection, ceremonial bread, the Bulgarian culture.

А. С. Закирова

К истории одной казахской этнографической коллекции, собранной на территории Челябинской обл.

Закирова Анна Салаватовна, Челябинский государственный университет (Челябинск), студентка; tuganzhir@mail.ru

В XIX – первой половине XX в. казахские аулы получили широкое распространение в степных и лесостепных районах Челябинской обл., входящей в зону непрерывного исторического расселения на периферии данного этноса.

Одна из наиболее ранних коллекций по культуре казахов, собранная на территории Челябинской обл. и пограничных районах Республики Казахстан, находится в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Коллекция (МАЭ, № 439) включает 88 предметов и скомплектована носителями культуры Лаикжаном Дербисалиевичем Биркимбаевым и Хасаном Ешмухамбетовичем Иманбаевым.

Саройская киргизская волость, откуда происходит часть предметов, занимала северо-западную часть Кустанайского у. Тургайской обл. и относилась к четырем «районным волостям», находившихся на землях Оренбургского казачьего войска. Сегодня это территории Чесменского и Троицкого р-нов Челябинской обл. России и Карабалыкского р-на Костанайской обл. Казахстана.

Благодаря найденному у потомков шежире, эпитафике, архивным источникам и семейным легендам удалось узнать больше о личностях, собравших для Кунсткамеры значительные коллекции, установить некоторые факты их биографии.

Ключевые слова: этнография, музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Челябинская обл., казахи, киргиз-кайсаки.

В Челябинской обл., представляющей собой полиэтничную территорию, одним из коренных народов являются казахи¹, для которых ее степные и лесостепные районы входят в зону непрерывного исторического расселения на северо-западной периферии этноса.

Казахские предметы, датируемые XIX–XX вв., представлены в целом ряде экспозиций и музейных фондов Челябинской обл. как в областных музеях – Государственном историческом музее Южного Урала, музее «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ, так и в муниципальных музеях южных районов области. Интерактивная экспозиция с казахской юртой, включающей большое количество бытовых предметов, а также ремесленными площадками по традиционным казахским ремеслам, создана при учебном полевом комплексе «Звездный» в Чесменском р-не (филиал муниципального музея).

Одна из ранних и наиболее интересных коллекций по культуре казахов², населявших современную территорию Челябинской обл. и пограничные районы Республики Казахстан³, находится в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН (МАЭ, № 439). Эта коллекция скомплектована казахами Лаикжаном Дербисалиевичем Биркимбаевым и Хасаном Ешмухамбетовичем Иманбаевым.

Коллекция включает 88 предметов, отобранных носителями традиции, подробное описание коллекции или ее частей содержится в нескольких публикациях⁴, большая часть предметов и их описаний доступна также в БД «Кунсткамера. Коллекции онлайн»⁵.

Если один из собирателей коллекции – Лаикжан Биркимбаев – достаточно известен, то о Хасане Иманбаеве, кроме имени и его принадлежности к киргиз-кайсакам, сведения отсутствовали, также как и точная привязка к месту сбора коллекции⁶.

Местом сбора основной части коллекции являлась Саройская (Сарайская) киргизская волость, занимавшая северо-западную часть Кустанайского у. Тургайской обл. и относившаяся к четырем «районным волостям», которые располагались на землях Оренбургского казачьего войска. Сегодня это земли Чесменского и Троицкого р-нов Челябинской обл. России и Карабалыкского р-на Костанайской обл. Казахстана.

Выделение «районных волостей» в особую группу связано с тем, что эти земли, находившиеся до 1835 г. полностью во владении казахов, были изъяты при перемещении Оренбургской приграничной линии, однако казахам было позволено временно оставаться на местах проживания. Границы «районных волостей» при этом неоднократно менялись.

Наиболее достоверную картину для интересующего нас времени сбора коллекции дает карта землепользования 1898 г.⁷ Вместе с тем, о плотности и распределении казахского населения можно судить и по численности сохранившихся родовых казахских

кладбищ – зиратов, которых только на территории Чесменского р-на Челябинской обл. выявлено 22⁸.

Казахи «районных волостей» были во многом связаны с торговлей г. Троицком, где представители элит имели дома и вели торговлю. Исключением не стали и Иманбаевы, а также родственно связанные с ними Алдияровы и Яманчаловы, владевшие в Троицке домами и торговыми предприятиями, среди первых был первый казах-врач, а вторых – казахский бай-миллионер. Эти три семьи, относящиеся к одному роду – Жантулес (Уста) племени Кипчак, с самого начала занимали ключевые позиции в Саройской и соседней Чубарской волостях.

Благодаря найденному у потомков Иманбая шежире, эпитафике, архивным источникам и семейным легендам удалось узнать больше о личностях, собравших для Кунсткамеры указанную коллекцию. Этому же способствовали обнаруженные вновь выявленные фотографические и генеалогические материалы.

Основатель семьи – Иманбай Худайберган, казахский бай, находился в составе управления Саройской волостью с момента ее создания. Его могила находится на территории Чесменского р-на Челябинской обл., на родовом зирате – Имамбай зират, входящем в состав крупного некрополя «Еки Агаш».

Иманбаем основан одноименный аул (в настоящее время расположенный у п. Огнеупорный Чесменского р-на). В последние годы жизни он проживал в Троицке, занимаясь торговлей землей, в том числе пашней; на кочевьях делами занимались его сыновья⁹.

Сын Иманбая Ишмухамет Иманбаев, отец Хасана – почетный казах, аульный глава, член Общества попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском у., народный судья¹⁰. Издатель одной из первых газет на казахском языке «Казах», вышедшей в марте 1907 г. в Троицке и «Казахской газеты» на русском и казахском языках¹¹. Спустя четыре года, в 1911 г., при участии Ишмухамета регулярно выходит альманах на казахском языке «Айкаш».

Собиратель коллекции – Хасан Ишмухаметович Иманбаев (1870–1955) похоронен на небольшом зирате возле поселка Бускульский Чесменского р-на Челябинской обл. Надпись на плите двуязычная: на русском – «Хасан Иманбаев», на казахском (төте жазу) – «Он Творец Вечный. 1955-го года 14 января рода Кыпчак, племени Уста Иманбаев Хасан Иш-Мухаммед углы в возрасте 84 года умер. Аллаха милость с ним да будет. Амин». Рядом имеется еще несколько захоронений Иманбаевых¹².

По семейным легендам и архивным источникам, после окончания гимназии Хасан обучался в Императорском Казанском

университете, состоял в университетском обществе любителей археологии, этнографии и истории, опубликовал несколько статей, посвященных фольклору казахов.

После возвращения на родину он продолжил собирать фольклор, приглашал в аулы фотографов, снимавших казахский быт, результатом чего стала часть знаменитой номерной серии «Троичк. Из жизни (быта) киргиз» издания Загорского, в более раннем издании Сосновского подписанного как «Коши Имамбаевых».

Хасан принимал активное участие в общественной жизни, поддерживал связь с татарскими писателями и журналистами, состоял в переписке с участниками «Восточного клуба» в Казани, с комитетами Российской социал-демократической рабочей партии, где числился «надежным корреспондентом»¹³.

Согласно семейным преданиям, после 1928 г. все Иманбаевы, включая Хасана, были репрессированы (при этом в материалах районной комиссии по распределению байского имущества за 1928–1929 гг. сведения о них не приводятся, хотя и имеются дела родственных кланов Яманчаловых и Алдияровых)¹⁴, в 1932 г. сосланы на Аральское море, затем в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь.

После возвращения Хасан в качестве спецпоселенца был прикреплен к Бускульскому карьероуправлению. Умер он в бедности, похоронен на ближайшем, не родовом зирате.

Материалы коллекции и биографии Хасана Ишмухаметовича Иманбаева и в целом семьи Иманбаевых сегодня используются для популяризации казахского культурного наследия в образовательных туристических маршрутах, программах «Тысячелетие Великой Степи» и «Туган Жер» Чесменского р-на, ставших центральной частью мероприятия «Ночь Географии – 2021», проводимого в рамках международной акции Русского географического общества.

---

¹ Атнагулов И. Р. Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтничном окружении)//Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 260–267.

² Резван Е. А. Туркестан. Мой мир ислама. Т. 1. СПб.: КМБХ, 2016. С. 283.

³ Закирова А. С. О собирателе казахских коллекций Хасане Иманбаеве и мире прилинейных казахов//Материалы ежегодной конференции «Радловские чтения» Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого рубежа XIX–XX веков. СПб., 2021. С. 47.

⁴ Вишневецкая В. В. Из истории собрания среднеазиатско-казахстанских коллекций МАЭ (дооктябрьский период)//Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л.: Наука, Лен. отд., 1989; Прищепова В. А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану. СПб., 2000; Резван Е. А. Указ. соч. С. 283; Стасевич И. В. Коллекция Лайыкжана Беркимбаева и Хасана Иманбаева в собрании Петербургской Кунсткамеры// Вестник Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова. 2017. Вып. № 3. С. 109–116; Stasevich I. V. Kazakh Women Wedding Headdress in the MAE RAS Collection//Manuscripta Orientalia. Vol. 22. No.1. June 2016. P. 20–36; Она же. Саукеле из Западного Казахстана в собрании РЭМ//Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 122–129; Закирова А. С. Казахская коллекция Кунсткамеры с территории Челябинской области и ее собиратель Хасан Ишмухаметович Иманбаев //Природное и культурное наследие Урала: Материалы 12-й Всерос. науч.-практ. и творч. конф. Мин. культуры РФ; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск: ЧГИК, 2021.

⁵ Иманбаев Хасан Иш-Мухамедович//Кунсткамера. Коллекции онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?person=3673635> (Дата обращения: 7.04.2021).

⁶ Резван Е. А. Указ. соч. С. 283; Закирова А. С. О собирателе казахских коллекций Хасане Иманбаеве... Закирова А. С. Казахская коллекция Кунсткамеры с территории Челябинской области... С. 199.

⁷ Карта естественно-исторических районов и киргизского землепользования, 1898 (1 английский дюйм = 20 верст).

⁸ Закирова А. С. К вопросам изучения тюркского историко-культурного наследия на территории Чесменского района (археолого-этнографические памятники, топонимика, обряды, традиции)//Беликовские чтения. Чесма, 2020.

⁹ Смирнов Е. А. Отчет ревизора землеустройства Смирнова по командировке летом 1901 г. в Тургайскую область/Мин. зем. и гос. имуществ. Деп. гос. зем. имуществ. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1902.

¹⁰ Памятная книжка Тургайской области 1899 года. 1899. С. 57, 61.

¹¹ Нурсейтов Б. Н. Газета одного номера//Наша газета. 2007. 5 апр.

¹² Закирова А. С. К вопросам изучения тюркского историко-культурного наследия на территории Чесменского района (археолого-этнографические памятники, топонимика, обряды, традиции)//Беликовские чтения. 2020; Закирова А. С. Казахская коллекция Кунсткамеры с территории Челябинской области и ее собиратель Хасан Ишмухаметович Иманбаев// Природное и культурное наследие Урала: Материалы 12-й Всерос. науч.-практ. и творч. конф. (Челябинск, 4 июня 2021 г.) / Мин. культуры РФ; Челяб. гос. ин-т культуры/Редкол. С. Б. Синецкий и др., науч. ред. А. В. Лушников. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 202.

¹³ Нафигов Р. И. Поиск продолжается. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1993. С. 116.

¹⁴ ГАКО. Ф. 179. Д. 65, 4, 20.

A. S. Zakirova

On the History of the Kazakh Ethnographic
Collection from the Chelyabinsk Region's Territory

Zakirova Anna Salavatovna, The Chelyabinsk State University,
(Chelyabinsk), student; tuganzhir@mail.ru

In the XIX – first half of the XX centuries the Kazakh auls were widespread in the steppe and forest-steppe regions of the Chelyabinsk region, in the zone of continuous historical settlement on the periphery of the ethnoses.

The Kazakh items are presented in the expositions and funds of the museums of the region, both of regional and municipal significance. One of the earliest collections on Kazakh culture from the territory of the Chelyabinsk region is located in St. Petersburg, in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) RAS. It consists of 88 items and was assembled by Birkimbaev Laikzhan Derbisalievich and Imanbaev Khasan Eshmukhambetovich.

Little was known about one of the authors of the collection, Khasan Imanbaev, there was no the exact reference to the place of collection.

The Saroi Kyrgyz volost, where some of the objects originate, occupied the northwestern part of the Kustanai district of the Turgai region, referring to the four «district volosts» located on the lands of the Orenburg Cossack Host. Today these are the territories of the Chesmensky and Troitsky district of the Chelyabinsk region of Russia and the Karabalyk district of the Kostanay region of Kazakhstan.

Thanks to the genealogy found in the descendants, information from the epitaph, archival sources and family legends, it was possible to trace the prerequisites for the formation of a personality who had collected significant collections for the Kunstkamera: (the burial place and dates of life, biographical facts).

Key words: ethnography, museum, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, Chelyabinsk region, the Kazakhs, the Kyrgyz-kaisaks.

Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева

Политика как спонсор культуры: о пополнении советских музеев раритетами этнической культуры народов Цейлона в 1958–1962 годах

Краснодембская Нина Георгиевна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (С.-Петербург), отдел этнографии Южной и Юго-Западной Азии, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; nigekrasno@mail.ru

Соболева Елена Станиславовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (С.-Петербург), отдел этнографии Южной и Юго-Западной Азии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; soboleva@kunstkamera.ru

В 1950-х гг. этнографические и художественные музеи СССРполнились экспонатами, приобретенными государством после успешно прошедших в Москве выставок кустарных изделий и художественных промыслов зарубежных стран, недавно обретших независимость. На выставке «Искусство Цейлона» (1962) в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее МАЭ РАН) эти новые вещи заметно отличались от экспонировавшихся в музее классических этнографических предметов конца XIX – начала XX в. Высококачественные и экзотические изделия выпускников промышленных школ, созданных британскими властями на Цейлоне в середине XIX в., импонировали вкусу европейских покупателей. Отдельные произведения искусства были заказаны у художников в нескольких экземплярах; так, с выставки «Художественное ремесло Цейлона» (1959) в МАЭ и Государственный Эрмитаж поступила пара идентичных панно на ткани, подписанных художником Пиядасой Годаманной. Зарубежные выставки в 1950-х гг. решали задачи формирования имиджа молодого государства и продвижения местных ремесленных изделий на глобальном рынке. Покупка экспонатов Советским Союзом была и определенной экономической поддержкой развивающейся страны – в данном случае, Цейлона (Шри-Ланки).

Ключевые слова: Шри-Ланка, выставка, Государственный музей искусства народов Востока, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственный Эрмитаж, культура, этнография, искусство.

В 1950-х гг. музеи СССР пополнились новыми этнографическими и художественными экспонатами из Южной Азии, которые заметно отличались от классических коллекций начала XX в.

Летом 1957 г. были установлены дипломатические отношения СССР и Цейлона, и во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве состоялась первая выставка цейлонской живописи¹.

Всесоюзное общество культурных связей с заграницей 4 апреля 1958 г. передало в Государственный музей восточных культур (с 1925 г., далее ГМВК; после 1962 г. – Государственный музей искусства народов Востока) 133 экспоната и 153 фотографии, а 10 апреля того же года в ГМВК открылась выставка «Современное искусство и художественная фотография Цейлона». Там были представлены 130 произведений пятидесяти художников. ГМВК выпустил альбом «Современная живопись Цейлона»², в след за которым был издан набор открыток. Эта выставка состоялась благодаря послу Цейлона в СССР, председателю «Цейлонского объединения искусства», существовавшего уже 70 лет и насчитывавшего 150 членов. В 1950-х гг. на Цейлоне действовали также художественные объединения: «Группа 43» (1943) и Национальная организация искусства (1953 г., 350 членов)³.

7 ноября 1958 г. в ГМВК поступило 260 экспонатов выставки «Художественное ремесло Цейлона», открывшейся в стенах музея в феврале 1959 г.⁴ 3 декабря 1958 г. ГМВК принял на временное хранение еще 170 детских рисунков и 10 марта 1959 г. их передали для экспонирования в НИИ художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР⁵.

Выставка была приурочена к празднованию в Москве 11-й годовщины независимости дружественного государства Цейлон 4 февраля 1959 г. Этой теме посвящен сюжет «Искусство древнего народа» в киножурнале «Новости дня» за 1956 г. (№ 6, февраль, № 10700, 1 часть, оператор А. Грек). Центральная студия документальных фильмов выпустила 10-минутную ленту «В день независимости Цейлона» (реж. В. Окунева, операторы Ю. Буслаев и М. Ошурков). Среди сюжетов: выступление на московском телевидении Чрезвычайного и полномочного посла Цейлона в СССР Гунапала Малаласекера; знакомство с песнями и танцами Цейлона (дочь посла Анома Малаласекера исполняет народный танец); открытие выставки «Художественное ремесло Цейлона» в ГМВК;

премьеры цейлонского фильма «Линия судьбы» в кинотеатре «Буревестник»; прием в посольстве Цейлона, среди гостей – высшее руководство страны (Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов); вид здания посольства Шри-Ланки в Москве; посол с супругой встречают гостей; беседуют гости.

В фильме фигурируют статуэтка демона Гараяки, находящаяся ныне в МАЭ, панно на ткани «Вессантара джатака» и «Кандийские танцы»⁶ из Государственного Эрмитажа.

Затем предметы Московской выставки кустарных изделий Цейлона приобрело Министерство культуры СССР и распределило среди музеев. Часть экспонатов осталась в ГМВК, часть была отправлена в Ленинград и другие города СССР. 7 октября 1959 г. из ГМВК поступили в собственность Музея антропологии и этнографии (в то время отдел Института этнографии АН СССР) 182 предмета общей стоимостью 18 598 руб. Сумма оценки свидетельствует о высоком качестве экспонатов. Коллекции МАЭ (№ 6376–6379) зарегистрировала Л. Б. Баславская в октябре-ноябре 1959 г., еще один экспонат (№ 6380) описала Д. Петрова в мае 1963 г.).

17 сентября – 25 ноября 1962 г. публика увидела их на выставке «Искусство Цейлона» в Кунсткамере. Завесы, панно на ткани, салфетки, циновки выполняли функцию фона. Таким образом «Бытовая керамика» экспонировалась на фоне завес⁷ «Вессантара-джатака» (МАЭ № 6379–2) и «Саман» (божество местного пантеона, бог-покровитель горы Адамов пик) (МАЭ № 6379–6). Благодаря статьям организаторов выставки⁸ и студентки-индолога Н. Г. Краснодембской⁹ широкая публика узнала о культуре острова, и в МАЭ продолжилась традиция исследования декоративно-прикладного искусства Цейлона. Этому способствовало наличие предметных и иллюстративных коллекций, коллекционных описей и архивных материалов ранних собирателей: Н. И. Воробьева (в МАЭ с 1906 г.), Германна Мейера (1907), ботаника В. И. Липского (1910), материалов экспедиции А. М. и Л. А. Мерварт 1914–1918 гг. и др. Искусствоведы¹⁰ же сконцентрировались на живописи, поскольку книг об археологии и архитектуре Цейлона в СССР практически не поступало.

Зарубежная выставка была знаковой для Цейлона, до 1972 г. остававшегося доминионом Великобритании. В глазах британцев наличие богатой местной культуры свидетельствовало о возможности ее суверенного существования, чего британские правители не желали допускать, и потому в XIX в. администрация и миссионеры открывали новые для острова промышленные школы (ткачества, плотницкого дела, лаковые, гончарные, камнерезные), чтобы с их помощью вытеснить и заменить исконные традиции

ремесленного производства. В их задачи входило «улучшение», «усовершенствование» местного дизайна в соответствии с направлениями, модными в Великобритании. Обучение этому должно было занять молодежь, дать средства к существованию, а заодно исподволь прививать им христианские верования. Система традиционного кастового ученичества была нарушена, мастерам пришлось сосредоточиться на изготовлении ярких сувениров для туристов. В то же время предполагалось соблюдать некий этнический колорит: критерием отбора экспонатов для международных выставок в 1850–1860-х гг. служило цейлонское происхождение изготовителя и условно «цейлонский» декор (без уточненного мифо-культурного контекста) с соответствующими местными видами, предметами, фигурами, цветами, плодами и пр.¹¹ Художественная ассоциация Канди (1882) даже продавала в рекламных целях фотографии ремесленников за работой.

В 1903–1906 гг. материал о состоянии подлинно национального ремесла на Цейлоне собрали Ананда Кумарасвами с супругой¹². Объехав остров, они изучили современные производства, обнаружили немало старинных образцов. Они констатировали, что в отличие от Европы в местной среде и в сознании носителей цейлонской культуры в то время еще не существовало очевидного разделения между изобразительным и декоративно-прикладным искусством, точнее, вообще между искусством и ремеслом.

Любопытно отметить следующий исторический феномен: в процессе создания нового (то есть редуцированного под нужды колониальных властей) облика этнического ремесла/искусства цейлонцев британские исследователи сосредоточились на кандийских (горных) традициях и, фиксируя архитектурные и прочие памятники этого региона, фактически придали им статус подлинной аутентичности; позже эти концепции восприняла и актуализировала местная элита. Сами сингалы стали считать культуру сингалов Канди наиболее традиционной. Более того, ее художественные и ремесленные формы стали со временем вдохновляющим моментом националистических настроений¹³.

В 1950-х гг. задача продвижения цейлонских ремесленных изделий на глобальном рынке стояла уже и перед национальными силами. Этими произведениями следовало заинтересовать западный культурный мир. Потому в области дизайна, материалов, технологий, назначения предметов уже происходили некоторые изменения. Именно это наглядно демонстрировала выставка: там преобладали типы изделий, понятные европейскому зрителю (настольные салфетки, коклюшечное кружево, наволочки, шарфы, тканые сумки, ложки и вилки для салата, дверные молотки,

вешалки, трости, портсигары, игральные доски, лакированные шкатулки, гребешки, резные панно и фигурки). Хотя сохранялось место и для подлинно этнографических предметов (латунные лампы, светильники, чаши, ларцы, подносы и сумки для бетеля, табуреты; деревянные коробки токарной работы, маски, барабаны; настенные циновки, плетеные кошельки, кнуты, мухогонки, метлы). Экзотикой представлялись предметы из панциря черепахи, рога, слоновой кости (сумки «на европейский вкус», ножи для разрезания бумаги, комплекты колец для салфеток и др.), имелись изделия и европейского быта, и местного толка (скульптурки Будды, Ганеши). На комплектах бронзовых и серебряных сосудов представлен типичный старинный декор: вьющаяся ветвь, слоны, львы, ханса-пугува (гуси/лебеди с переплетенными шеями). Показательна символика аппликаций, нашитых на флаги исторических провинций: лев – на Большом флаге провинции Хат Корале (ГЭ, ИС-1242), лебедь – на флаге провинции Ува (ГЭ, ИС-1294), павлин – провинции Валапане (МАЭ, № 6379–23), лев – Велласса (МАЭ № 6379–22), солнце, полумесяцы и звезды – Сатаракорале (МАЭ, № 6379–8).

Два панно на ткани, каждое в двух экземплярах, были подписанные: МАЭ, № 6379–2 и ГЭ, ИС-1301 («Вессантара-джатака»), МАЭ, № 6379–6 и ГЭ ИС-1299 («Царь-бог Катарагама). Автор – художник Пиядаса Годаманна – работал в манере XVIII в. (в кандийском стиле), воспроизводя на длинных панно из ткани (*petikada*) сюжеты храмовых фресок на темы жизни Будды Гаутамы (Буддха-чарита) и джатак, чаще всего именно «Вессантара-джатаки»¹⁴.

В то время устройство таких выставок в СССР являлось определенной «рукой помощи» частично освободившемуся от колониальной зависимости государству, но также и совершенно новым исключительным событием в нашей стране (не случайно они пользовались большим успехом у публики). Проект создания уникальной выставки из 600 предметов в МАЭ, где ее ярко дополнили ранние коллекции музея, иллюстрировавшие истоки традиций, с восторгом поддержали Совет искусств и Департамент культуры Цейлона. В целом, в СССР цейлонские выставки того периода стимулировали интерес к культуре и искусству Южной Азии. Приобретение предметов Советским Союзом было и определенной экономической поддержкой развивающейся страны – Цейлона. Впоследствии эти коллекции обогатили ряд музеев СССР, в том числе МАЭ, паритетными экспонатами.

- ¹ Войтов В. Е. Материалы по истории Государственного музея Востока, 1951–1970: люди, вещи, дела/Под общ. Ред. Г. П. Попова. М., 2006. С. 172.
- ² Тюляев С. И. Современная живопись Цейлона. М., 1958.
- ³ Прокофьев О. Искусство Цейлона//Всеобщая история искусств: В 6 т. Кн. 1: Искусство 20 века. М., 1965.
- ⁴ Войтов В. Е. Указ. соч. С. 181.
- ⁵ Там же. С. 182.
- ⁶ Меренкова О. Н. Старые фотографии как этнокультурный текст//Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты 2015 г./Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб: МАЭ РАН, 2016. С. 55–62.
- ⁷ Меренкова О. Н. Выставка цейлонских ремесел 1962 года в контексте формирования южноазиатских коллекций МАЭ РАН (по архивным иллюстративным материалам)//Сборник МАЭ. Т. 62. Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач/Отв. ред. и сост. В. Н. Семёнова. СПб., 2016. С. 127–142.
- ⁸ Авдеев А. Д., Кочнев В. И. Выставка искусства Цейлона в Музее антропологии и этнографии//Советская этнография. 1963. № 3. С. 193–199.
- ⁹ Краснодарская Н. Г. Искусство «Львиного» острова//Нева. 1963. № 7. С. 204–207.
- ¹⁰ Прокофьев О. Указ. соч.; Тюляев С. И., Бонгард-Левин Г. М. Искусство Шри-Ланка: древний и средневековый период. М., 1974.
- ¹¹ Jones, Robin. British Interventions in the Traditional Crafts of Ceylon (Sri Lanka), c. 1850–1930//The Journal of Modern Craft. Vol. 1. № 3. November 2008. P. 383–404.
- ¹² Coomaraswamy, Ananda K. Medieval Sinhalese Art. Broad Campden; Essex House Press New Dehli, Munsharam Manoharlal, 1908.
- ¹³ Jones. P. 400.
- ¹⁴ Pieris, Kamalika. Painting in the Udarata Kingdom. URL: // <http://ceylon-ananda.com/painting-in-the-udarata-kingdom/>

UDC 39.395.83

N. G. Krasnodembskaya, E. S. Soboleva

Politics as a Sponsor of Culture:
On the Replenishment of the Soviet Museums
with the Ceylon Ethnic Culture Rarities
in 1958–1962

Krasnodembskaya Nina Georgievna, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the South and South-West Asia, leading research fellow, D. Sc. (History); nigekrasno@mail.ru

Soboleva Elena Stanislavovna, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the South and South-West Asia, senior research fellow, Ph. D. (History); soboleva@kunstkamera.ru

In the 1950s several ethnographic and art museums of the USSR were replenished with exhibits acquired by the state institutions at the exhibitions of handicrafts and arts of foreign countries that had recently gained independence. These new items shown at the exhibition «The Art of Ceylon» (1962) in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS (MAE) were noticeably different from the classic (late 19th – early 20th centuries) ethnographic objects exhibited in the museum. The high-quality and exotic products by graduates of industrial schools, created by the British authorities in Ceylon in the middle of the 19th century, appealed to the taste of European customers. Selected works of art were ordered from artists in several copies; thus, from the exhibition «The Artistic Crafts of Ceylon» that was successfully held in Moscow (1959), the MAE and the State Hermitage received two identical panels on fabric, signed by the artist Piyadasa Godamanna. Exhibitions abroad in the 1950es solved the problems of forming the image of a young state and promoting local handicrafts on the global market. The purchase of exhibits by the Soviet Union was also a certain economic support for a developing country – in this case, Ceylon (Sri Lanka).

Key words: Sri Lanka, exhibition, The State Museum of Oriental Art, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, The State Hermitage, culture, ethnography, art.

К. Р. Смурова

Семиотика бумажных прорезных узоров
в контексте трансформаций

Смурова Кристина Рустамовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдовы, научный сотрудник; Kristina-smurova@rambler.ru

В докладе на примере прорезных бумажных узоров рассматривается проблема репрезентации этничности в контексте современных глобализационных процессов. Обращаясь к устойчивым традиционным символам, этнические общности нередко превращают их в инструмент трансляции уникальности и самобытности своей культуры. Однако со временем изначальные функции и смыслы таких элементов могут утрачиваться или трансформироваться, сохраняя при этом свой визуальный символизм.

Ключевые слова: этничность, этническая идентичность, *выщипанка*, *вырезанка*, *витинанка*, *вытынанка*, бумага, узор, украшение, вырезание.

В современном научном дискурсе исследования, посвященные вопросам глобализации, не теряют своей актуальности. Масс-маркет, таргетированная реклама и другие примеры постепенной шаблонизации ценностных ориентиров общества наглядно иллюстрируют проблему отсутствия выбора при кажущемся его разнообразии, являя собой результат той самой культуры, которую спровоцировали глобализационные процессы. В этих условиях и на фоне постепенного размывания культурных границ этнические общности столкнулись с проблемой сохранения своей идентичности. Ответом на вызовы глобализации стал поиск этнически значимых символов, которые позволили бы этносам заявить о себе, продемонстрировав тем самым уникальность и самобытность своей культуры. В этом поиске этнофоры нередко обращаются к более устойчивым и стабильным элементам традиционной культуры, которые в условиях динамично изменяющегося мира позволяют сохранять неразрывную связь с прошлым. Такие элементы могут перерабатываться и изменяться, утрачивая при этом свои изначальные функции и смыслы, но сохраняя визуальный символизм.

Данная тенденция хорошо прослеживается при сопоставлении музейных этнографических коллекций и современных практик народного творчества, наблюдаемых в культуре многих народов Центральной и Восточной Европы. Одним из проявлений такой тенденции является традиция вырезания из бумаги орнаментальных или сюжетных ажурных изделий, которая была распространена в конце XIX – начале XX в. в народной среде. В фондах Российского этнографического музея (далее РЭМ) хранятся ценные коллекции бумажных прорезных украшений (более 70 предметов), бытовавших в культуре разных народов, в том числе украинцев, белорусов и поляков. Однако, несмотря на то, что данные коллекции представляют большой исследовательский интерес, они пока остаются малоизученными¹.

Существует несколько вариантов названий данного вида народного творчества, что объясняется его региональной спецификой. В русской традиции оно получило название *вырезанка*, в украинской – *витинанка* (укр. «витинати» – вырезать), в белорусской *выцінанка* (выразанка, выразка, выстрыганка), в польской *wycinanka* и т.д. Такое многообразие вариантов употребления и написания названий создает трудности при атрибуции музейных памятников. К примеру, в описях РЭМ польские прорезные бумажные украшения фигурируют под названием *вырезанка*, а украинские *витинанки* записаны либо в соответствии с их огласовкой – *вытынанка*, либо обозначены как украшения для чего-либо.

Факторы происхождения и последующего распространения этого вида народного творчества до конца не изучены. Большинство из немногочисленных исследований связывают появление бумажных прорезных изделий с распространением в сельской местности бумаги, что было обусловлено развитием фабричного производства, сделавшего этот материал более дешевым и доступным². Среди других причин выделяют также изменения самого внутреннего пространства дома: «черные» избы начали сменяться «белыми», более светлыми и чистыми³. Это позволило разнообразить убранство жилища различным декором, включая бумажные прорезные изделия, которыми украшали стены, окна, печи, косяки, балки, полки для посуды, красный угол и другие элементы внутреннего пространства дома. В частности, исследователи польской традиции отмечали, что после появления в польской деревне глянцевой бумаги, такие украшения могли заменить собой в некоторых районах давнюю традицию росписи стен⁴. Те же сведения можно встретить и об украинских *витинанках*, которые были более предпочтительным материалом при оформлении стен, нежели роспись,

поскольку их изготовление занимало меньше времени, и они легче заменялись при следующей побелке⁵.

При этом функции украшений, вырезанных из бумаги, не исчерпывались одной лишь декоративной составляющей: оказавшись в сакральном пространстве дома, где каждый предмет наделялся особыми символическими смыслами, бумажные прорезные изделия стали частью традиционной обрядовой и религиозной жизни человека. Их изготавливали по случаю таких больших праздников, как Новый Год, Рождество, Пасха. Украинская традиция включала также праздничные обрядовые действия, связанные с весенним обновлением жилища⁶. Замена украшений происходила практически каждый год – старые снимали и выбрасывали, а взамен вешали новые. В этом действии можно проследить ритуальную традицию обновления и очищения, которая являлась неотъемлемой частью жизни человека.

На сакральную функцию прорезных бумажных украшений указывают также узорные и сюжетные мотивы, которые часто повторяли символику других, более ранних видов народного творчества – росписи, вышивки, ткачества, писанок и пр. Такие изображения, как правило, были направлены на защиту внутреннего пространства дома, а также способствовали удаче и благополучию его жильцов.

С 1920–1930-х гг. в традиции использования прорезных бумажных украшений произошли заметные изменения. Они по-прежнему продолжали бытовать в народной культуре и сохраняли локальные особенности способов изготовления и узоров. Однако постепенно сфера их функционирования расширялась: выйдя за рамки приватного пространства дома, бумажные прорезные изделия начали украшать различные общественные пространства. Узорные мотивы изделий наряду с традиционными народными сюжетами и орнаментами начинают отражать жизнь новой деревни и рабочего города. Тем не менее, по мере повсеместной модернизации и появившейся возможности приобретения уже готовых элементов декора, бумажные прорезные украшения наряду со многими другими элементами традиционного декора начинают постепенно выходить из бытования, теряя при этом и свою обрядовую значимость.

Спустя несколько десятилетий, в 1970–1980-е гг. бумажные прорезные узоры вновь обращают на себя внимание. Однако, с этого момента их изначальные семантические функции претерпевают значительные трансформации: из обыденного и зачастую анонимного объекта народной культуры, бумажные ажурные украшения становятся отдельным направлением декоративно-прикладного

искусства. Архаические формы и сюжеты теперь рассматриваются уже сквозь призму художественного и эстетического мировоззрения отдельного автора. Бумажные прорезные изделия становятся объектом выставок, конкурсов и педагогических практик. При этом их изначальная обрядовая функция актуализации не получает.

На постсоветском пространстве, где вопрос поиска и репрезентации своей этнической идентичности становится актуальным для многих этнических групп, бумажные прорезные украшения оказываются частью этого процесса, беря на себя роль этномаркирующего фактора. При этом, учитывая довольно широкий ареал распространения данного элемента традиционной культуры в прошлом, определить границы его принадлежности к той или иной этнической общности оказывается довольно непросто. В настоящее время в Интернете можно встретить статьи, в которых бумажные прорезные украшения рассматриваются в качестве объекта этнобрендинга различных этнических групп⁷.

Относительно темы данного исследования существует множество вопросов, требующих отдельного изучения, один из них: о происхождении и распространении бумажных прорезных изделий во всех историко-этнографических областях, где был зафиксирован факт бытования такого памятника материальной культуры. В связи с этим остается непонятным, насколько обособленно данный вид народного творчества развивался в отдельно взятом регионе, и какую роль в его распространении могли сыграть межэтнические взаимодействия. Немаловажной в этом вопросе представляется проблема сохранения бумажных прорезных узоров, которая возникла в связи с их ветхостью, распространенной в народной среде практикой ежегодного обновления, а также отсутствием систематических экспедиционных сборов, которые позволили бы фиксировать трансформации и разнообразие бумажных прорезных узоров на всех этапах их существования. При учете актуальных проблем, связанных в том числе с растиражированностью и монетизацией этого вида искусства, которые лишают прорезные бумажные изделия их этнической привязки, – данная тема открывает широкие перспективы для комплексного изучения сохранившегося наследия бумажных прорезных узоров через призму современных тенденций.

---

⁷ См.: Косицкая З.Н. Коллекции украинских витинанок начала XX в. в фондах Российского этнографического музея//Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: Материалы Двенадцатых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2013. С. 174–179.

² Станкевич М. Витинанки і штучні квіти: порівняльний аспект. С. 53. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/16748> (Дата обращения: 1.09.2021); Народныя мастацкія рамёствы Беларусі/Уклад. Я.М. Сахута. 2-е вид. Минск, 2001. С. 33.; Яворская С.Л. Искусство вырезания. Опыт систематизации//Художественное вырезание: многообразие видов. Материалы 8-го Международного симпозиума. Домодедовский историко-художественный музей/Отв. ред. А.А. Петриченко. М., 2020. С. 11. и др.

³ Станкевич М. Е. Прорезной орнамент в системе украинского жилища XIX – XX веков: автореф. дис. канд. искусствоведения. М., 1986. С. 10.; Народныя мастацкія рамёствы Беларусі. С. 34.

⁴ Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. М., 1970. С. 95.

⁵ Костюченко К. А., Григорьева М. Б. Особенности отображения декоративного искусства Украины в вытынанке//Инженерно-педагогический вестник: легкая промышленность. 2016. № 2(5). С. 107.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ «Вытынанка – белорусский бренд, просто пока не очень раскрученный». URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b758cd8f83f0400a8dc9123/vytinanka_-_belorusskii-brend-prosto-poaka-ne-ochen-raskruchennyi-5dcbfd62f2583c491d72cb6e (Дата обращения: 6.09.2021); «Вытынанки львовской художницы стали модным брендом в Украине и за рубежом». URL: <https://9news.livejournal.com/36437800.html> (Дата обращения: 6.09.2021) и др.

UDC 39; 745.54

C. R. Smurova

Semiotics Functions of Paper Cut Patterns in the Context of Transformations

Smurova Christina Rustamovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, research fellow; Kristina-smurova@rambler.ru

The report examines the problem of representation of ethnicity in the context of modern globalization processes using the example of cut paper patterns. Turning to stable traditional symbols, ethnic communities often turn them into a tool for broadcasting the uniqueness and originality of their culture. However, over time, the original functions and meanings of such elements can be lost or transformed, while retaining their visual symbolism.

Key words: ethnicity, ethnic identity, *vytsynanka*, *vyrezanka*, *vytynanka*, paper, pattern, decoration, paper cutting.

ПЕРСОНАЛИИ: ОСНОВАТЕЛИ МУЗЕЕВ, СОБИРАТЕЛИ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 39

А. Б. Островский

Сахалинские краеведы: профессия и личность

Островский Александр Борисович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; ost-alex@yandex.ru

В докладе ставится вопрос о влиянии профессиональной деятельности на этнокультурную идентичность самого краеведа-музейщика. На примере трех известных сахалинских исследователей (с которыми проводились интервью), русских по происхождению, рассматриваются формы интеллектуальной вовлеченности и эмпатии относительно сахалинского историко-культурного пласта, сопровождавшие их на протяжении жизненного пути.

Ключевые слова: сахалинские краеведы, сахалинские музейщики, Т. П. Роон, Ю. А. Вакуленко, С. В. Горбунов, этнокультурная идентичность.

Историческое краеведение, включающее также ознакомление с местными этнокультурными традициями, – в настоящее время популярное хобби, увлекательное занятие, расширяющее гуманитарный кругозор личности. А для тех, кто связал свою профессиональную судьбу с изучением истории, этнографии края, где проживает, открываются дополнительные горизонты собственной этнокультурной идентичности.

Изучению различного типа «сахалинских корней» личности, обусловленных этническим происхождением (принадлежностью к коренным сахалинским этносам) или семейно-родовой укорененностью на Сахалине на протяжении нескольких поколений, или, наконец, «корнями», сформировавшимися благодаря индивидуальной профессиональной вовлеченности, и/или образу жизни, — было посвящено эмпирическое исследование автора доклада, проведенное в 2019 г. преимущественно методом интервьюирования. Из числа 62 опрошенных — 10 сотрудников-фондообразователей сахалинских музеев различного уровня (областного, районного, при школе, библиотеке). Изложим результаты интервью с тремя исследователями-музейщиками, приоткрывающие роль личностной мотивации в историко-краеведческом поиске.

Татьяна Петровна Роон (1961–2021 гг.) родилась на юге Сахалина, в г. Холмске, окончила в 1987 г. исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по кафедре антропологии и этнографии. Здесь же защитила кандидатскую диссертацию, посвященную традиционной культуре уйльта (орков). С 1987 по 2015 г. работала в Сахалинском областном краеведческом музее, пройдя путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора музея по науке и директора музея (2003–2015 гг.). Является автором монографии по традиционной материальной культуре уйльта¹ и ряда методологически значимых статей, посвященных культурной адаптации коренных этносов Сахалина к социально-экономическим условиям конца XX — начала XXI в. Наряду со сбором уйльтинских вещевых материалов, она способствовала поступлению в музей первых значительных коллекций по культуре сахалинских корейцев. Перед тем, как перейти к рефлексии самой исследовательницы, обнаруживающейся в данном интервью, напомним еще об одном сделанном ею важном вкладе в музейное собрание. Исключительно благодаря ее энергии и настойчивости в начале 1990-х гг. в музей на постоянное хранение вдовой Е. А. Крейновича, одного из крупнейших нивховедов XX в., был передан огромный и весьма ценный в научном плане архив этого исследователя².

Традиционной культурой уйльта Т. П. Роон стала заниматься с 1988 г. сразу после поступления на работу в музей. Сначала это было знакомство с вещами («В моей жизни, пожалуй, музей был первичен»), а позднее — погружение в жизненный уклад, формы общения коренных этносов. Вот как об этом рассказывала исследовательница³:

«Это была совершенно не описанная культура, информацию о ней можно было тогда почерпнуть только в крупных справочни-

ках; были и фольклорные тексты... Почти отсутствие этнографической литературы – это меня раззадорило. В 1989 г. я начала собирать материалы в г. Поронайске, приехала в сел. Вал, побывала в пос. Ноглики, в г. Оха. Параллельно я занималась и нивхами.

Встречи происходили, бывало, в течение одного дня – от семьи нивхов я могла перейти к семье ороков, говорить совершенно о другом. Переключение мне тогда не было тяжелым. Позднее, обсудив с директором музея В.М. Латышевым, я подготовила программу комплектования по культуре уйльта. Три-четыре года подряд я ездила к орокам с этой программой, заказывала вещи, необходимые для будущей музейной экспозиции, фондов: не только сохранившиеся вещи, но и шире, с учетом того, что недоставало в музее. Например, я заказала одному умельцу, уйльта, сделать модели летнего и зимнего традиционного жилища. Он помнил зимнее жилище, в котором когда-то жил, но совсем не знал летнего: ему не довелось в нем жить, он уже такого не застал. Мы летнее делали вместе. О.Н. Семенова (ей было тогда 80 лет) говорила не раз ему: „*Купоро*“, то есть неправильно, не так сделал. Так мы продвигались. Эти три жилища мы делали недели две. Я все это время там жила.

– Вы как-то смогли погрузиться в их среду?

– Я сама сахалинка, родилась здесь. Мои первые подруги были корейцы... в поле моего зрения и далее присутствовала культура двух народов – нивхов и ороков. В 1991 году в музее состоялась выставка уйльтинской культуры, преимущественно из моих сборов.

– В музее я видел как-то ваше фото, верхом на олене. Вы действительно ездили?

– Конечно. У меня же было полевое исследование, погружение с методом включенного наблюдения. Я провела в летнем кочевье немало. Тогда, в 1990-е, я там была единственная русская женщина.

– Вы спокойно к этому относились?

– Да, без какой-либо тревоги. Как-то мы с Ирмой, уйльтинской девушкой, пошли далеко за ягодами, заблудились. Ее папа-оленьевод потом отругал нас, потому что отправились в лес, не предупредив никого, а там медведь ходит... Кочевье примерно каждые 4–5 дней передвигалось, с переменной ветра. Летних у меня таких было несколько поездок; а зимняя – одна...»

Не столько погружение в этнографические реалии, сколько мысленное путешествие в историю края было главным мотивационным ориентиром Ю.А. Вакуленко (1962–2019 гг.), офицера МЧС из пос. Синегорск Южно-Сахалинского городского округа:

«– Знаю, что вы участвовали в создании двух музеев, вы – автор книги и более 15 статей. Как это сочетается с деятельностью офицера, начальника пожарной службы?»

– Собылся в том, чтобы офицеры, когда свободное время у них, занимались наукой, а не водку пили. Как-то ездили с И.А. Самариным и С.В. Горбуновым⁴ на о. Тюлений. Там встречаются кирпичи с японскими надписями, XIX век. Нашли мы там следы зимовья. Нашли останки старых домов, где зимовали русские офицеры в конце 1870х годов. Для подготовки книги искали документы в Санкт-Петербурге, РГИА, также и в Архиве РАН. Книгу издавали на свои деньги.

– Как вы, ваши предки оказались на Сахалине?

– Дедушка мой – чуваш, родился еще до войны в Башкирии. Работал в Смерше. Его брат, дядя моей матери, приехал на Сахалин как печник, на работу. Позднее и мама сюда приехала... После Курил мне предложили работу в Синегорске. Здесь уже мы четверть века живем. Есть дети, внуки...

– Вы создали два музея?

– Не создал, а стоял у истоков, собирал материалы в 1990е годы. В 1992 году мне пришлось на несколько лет уехать на Курилы, там жить и работать. И раньше, чуть не с детства, я обращал внимание на то, что находилось на чердаках домов. В пос. Каменка была шахта, бетонные сооружения, мосты, остатки электростанции. Как будто чужая цивилизация, уже исчезнувшая. Мне это было интересно. Помню вещи, выброшенные с японских кораблей в море... На велосипедах мы, пацаны, приезжали на берег после шторма... Как-то один японец, который уже репатриировался, снова приехал в Синегорск, увидел в музее себя на фотографии – у него слезы потекли... И ради этого уже стоило музей создавать. Начинался музей с предметов быта корейцев, также японцев. Позднее появились украинские, русские вещи. Хранили все в библиотеке Синегорска. Удалось позднее выбить здание для музея в г. Углегорске...

О втором музее. Узнал, что здесь был синтоистский деревянный храм (сгорел), есть останки. Стал собирать у местных жителей. В 2002–2004 годах писали проекты на создание музея, готовили экспозицию. Самому непосредственно искать здесь было почти бесполезно: старые дома снесены, никаких чердаков со стариной. Только у местных жителей японская керамика („память от бабушки“). Создали клуб „Наследие“, в окрестностях обходили старые японские дома. Встречали и русские вещи; в основном, японские: ступа, буддийский домашний алтарь. Написали и опубликовали книгу о трех культурах Синегорска – японской, корейской, рус-

ской. Японское консульство выделило деньги на издание. Туда вошли и найденные нами архивные материалы».

С С. В. Горбуновым, (1952 г.р.), исследователем древних культур Сахалина и Дальнего Востока России (всего им открыто более 700 археологических стоянок, опубликовано несколько книг и более 100 статей в российских и японских изданиях) первое интервью состоялось в Тымовском районном краеведческом музее, созданном им около 30 лет назад (по словам первого директора В. Г. Семенковой, этот «музей был им сочинен»), где он работает старшим научным сотрудником по настоящее время. Более 90% вещевых собраний музея поступили благодаря Горбунову. Это относится, в первую очередь, к археологическому отделу, также к этнографии и природоведению. Приведем информацию из его экскурсии по экспозициям: «Главные разделы: 1) природа (геология, палеонтология, коллекции насекомых, коллекции ракушек; пернатые и четвероногие; поставляли ребята клуба „Абориген“, которым я руковожу); 2) археология. В археологическом разделе можно видеть древнейшую в мире керамику. Дальний Восток (Амур, Сахалин, Хоккайдо) – родина керамики, зародилась здесь 15 тысяч лет назад. Все, что в музее, – мои раскопки 1990х годов. Этой керамике не менее 8–9 тысяч лет.

В разделе „Русский быт“ (преимущественно, послевоенные годы) есть фотографии моих предков – дед и бабушка (родители отца), прадед и прабабушка. Они жили в Нижегородской губернии. Мои родители переехали на Сахалин из Нижегородчины, когда я учился в пятом классе... Вот фото моего старшего сына с его японской женой. Они живут на Хоккайдо; его мама (моя первая жена) – эвенкийка⁵.

Есть раздел, относящийся к периоду сахалинской каторги. Мое хобби – глиняная посуда того времени; пока только четыре предмета. Что-то привозили, что-то здесь кустарно изготавливали. Здесь изготавливали и бытовую металлическую утварь. Иконы, которые в экспозиции, – от местных жителей, не из раскопов; вот старообрядческий крест из Адо-Тымово. Там, на нивхских стойбищах, тоже находили христианские предметы. Вот поддужные колокольчики – ими пользовались ороки-оленеводы на Валу, а некоторыми – в школе.

В разделе советского быта видим фото Елисея Мативного, „вождя нивхов“. По происхождению он украинец. Был коммунистом; ему поручили в пос. Чир-Унвд организовать нивхский колхоз. Он это сделал, нивхи были ему преданы. В Чир-Унвде есть улица, носящая его имя...»

В настоящее время Тымовский краеведческий музей насчитывает более 80 тысяч предметов, является крупнейшим по вещевым собраниям среди районных музеев области. Весьма значительная часть археологических собраний районных музеев в гг. Поронайск, Невельск, Холмск, Томари также были безвозмездно переданы С. В. Горбуновым, и он же разработал проекты по созданию там экспозиций.

Среди своих научных интересов исследователь, в первую очередь, выделяет палеозоологию и палеоэтнографию. Так, соответственно этим направлениям, в интервью шла речь об изучении пещер Сахалина в последние 20 лет. С. В. Горбунов рассказывает: «Пещеры важны тем, что в них хорошо сохраняются кости животных, моллюски. Там встречаются и археологические артефакты. Раньше полагали, что в пещерах люди жили. На самом деле они там практически не жили... Там всегда прохладно. И их, по-видимому, использовали как холодильники, можно было хранить мясо. Их использовали и как святилища. У нивхов считалось, что хозяин гор – *пал ызн* – живет в пещере или под скальным навесом. Ему должны были возвращать кости всех животных, посланных им охотникам.

Была и специализация пещер. Так, в пещере „Муравейка” хранились только кости кабарги – больше 8 тысяч. Еще в одном небольшом гроте – тоже только кабарга, около 4 тысяч костей. В других пещерах – кости разного вида зверей...

В пещере Самцовая был колодец, на дне его – еще один колодец, он пустой. Предположительно, его могли осмыслять как жилище *пал ызн’а* – мифологического горного хозяина. Вероятно, в этот большой колодец бросали кости добытых зверей и, возможно, иногда и орудия охоты. Там были найдены кости разных животных, но преимущественно медведя. Были кости и животных, уже вымерших на Сахалине: бизона, снежного барана, копытного лемминга, пещерного льва, дикой лошади, овцебыка. 16–26 тысяч лет – возраст этой пещеры».

Во время ежегодного полевого сезона (нередко с мая по сентябрь) исследователь длительное время проводит раскопки один, ночуя под скальным навесом, ведя аскетический образ жизни. Неоднократно он отправлялся в путешествие по Сахалину в целях эксперимента: определить возможности современного человека «прожить в условиях первобытности» (в составе небольшой группы, однажды – вдвоем со своим трехлетним сыном); передвигаться по воде не раз приходилось в лодке-долбленке, изготовлявшейся им, как это делалось прежде нивхами, из ствола тополя.

Во всех рассмотренных вариантах профессиональной биографии предмет изучения сахалинского музейщика-краеведа становится фактором не только его образа жизни, но и развития личности и даже ее частью. Интеллектуальный интерес, дополняемый эмпатией, формирующейся по отношению к историко-культурным традициям края и их носителям, становится и объективным, и внутренним субъективным основанием для самоопределения, выбора жизненного пути.

---

¹ Роон Т. П. Уйльта Сахалина (историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX века). Южно-Сахалинск, 176 .1996 с.

² О составе архива Е. А. Крейновича см.: Роон Т. П. Личный архив Ю. А. Крейновича//Вестник Сахалинского музея. 1994. Вып. 4. С. 44–51.

³ Здесь и далее приводятся фрагменты интервью, полностью вошедшего в книгу: Островский А. Б. Сахалинские корни. СПб., 2021 (рукопись).

⁴ Самарин И. А. – известный сахалинский археолог.

⁵ Вторая жена С. В. Горбунова – сахалинская японка; в 2010-х гг. она и их общие дети (сыновья Нестор и Рюрик) переехали на постоянное жительство в Японию. Его жена в третьем браке – русская.

UDC 39

A. B. Ostrovskii

The Sakhalin Local Historians: Profession and Personality

Ostrovskii Aleksandr Borisovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, main research fellow, D. Sc. (History); ost-alex@yandex.ru

The question is raised about the influence of professional activity on the ethno-cultural identity of the local historian-museum worker himself. Using the example of three well-known Sakhalin researchers (with whom interviews were conducted), Russian by origin, the forms of intellectual involvement and empathy regarding the Sakhalin historical and cultural traditions that accompanied them throughout their life path are considered.

Key words: the Sakhalin local historians, the Sakhalin museum workers, T. P. Roon, Yu. A. Vakulenko, S. V. Gorbunov, ethno-cultural identity.

С. С. Петряшин

Изучение рабочих золотых приисков
в Этнографическом отделе Русского музея:
А. А. Макаренко, Д. А. Клеменц

Петряшин Станислав Сергеевич, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник, кандидат исторических наук; s-petryashin@yandex.ru

В докладе прослеживается история коллекции, связанной с этнографией приисковых рабочих Енисейской губ. (№ 563, 46 предметов), приобретенной А. А. Макаренко в 1904 г. Данная коллекция сильно выделяется на фоне собрания Этнографического отдела Русского музея по русскому народу, отражающего в основном крестьянский быт. За этой коллекцией стояла исследовательская программа по изучению русских, сформулированная Д. А. Клеменцем на учредительных совещаниях 1901 г. Интерес к быту старателей появился как у Клеменца, так и у Макаренко во время их политической ссылки в Сибирь и носил преимущественно социально-экономический характер. Как народников, их волновали положение дел на тот момент в золотой промышленности и поиски путей улучшения условий труда рабочих. После переезда в Санкт-Петербург и профессионализации в этнографии, взгляд Клеменца и Макаренко на быт старателей поменялся. Теперь рабочие золотых приисков рассматривались не с точки зрения их актуальных проблем, но через призму «народности», эволюции культуры и истории русских старожилов Сибири.

Ключевые слова: А. А. Макаренко, Д. А. Клеменц, золотые прииски, старатели, рабочие, Сибирь, русские старожилы, Этнографический отдел Русского музея.

В 1904 г. этнограф и фольклорист Алексей Алексеевич Макаренко (1860–1942) совершил экспедицию в Енисейскую губ. продолжительностью пять месяцев. По итогам экспедиции Макаренко приобрел для Этнографического отдела Русского музея коллекцию из 810 предметов и 120 фотографий, представляющую собой энциклопедию крестьянской жизни русского-сибиряка¹. Среди привезенных вещей выделяется комплекс из 46 предметов старательского быта,

зарегистрированный как коллекция № 563 и включающий в себя одежду, дорожные принадлежности и орудия труда рабочих золотых приисков Южно- и Северно-Енисейских горных округов. На фоне этнографических коллекций по классическим темам крестьянской этнографии коллекция по рабочему быту старателей сильно выделяется и порождает вопросы: почему Макаренко собрал и привез эту коллекцию, почему она была принята в собрание музея? Как в музее проявился интерес к золотым промыслам и в чем он состоял?

Прежде чем поехать в Енисейскую губ. в качестве этнографа Макаренко прожил там много лет как политический ссыльный, народник. С 1886 по 1894 г. он жил в с. Ужур Ачинского окр. Енисейской губ., а с 1894 по 1897 г. в с. Казачинском одноименной волости той же губернии. После освобождения Макаренко провел еще два года в Сибири, «плавал по Енисею и Ангаре на судах „Ангарской казенной флотилии”»². Во время ссылки он писал публицистические очерки для сибирских изданий и опубликовал ряд статей в журнале «Живая старина» по этнографии русских старожилов Сибири, благодаря чему получил известность в научной среде.

Определенный интерес к рабочему быту на золотых приисках проявился у Макаренко также еще во время ссылки. В 1892 г. он вызвался в качестве ямщика сопровождать крестьянский обоз на золотые промыслы Южно-Ачинской тайги. Летом 1899 г., уже освободившись из ссылки, Макаренко поехал в Южно-Енисейскую тайгу «для ознакомления с техникой горного дела и жизнью рабочих на золотых промыслах»³. Там же он, чтобы на себе прочувствовать приисковую жизнь, проработал два дня на вашгерде⁴.

Чем, однако, был вызван такой интерес к приисковому быту? Во время ссылки в с. Ужуре Макаренко с товарищами по сельскохозяйственной коммуне – тоже политическими ссыльными – регулярно вел беседы с местными крестьянами о жизни на золотых приисках. По его словам, крестьяне «страстно рассказывали о пережитых мытарствах на приисках, давших им в итоге чрезмерно натушливой работы переломленный грош и сплошное мученье»⁵. Одна из таких историй, вероятно, отразилась в публицистическом очерке Макаренко «Эпизод из приисковой жизни (сказочная быль)»⁶, опубликованном во время ссылки. Рассказы бывших приисковых рабочих производили сильное впечатление на односельчан, вызывали сочувствие к пострадавшим и осуждение преступных деяний «власть имущих». От разговоров о приисковом быте Макаренко с друзьями переходили к обсуждению эксплуатации рабочих капиталистами, разъясняли крестьянам цели и задачи борьбы против существующей власти⁷.

Такая социально-экономическая критика приисковой жизни была широко распространена в сибирской демократической печати.

Публицисты обвиняли золотопромышленность в том, что она превращает многих старателей в калек, пьяниц и нищих, выкачивает рабочие руки из других областей промышленности, отрывает мужчин от земледелия, семьи и сельской общины⁸. Золотая промышленность представлялась локомотивом модернизации, воплощением «дикого капитализма» и вызывала большие опасения у сибирской общественности. Несмотря на это, нельзя было не отметить, что работа на прииске расширяла кругозор сибирского крестьянина. Сам Макаренко в отчете об экспедиции 1904 г. утверждал, что исследованные им Маклаковская и Казачинская волости «заметно эволюционировали в образе жизни, в привычках к одежде и отчасти в сельскохозяйственной жизни» из-за близости к торгово-почтовому тракту Красноярск – Енисей и, парадоксально, благодаря «разлагающему влиянию енисейской золотопромышленности»⁹.

Макаренко не написал специальной научной работы о приисковых рабочих, но отдельные сведения о них включал в свои монографии и статьи о русских старожилах Сибири¹⁰. Этнограф стремился продемонстрировать преемственность культуры русских старожилов по отношению к культуре крестьян центральных губерний, а также их специфику, обусловленную географическими условиями, историей взаимодействия с инородцами и более поздними переселенцами. Такая научная задача была поставлена и активно разрабатывалась в сибирской этнографии А. П. Шаповым, П. А. Ровинским, Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым, Д. А. Клеменцом и др. исследователями из Сибирского отделения Императорского Русского географического общества (далее ИРГО). Дискутировались вопросы: изменились ли русские за столетия жизни в Сибири, являются ли они «культурной силой» на востоке страны? Как происходит русификация инородцев и «обынородчивание» русских?¹¹ Неудивительно, что в трудах сибирских исследователей этнография русских старожилов занимала гораздо более важное место, чем в работах столичных этнографов, интересовавшихся преимущественно «первобытными инородцами», мало затронутыми «цивилизацией»¹².

Вопрос этнографического многообразия русских поднимался и на учредительных совещаниях 1901 г., посвященных «устройству и организации» Этнографического отдела Русского музея. Все участники совещаний – известные ученые – соглашались с тем, что будущий музей должен изучать и демонстрировать русских во всем их разнообразии, но расходились в принципах экспонирования. П. П. Семенов-Тянь-Шанский предлагал показывать русских во всех выделенных им историко-географических областях России вместе с другими населявшими их народами¹³. Другую позицию отстаивал Клеменец, в дальнейшем заведующий Этнографическим отделом.

По его мнению, всех русских следовало показывать в рамках одной культурно-географической области – умеренного пояса с доминированием земледелия¹⁴. В эту концепцию оказалась вписана и тема золотой промышленности. Клеменц, характеризуя разные группы русских, отметил, что на юге Сибири появился «совершенно новый народный промысел, хотя и преследовавшийся до последнего времени» – мелкая золотопромышленность¹⁵. Говоря о прекращении преследования этого промысла, Клеменц, вероятно, имел ввиду принятие «Устава о частной золотопромышленности» 1870 г., разрешившего всем подданным Российской империи заниматься добычей золота, включая крестьян и мещан.

Сам вывод о возникновении нового народного промысла возник не на пустом месте. Во второй половине 1880-х гг. Клеменц по поручению золотопромышленника и мецената И. М. Сибирякова занимался социально-экономическим изучением южно-сибирских приисков с целью предложения мер по улучшению положения рабочих. К концу XIX в. богатые месторождения в этом регионе были исчерпаны, поэтому территория стала осваиваться множеством «мелких золотопромышленных хозяйств, разрабатывающих скудные россыпи маленькими командами»¹⁶. Также он убедился в том, что поменялся состав приисковых рабочих. Если раньше они набирались преимущественно из ссыльных поселенцев, то теперь в рабочие шли разорившиеся местные крестьяне¹⁷.

Таким образом, Клеменц увидел в золотой промышленности «новый народный промысел», а приисковые рабочие оказались новым типом русского сибиряка. Старатели заинтересовали Клеменца-этнографа тогда, когда оказалось возможным концептуально вывести их из «современности». «Новизна» промысла была сугубо хронологической, в то время как свойство «народности» уже помещала его в эволюционное «прошлое» по отношению к современной городской культуре. Крестьянское происхождение и кустарный способ работы приисковых рабочих позволили «этнизировать» их и представить достаточно «русскими» для превращения в легитимный объект этнографического изучения.

На примере Макаренко и Клеменца можно говорить о том, что задача этнографического изучения золотого промысла в Сибири выросла на основе сложившегося социально-экономического интереса к этому промыслу. И если последний появился в условиях политической ссылки, то этнографический интерес возникал по мере профессионализации Клеменца и Макаренко в этнографии: вступления в ряды членов ИРГО и сотрудников Этнографического отдела Русского музея. Тема приискового быта по мере перехода в предметную область этнографии претерпевала определенные

трансформации. Свойственная политизированному социально-экономическому анализу направленность на современность и актуальные проблемы сменилась этнографическим взглядом, рассматривающим свой предмет преимущественно через призму эволюции культуры, истории и «народности».

¹ Отчет о деятельности Русского Музея императора Александра III за 1904 год. СПб.: Государственная типография, 1905. С. 14.

² Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Государственная типография, 1913. С. III.

³ Там же.

⁴ Вашгерд – простейший аппарат для промывки золотоносных песков.

⁵ АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Макаренко А. «Пахота наша в Сибири» (Автобиографический очерк). 1924 г. Л. 127.

⁶ Приискатель [Макаренко А. А.] Эпизод из приисковой жизни (сказочная быль)//Сибирская газета. 1888. № 46. С. 7–9.

⁷ АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Макаренко А. «Пахота наша в Сибири»... Л. 129–130.

⁸ Бушина Н. А. Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в.//Историко-экономические исследования. 2006. № 2. С. 83.

⁹ АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Отчет А. Макаренко Совету РГО о поездке в Вост. Сибирь 1904 г. 1904 г. Л. 9.

¹⁰ Макаренко А. А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб.: Типография «Товарищества Художественной Печати», 1902; Он же. Сибирские песенные старины. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1907; Он же. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении...

¹¹ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914//Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227; Glebov S. Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in Imperial Situation//An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR. Ed. R. Swetkowski and A. Hofmeister. Budapest: Central European University Press, 2013. P. 271–310.

¹² Кузнецова Т. А. Тема Сибири в периодических изданиях Императорского Русского Географического общества второй половины XIX – начала XX в.: Автореф... дис. кан. ист. наук. 07.00.02. Омск, 2009. С. 19.

¹³ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Протоколы и стенографический отчет совещаний по вопросам организации Этнографического отдела Русского музея. 1901 г. Л. 76.

¹⁴ Там же. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Федорова В. И. Рабочий вопрос в неопубликованном наследии Д. А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1983. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 87.

UDC 39; 069

S. S. Petriashin

The Study of Goldminers in The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum: A. A. Makarenko and D. A. Klements

Petriashin Stanislav Sergeevich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, researcher, Ph. D. (History); s-petryashin@yandex.ru

The article traces the history of the collection on the ethnography of the mine workers of the Yenisei province (№ 563, 46 items), acquired by A. A. Makarenko in 1904. This collection stands out strongly against the background of the rest of the collection of the Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum on Russian people which reflects mainly the peasant way of life. The collection was based on a research program for the study of Russians, formulated by D. A. Klementz at the constituent meetings of 1901. Klementz and Makarenko both got their interest in the socio-economic issues of the miners' life during political exile in Siberia. As populists, they worried about the current state of affairs in gold industry and sought for ways to improve miners' working conditions. After moving to St. Petersburg and becoming professionals in ethnography Klementz and Makarenko's views of the life of the miners changed. Now the goldminers were considered not from the point of view of their actual problems, but through the prism of «nationality», the evolution of culture and history of the Russian old settlers of Siberia.

Key words: A. A. Makarenko, D. A. Klementz, gold mines, goldminers, workers, Siberia, the Russian old-settlers, The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum.

Е. Ю. Гуляева

Сотрудники Этнографического отдела Государственного Русского музея
и Государственного музея этнографии в воспоминаниях Е. Н. Студенецкой
о 1930-х годах

Гуляева Евгения Юрьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник; guliaevaevgenia@list.ru

1930-е гг. были страшным и трагичным периодом в истории Российского этнографического музея. Ведущих ученых репрессировали, на их место пришли новые кадры. Вопрос о преемственности в работе поколений и об изменениях, происходивших в музейной практике, будет рассмотрен через призму хранящихся в архиве музея воспоминаний Е. Н. Студенецкой о А. А. Миллере, В. В. Сахарове и В. В. Екимовой.

Этот документ свидетельствует, что в 1930-е гг. метод строительства экспозиций путем «раскладки» был заменен тематико-экспозиционными планами, опирающимися на экскурсионные методические пособия. Сама Студенецкая за эти годы стала профессиональным этнографом и музейным работником. В отношении научной работы ее можно считать ученицей А. А. Миллера, а экскурсионной – последовательницей В. В. Екимовой. Таким образом, Студенецкая, придя в музей на рубеже 1930-х гг., училась музейному делу у всех, кто участвовал в болезненном процессе смены кадров в музее.

Ключевые слова: Этнографический отдел Государственного Русского музея, Государственный музей этнографии, 1930-е гг., Е. Н. Студенецкая, А. А. Миллер, В. В. Сахаров, В. В. Екимова.

В истории Российского этнографического музея (далее РЭМ) 1930-е гг. были очень важным, страшным и трагичным периодом: «В 1929–1933 годах были уволены и арестованы фактически все ведущие ученые музея. В музей пришли новые люди, которые добросовестно выполняли задачи, поставленные перед ними советской властью, стараясь по возможности не отказываться от тради-

ций своих предшественников»¹. Двойственность положения новых кадров вызывала вопросы: была ли преемственность в работе разных поколений сотрудников, кто был учителями «новых людей», кто на них повлиял, что менялось в музейной практике в эти годы?

Этот аспект истории музея будет рассмотрен через призму материалов Евгении Николаевны Студенецкой (1908–1988) – представителя этих «новых людей». В архиве РЭМ, в еще не разобранном фонде, хранятся несколько «эго-документов», в которых упоминаются сведения о 1930-х гг. («В дни блокады»², «Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945)», «Как я стала музейным работником»³). Эти тексты были написаны в 1970–1980-е гг. и имеют ретроспективный характер. На примере воспоминаний о трех значимых для Студенецкой сотрудниках Этнографического отдела Государственного русского музея (далее ЭО ГРМ) и Государственного музея этнографии (далее ГМЭ) будет показано, как складывалась профессиональная биография Евгении Николаевны и что менялось в музее.

Александр Александрович Миллер (1875–1935)

Официально Евгения Николаевна была зачислена на должность научного сотрудника второго разряда III отделения (Кавказа и Средней Азии) ЭО ГРМ 1 декабря 1930 г. Но в музее она появилась раньше, когда заведующим ЭО ГРМ еще был С. И. Руденко. В 1928 г. вместе с группой других студентов отделения этнографии географического факультета Ленинградского государственного университета (далее ЛГУ) она была направлена в музей для организации «консультационной работы в залах»⁴. С января 1929 г. Студенецкая работала внештатным экскурсоводом. Спустя почти два года выдающийся археолог и этнограф А. А. Миллер принял ее в отдел Кавказа. Евгения Николаевна считала себя его ученицей⁵, однако подробности их совместной работы не были известны. Воспоминания немного проясняют этот вопрос. Студенецкая упоминала о Миллере как ученом, оказавшем на нее сильное влияние⁶: «...с ним мне пришлось работать очень недолго, с I/XII-1930 г. по ноябрь 1933 г. Внешняя суровость, скупость на указания и тем более на похвалы приучили к самостоятельности, к поиску и неторопливости публикаций»⁷. В рассказе о становлении ее в качестве музейного работника она писала: «Возвращаясь к работе экскурсоводов в нашем музее, расскажу о том, как трудно сложилось ее начало для меня. А. А. Миллер не подписал моей методички. Она очень отличалась от того, как он сам проводил экскурсии по отделу. Он подводил посетителей к каждому шкафу или стенду, на котором часто размещались экспонаты не по одному народу,

и рассказывал обо всем, что было на стенде, о каждом народе „с начала и до конца”<...>. Экскурсия была длинной, нечеткой и скучной, содержала много повторов и мелочей. Не спасали огромная эрудиция и знания А. А. Миллера. Моя методичка была построена иначе. После вступления А. А. Миллера в природу Кавказа, его многонациональности, я переходила к показу основных занятий, характеризуя их на материалах отдельных народов. Тему горного земледелия – на осетинах, скотоводства и особенно коневодства – на кабардинцах, охоту – на абхазах и сванах, ремесла – на народах Дагестана»⁸. В этом подходе уже проглядывают принципы, следуя которым Евгения Николаевна будет строить свои экспозиции «Народы Северного Кавказа» 1939 и 1982 гг.

В итоге методическое пособие Е. Н. Студенецкой было одобрено экскурсоводами, и новый заведующий ЭО ГРМ Н. Г. Таланов разрешил проведение экскурсий. Евгения Николаевна вспоминала: «А. А. Миллер тайком (находясь на галерее) слушал мои экскурсии и, видимо, они ему нравились, что меня очень обрадовало»⁹. После этого она уже стала работать в его отделе.

В то время там работали Ф. А. Фиельструп, Г. А. Бонч-Осмоловский, В. В. Екимова¹⁰. В 1931 г. произошло разделение III отделения на отделы Кавказа и Крыма под руководством А. А. Миллера и Средней Азии под руководством В. В. Екимовой¹¹. В 1933 г. все эти сотрудники были арестованы. Несмотря на то, что в воспоминаниях об этом ничего конкретно не говорится, Евгения Николаевна упоминает, что «оставшись на третий год работы в музее (1933 г.) единственным сотрудником отдела народов Кавказа в должности младшего научного сотрудника, я работала и одной прислугой за всех. Время от времени мне назначали заведующего. Обычно это были случайные люди, и через 2–3 месяца они уходили. Последним моим „завом” (в 1936 г.) был „папа Сахаров”»¹². Так в музее называли В. В. Сахарова.

Василий Васильевич Сахаров (1881–1942)

Профессиональная биография В. В. Сахарова интересна с точки зрения того, какие люди попадали в учреждения науки и культуры по партийной линии. Василий Васильевич родился в 1881 г. в Петербурге в семье наборщика типографии. Он окончил гимназию, а затем в 1904–1908 гг. учился на юридическом факультете отделения государственно-экономических наук Петербургского университета. Еще студентом Сахаров работал в партийной организации Путиловского завода (в связи с чем был кратковременно арестован). После получения высшего образования он преподавал в школе в Сухуме. В 1916 г. его призвали на службу, и он

снова оказался в Петрограде. В 1917 г. Сахаров стал депутатом Петроградского Совета, участвовал в июльском восстании, был арестован и до 25 октября заключен в «Кресты». В автобиографии он сообщает, что был «освобожден революцией» и руководил оружейным обстрелом Зимнего дворца из Петропавловской крепости. В 1917–1918 гг. Сахаров был активным участником военных действий на стороне большевиков (начальник штаба войск под Детским Селом, на Гатчинском фронте, в Карелии). В 1919–1921 гг. он работал в Саратове и Саратовской обл., сначала редактором газеты, затем заместителем заведующего агитотдела. После возвращения в Петроград в 1921 г. он занимал разные должности на разных предприятиях пока в 1928 г. не был назначен проректором по административно-хозяйственной части Восточного института, а в 1930 г. – ученым секретарем ГРМ. В 1932 г. он занял должность заведующего историко-бытовым отделом. Согласно его автобиографии и анкетам, с мая 1933 по апрель 1934 г. он являлся заведующим ЭО ГРМ¹³. Впоследствии его перевели на должность зам. директора по научной части, а с 1935 г. – заведующего отделом Карелии. Какое-то время он совмещал эту работу с заведованием отдела Кавказа, а потом возглавил отдел Северо-Запада СССР. Научных трудов, согласно его анкете, он не имел. Умер В. В. Сахаров в 1942 г. по дороге из блокадного Ленинграда¹⁴.

В воспоминаниях Студенецкая дает ему такую характеристику: «Старый коммунист, член партии с 1904 года, человек заслуженный, но с большими странностями в быту и довольно комической внешностью. Относились к нему со смешанным чувством уважения и усмешки»¹⁵. Как она написала, с Сахаровым у нее были сложные отношения. В 1936 г. вместе с ним она ездила к карачаевцам: «Он был человеком с высшим образованием, большой культуры, богатым жизненным опытом. При этом человеком кристальной честности и высокого чувства ответственности. Но к Кавказу имел только то отношение, что в юности поднялся на Эльбрус. Несколько месяцев спустя мы с ним и еще одним сотрудником (Н. Э. Герия. – *Е.Г.*) отправились в этнографическую экспедицию на Северный Кавказ. Эта поездка показала, что он не только не имел нужных знаний и навыков, но его странные привычки и чудачества не позволяли установить необходимый для этнографа контакт с населением... По возвращении в Ленинград, директор музея (Н. Г. Таланов. – *Е.Г.*) вызвал нас обоих к себе и в присутствии В. В. Сахарова спросил моего мнения об экспедиции и его работе в ней. Я вынуждена была откровенно высказать свое суждение о неподготовленности заведующего к работе в условиях экспедиции: „Василий Васильевич невольно мешал нашей работе“. С трепетом я ждала ре-

зультатов моей прямоты. Через несколько дней В. В. Сахаров был переведен на другую работу, а я назначена и.о., а вскоре и заведующей отделом народов Кавказа»¹⁶. Е. Н. Студенецкая стала старшим научным сотрудником отдела народов Кавказа и Крыма ГМЭ в 1936 г., исполняющей обязанности заведующего – в 1937 г., заведующей – в 1938 г. На этой должности она проработала до 1981 г.

Несмотря на то что Евгения Николаевна возглавила отдел после открытой критики Сахарова, в том же 1938 г. он заявил о готовности дать ей рекомендацию для вступления в партию: «Я была потрясена и вместе с тем рада, что такой человек, такой коммунист сам обратился ко мне с таким предложением. Несколько часов продолжалась его беседа со мной обо мне, моих родителей. Эту беседу я запомнила на всю жизнь»¹⁷.

В фонде Студенецкой сохранились протоколы партийных собраний, на которых обсуждался ее прием в партию. В них отражен список заданных ей вопросов. Большинство из них касалось ее родителей и личной жизни, но среди них был и еще один: «В каких взаимоотношениях работала т. Студенецкая с Миллером, ныне врагом»¹⁸.

Вера Васильевна Екимова (1880–1942)

Еще одним человеком, оказавшим влияние на Студенецкую, была уже упоминавшаяся выше В. В. Екимова, возглавившая в 1931 г. отдел Средней Азии. Она была сотрудником Музея антропологии и этнографии Академии наук (далее МАЭ), погибла во время Блокады Ленинграда и стала одним из героев статьи «Отдание долга» А. М. Решетова¹⁹. Екимова родилась в Детском Селе в 1880 г. в семье «классного художника», получила домашнее образование, в 1916 г. экстерном сдала экзамен за 7 классов при Покровской гимназии. В 1915–1918 гг. она была слушательницей Института истории искусств (Зубовский институт), в 1918 г. поступила в Археологический институт. Ее интересовало древнерусское искусство. С 1919 по 1921 г. Екимова работала в ЭО ГРМ регистратором, потом научным работником (под руководством К. К. Романова), участвовала в экспедиции в Новгородскую губ. и привезла ряд коллекций. Окончив Археологический институт (в 1922/23?), Вера Васильевна была оставлена при нем научным сотрудником, а после того как он вошел в состав Петроградского университета, позже переименованного в ЛГУ, работала в последнем до 1931 г. В то время ее научные интересы были связаны со Средней Азией²⁰.

А. М. Решетов пишет, что Вера Васильевна вернулась в ЭО ГРМ в январе 1931 г.²¹, но в действительности в качестве руководителя «ячейки экскурсоводов» при экскурсионно-лекторской базе

Ленинградского отдела народного образования, объединявшей сотрудников ЭО ГРМ и МАЭ, она существенно влияла на просветительную работу музея с 1927 г. («создала по существу целую школу экскурсоводов») ²². Именно этому аспекту ее деятельности Студенецкая уделила внимание в своих воспоминаниях: «Экскурсоводы в 1929 г. объединялись в так называемую „ячейку экскурсоводов”. Обучение и методическую подготовку осуществляла специалист по народам Средней Азии В. В. Екимова, в те годы единственный член партии в этнографическом отделе (с 1927 г.— *Е.Г.*) Она сама была прекрасным экскурсоводом, увлеченным и вдохновленным. Ее экскурсии пользовались большим успехом» ²³. Именно Екимова утвердила методическое пособие Студенецкой вместо Миллера. По-видимому, влияние Веры Васильевны определило то, какое огромное значение придавала Студенецкая просветительной и пропагандистской работе, и в строительстве экспозиций она опиралась на опыт подготовки и проведения экскурсий: «Работа над составлением методички была весьма полезна в дальнейшем для создания планов экспозиций, вошедших в быт нашего музея в 1930-х годах» ²⁴.

А. М. Решетов упоминает, что частью партийной работы Екимовой были совместные с Н. Г. Талановым действия «по расслоению научных сотрудников музея и выявлению чуждых элементов» ²⁵. В 1932–1934 гг. Вера Васильевна серьезно болела, а с 15 февраля 1934 г. и до смерти, 2 апреля 1942 г., числилась уже сотрудницей МАЭ.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что 1930-е гг. были временем становления Е. Н. Студенецкой как профессионального этнографа и музейного работника. В конце 1930-х гг. уже при следующем директоре ГМЭ Е. А. Мильштейне Евгения Николаевна являлась членом комиссии, разрабатывавшей «профиль ГМЭ», и готовила перспективный план экспозиционных работ ²⁶. Ефим Абрамович пригласил ее преподавать на кафедре музейного дела при Политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской, где в 1939–1941 гг. она вела курс «Методика и техника экспозиции» ²⁷. Воспоминания Евгении Николаевны свидетельствуют, что метод строительства экспозиций посредством «раскладки» был заменен тематико-экспозиционными планами, в основу которых легли экскурсионные методические материалы. В отношении научной работы ее можно считать ученицей А. А. Миллера, а экскурсионной – последовательницей В. В. Екимовой. Она пришла в музей в то время, когда в нем, как и во всей стране, шла смена кадров. Она работала и с теми, кого репрессировали в это время, и с теми, кто проводил эти репрессии, и с теми, кто был их свидетелями

и невольными участниками. Музейному делу она училась у всех, со временем став чуть ли не единственным представителем тех сотрудников, кто сохранил опыт и знания этнографической науки первой трети XX в.

¹ Шангина И.И. 1930-е годы//Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб.: Славия, 2001. С. 40.

² В дни блокады. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/v-dni-blokady/> (Дата обращения: 7.09.2021).

³ Фонд Е.Н. Студенецкой находится в архиве в процессе научной обработки, поэтому в ссылках указывается только название документа.

⁴ Крыжановский Б. К вопросу о приеме на службу Е.Н. Студенецкой // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. Л. 192.

⁵ Дмитриев В.А., Селиненикова Е.Я. Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988). Армавир; СПб.: [б.и.], 1997. С. 4.

⁶ Наряду с И.А. Орбели, С.В. Ивановым, Ю.П. Францевым.

⁷ Филиал музея...//АРЭМ. Фонд Е.Н. Студенецкой.

⁸ Как я стала... //АРЭМ. Фонд Е.Н. Студенецкой.

⁹ Там же.

¹⁰ Список научного, научно-технического и технического персонала ЭО ГРМ на 1 января 1931 г.//АРЭМ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. Л. 173 об.

¹¹ Выписка из приказа № 19 от 19 февраля 1931 г.//АРЭМ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. С. 191.

¹² В дни блокады... // АРЭМ.

¹³ Отметим, что на сайте музея единственным руководителем ЭО ГРМ, а потом ГМЭ с 1930 по 1937 гг. числятся Н.Г. Таланов: URL: <https://ethnomuseum.ru/muzej/istoriya-muzeya/#Rukov03> (Дата обращения 7.09.2021). В юбилейном альбоме РЭМ упоминается, что директором с 1934 по 1935 г. был П.И. Воробьев (Российский этнографический музей 1902–2002. СПб.: Славия, 2001. С. 4).

¹⁴ Личное дело В.В. Сахарова // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 208.; В дни блокады... // АРЭМ. Фонд Е.Н. Студенецкой.; см. также раздел «Известные революционеры» на сайте об истории СССР. URL: http://www.istoriaccsr.ru/saharov_vasilii_vasi.html (Дата обращения: 07.09.2021).

¹⁵ В дни блокады... // АРЭМ. Фонд Е.Н. Студенецкой.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Выписка из протокола № 5 партийного собрания ГМЭ от 28 марта 1939 г. // АРЭМ. Фонд Е.Н. Студенецкой.

¹⁹ Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 56–57.

²⁰ Переписка с научным сотрудником В.В. Екимовой по собиранию этнографических вещей в Новгородской губ. и Узбекской ССР, описи вещей. 1921–1933 гг. // АРЭМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 68. Л. 1.; Решетов А.М. Указ соч. С. 56–57.

²¹ Там же. С. 56.

²² Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела СССР. Выпуск VII. М.: Советская Россия, 1971. С. 29.

²³ Как я стала... // АРЭМ. Ф. Е. Н. Студенецкой.

²⁴ Там же.

²⁵ Решетов А. М. Указ соч. С. 56.

²⁶ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 53.

²⁷ Там же.

UDC 39; 93

E. Yu. Guliaeva

The Staff of the Ethnographic Department
of The State Russian Museum and
The State Museum of Ethnography in the
E. N. Studenetskaya's Memoirs about the 1930s.

Guliaeva Evgenia Yuryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus and Central Asia, research fellow; guliaevaevgenia@list.ru

The 1930s were a terrible and tragic period in the history of The Russian Museum of Ethnography. The leading researches were repressed and new people took their place. The issue of continuity in the work of different generations and changes in museum practice is considered through the prism of Studenetskaya's memories about A. A. Miller, V. V. Sakharov, and V. V. Ekimova.

The documents witness that in the 1930s. the method of constructing expositions by means of «layout» was replaced by thematic exposition plans that grew out of excursion manuals. Over these years, Studenetskaya herself become a professional ethnographer and museum worker. In terms of scientific work, she can be considered as Miller's student, and in excursion work, she followed V. V. Ekimova. At the turn of the 1930s, Studenetskaya had learned museum work from everyone who participated in the painful process of changing staff in the museum.

Key words: the Ethnographic Department of The State Russian Museum, The State Museum of Ethnography, 1930s, E. N. Studenetskaya, A. A. Miller, V. V. Sakharov, V. V. Ekimova.

Т. В. Пинкусова

Вклад Г.Н. Бабаянц в комплектование
и изучение русских изразцов (коллекция Россий-
ского этнографического музея)

Пинкусова Татьяна Владимировна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел научной документации, специалист; tasha_pin@mail.ru

В докладе рассматривается вклад Г.Н. Бабаянц (1930–2007) по комплектованию и изучению собрания русских изразцов. В 1950-х гг. в экспедиционных поездках по Русскому Северу Бабаянц приобретает изразцы второй половины XVII–XVIII вв., фотографирует изразцовые печи и старинные храмы с керамическим декором, изучает коллекции изразцов в других музеях. Накопленный материал был обобщен и систематизирован исследователем в статье «Вологодские изразцы с рельефным орнаментом XVII–XVIII вв.», а также использован для музейного учета ранее ошибочно исключенных и не зарегистрированных изразцов.

Ключевые слова: Г.Н. Бабаянц, Российский этнографический музей, изразец, изразцовая печь, Русский Север, архитектурная керамика, коллекция.

.Заслуженный работник культуры Галина Николаевна Бабаянц почти 50 лет трудилась в Государственном музее этнографии (с 1948 г. – Государственный музей этнографии народов СССР, с 1992 г. – Российский этнографический музей, РЭМ). В 1953 г. после окончания кафедры археологии и этнографии Ленинградского государственного университета (ЛГУ) она пришла работать в отдел этнографии русского народа, затем была назначена заведующей экспозиционно-выставочным отделом, последние 16 лет работала в должности специалиста отдела научной документации. Кроме основной профессиональной деятельности Галина Николаевна была избрана членом бюро Отделения этнографии Русского географического общества, депутатом Дзержинского районного совета депутатов трудящихся Ленинграда.

В сферу научных интересов Галины Николаевны входили этнографические памятники Русского Севера; ее перу принадлежат несколько публикаций, некоторые написаны в соавторстве¹. В на-

стоящем докладе рассматривается деятельность Г. Н. Бабаянц по формированию и изучению коллекции изразцов.

Собрание русских изразцов РЭМ насчитывает около 3500 единиц хранения и включает в себя все типы этих керамических изделий. Целенаправленное комплектование собрания началось в 1903 г. в то время в Этнографическом отделе Русского музея. В формировании коллекции принимали участие сотрудники музея – Н. Н. Виноградов, Е. А. Ляцкий, Д. Т. Янович; коллекционеры – В. А. Андроников, П. Е. Голубинский, Ф. Г. Шилов, А. Е. Ечкин, Ф. М. Плюшкин; архитекторы Г. И. Котов, П. П. Покрышкин; археолог Н. И. Репников; профессор ЛГУ Д. Т. Тищенко; художник К. Д. Далматов; иеромонах Кирилло-Белозерского монастыря Антоний (Александров). Изразцы и изразцовые печи поступали из Государственного музейного фонда, Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой, упраздненного Музея народов СССР, бывшего историко-бытового отдела Русского музея.

В конце 1950-х гг., когда изразцы и изразцовые печи практически вышли из обихода, работу по комплектованию собрания продолжила Г. Н. Бабаянц. Из экспедиционных поездок в Пермскую и Вологодскую обл. она привезла 44 изразца (кол. № 7076, 7170), среди которых редкие памятники второй половины XVII–XVIII вв. из частных домов гг. Соликамск, Великий Устюг, Тотыма и с. Дымково, а также изразцы из декора вологодской церкви Сретения Господня. Фотодокументальный фонд музея пополнили снимки изразцовых печей и старинных храмов с керамическим фасадным декором, сделанные ею в Вологде, Ярославле, Сольвычегодске, Великом Устюге. В 1955 г. вологодский профессиональный фотограф Тихонов по заказу Бабаянц сделал пять снимков изразцовых печей на экспозициях краеведческого музея Вологды². Эти фотографии были использованы в 1950-х гг. при разработке тематико-экспозиционного плана экспозиции «Русские. Вторая половина XIX – начало XX в.» для воссоздания изразцовой печи³. Печной комплект из плоских расписных изразцов второй половины XVIII в. поступил в музей в 1910 г. из Вологодской губ.

В 1958 г. Г. Н. Бабаянц начинает большую работу по постановке на музейный учет ранее ошибочно исключенных и не имеющих номеров и не зарегистрированных изразцов, обнаруженных в ходе общей инвентаризации музейных фондов (461–изразец; кол. № 7046). Выявленные в ходе регистрации поврежденные изразцы (21 предмет) были переданы в реставрационную мастерскую музея, где их привели в состояние, обеспечивающее их длительное хранение, научное изучение и экспонирование.

Накопленные материалы обобщены и систематизированы в 1958 г. в статье «Вологодские изразцы с рельефным орнаментом XVI–XVIII вв.»⁴, работа была обнаружена в архиве музея, к сожалению, она не была опубликована. Документ представляет собой 50 машинописных листов с авторской правкой. В предисловии Галина Николаевна сообщает, что материалы для статьи подготовлены по результатам изучения фондов Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Ленинградского высшего художественного промышленного училища им. В. И. Мухиной, Государственного Исторического музея, Музея истории и реконструкции Москвы, а также краеведческих музеев Вологды, Великого Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска. Она изучила немногочисленную, опубликованную к тому времени научную литературу, кроме того, материалы архивов Вологды, Тотьмы, Великого Устюга, Сольвычегодска и частного архива известного исследователя русских изразцов А. В. Филиппова. Исследовательница отмечает: «Московским и ярославским изразцам посвящены обширные публикации, в том числе и появившиеся за последние годы. Северные же изразцы почти не нашли освещения в литературе, за исключением некоторых упоминаний в общих работах». Автор указывает, что цель работы – «уточнить датировку и выявить специфические черты, присущие северным изразцам»⁵.

Г. Н. Бабаянц рассматривает изразцы Русского Севера середины XVII – начала XIX в. в хронологической последовательности. В соответствии с особенностями декоративного оформления лицевой пластины, размерами и формой черепка и румпы, изразцы систематизированы и разделены на 11 групп. Исследовательница указывает места применения изразцов – в фасадном убранстве церквей или (и) в печных облицовках, находит им аналогии среди изделий других керамических центров страны (Москвы, Ярославля, Углича и др.); рассматривает, как на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. совершенствовались технологии изготовления керамических изделий, а также форма и размер румпы и черепка, характер орнамента.

Большой интерес представляет раздел, в котором Бабаянц описывает увиденные ею в экспедициях, сохранившиеся на то время памятники. Это, прежде всего, изразцовые облицовки церквей Вологды, Белозерска, Великого Устюга, Сольвычегодска, а также изразцовые печи в домах Макеева (д. Астафьевская Сольвычегодского у.), Глазер и Павловой (г. Великий Устюг), Бызова (с. Дымково), Попова (д. Мордановская Красноборского р-на); во внутреннем убранстве церкви Вознесения Господня и больничного корпуса

Архангельского монастыря (г. Великий Устюг), дома купца Гоутмана (Петра I) и городской библиотеки (г. Вологда).

Не утратил научное значение вывод Бабаянц о том, что изразцы Русского Севера XVIII столетия стоят ближе к местным изделиям XVII в. и отличаются от произведенных в данный период на территории остальной России плоских расписных изразцов. В связи с чем часто при атрибуции северных изразцов их ошибочно относят к более ранним изделиям второй половины XVII в.

Статья написана Бабаянц в середине XX в., когда не было специальных публикаций, посвященных изучению северных изразцов, что придает ей особую научную ценность. К сожалению, по неизвестной причине работа осталась неизданной, лишь небольшая часть материалов вошла в статью «Изразцы Русского Севера», написанную в соавторстве с Н. В. Вороновым⁶. Уже позднее, в 1960–1980-х гг., были изданы книги, подготовленные другими авторами и посвященные памятникам Русского Севера с отдельными упоминаниями о керамическом убранстве церквей и старинных изразцовых печах⁷. В 2012 г. к этой теме обратилась Ю. Ю. Лисенкова сначала в своей диссертации, а затем в публикациях; одна из статей написана ею в соавторстве с С. И. Барановой⁸.

Таким образом, приступив к исследованию русских изразцов, в середине XX столетия, когда данный вид памятников традиционной культуры еще не являлся объектом пристального внимания ученых, Галина Николаевна Бабаянц внесла существенный вклад в их изучение и сохранение. Благодаря ее деятельности в собрание РЭМ были включены новые и атрибутированы ранее поступившие в фонды музея изразцы XVII–XIX вв., органично дополнившие музейную коллекцию памятников по традиционной культуре русского народа.

---

¹ Бабаянц Г. Н. Поморские куклы-«панки»//Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 105–117; Бабаянц Г. Н., Комлева Г. Н. Женские и девичьи головные уборы Костромской губернии//Краткие тезисы докладов к научной конференции «Проблемы изучения народного искусства». Л., 1972. С. 74–76; Бабаянц Г. Н., Комлева Г. Н. Женские и девичьи головные уборы Костромской губернии//Сообщения Государственного Русского музея. М., 1976. Вып. XI. С. 163–168; Бабаянц Г. Н., Воронов Н. В. Изразцы Русского Севера//Декоративное искусство СССР. 1964. № 12. С. 35–36; Бабаянц Г. Н. Путеводитель по экспозиции «Русские. Вторая половина XIX–начало XX в. ГМЭ. Л., 1961; Бабаянц Г. Н. Государственный музей этнографии народов СССР. Фотоподборка. Л., 1963; Бабаянц Г. Н. Русский народный пряник. Каталог выставки. Л., 1976; Бабаянц Г. Н. Ком-

плектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов. Современные периоды. Л., 1979.

² Архив отдела учета. Кн. 625. Протокол 14 заседания ЭФЗК. 1955 г.

³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1188. Л. 3.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 241.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Бабаянц Г. Н., Воронов Н. В. Изразцы русского севера//Декоративное искусство СССР. 1964. № 12. С. 35–36.

⁷ Шильниковская В. П. Великий Устюг: развитие архитектуры города до середины XIX в. М., 1987; Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. Л., 1983.

⁸ Лисенкова Ю. Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII – первой половины XVIII века: этапы развития и художественные особенности: Автореф. дис. канд. искусствоведения. М., 2012. [URL]: <http://www.dissers.ru> (Дата обращения 2015 г.); Баранова С. И., Лисенкова Ю. Ю. Изразцовый декор памятников архитектуры Великого Устюга. Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 77–94.

UDC 069.051

T. V. Pinkusova

Contribution of G. N. Babayants
in the Acquisition and Study of The Russian
Museum of Ethnography's Collection
of The Russian Tiles

Pinkusova Tatyana Vladimirovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Scientific Documentation, the specialist; tasha_pin@mail.ru

The report considers the contribution of G. N. Babayants (1930–2007) on the acquisition and study of The Russian Museum of Ethnography's collection of The Russian tiles. In the 1950s, on expeditionary trips to the Russian North, Babayants acquired tiles of the second half of the 17th – 18th centuries, took pictures of tiled stoves and ancient temples with ceramic decor, and studied tile collections in other museums. The accumulated material was summarized and systematized by the researcher in the article «Vologda tiles with relief ornament of the 17th-18th centuries» and was also used to attribute artifacts had been previously included in the museum's collection.

Key words: G. N. Babayants, The Russian Museum of Ethnography, tile, tile stove, The Russian North, architectural ceramics, collection.

Е. В. Дьякова

Вклад Я.Ф. Головацкого в формирование
коллекций по этнографии лемков,
бойков и гуцулов Российского
этнографического музея

Дьякова Елена Васильевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдовы, научный сотрудник; dyiakova.elena@gmail.com

Доклад посвящен деятельности Я.Ф. Головацкого, связанной со сбором костюмов жителей Восточной Галиции (бойков, лемков и гуцулов) для Всероссийской этнографической выставки, которая прошла в 1867 г. в Москве. Вдохновленный идеей представить славянские народы, проживавшие за пределами юго-западной границы Российской империи, Я.Ф. Головацкий организовал сбор фотографий, а также вещей для костюмов, которые в настоящее время являются самыми ранними коллекциями по этнографии лемков, бойков и гуцулов в Российском этнографическом музее.

Ключевые слова: Восточная Галиция, бойки, лемки, гуцулы, Я.Ф. Головацкий, Всероссийская этнографическая выставка.

В Российском этнографическом музее (РЭМ) имеется интересная коллекция* костюмов и фотографий (гуцулы, лемки и бойки), собранная в 1866 г. для Всероссийской этнографической выставки в Москве. Ее скомплектовал Яков Федорович Головацкий (1814–1888), священник, фольклорист, известный ученый-славист, профессор и декан кафедры русского языка и русской словесности Львовского университета, автор трехтомника «Народные песни Галицкой и Угорской Руси»¹.

Основной целью доклада является освещение истории формирования этой коллекции и ее включения в состав собрания РЭМ,

---

* После поступления коллекции в Российский этнографический музей вещевым экспонатам был присвоен коллекционный номер: РЭМ № 8762, а фотографиям: РЭМ № 8764.

а также анализ ее значения для изучения славянских народов Карпатского региона.

Всероссийская этнографическая выставка была организована Обществом естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. Одной из ее задач была актуализация национального самосознания русского общества. Куратором славянского отдела выставки был профессор Нил Александрович Попов, который предложил представить славянские этносы Центральной и Юго-Восточной Европы и тем самым показать родство и близость всех славян. Комитет выставки поручил установить контакты с европейскими славянскими научными обществами М. Ф. Раевскому, протоиерею церкви при русском посольстве в Вене, который и пригласил Я. Ф. Головацкого. Последний высоко оценил важность выставки «для науки, для осознания однородства славян и для скрепления взаимности между разрозненными племенами того многочисленного колена»² и с большим воодушевлением включился в работу. Проживая во Львове, ученый договорился о содействии по сбору экспонатов и фотографий с культурно-образовательными славянскими общественными организациями: Народный дом и Галицко-русская матица выделили на эти цели 200 гульденов. В Галицко-русской матице был создан специальный комитет, в который, помимо Я. Ф. Головацкого, вошел священник Иоанн Лавровский, а также писатель и журналист Богдан Андреевич Дедицкий. Комитет решил сосредоточиться на сборе костюмов «галицийских горцев» – гуцулов, бойков и лемков³. При помощи Народного дома и Галицко-русской матицы были найдены ревнители собирательского дела. Наиболее активными из них оказались учитель Дрогобычской гимназии Алексей Иванович Псоронский, который приобрел костюмы лемков, а также священник из с. Доры Тит Кириллович Блонский, пообещавший прислать костюмы гуцулов и фотографии⁴. Таким образом, Я. Ф. Головацкий скомплектовал семь комплексов, шесть из которых в настоящее время находятся в РЭМ. Это костюмы лемков: мужской (мужской костюм лемка состоит: из сорочки, РЭМ № 8762–11545; штанов, РЭМ № 8762–11548; верхней одежды, РЭМ № 8762–11580; лаптей, РЭМ № 8762–11549–1,2) и женский (костюм девушки-лемки включает: рубаху, РЭМ № 8762–11550; передник, РЭМ № 8762–11564; обувь, РЭМ № 8762–11573; платок, РЭМ № 8762–11571; юбку, РЭМ № 8762–11557; головной убор, РЭМ № 8762–11569; носки, РЭМ № 8762–11572; полотенце, РЭМ № 8762–11583; чепец, РЭМ № 8762–11569; сапоги, РЭМ № 8762–11573) из с. Завадки Дуклянского у. Саноцкого округа; костюмы бойков: мужской (мужской костюм бойка состоит: из сорочки, РЭМ № 8762–11601; пояса, РЭМ

№ 8762–11603; штанов, РЭМ № 8762–11602; онучей, РЭМ № 8762–11605–1,2; лаптей-постолов, РЭМ № 8762–11606–1,2; шляпы, РЭМ № 8762–11604; шнурков, РЭМ № 8762–11607–1,2; сердца, РЭМ № 8762–11608) и женский (в женский костюм «бойцунки» входят: сорочка, РЭМ № 8762–11609; юбка, РЭМ № 8762–11610; передник, РЭМ № 8762–11611; пояс, РЭМ № 8762–11612; ожерелье, РЭМ № 8762–11617; бусы, РЭМ № 11618 и № 11619; крест, РЭМ № 8762–11620; платки, РЭМ № 8762–11613 и № 8762–11614; сапоги, РЭМ № 8762–11616) из с. Перегонска Стрыйского округа; гуцульские костюмы: мужской (в мужской гуцульский костюм входят: сорочка, РЭМ № 8762–11367; штаны, РЭМ № 8762–11369; пояс, РЭМ № 8762–11378; пороховница, РЭМ № 8762–11536; сумка, РЭМ № 8762–11529; шапка, РЭМ № 8762–11383; сердак, РЭМ № 8762–11392; постолы, РЭМ № 8762–11387–1,2 или № 8762–11388–1,2; крест, РЭМ № 8762–11534) и женский (костюм девушки-гуцулки включает: сорочку, РЭМ № 8762–11403; запаски, РЭМ № 8762–11410, № 8762–11411, № 8762–11412; онучи, РЭМ № 8762–11414–1,2; постолы, РЭМ № 8762–11415–1,2; сумку, РЭМ № 8762–11530; головной убор, РЭМ № 8762–11419; шейное украшение, РЭМ № 8762–11438; бусы с крестом, РЭМ № 8762–11439; ожерелье, РЭМ № 8762–11437) из с. Доры Станиславского округа; костюм девушки* из с. Старый Гвоздец Коломыйского округа. Комплексы датируются концом XVIII – первой половиной XIX в. и являются типичными праздничными костюмами лемков, бойков и гуцулов Карпат того времени с присущими им региональными отличиями. Я. Ф. Головацкий обращал особое внимание на полноту костюмов, поэтому некоторые из них были скомплектованы «с запасом». Исключение составил костюм «коломыйки», в котором не было верхней одежды, поэтому предполагалось продемонстрировать его летний вариант.

Собранные вещи опраивались на выставку, сгруппированные по костюмным комплексам. Помимо подробного описания вещей и информации о назначении, бытовании и локальных особенностях, Я. Ф. Головацкий давал рекомендации о том, как нужно надевать костюмы, а также сообщал о том, как упакована конкретная вещь⁵.

Кроме костюмов, Я. Ф. Головацкий передал на выставку 56 фотографий⁶, 47 из которых были на ней представлены. При сборе фотографий возникло две трудности. Первая заключалась в недостаточном мастерстве местных фотографов, вторая – в нежелании сельчан фотографироваться. Интересный случай отказа фотогра-

* На данный момент сведений о его поступлении в РЭМ не обнаружено.

фироваться связан с графом Владимиром Дзедушицким в с. Чистопады Залозецкого у., куда он отправился с фотографом, чтобы сделать снимки «красивого и опрятного одеяния сельчан». Однако появление графа родило у жителей села слух: что тех, кого сфотографируют, заберут поляки, поэтому они отказались, не смотря на личные уговоры графа и предложение денег⁷.

Большой удачей, способствовавшей пополнению выставки фотографиями, стало знакомство Я. Ф. Головацкого со священником Илларионом Нижанковским. «Фотограф не наемник, не ремесленник, а любитель и ревнитель по народности и знаток дела, таки из нашей русской во Христе братии»⁸, – так характеризовал его Головацкий⁹. И. Нижанковский сделал и раскрасил фотографии костюмов из с. Завадка Дуклянского у. Саноцкого округа (мужчина и женщина в фас и профиль, группы мужчин и женщин, жилище лемков), а также в горах Станиславского у., «ориентируясь на рекомендации фотографической комиссии выставки и выбирая, в первую очередь, „занимательное, характеристическое и типическое“»¹⁰. Сам Илларион Нижанковский с семьей изображен на одной из поступивших фотографий (РЭМ № 8764–2773). На выставку Головацкий передал 52 фотографии И. Нижанковского и, поскольку фотограф не требовал вознаграждения за свою работу, внес предложение Комитету выставки поощрить его труд признательностью и медалью¹¹. Помимо коллекции Нижанковского, на выставку, а впоследствии в РЭМ, поступили еще 4 фотографии: три с изображением групп гуцулов из с. Доры над Верхним Прутом Станиславовского округа и одна с изображением бойков, девушки и парня из с. Перегонск Стрыйского округа, снятая в Станиславо-ве в качестве иллюстрации для одевания бойковского костюма на манекен¹².

Фотографии, поступившие в РЭМ от Я. Ф. Головацкого и И. Нижанковского, были выполнены в с. Синеводске (женские и мужские, одиночные и групповые портреты, вид села и жилища), с. Завадка (портрет лемчанки в фас и профиль, мужской портрет, группы женщин и мужчин, хижина и церковь) и в с. Мальчицы Стрыйского округа (групповые и одиночные, женские и мужские портреты, фотографии жилища, две – интерьеров хаты, фотографии церкви, свадебной и похоронной процессии, мятья льна, сцен из жизни помещика барона Мальтица из с. Ступниц Самборского окр., пастушеского и жатвенного праздников). Эти снимки являются одними из ранних фотографий, фиксирующих самих лемков, гуцулов и бойков, а также их быт и жилища.

После окончания выставки коллекция начала свой «музейный путь», войдя в составе Дашковского этнографического му-

зея в собрание Московского Публичного и Румянцевского музеев. В 1924 г. он был преобразован в Центральный музей народоведения (с 1934 г. Государственный музей народов СССР), а в 1948 г. был закрыт, после чего эта коллекция поступила в Российский этнографический музей.

Таким образом, Я. Ф. Головацкий провел системную и комплексную работу по подбору костюмов жителей горных районов Восточной Галиции и фотографий, насыщенных этнографическими реалиями этих мест. Особенно следует отметить его старания и заботу, касающиеся правильного надевания костюмов на манекены, которое нашло отражение в его заметках и описаниях вещей и специально выполненных фотографиях с примерами. Благодаря ему была собрана и подробно описана самая ранняя коллекция костюмов и фотографий лемков, бойков и гуцулов, которая сегодня является ценнейшим источником для изучения этнографических групп славянских народов.

---

¹ Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким. М., 1878. Т. 3.

² Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.

³ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 1, 2.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.

⁵ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 12.

⁶ Указатель Русской этнографической выставки устроенной Императорским обществом любителей естествознания в 1867 году. М., 1867. С. 141.

⁷ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

¹² Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 19.

UDC 069.02

E. Dyakova

J.F. Golovatsky's Contribution in the Formation of Collections on the Ethnography of the Lemkos, the Boyks and the Hutsuls in The Russian Museum of Ethnography

Dyakova Elena Vasilievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, research fellow; dyiakova.elena@gmail.com

The article is devoted to the activity of Y. F. Golovatsky in collecting costumes of residents of the Eastern Galicia (Boikov, Lemkov and Hutsuls) for The All-Russian Ethnographic Exhibition, which was held in 1867 in Moscow. Inspired by the idea of representing the Slavic peoples living outside the southwestern border of The Russian Empire, Ya. F. Golovatsky organized the collection of photographs and items for costumes, which are currently the oldest collections on ethnography of the Lemks, the Boyks and the Hutsuls in The Russian Museum of Ethnography.

Key words: Eastern Galicia, the Boyks, the Lemks, the Hutsuls, Ya. F. Golovatsky, The All-Russian Ethnographic Exhibition.

В. А. Баранова

История формирования коллекций Российского этнографического музея по традиционной культуре украинцев на территории Воронежской и Курской губерний

Баранова Валерия Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдовы, научный сотрудник; baranovavaleron@gmail.com

В фондах Российского этнографического музея представлены памятники традиционной культуры украинцев второй половины XIX – начала XX в., проживавших на территории Воронежской и Курской губ. В докладе рассматривается история формирования данных коллекций, более подробное изучение которых позволило бы восполнить существующие в отечественной науке лакуны в исследовании этнокультурного своеобразия украинского населения, проживающего на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: русско-украинское пограничье, украинцы, этнографические коллекции, Российский этнографический музей, Воронежская губ., Курская губ.

В процессе формирования украинских коллекций Российского этнографического музея (далее РЭМ), особое внимание уделялось сбору памятников культуры украинцев, проживавших в Воронежской и Курской губ. В собрании РЭМ хранятся вещевые коллекции, фото- и иллюстративные материалы, а также архивные документы, изучение которых помогло бы восполнить существующие в отечественной науке лакуны в исследовании локальной специфики этнической культуры украинского населения, проживающего в Российской Федерации. В рамках доклада рассматривается история формирования украинских вещевых и фотоколлекций, собранных в указанных губерниях.

Наиболее интенсивно украинцы переселялись на территорию будущих Воронежской и Курской губ. в XVII–начале XVIII в.¹ В целом, в XVIII в. в Воронежской и Белгородской (позднее преобразованной в Курскую) губ. украинское население составляло около

трети жителей и было сосредоточено преимущественно в юго-западных уездах².

Доля украинцев, несмотря на численный прирост в XIX в., начала постепенно снижаться, что было обусловлено более высокими темпами воспроизводства русского населения, миграционными и ассимиляционными процессами. Согласно данным переписи 1897 г., 36,2% (887196 чел.) жителей Воронежской губ. и 22,9% (502234 чел.) жителей Курской губ. считали родным украинский язык. Большинство украинцев по-прежнему проживало в юго-западных частях этих губерний, составляя в некоторых уездах этническое большинство. Так, в Воронежской губ. украинское население преобладало в Острогжском у. (90,3%), Богучарском у. (81,8%) и Бирючинском у. (70,7%), а в Павловском и Валуйском около половины жителей были украинцами. В Курской губ. представители украинского этноса имели численный перевес в Грайворонском у. (60,4%), Путивльском у. (55,3%) и Новооскольском у. (51,8%). Еще в ряде уездов Курской губ. украинцы составляли менее половины жителей³.

В процессе заселения обозначенных территорий сложилось смешанное, чересполосное и дисперсное расселение русских и украинцев. Длительное совместное проживание и многочисленные хозяйственно-экономические контакты привели к этнокультурному сближению представителей обоих этносов⁴. Своеобразие этнической культуры украинского населения сильнее выражалось в местах их компактного проживания. Существующая этнолокальная специфика привлекла внимание собирателей, формировавших музейное собрание Этнографического отдела Русского музея (далее ЭО), который был учрежден в 1895 г. Первые украинские коллекции, собранные по поручению ЭО на территории Курской губ., поступили в фонды музея в первом десятилетии XX в. В 1904 г. у И. С. Абрамова были приобретены предметы костюма крестьянок с. Радьковка (Корочанский у.). Данная коллекция (№ 561) включает в себя несколько головных уборов (*очипков*), такие элементы женской поясной одежды, как «плахта», а также несколько полотенец-рушников. Всего в описываемой коллекции 12 предметов⁵. Примечательно, что три *очипка* украшены вышивкой, выполненной в технике золотного шитья, что не характерно для украинских головных уборов Левобережной и Правобережной Украины. Коллекция (№ 1396), привезенная Ф. К. Волковым из г. Львова в 1908 г., состоит из семи детских игрушек – *свистуниц* – в виде фигур животных, всадника на коне и женщины. Игрушки изготовлены из белой глины и расписаны красками. Ф. К. Волков также передал музею одно полотенце, которым украшали икону (*божни-*

ка). К сожалению, данный предмет в настоящее время исключен из собрания музея.

Несколько предметов, таких как глиняный сосуд, два венка из колосьев и деревянная фигурка агнца, было получено при посредничестве корреспондента ЭО Н. Н. Лебедева от М. Н. Харченко, который приобрел их в слободе Лукашевка Грайворонского у. (кол. № 2407). Сам Н. Н. Лебедев осуществлял сбор экспонатов для ЭО в ряде сел Грайворонского, Суджанского, Рыльского и Путивльского у. Заслуживает внимания тот факт, что во время своей командировки в Курскую губ. собиратель столкнулся с трудностями, вызванными нежеланием местной администрации оказать ему содействие. Отказ был мотивирован подозрением губернских властей в том, что Н. Н. Лебедев по поддельному удостоверению намеревался отправиться в села для агитации крестьян⁶. О данном инциденте свидетельствуют письма и телеграммы, отправленные им в ЭО Н. М. Могилянскому⁷. Не вполне понятно, как удалось разрешить данную проблему, но благодаря усилиям Н. Н. Лебедева музейные фонды пополнились предметами быта, керамикой, дмоткаными полотенцами, женскими головными уборами, одеждой, украшениями и детскими игрушками. Кроме этого Н. Н. Лебедев привез музыкальный инструмент – лиру, инструменты для обработки дерева, железа и набойки орнамента для ткани. В целом, исследователем было собрано 145 предметов, составивших коллекцию № 2408. В 1915 г. А. К. Сержпутовский приобрел для музея 48 предметов украинского костюма и домашнего обихода (кол. № 3485). В дальнейшем сбор вещей для музея в обозначенном регионе не проводился. Последнее пополнение произошло в 2015 г., когда в дар РЭМ была передана скатерть, изготовленная в начале XX в. в Корочанском у. (кол. № 13238).

В Воронежской губ. также интенсивно формировались коллекции для ЭО. А. М. Высоцкий привез в 1908 г. коллекцию (№ 1366) женских и мужских костюмов, скатертей, полотенец и один музыкальный инструмент (*дудку*) из с. Нагольное Равенской вол. Острогожского у. и из с. Ендовище Землянского у. Ряд коллекций (№ 2404, 2405, 2406, 2409) был приобретен для ЭО вышеупомянутым Н. Н. Лебедевым. Часть экспонатов была собрана им самостоятельно, часть получена при его посредничестве. Так, протоиерей П. И. Яковлев передал коллекцию шелковых и шерстяных платков, а также рушников из слободы Михайловка Бобровского у.⁸ Председатель правления первой Бутурлиновской артели кустарей-сапожников Ф. Ф. Шевцов передал 17 инструментов для изготовления обуви⁹. От В. А. Падалки были получены несколько рушников и *намисто* также из слободы Бутурлиновка Бобровского у.¹⁰

Сам Н. Н. Лебедев собрал в Бобровском, Богучарском и Павловском у. обширную коллекцию женских и мужских костюмов, рушников, скатертей, игрушек, предметов домашнего быта и инструменты коновала¹¹. По итогам экспедиции А. К. Сержпутовского из с. Ендовище и Латаное Землянского у. в музей было доставлено 79 экспонатов. Сформированная им коллекция (№ 3484) также включает одежду, украшения, обувь, предметы домашнего и хозяйственного быта. В данной коллекции представлено несколько шейно-нагрудных украшений из лент, которые очевидно попали в украинский женский костюм под влиянием русского населения¹². Еще одно подобное украшение числится в коллекции № 1366. Кроме этого, заслуживают внимания шейно-нагрудные украшения из нескольких нитей крупного черного бисера, которые носили украинки Воронежской губ. Схожие украшения встречаются в русском девичьем и женском костюме Воронежской, Рязанской и Тамбовской губ¹³.

После Революции 1917 г. в России количество поступлений украинских коллекций из Воронежской губ. в музейное собрание значительно сократилось. В 1924 г. фонды музея пополнились несколькими украшениями – тремя *дукачами* и двумя крестами (кол. № 4115). Следующее поступление относится уже к 1950 г., когда был закуплен характерный для украинцев музыкальный инструмент – *цымбалы* с палочками для игры на нем (кол. № 6596). Еще двое *цымбал* с сопутствующими инструментами приобретены в 1962 г. (кол. № 7442). Коллекция № 9899 состоит из нескольких предметов женского костюма – сорочки и двух передников, поступивших в музей в 1978 г. Последнее вещевое поступление относится к 1987 г. и содержит один предмет – гребень для чесания конопля, изготовленный в начале XX в. на хуторе Пияр Острогожского у. (кол. № 10961). Ряд вещей, бытовавших среди украинского населения Воронежской и Курской губ., попали в музей в 1948 г. из собрания расформированного Музея народов СССР. Все текстильные экспонаты, поступившие из данного музея, составили коллекцию № 8762; предметы жесткого фонда – коллекцию № 8761.

Всего в собрание РЭМ поступило 269 памятников культуры украинского населения Воронежской губ. и 218 – Курской губ., датируемых преимущественно второй половиной XIX – началом XX в. и собранных главным образом на территории юго-западных уездов Воронежской и Курской губ. Переданные в музей предметы отражают повседневную и праздничную жизнь украинцев, живших на рубеже XIX – XX в. В коллекциях представлены уникальные памятники украинской культуры: головные уборы, музыкальные

инструменты, полные комплекты мужского и женского костюмов, предметы материальной и духовной культуры.

Помимо вещевых коллекций в начале XX в. в ЭО формировались и фотоколлекции. Экспедиции по сбору вещей зачастую сопровождались фотографированием местного населения, хозяйственных и жилых построек, ландшафта, сцен хозяйственной деятельности, обрядовых действий и праздников. В 1910 г. Н. Н. Лебедев привез коллекцию из 104 негативов и отпечатков (кол. № 3326), запечатлевших общие виды и сцены повседневной жизни некоторых украинских сел Богучарского, Бобровского, Валуйского и Павловского у. Воронежской губ. Пятью годами позднее на территории Рыльского, Путивльского, Грайворонского, Суджанского и Белгородского у. Курской губ. им же была собрана коллекция из 43 негативов (кол. № 3297). А в коллекции (№ 3486), сформированной А. К. Сержпутовским в 1915 г., представлено 7 снимков женщин и девушек с. Ендовище Землянского у., а также 3 снимка усадебных построек. Несколько негативов хозяйственных построек и сцены прополки свеклы в с. Рактиная Грайворонского у. Курской губ. привезены А. А. Макаренко в 1911 г. (кол. № 2489).

Таким образом, в собрании РЭМ хранятся ценные в научном и культурном плане коллекции, по традиционной культуре украинцев второй половины XIX – начала XX в., проживавших на территории Воронежской и Курской губ. Представленный в докладе обзор данных коллекций не является исчерпывающим и направлен в помощь исследователям, изучающим этническую историю и культуру русско-украинского пограничья в целом и украинцев, проживающих в Российской Федерации, в частности.

¹ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006. С. 109.

² Кабузан В. М. Указ. соч. С. 109–111.

³ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX вв.). М.: Наука, 1988. С. 38–40.

⁴ Указ. соч. С. 3.

⁵ Коллекция № 561.

⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369. Л. 4–8.

⁷ Там же. Д. 369.

⁸ Коллекция № 2404.

⁹ Коллекция № 2405.

¹⁰ Коллекция № 2406.

¹¹ Коллекция № 2409.

¹² Образцы подобных украшений, характерных для русского женского и девичьего костюмов, см.: Мадлевская Е. Л. Русские народные украшения. М.: ООО «Бослен», 2016. С. 188–189, 214–215.

¹³ Ганина Л. Г. Бисер в украинском costume: традиция и современность//Вестник славянских культур. 2018. Т. 47. С. 241.

UDC 39; 069.5

V. A. Baranova

Formation of The Russian Museum
of Ethnography's Collections on the Ukrainian's
traditional culture in the Voronezh
and Kursk Provinces

Baranova Valeria Aleksandrovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraina and Moldova, researcher; baranovavaleron@gmail.com

The funds of the Russian Ethnographic Museum contain items of traditional culture of the Ukrainians of the second half of the XIX – early XX centuries, who lived in the Voronezh and Kursk provinces. The report examines the history of the formation of these collections, a more detailed study of which would make it possible to fill the gaps existing in domestic science in the study of the ethno-cultural originality of the Ukrainian population living on the territory of the Russian Federation.

Key words: the Russian-Ukrainian borderlands, the Ukrainians, ethnographic collections, The Russian Museum of Ethnography, the Voronezh province, the Kursk province.

А. А. Песецкая
Экспедиционно-собираТЕЛЬская
деятельность Т. А. Крюковой
в Горномарийском крае

Песецкая Александра Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья, научный сотрудник; sanny341@yandex.ru

В докладе на основе архивных источников анализируется экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность Т. А. Крюковой среди горных марийцев. Представлен перечень экспедиций, рассмотрены цели, задачи и исследовательские стратегии, а также основные результаты.

Ключевые слова: горные марийцы, экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность, Т. А. Крюкова.

Татьяна Александровна Крюкова – признанный исследователь марийской традиционной культуры, заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) с 1944 по 1977 г. Ее полевая деятельность охватила большую часть Марийской Республики, а также территории проживания марийцев за ее пределами. Однако наибольший интерес у Татьяны Александровны вызывал Горномарийский край, с которым она была связана своим происхождением и куда совершила восемь экспедиционных выездов.

Детство Татьяна Александровна провела в г. Козьмодемьянске – уездном центре Козьмодемьянского у. Казанской губ. Здесь проходила ее ссылка в 1928–1931 гг., а также первые успехи на музейном поприще. Крюкова стояла у истоков Козьмодемьянского краеведческого музея им. А. Г. Григорьева. Впоследствии именно с помощью Григорьева Татьяна Александровна устроилась на работу в Этнографический отдел Русского музея

(с 1934 г. – Государственный музей этнографии), за что благодарил его в своих письмах: «Вы ведь опять оказались моим добрым гением – помогли включиться в интересную жизнь (Вам более чем кому-либо понятно, что работа и есть настоящая жизнь) и за это я уже много раз мысленно, а теперь и письменно, Вас благодарю. Устроил все дело Ваш знакомый, Н. П. Сычев (который, кстати сказать, очень тепло о Вас вспоминает и кланяется Вам). Он направил меня, после прочтения Вашего письма, к Таланову, зав. Этнографическим отделом, а тот разрешил мне работать»¹. Горномарийский край был хорошо знаком Татьяне Александровне, близок ей по духу, с ним она поддерживала прочную связь на протяжении всей жизни. Личные качества и профессионализм позволили ей собрать на данной территории богатые, подробно аннотированные коллекции предметов традиционной культуры горных марийцев.

В общей сложности Татьяна Александровна привезла 211 предметов, собранных во время восьми полевых сезонов². Каждый выезд к горным марийцам имел свои задачи, цели и тематику, обусловившие различные стратегии сбора материала.

Начало собирательской деятельности Т. А. Крюковой в Горномарийском крае было положено в 1938 г., когда в Государственном музее этнографии был создан отдел этнографии народов Поволжья. Для подготовки отделом региональной экспозиции потребовался вещественный и иллюстративный материал. В связи с этим на пять лет вперед планировалась обширная собирательская деятельность с охватом всех народов, проживающих в Поволжье. Предполагалось начать с чувашей и марийцев³. Научная командировка Т. А. Крюковой в 1938 г. была совмещена с плановым отпуском и сопровождалась сложностями: «Связанная с кормлением ребенка, я могу решаться на дальний маршрут только лишь обеспечив возвращение в срок. Постараюсь это сделать, так как названные пункты (Чермышьево-Еласы-Куликалы) интересны»⁴. Однако Татьяне Александровне удалось обследовать пять деревень, результатом чего стала представительная коллекция предметов традиционной горномарийской культуры (№ 6104), охватившая широкий спектр этнографических тем. По словам Татьяны Александровны, она руководствовалась в экспедиционной работе наличием вещевого материала в музее, из приобретенных предметов ни один не дублировал музейные экспонаты⁵. Жемчужиной привезенной коллекции стала резная свадебная кибитка, аналогов которой в Российском этнографическом музее нет. Кроме того, здесь были редкие вещи: податные бирки, свадебный барабан из телячьей кожи, обереги, охотничьи

принадлежности и колодный улей, ставший постоянной частью региональной экспозиции.

Сбор иллюстративного материала проходил тяжело: «Ограниченное количество аппаратов в фотолаборатории заставило меня (как едущую только в отпуск) отказаться от фотоаппарата – я не раз об этом пожалела – этнограф без аппарата как без рук»⁶. Однако в ходе работы проблема была решена и фонды музея пополнились фотоколлекцией № 6585. В то же время основную задачу командировки выполнить не удалось: предметы народного искусства с советской тематикой, которые предполагалось в дальнейшем использовать на будущей выставке, не были обнаружены.

В 1939 г. в музее открылась выставка «Образцы искусства народов Поволжья», которая нуждалась в пополнении образцами резьбы по дереву, так как существовал «пробел в этом отношении – в изобилии представлена вышивка и скудно – резьба»⁷. Поэтому в августе того же года Татьяна Александровна выехала в экспедицию, чтобы восполнить эту лауну, включив в маршрут также Моркинский р-н. Однако, большая часть привезенной ею коллекции была собрана в Горномарийском р-не (39 предметов). В результате фонды музеяполнились комплектом тростей, иллюстрирующих промысел, возникший в XIX в. в д. Шелаболки Козьмодемьянского у. Деревянные изделия были ценным приобретением для музея, поскольку дореволюционные коллекции по горномарийской этнографии состояли в основном из одежды⁸.

Через год Татьяна Александровна получила от руководства музея специальное задание по сбору материала к выставке «Ленин и Сталин в творчестве народов Поволжья», намеченной на конец 1941 г.⁹ СобираТЕЛЬСкая работа планировалась в Горномарийском, Сернурском и Мари-Турекском р-нах, однако планы скорректировала финансовая ситуация в музее. Уже будучи в экспедиции, Крюкова получила только половину запланированных по смете средств и оказалась в тяжелом положении, которое усугубилось общей обстановкой в регионе: «Экспедиция в этот год протекает в исключительно трудных условиях. Трудно с продовольствием, с передвижением, с отправкой вещей, с покупкой их и упаковкой»¹⁰. В связи с этим Татьяна Александровна скорректировала маршрут, ограничив его Горномарийским и Сернурским р-нами. Невзирая на возникшие проблемы, она выполнила поставленные задачи и привезла большую коллекцию экспонатов, в которую вошли инструменты для деревообработки, резные изделия, а также уникальный предмет – самодельный барометр из можжевельника, найденный в доме бригадира колхоза. Особой гордостью Татьяны Александровны

стало приобретение вышитого колхозницей портрета И. В. Сталина, обрамленного традиционной вышивкой: «портретное сходство хорошее, так что я была очень довольна»¹¹. На протяжении 1939–1940 гг. в соответствии с требованиями времени Крюкова фиксировала на фотопленку (колл. № 6108, 6213, 6569) самодельные ансамбли и колхозный быт, чтобы использовать фотоснимки в будущей выставочной работе.

В 1949 г. стратегия собирательской работы в регионе стала меняться. Работа отдела музея была целиком посвящена подготовке экспозиции «Народы Поволжья», тематико-экспозиционный план которой предполагалось обсудить с руководящими сотрудниками в республиках, чтобы привлечь их к собирательской деятельности на местах. Работа по восполнению лакун проводилась на территории всего региона¹². Поскольку Горномарийский р-н был к тому времени достаточно хорошо обследован, результатом поездки Татьяны Александровны стала небольшая коллекция (№ 6583), включившая полный девичий костюм (12 номеров).

Следующие выезды Татьяны Александровны в Горномарийский край (1959 и 1960 гг.) были посвящены работе над коллективной монографией «Марийцы», выход которой был запланирован на 1966 г. Совместно с Марийским научно-исследовательским институтом, а также Марийским научно-краеведческим музеем был разработан семилетний план полевой работы по сбору информационного и вещественного материалов. Задачи экспедиций были обширны: помимо поиска данных для монографии, планировалось обследование малоизученных районов, а также проработка слабо исследованных тем. Экспонаты приобретались одновременно для двух музеев. Перед Татьяной Александровной были поставлены индивидуальные задачи: приобретение материала по современному народному искусству, а также иллюстративного материала для экспозиции «Народы Поволжья» и будущей выставки, посвященной новому быту колхозной деревни и запланированной в Мраморном зале ГМЭ¹³. В 1959 г. Крюкова обследовала только две горномарийские деревни – Еникеево и Апаево. И хотя она пишет о том, что погодные условия были очень плохими, ей все-таки удалось привезти оттуда несколько удачных снимков (колл. № 9131)¹⁴. Выезд 1960 г. оказался более продуктивным. Основной темой работы в Горномарийском крае стали промыслы: изготовление тростей, ювелирное искусство, домашнее крашение¹⁵. Результатом этой работы была коллекция (№ 7287), значительную часть которой составляют горномарийские вещи. Среди них наиболее ценны-

ми были предметы из с. Чаломкино, которое с XIX в. славилось ювелирным промыслом: «До 1960 года музей делал попытки приобретения инструментов производства Чаломкино, но безрезультатно. Подворное же обследование всей деревни увенчалось успехом – инструменты привезены, процесс описан, получены сведения об экономике, сбыте, бытовании украшений и радиусе их распространения»¹⁶. Помимо вещевой коллекции в музей поступили фото пленки (колл. № 9132), иллюстрирующие процесс изготовления украшений.

В 1963 г. визит Крюковой в Горномарийский р-н МАССР был краткосрочным – за четырехдневный срок она успела собрать коллекцию из 32 предметов (№ 7476)¹⁷. Среди одежды и домашней утвари были редкие вещи – например, сума из кожи жеребенка для сватовства невесты. Последняя поездка Татьяны Александровны к горным марийцам состоялась в 1966 г. в ходе совместной экспедиции с К. И. Козловой, на тот момент старшим преподавателем МГУ. В маршрут вошли четыре района МАССР, среди которых был и Горномарийский. Поскольку Крюковой он был хорошо знаком, она ориентировалась, в первую очередь, на те населенные пункты, в которых ранее не бывала. Средств на покупку экспонатов не было, поэтому вся коллекция (№ 7679) из 45 предметов, среди которых есть и несколько экземпляров горномарийской одежды, была получена Татьяной Александровной в дар¹⁸. Небольшое количество недостающих вещей компенсировано качественной фотоколлекцией (№ 9350), включающей более 30 снимков.

Исследовательская деятельность Т. А. Крюковой в Горномарийском р-не была очень продуктивной. Ее выезды всегда сопровождались фотосъемкой, отражавшей научные интересы. Все коллекции, привезенные Татьяной Александровной, подробно аннотированы и легендированы, что повышает их научную ценность. Ее полевая работа среди горных марийцев была обусловлена различными задачами, которые менялись в соответствии с планами музея. Изначально выезды были ориентированы на поиск экспонатов к конкретным выставочным проектам, однако почти полное отсутствие деревянных изделий дореволюционного периода в фондах музея стало причиной их поиска, что привело к тематическому разнообразию собранных вещей. Все они проходили тщательный отбор, прежде чем попасть в фонды музея. Изучение маршрутов экспедиций Т. А. Крюковой показало, что первые годы она неоднократно возвращалась в некоторые населенные пункты, известные своими промыслами и людьми.

Впоследствии маршруты строились по принципу сплошного обследования.

Результаты экспедиций нашли отражение как в собранных коллекциях, так и в полевых дневниках Крюковой, которые хранятся в Архиве РЭМ. Их отличает скрупулезная и подробная фиксация информации по широкому кругу этнографических тем: традиционная одежда, жилище, ремесла и промыслы, обрядовые практики и колхозный быт. Результаты полевых исследований легли в основу научных статей и монографий Татьяны Александровны, посвященных различным аспектам марийской культуры¹⁹.

Начиная с первой экспедиции Татьяна Александровна старалась сформировать сеть корреспондентов на местах, привлекая для этого местную интеллигенцию. В Горномарийском р-не ее хорошо знали, поэтому ей легко удавалось наладить контакт с коренным населением. С 1950-х гг. выезды стали осуществляться совместно с различными учреждениями страны. В поездках Т. А. Крюкова играла роль опытного наставника, способствующего развитию и углублению этнографического знания.

---

¹ Письмо Т.А. Крюковой к А.В. Григорьеву от 21.06.1932 (ГКМКП 9441/277; ДФ 2098/277).

² 1938, 1939, 1940, 1949, 1959, 1960, 1963, 1966 гг.

³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 5–4.

⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 32об.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 36об.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 35.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 1.

⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 5об.

⁹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 12.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 23.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 511. Л. 25.

¹² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 31.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1343. Л. 5.

¹⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1343. Л. 10.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1344. Л. 6.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1344. Л. 14.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 131.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1579. Л. 2, 5.

¹⁹ Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Л., 1951; Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1956.

UDC 001.32

A. A. Pesetskaya

**Expeditionary and Collecting Activities
of T. A. Kryukova in The Mountain Mari Region**

Pesetskaya Aleksandra Aleksandrovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Volga Region and Urals, researcher; sanny341@yandex.ru

The research paper reviews the expeditionary and gathering activities of T.A. Kryukova among the Mountain Marias. The research provides an overview of the expeditions, with the objectives, targets, and research strategies as well as their results.

Key words: the Mountain Marias, expedition and gathering activities, T.A. Kryukova.

З. Н. Мирсияпова

Этнографические фотографии К. Т. Софонова
в коллекционном собрании Национального
музея Республики Татарстан

Мирсияпова Залия Нургалиевна, Национальный музей Республики Татарстан (Казань, Республика Татарстан), отдел образовательных и документальных источников, научный сотрудник; ms.zalija81@mail.ru

В докладе рассматривается коллекция этнографических фотографий К. Т. Софонова из собрания Национального музея Республики Татарстан. Важную роль в его деятельности занимало сотрудничество с Обществом археологии, истории и этнографии. В конце XIX в. под руководством И. Н. Смирнова, профессора Казанского университета, члена ОАИЭ, К. Т. Софонов участвовал в этнографических экспедициях по изучению материальной культуры финно-угорских народов, населявших Казанскую губ. Благодаря тандему И. Н. Смирнова и К. Т. Софонова сохранились уникальные фотодокументы по этнографии поволжских народов.

Ключевые слова: коллекционное собрание Национального музея Республики Татарстан, фотограф К. Т. Софонов, историк И. Н. Смирнов, этнографические экспедиции, этнографические фотографии, Общество археологии, истории и этнографии.

Национальный музей Республики Татарстан (далее НМ РТ) является крупнейшим музеем Поволжья. В его фондах хранится богатейшее собрание этнографических материалов, которое освещает историю, традиционный быт и культуру народов, проживавших на территории Казанской губ.

В докладе рассмотрены фотографии из собрания НМ РТ, автором которых является известный фотограф Казанской губ. конца XIX – начала XX в. Константин Трифионович Софонов.

Деятельность К. Т. Софонова как фотографа началась в 1878 г. Он выкупил у казанского купца 2-й гильдии Ивана Тимофеевича Кухмакова «Северную фотографию» на ул. Проломной, которая находилась в доме купца Волгина. В начале 1880-х гг. заведение закрылось, а в 1891 г. Константин Трифионович возобновил свою де-

тельность в заведении под другим названием – «Адмиралтейская фотография К. Т. Софонова» по адресу: Адмиралтейская слобода, дом Терпиловского¹. В 1896 г. К. Т. Софонов решает переехать в г. Чистополь, где открывает новое фотоателье на Архангельской улице в доме Антропова².

Необходимо отметить важную роль, которую сыграло сотрудничество К. Т. Софонова с Обществом археологии, истории и этнографии (далее ОАИЭ). Член ОАИЭ, профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов занимался этнографическими исследованиями Поволжья. Им была составлена программа сбора сведений, организованы экспедиции с целью изучения традиционной материальной и духовной культуры населявших Среднее Поволжье народов. В «Известиях ОАИЭ» публиковались его монографии о марийцах, удмуртах, мордве. Одним из основных достижений ученого считаются труды, посвященные финнам Поволжья³. Его научные работы до сих пор остаются ценнейшим источником по этнографии народов данного региона.

На заседании Совета общества от 2 мая 1890 г. И. Н. Смирнов выступил с предложением пополнить музей Общества фотографиями, имеющими отношение к быту народностей, населяющих Казанскую губ. Пополнение это могло быть произведено без всяких затрат, если Совет общества даст фотографу К. Т. Софонову удостоверение о том, что он имеет право производить для Общества нужные для него снимки, а также войдет к начальнику губернии с представлением о выдаче ему свидетельства на право производить фотографические работы в городах и селениях Казанской губернии⁴. На этом же заседании ходатайство И. Н. Смирнова было удовлетворено, и фотограф был избран членом-сотрудником ОАИЭ.

Работа К. Т. Софонова в ОАИЭ была плодотворной, благодаря его участию в этнографических и археологических экспедициях совместно с учеными Казанского университета. Например, уникальные фотографические снимки, выполненные в процессе археологических исследований конца XIX в. В фондах НМ РТ имеется коллекция работ фотографа с видами памятников архитектуры Болгарского городища Спасского у. Казанской губ., съемки которых относятся к 1887–1895 гг. В этот же период Константин Трифонович под руководством И. Н. Смирнова участвовал в этнографических экспедициях. В ходе полевых исследований в конце 1880 – начале 1890-х гг. в Казанской, Нижегородской, Костромской, Вятской, Тамбовской и Уфимской губ. были собраны предметы материальной культуры финно-угорских и тюркских народов. Кроме собирательской и исследовательской работы, велась

фотофиксация жилых и хозяйственных построек, быта и обрядов, а также жителей в традиционных костюмах; особый интерес уделялся фольклору и обычаям, которым следуют в праздники. Благодаря деятельности И. Н. Смирнова и К. Т. Софонова мы располагаем уникальными фотодокументами по этнографии поволжских народов.

Можно предположить, что творческий тандем К. Т. Софонова и И. Н. Смирнова возник до включения фотографа в состав ОАИЭ. Из письма И. Н. Смирнова в Совет Императорского Казанского Университета от 5 марта 1989 г. следует, что фотофиксация в марийских поселениях была произведена еще в 1888 г. В письме говорится, что историко-филологический факультет постановил выплатить не менее 150 руб. на пополнение коллекций Музея Отечества. Кроме того, «факультет признал, что лучший способ пополнения музея коллекциями заключается в организации экспедиций и командировок на первый раз в местности, занятые черемисами»⁵. Кроме вещей, фотографий и рисунков к отчету о поездке были приложены два исследования в доказательство проделанной работы. «Собранная нами коллекция черемисских вещей и фотографий (до 170 номеров), рисунки П. В. Траубенберга (до 30 номеров) и два исследования о наречиях и быте черемис (мое и М. П. Веске), первые листы которых прилагаются... могут уже служить для факультета доказательством того, что первая снаряженная им экспедиция не осталась бесплодной в научном отношении», – пояснял Иван Николаевич в письме, направленном в Совет Казанского Императорского университета⁶.

Нам известно несколько музеев и научных центров, где в настоящее время хранятся работы К. Т. Софонова. Это Музей г. Хельсинки (Финляндия), Национальный музей Финляндии, Российский этнографический музей, Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда, Национальный музей Марий Эл им. Т. Евсеева, Этнографический музей Казанского университета, Национальный музей Республики Татарстан.

В фондах НМ РТ хранится 67 фотографических работ К. Т. Софонова, которые характеризуют этнографию населявших территорию Казанской губ. народов: марийцы – 31 ед., мордва – 13 ед., удмурты – 11 ед., чувашаи – 11 ед., русские – 1 ед.

Надписи на лицевой и оборотной сторонах фотографий свидетельствуют о том, что этнографические исследования фиксировались в сс. Урюм и Большое Шемякино Тетюшского у., в дд. Хунду-Касы, Атабай-Касы, Цалым-Сола Козьмодемьянского у., в д. Панкино Мамадышского у., в д. Кокшамары Чебоксарского у.,

в поселках Чистопольского и Царевококшайского у. Казанской губ., Красноуфимского у. Пермской губ. Из данной коллекции 35 снимков оформлены на картонном паспорту с оттиском «К. Софонов» в левом или правом нижнем углу фотографии, а на обороте отмечены клеймами фотоателье или печатью «Фотографъ К. Т. Софоновъ». Кроме того, на паспорту наклеено 5 фотокопий со снимков К. Т. Софонова. На бланке открытого письма выполнено 27 работ фотографа.

Фотоработы этнографического жанра К. Т. Софонова были представлены в типографском и фотографическом отделах Всесоюзной научно-промышленной выставки в Казани (1890 г.). Среди местных экспонентов первое место занял Музей Отчествоведения Казанского Императорского университета. В его витринах выставлялось примерно 250 работ⁷ известных фотографов Казани и Казанской губ., в том числе К. Т. Софонова. В фондах НМ РТ хранится снимок фотоателье А. П. Вяткиной, где запечатлены стенды Музея Отчествоведения на вышеупомянутой выставке. В своей работе «Этнография на Казанской научно-промышленной выставке» И. Н. Смирнов разделил фотографии две группы: на антропологическую и «иллюстрирующую быт инородцев». К антропологическим снимкам он отнес «поясные снимки фас, в профиль, имеющие целью дать понятие о типе лица – форме носа, губ и т. д.»⁸. Вторая группа демонстрирует общие виды деревень, улиц и домов, хозяйственных построек и т. д.⁹

В этнографической фотоколлекции К. Т. Софонова из собрания НМ РТ на обороте одиннадцати снимков имеется печать «Казанская Научно-промышленная выставка 1890 г.». Все они оформлены на картонном паспорту.

Дата создания серий фототипажей на бланках открытого письма точно не установлена. Известно, что иллюстрированные открытки в России появились только в начале XX в. После 1909 г. их начали подписывать как «Почтовая карточка». Следовательно, открытые письма с овальной печатью на обороте «Фот. К. Т. Софонова* Собственность сохранена за Издателем» были выполнены между 1900 и 1909 г. Анализ данной коллекции показывает, что на открытых письмах повторяются отдельные портреты, изображения которых были оформлены на картонном паспорту для Казанской Всероссийской научно-промышленной выставки 1890 г. Таков, например, портрет мордовской девушки из с. Урюм Тетюшского у. Казанской губ., оформленный в двух указанных выше техниках¹⁰. Очевидно, что фотофиксация была произведена К. Т. Софоновым еще во время этнографических экспедиций в конце XIX в.

Еще одна характерная черта открытых писем этнографического жанра издательства К. Т. Софонова – указание народа на лицевой стороне каждого снимка: «русские», «черемисы», «вотяки», «мордва», «чуваши».

Состав этнографической фотоколлекции К. Т. Софонова в собрании НМ РТ условно можно разделить на несколько тематических групп: промыслы и быт; архитектура; обряды; типажи в традиционных народных костюмах.

Фотограф старался зафиксировать бытовые сцены во дворе хозяйства, заостряя внимание на занятиях и орудиях труда: чувашку за ткацким станком¹¹; марийских женщин, выколачивающих сукно в деревянной ступе¹², стирающих белье в специальном деревянном корыте¹³, мариек с маслобойкой и ступой для измельчения зерна¹⁴. Коллективный труд иллюстрируют две фотографии, на которых чуваша во дворе рубят дрова¹⁵ и мордвина везут сено в деревню на телегах¹⁶. Сохранились снимки с предметами быта: черемисская (марийская) утварь – ручная мельница, ступа, русло для сливания пива¹⁷, маслобойка, плетеная корзина, лапти, деревянные половник и миска, солонка из бересты, пест¹⁸, деревянные санки (чуваши)¹⁹, деревянная деталь конской упряжи, борона²⁰ (чуваши и марийцы)²¹.

О характере жилищ чувашей конца XIX в. могут рассказать две фотографии с видами деревянных домов в д. Хунду-Касы Козьмодемьянского у. Казанской губ.²² Отдельно изображены дом мордвина И. А. Курунина из с. Урюм Тетюшского у. Казанской губ.²³ и портрет его семьи на фоне плетеного забора²⁴. В д. Цалым-Сола Козьмодемьянского у. Казанской губ. сделан снимок ворот с двускатной крышей у дома богатого марийца; хорошо видно, что ворота украшены в технике глухой резьбы²⁵. В связи с этим вспоминается историко-этнографический очерк «Черемисы» И. Н. Смирнова: «Черемисы деревни Цалым-Сола говорили нам, что предки их жили в Нижегородской губернии выше Лыскова»²⁶. Подобное оформление ворот, считал ученый, «заимствовано черемисами у русских и носит печать заимствования в самих названиях «русские ворота». Костромской, вятский или нижегородский плотник является для черемисина учителем, раскрывающим новые архитектурные горизонты»²⁷.

Участники этнографических экспедиций уделяли особое внимание свадебному обряду. Интересна фотография на картонном паспарту «Обряд угощения во время свадьбы вотяков»²⁸, выполненная в д. Панкино Мамадышского у. Казанской губ. На ней изображены удмурты в традиционной праздничной одежде: на лавке сидит невеста со своим отцом и женщиной (матерью?), в руках

у них чашки «с кумышкой» (спиртным напитком), позади стоят четыре женщины. Сохранилась серия фотографий на бланках открытого письма, на которых можно узнать некоторых участников праздника: на одном запечатлена невеста с молодыми людьми (вероятнее всего, слева – жених)²⁹, имеются отдельные портреты женщин-удмурток³⁰. Кроме того, выяснилось, что три изображения на бланке открытого письма³¹ являются фрагментами с оригинала фотографии. При компьютерном сопоставлении открыток был получен групповой портрет женщин, подлинник которого сохранился в Национальном музее Удмуртской Республики им. Кузеева Герда³². Можно сделать вывод о том, что Константин Трифонович неоднократно обращался к своим работам, отснятым в более ранние годы в экспедициях, переиздавая их на тиражируемых открытых письмах.

Многие обряды и торжества сопровождались музыкой, песнями и плясками. Данные моменты зафиксированы у марийцев: на фото можно увидеть волынку, барабан, гусли, балалайку, пуч (деревянный духовной музыкальный инструмент в виде трубы) и исполнителей (на трех фотографиях К. Т. Софонова)³³.

Интересно, что еще две фотографии на бланке открытого письма, характеризующие марийцев, имеют студийный характер. Это портреты молодой пары³⁴ и девушки в национальной праздничной одежде³⁵.

В работах К. Т. Софонова встречаются портреты в профиль, где он, в основном, обращал внимание на детали одежды. Например, на снимке трех девушек-чувашек средненизовой группы (Чебоксарский у. Казанской губ.) можно рассмотреть рубахи с нашивками и вышивкой, головные уборы из праздничного комплекса – *тухья*, которые были украшены монетами, бусами и бисерным узором³⁶. На двух фотографиях луговые марийки изображены в осенней одежде – *шабрах*³⁷.

Можно отметить разделение коллекции по возрастному принципу. Так, К. Т. Софовым были запечатлены отдельные группы детей, молодежи, стариков. На снимках, кроме характерной одежды и обуви на типажах, можно разглядеть предметы быта. Например, фотография «Черемисские девочки» (д. Кокшамар Чебоксарского у. Казанской губ.) сделана во дворе хозяйства, где на внешней бревенчатой стене висят маслобойка и корзина из бересты³⁸.

Типажи фотографий К. Т. Софонова принадлежат к разным слоям общества. Среди них выделяются портретные снимки людей из низших сословий: чувашский крестьянин-бедняк³⁹, крестьяне марийцы-средняки⁴⁰, мордвин-нищий 95 лет⁴¹. На отдельном

групповом снимке жители мордовской деревни, в основном, дети с босыми ногами и женщины⁴².

В фондах НМ РТ сохранился единственный фотодокумент работы К. Т. Софонова, который характеризует русских. Это портрет старушки из д. Черемушка Чистопольского у. Казанской губ. на открытке⁴³.

Поиски источников поступлений фотографий из этнографической коллекции К. Т. Софонова в научно-фондовом архиве НМ РТ не дали результатов. Известно, что на торжественном закрытии Всероссийской научно-промышленной выставки 1890 г. в Казани городской голова С. В. Дьяченко в своей речи упомянул о давних планах казанских ученых учредить в столице губернии городской музей. Он подчеркнул, что пожертвование экспонируемых предметов внесло бы огромный вклад в дело организации данного проекта. Действительно, после закрытия выставки некоторые ее участники передали свои коллекции⁴⁴. Вероятно, часть фотоматериалов К. Т. Софонова, экспонировавшаяся там, легла в основу коллекции открывшегося в 1895 г. Казанского городского музея.

В 1929 г. в Центральный музей Татарской АССР были переданы богатейшие коллекции ОАИЭ⁴⁵. Фотографии из рассматриваемой коллекции связаны с деятельностью Общества. Поэтому не исключено, что некоторые из них поступили в фонды музея.

Благодаря тандему И. Н. Смирнова и К. Т. Софонова сохранились уникальные документы фотографического характера по этнографии народов Поволжья. Фотоматериалы К. Т. Софонова востребованы не только археологами и этнографами, но и краеведами: они публикуются в научно-популярных и публицистических изданиях, часто используются при создании выставок, при реставрации или полном воссоздании народного костюма, домашней утвари и т. д. Константин Трифонович начинал свою карьеру с изготовления модных в то время фотопортретов горожан и продолжил ее, делая снимки в серьезных научных экспедициях. Фотопортреты конца XIX – начала XX в. с клеймами заведений Софонова, результаты его дальнейших работ по фотофиксации Казани, Чистополя, Царевококшайска, Козьмодемьянска, Свияжска, Елабуги, как и материалы научных экспедиций, являются важными источниками в области истории и этнографии Казанской губ. и бережно хранятся в фондах НМ РТ.

---

¹ Идрисова Р. Р. Деятельность фотографа Константина Трифоновича Софонова в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете // 125 лет Обществу археологи, истории и этнографии при Ка-

занском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Казань, 2004. Ч. III. С. 56–58.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10441. С. 3.

³ Бусьгинские чтения. Вып. 9: Народы в поликультурном взаимодействии//Материалы Международной научно-практической конференции. 5 декабря 2016 г. Казань, 2016. С. 87.

⁴ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. Т. IX. Вып. 3. С. 4–5.

⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8117. С. 1.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ И. Н. Смирнов. Этнография на Казанской научно-промышленной выставке. Казань, 1880. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ НМ РТ КППи-117436/10 и НМ РТ КППи-117436/16.

¹¹ НМ РТ КППи-116016.

¹² НМ РТ В-11402.

¹³ НМ РТ КППи-117437/3.

¹⁴ НМ РТ КППи-117438/15.

¹⁵ НМ РТ ДВХ-11/1055.

¹⁶ НМ РТ КППи-117436/18.

¹⁷ НМ РТ В-11401.

¹⁸ НМ РТ КППи-117438/5.

¹⁹ НМ РТ ДВХ-11/2574.

²⁰ НМ РТ ДВХ-11/1056.

²¹ Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. (историко-этнографическое отд.). Казань, 1890. С. 95.

²² НМ РТ КППи-117434/18, НМ РТ КППи-117434/20.

²³ НМ РТ КППи-117436/11.

²⁴ НМ РТ КППи-117436/7.

²⁵ НМ РТ КППи-117438/1.

²⁶ И. Н. Смирнов. Черемисы. Казань, 1889. С. 6.

²⁷ И. Н. Смирнов. Этнография ... С. 9.

²⁸ НМ РТ КППи-117435/19.

²⁹ НМ РТ КППи-117435/16.

³⁰ НМ РТ КППи-117435/4, НМ РТ КППи-117435/5, НМ РТ КППи-117435/6.

³¹ НМ РТ КППи-117435/12, НМ РТ КППи-117435/13, НМ РТ КППи-117435/17.

³² Сохраняя вековые традиции семьи//Иллюстрированный сборник материалов. Казань, 2017. С. 117.

³³ НМ РТ КППи-117438/8, ДВХ-11/2617.

³⁴ НМ РТ КППи-117437/17.

³⁵ НМ РТ КППи-117437/14.

³⁶ НМ РТ КППи-117437/27.

³⁷ Н МРТ КППи-117437/26–1,2.

³⁸ НМ РТ КППи-117437/8.

³⁹ НМ РТ В-11272.

⁴⁰ НМ РТ В-11273.

⁴¹ НМ РТ В-11285.

⁴² НМ РТ КППи-117436/8.

⁴³ НМ РТ КППи-117432/22.

⁴⁴ Назипова Г.Р. Казанский городской музей: очерки истории 1895–1917 гг. Казань, 2000. С. 34.

⁴⁵ Краеведческие среды. Вып. 4. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2003 году/ Под ред. Г.Р. Назиповой. Казань, 2004. С. 67.

UDC 77; 39; 908

Z. N. Mirsiyapova

Ethnographic Photographs by K. T. Sofonov
in the Collection of The National Museum
of the Republic of Tatarstan

Mirsiyapova Zaliya Nurgalievna, The National Museum of the Republic Tatarstan (Kazan, Republic Tatarstan), the Department of the Fine Arts and Documentary Sources, research fellow; ms.zaliya81@mail.ru

The article examines ethnographic photographs by Konstantin Trifonovich Sofonov from the collection of The National Museum of the Republic of Tatarstan. An important role in the activities of the photographer was played by his collaboration with The Society of Archeology, History and Ethnography (SAHE). At the end of the XIX century K. Sofonov took part in ethnographic expeditions to study the material culture of the Finno-Ugric peoples inhabiting the Kazan Governorate under the leadership of Professor of the Kazan Imperial University, member of The SAHE Ivan Nikolaevich Smirnov. Thanks to the tandem of I. Smirnov and K. Sofonov unique photographic documents on the ethnography of the Volga peoples have been preserved.

Key words: The National Museum of the Republic of Tatarstan, photographer K. Sofonov, historian I. Smirnov, ethnographic expeditions, ethnographic photos, The Society of Archeology, History and Ethnography.

Н. А. Васканова

Семейно-брачные отношения у горных
и луговых марийцев (по материалам полевых
исследований в Республике Марий Эл
в 2018–2021 годах)

Васканова Надежда Александровна, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл), отдел этнографии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; koroleka22@mail.ru

В докладе представлены результаты комплексного анализа семейно-брачных отношений среди приволжской группы луговых и горных марийцев в 1950–1970-х гг., основанные на материалах полевых этнографических исследований Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в Горномарийском, Звениговском и Моркинском р-нах в 2018–2021 гг. Автором рассмотрены такие вопросы, как средний брачный возраст, сезонность браков, брачный округ, удельный вес мононациональных и смешанных семей; выделены общие и локальные особенности проведения свадебной обрядности среди луговых и горных марийцев.

Ключевые слова: луговые и горные марийцы, семейно-брачные отношения, свадебная обрядность, брачный возраст, сезонность браков, мононациональные и смешанные семьи.

Изучение семейно-брачной проблематики в этнографической науке занимает одно из важнейших мест. Особый научный интерес к данной теме объясняется тем, что в брачных отношениях отражаются многие аспекты семейной и общественной жизни, в том числе нравственные нормы и эстетические потребности. В них проявляются отношения общества к институту семьи и этническая специфика народа в целом¹. Данный доклад посвящен анализу семейно-брачных отношений у горных и луговых марийцев по материалам этнографических экспедиций Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в 2018–2021 гг. Для изучения заявленной проблематики был обследован 21 марийский населенный пункт Республики Марий Эл, из них 12 деревень в Горномарийском (Березово, Крайние Шешмары, Красное

Селище, Митряево, Новая Слобода, Пятилиповка, Сарапаево, Симулино, Шимваж, Шуркушырга, Этвайнуры и Яштуга), 5 деревень в Звениговском (Арзобеяк, Кожвож, Кужмара, Мельничные Памъялы, Нижние Памъялы) и 4 деревни в Моркинском (Мари-Кужеры, Фадейкино, Чодраял и Юрдур) р-нах. Сбор материала проводился методом анкетирования и опроса информантов из числа горных и луговых марийцев, год рождения которых находился в пределах 1930–1950 гг. Всего в ходе исследования было обследовано более 80 марийских семей.

Благодаря комплексному анализу собранных полевых материалов и изучению широкого круга научной литературы удалось получить следующие результаты.

В 1950–1970-х гг. одной из характерных черт марийской свадебной обрядности являлось своеобразное сочетание элементов традиционных и современных, гражданских и религиозных действий. Так, в рассматриваемое время браки чаще всего заключались по взаимной симпатии молодых людей. Вместе с тем сохранялась значимость родительского благословения, что свидетельствует об авторитете старших членов семьи. Лишь в исключительных случаях молодожены вступали в брачный союз против своей воли по решению родителей в связи с трудной жизненной ситуацией.

В семейно-брачных отношениях важной стороной является вопрос о среднем брачном возрасте. Анализ первичных полевых материалов показывает, что в 1950–1970-х гг. преобладающим для вступления в брак – как у юношей, так и у девушек – являлся возраст от 21 до 24 лет. При этом средний возраст у невест составлял 22–23 года, а у женихов – 23–24 года². По мнению исследователя В. Д. Шарова, в рассматриваемое время удельный вес ранних браков был незначительным, что объяснялось стремлением молодых людей к получению соответствующего образования и определенного жизненного опыта³.

Рассматривая особенности брачных связей у марийцев, необходимо обратить внимание на этническую принадлежность вступающих в брак лиц. Результаты исследования показывают, что для марийского народа были характерны мононациональные семьи (90%). Частота вступления в брак марийцев с лицами других национальностей составляла 10%. Среди них преобладали марийско-русские семьи (8%), марийско-чувашские (2%). По мнению известного этнографа К. И. Козловой, это объяснялось национальной предпочтительностью, исторически сложившейся среди марийских, русских и чувашских народов в процессе длительного проживания по соседству⁴.

Относительно формы брачного поселения следует подчеркнуть, что изученные нами марийские семьи в основном были патрилокальными, то есть после свадьбы в 90% случаев жена перешла на постоянное жительство в дом мужа. Удельный вес примачества, представляющего собой обычай проживания мужа в семье жены, был незначительным и составлял 10%. Заметим, что при формировании брачного круга, особенно у приволжской группы луговых марийцев Звениговского р-на Марийской АССР, важное значение имели традиции выявления степени родства у молодоженов. Согласно полевым исследованиям, 32% браков были зарегистрированы только после определения отсутствия родства между молодоженами до седьмого колена⁵. Данный факт свидетельствует об ответственном отношении марийцев к выбору брачных связей.

Анализируя марийскую свадебную обрядность в 1950–1970-х гг. в Горномарийском, Звениговском и Моркинском р-нах Марийской АССР, можно выделить характерные черты. Наряду с торжественным проведением свадебной церемонии среди луговых и горных марийцев особое внимание уделялось соблюдению наиболее устойчивых обрядовых и ритуальных действий⁶. Среди них в большей степени сохранялись традиции сватовства (*сӧрасымаш*, *кутырен келшымаш*), подготовки приданого (*кумалтыш*), уплаты выкупа (*олно*) и одаривания родственников. Так, свадьбы большинства опрошенных респондентов сопровождалось сватовством, которое чаще всего происходило в упрощенном варианте с участием специально назначенного лица – *ончыч коштыш*, за несколько дней до свадебной церемонии. По мнению информантов, благополучным временем для его проведения считался вечер с четверга на пятницу. При этом саму свадьбу большинство (54%) марийцев предпочитали играть летом, на семицкой неделе, и в сезон колошения хлебов (до и после Петрова дня). Именно этот период считался наиболее удачным и счастливым временем для заключения брачного союза. Однако горные марийцы в рассматриваемое время справляли свадьбы и зимой, но, по мнению исследователей, это было результатом влияния устойчивых православных традиций⁷.

Следует подчеркнуть, что в 1950–1970-х гг. как луговые, так и горные марийцы особое внимание уделяли давним традициям подготовки приданого и одаривания родственников. Респонденты отмечают, что в состав приданого в основном входили вышитые элементы традиционной одежды, украшения, постельные принадлежности и большое количество полотенец.

Отмечая общие характерные черты в свадебной обрядности горных и луговых марийцев, следует обратить внимание на их локальные и отличительные особенности. В частности, у горномарийской свадьбы 1950–1970-х гг. одним из обязательных элементов являлось создание *шиллык* – специально обустроенного места для пиროвания и одаривания родственников во дворе жениха и невесты. На этом месте выставлялись праздничные столы с традиционными блюдами и березка, возможно, используемая как имитация священного дерева для проведения ключевых ритуальных действий⁸. Следующим обязательным этапом было проведение второго дня свадьбы в доме родителей невесты с целью приглашения молодоженов на специальный танец *ош патя* («белая ярочка»)⁹. Сохранение вышеуказанных обычаев позволяет утверждать о приверженности горных марийцев к соблюдению наиболее древних свадебных традиций, несмотря на постепенное распространение гражданских ритуалов и начавшуюся трансформацию свадебной обрядности.

К особенностям свадебного комплекса луговых марийцев Звениговского и Моркинского р-нов Марийской АССР можно отнести следующие: 90% опрошенных в день свадьбы проводили магический обряд втыкания невестой иглки в деревенские ворота перед отправлением в дом родителей жениха. По мнению респондентов, его соблюдение гарантировало благополучную семейную жизнь и оберегало молодую невесту от сглаза и порчи. Во второй день свадьбы моркинские марийцы особое значение придавали обряду *омса лондем рубымаш* – символического разрубания порога в доме крестных родителей жениха. Считалось, что данный ритуал наделял молодую жену правом беспрепятственно входить в дом родственников мужа¹⁰. В приволжской группе луговых марийцев проведение обрядов при заключении брачного союза наравне с гражданской регистрацией брака имело немаловажное значение.

Таким образом, анализ собранного полевого материала позволяет выявить ряд особенностей в развитии семейно-брачных отношений в среде горных и луговых марийцев Горномарийского, Моркинского и Звениговского р-нов Марийской АССР в 1950–1970-х гг. Следует отметить особое отношение марийцев к вопросам брачного возраста, сезонности заключения брачных союзов, вступления в брак с представителями другой этнической принадлежности. При оформлении брачных отношений особое значение придавалось сохранению и соблюдению устоявшихся и наиболее архаичных обычаев, связанных с подготовкой и проведением свадьбы. В целом, по результатам этнографических исследова-

ний можно сделать вывод, что в рассматриваемое время брачные отношения в обследованных марийских семьях отличались стабильностью и традиционализмом, основывались на сложившихся народных устоях и действовавшем в те годы законодательстве.

¹ Смирнов И. Н. Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса//Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 22. С. 87.

² Полевые материалы автора. Горномарийский р-н Респ. Марий Эл, август 2018; Звениговский р-н Респ. Марий Эл, август 2019 г.; Моркинский р-н Респ. Марий Эл, август 2020 г.

³ Шаров В. Д. Межнациональные браки и семьи в сельских районах Марийской АССР//Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1976. Вып. 1. С. 42.

⁴ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 268.

⁵ Марийцы: Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е. Йошкар-Ола, 2013. С. 228.

⁶ Смирнов И. Н. Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса//Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 22. С. 79.

⁷ Марийцы... С. 232.

⁸ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 135.

⁹ Полевые материалы автора. Горномарийский р-н Респ. Марий Эл, август 2018.

¹⁰ Полевые материалы автора. Звениговский р-н Респ. Марий Эл, август 2019 г.; Моркинский р-н Респ. Марий Эл, август 2020 г.

UDC 347.62

N. A. Vaskanova

Family and Marriage Relations among the Hill
and the Meadow Mari Based on the Field
Ethnographic Research' Materials
of the Mari El Republic in 2018–2021

Vaskanova Nadezhda Aleksandrovna, The National Museum of the Mari El Republic named after T. Evseev (Yoshkar-Ola, Mari El Republic), the Department of Ethnography, senior researcher, Ph. D. (History); koroleka22@mail.ru

The article presents the results of a comprehensive analysis of the development of family and marriage relations among the Volga group of the Meadow and Hill Mari in 1950–1970 according

to the materials of ethnographic research of the National Museum of the Republic of Mari El named after T. Evseev in Gornomariysky, Zvenigovsky and Morkinsky districts of the Republic of Mari El in 2018–2021. The author considers such issues as the average age of marriage, the seasonality of marriages, the marriage district, the proportion of mono-ethnic and mixed families; highlighted the general and local features of the wedding ceremony among the Meadow and the Hill Mari.

Key words: the Meadow and the Hill Mari, family and marriage relations, wedding ceremony, marriage age, seasonality of marriages, mono-national and mixed families.

В. В. Кавецкая

Проблемы и перспективы освоения этнографического наследия В. К. Арсеньева

Кавецкая Вера Вячеславовна, Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева (Владивосток), начальник отдела исследований; veravmuseum@mail.ru

Владимир Клавдиевич Арсеньев хорошо известен в нашей стране и за рубежом как неутомимый путешественник и писатель. Особый колорит его произведениям придают разнообразные этнографические сведения о народах, проживавших в Дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв., собранные во время многочисленных экспедиций по Уссурийскому краю. Однако Арсеньев не только овладел практикой полевых сборов, но и стал настоящим этнографом, самостоятельно изучившим университетский курс в рамках этого предмета, а также благодаря профессиональному общению с краеведами и представителями академической науки.

Обширное и разноплановое этнографическое наследие Арсеньева до сих пор представляет большой интерес для исследователей, однако, оно лишь фрагментарно отражено как в научных трудах, так и в музейных выставках. Автор данного доклада видит причины этого прежде всего в расщеплении артефактов наследия, хранящихся в разных учреждениях культуры, которые находятся в значительной географической удаленности друг от друга. В работе обоснована идея решения данной проблемы – создание сводного каталога этнографического наследия Арсеньева в цифровом формате.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, Дальний Восток, этнографическое наследие, музейные коллекции, сводный каталог, единое информационное пространство.

Имя путешественника и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева широко известно не только в России, но и за ее пределами; в советскую эпоху его книгами увлекалось не одно поколение читателей, они и сегодня востребованы читающей аудиторией. Одним из достоинств произведений В. К. Арсеньева является описание быта, обычаев и верований коренных жителей Дальневосточного

региона на основе сведений, собранных автором во время многолетних экспедиций по неизведанному в то время краю и с особым гуманистическим отношением к природе и культуре автохтонных народов.

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился в 1872 г. в Санкт-Петербурге в многодетной семье служащего железной дороги. От отца и дяди он получил навыки исследователя, стремление к саморазвитию и знания в той сфере, которая определила его будущие интересы как ученого-путешественника. Неизгладимое впечатление произвело на него посещение еще в ранней юности Кунсткамеры (1888)¹.

В годы обучения в Санкт-Петербургском пехотно-юнкерском училище мечту о далеком Востоке зародили в душе юноши лекции преподавателя училища географа М. Е. Грум-Гржимайло и географа-антрополога Э. Ю. Петри, которые в свободное время он слушал в университете. Направленный на службу в Ломжу, городок близ Варшавы, Арсеньев заполняет свой досуг исследованием окрестностей и чтением книг: «Якуты» В. Серошевского, «История русской этнографии» А. Н. Пыпина, «Антропология» Л. Крживицкого и т. п.² После прочтения книги Н. М. Пржевальского «Путешествия в Уссурийском крае. 1867–1869 гг.» он написал прошение о переводе на Дальний Восток, о котором грезил. В 1900 г. В. К. Арсеньев приехал во Владивосток³. С этого времени начинаются его экспедиции по изучению Уссурийского края, и становление как народоведа.

Можно сказать, что В. К. Арсеньев проживал одновременно две жизни: профессионального военного, добросовестно выполнявшего служебные задачи, и постоянно восходившего по пути самообразования ученого-этнографа. В чрезвычайно трудных полевых условиях экспедиций он не только собирал материалы о коренных этносах региона, но и штудировал книги, самостоятельно осваивая университетский курс этнографии. Научно-исследовательская компетентность В. К. Арсеньева также обеспечивалась перепиской и личными встречами с краеведами и учеными академического круга. В первом научном обществе Тихоокеанской России – Обществе изучения Амурского края (далее ОИАК) его коллегами и наставниками стали Н. А. Пальчевский и Н. В. Кириллов⁴. В Гродековском музее г. Хабаровска, который он возглавлял (1910–1919, 1924–1925), его сподвижниками были И. А. Лопатин и М. К. Азадовский⁵. С 1910 г. начинается сотрудничество и дружба с такими учеными, как Л. Я. Штернберг и Б. Ф. Адлер, которые не только консультировали, присылали научные труды, но и направляли к нему этнографов, в том числе зарубежных (С. Ф. Понятовский)⁶.

С каждым годом расширялся и круг письменных респондентов В.К. Арсеньева из научной среды. Благодаря этому росла его компетентность как народоведа, позволившая оставить обширное этнографическое наследие, редкое по своей разносторонности, основанное на многочисленных личных наблюдениях в ходе многолетних экспедиций и их фиксации всеми доступными в то время способами.

Этнографическое наследие исследователя (опубликованное и неопубликованное) составляют не только научные и научно-популярные тексты, посвященные культуре конкретного этноса или иной этнологической тематике, но и этнографические данные, полученные в ходе решения научно-практических задач (сбора статистических данных о населении, картографирования местности и т.д.). Особым этнографическим источником являются научно-художественные произведения В.К. Арсеньева. К эпистолярной части наследия путешественника относятся его полевые дневники, материалы для словарей, отчеты, доклады, списки жителей, обследованных стойбищ, письма, заметки, черновики лекций. Отдельно следует выделить составленные им карты расселения коренных этносов на территории края и т.п. К визуальным источникам принадлежат фотографии и негативы, художественные реконструкции этнических костюмов, рисунки и аппликации в экспедиционных дневниках. Ученым-путешественником было собрано множество музейных предметов по культуре коренных народов Дальнего Востока (нанайцев, удэгейцев, орочей и др.). Сегодня эти артефакты хранятся в фондах: Национального музея естественной истории в Вашингтоне; музеев Санкт-Петербурга – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее МАЭ), Российского этнографического музея (далее РЭМ), Государственного музея истории религии; Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (далее ХКМ); Этнографического музея Казанского университета; Музея истории Дальнего Востока – В.К. Арсеньева (г. Владивосток); Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова (г. Чита), где находятся десять картин-реконструкций, созданных В.К. Арсеньевым в сотрудничестве с художниками К.П. Трофимовым и А.Н. Клементьевым⁷. Хранителями этнографического наследия В.К. Арсеньева являются и архивы: Санкт-Петербургского городского отделения и Приморского отделения Русского географического общества – ОИАК; Государственный архив Хабаровского края; Архив Института востоковедения Российской Академии наук и др. В библиотеках хранятся редкие прижизненные издания произведений В.К. Арсеньева и документы⁸.

Простое перечисление мест нахождения разнообразного по типу источников этнографического наследия путешественника указывает на одну из главных сложностей работы с ним – трудодоступность из-за разъединенности и расположения в удаленных друг от друга местах. Другая сложность заключается в том, что даже в современном виртуализированном пространстве далеко не все обладатели наследия имеют возможность обеспечить свободный доступ к наследию в цифровом формате. Предметы из сборов В. К. Арсеньева представлены пока лишь на сайте Национального музея естественной истории (г. Вашингтон). Еще одна сложность определяется тем, что исследование наследия Арсеньева ведется представителями различных научных дисциплин, а их результаты публикуются в многочисленных специализированных изданиях, и конкретному специалисту проблематично отследить все публикации, посвященные данной теме, выявить актуальные тренды.

Выявление круга исследователей, работающих с наследием В. К. Арсеньева, отчасти взяли на себя музеи и краеведческое сообщество. С 1961 г. началось проведение многочисленных конференций под одноименным названием «Арсеньевские чтения». Первые «Арсеньевские чтения» были организованы в Приморском крае на базе Приморского филиала Географического общества СССР. В 1980 г. Чтения стали проводить в г. Уссурийске, в 1984 г. – в г. Хабаровске, и организаторами их были библиотеки, школы, вузы. Приморский государственный объединенный музей (далее ПГОМ), который с 1945 г. носит имя В. К. Арсеньева, проводил большие научно-практические форумы по арсениеведению в 1987, 1997, 2000, 2005, 2007, 2012 и 2017 гг.⁹ В настоящее время идет подготовка к проведению в 2022 г. «Арсеньевских чтений», посвященных 150-летию со дня рождения исследователя. Несмотря на то, что цифровые форматы позволяют собирать более широкий круг участников форумов, проблема поиска партнеров-исследователей и выстраивание внесобытийной научной коммуникации в условиях междисциплинарности остается актуальной.

Кроме того, музеи-хранители отличает различное отношение к наследию В. К. Арсеньева. Дальневосточные музеи считают Арсеньева своим «Гением места» и всячески стараются актуализировать его имя и наследие. Для столичных музеев, которые обладают гораздо более обширными и разнообразными коллекциями, связанными с именами всемирно известных ученых, Арсеньев – один из членов сети региональных корреспондентов и собирателей коллекций. Собранные им артефакты периодически участвуют в этнографических выставках, но экспозиций, характеризующих целост-

но наследие исследователя помимо постоянной этнографической экспозиции ХКМ, можно назвать только две. Обе проходили в двух крупных региональных музеях юга Дальнего Востока, где Арсеньев работал: в ПГОМ им. В. К. Арсеньева¹⁰ и ХКМ им. Н. И. Гродекова. На выставке «Мир удэхе глазами Арсеньева» (2014) – межмузейном партнерском проекте – были представлены 90 предметов из более чем двухсот музейных экспонатов. В. К. Арсеньева, хранящихся в РЭМ. Предметы быта удэгейцев (орочей), нанайцев, ульчей, показанные на данной выставке, были привезены путешественником на Общероссийскую этнографическую выставку 1910–1911 гг. в Русском музее Александра III. За коллекцию, полученную в дар от В. К. Арсеньева, музей удостоил его серебряной медали¹¹. Выставка «В поисках страны удэхе» 2017 г. – партнерский проект Приморского и Хабаровского музеев и ОИАК – представила коллекции, хранимые этими институциями. Но продемонстрирована была лишь «вершина айсберга» арсеньевского наследия. Какими же видятся перспективы соединения разрозненного?

В настоящее время все хранители наследия В. К. Арсеньева признают целесообразность создания сводного каталога этнографических коллекций путешественника, на издание которого идет поиск средств. Более масштабная цель – создать единое информационное пространство, где в цифровом формате будет представлено все этнографическое наследие Арсеньева, дающее возможность его разностороннего полномасштабного изучения, и которое объединит арсениеведов самых разных исследовательских направлений. Эта цель пока существует на уровне идеи и требует детальной проработки для преобразования в проект, а также поиска партнеров-единомышленников для его реализации.

¹ Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев – путешественник и натуралист, 1872–1930. М., 1947. С. 8.

² Полевой Б. П. В. К. Арсеньев как этнограф // Советская этнография. 1972. № 4. С. 74–87.

³ Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Изд. 2-е, испр. и доп. Владивосток, 2012. С. 134.

⁴ Хасанова М. М. Путь В. К. Арсеньева-этнографа: Препринт. Владивосток, 1988.

⁵ Хисамутдинов А. А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М., 2005.

⁶ Полевой Б. П. Этнограф С. Понятовский о В. К. Арсеньеве // Дальний Восток. 1976. № 9. С. 130–135.

⁷ Алкин С. В., Васильев С. Г. «Этнографические картины туземных народностей Восточной Сибири» В. К. Арсеньева // Актуальные вопросы ар-

хеологии и этнологии Центральной Азии: Мат-лы II Междунар. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П. Б. Коновалова. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г. Улан-Удэ, 2017. С. 258–260.

⁸ См.: Дальневосточная государственная научная библиотека в г. Хабаровске, читателем которой был В. К. Арсеньев.

⁹ Кузнецов А. М. Арсеньевские чтения: традиция и современность // Арсеньевские чтения: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2000. С. 9–14.

¹⁰ С 2019 г. – Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, г. Владивосток.

¹¹ Тарасова А. И. Указ. соч. С. 337.

UDC 39(035.3)

V. V. Kavetskaya

Problems and Prospects of Studying and
Popularizing the Ethnographic Heritage
of V. K. Arsenyev

Kavetskaya Vera Vyacheslavovna, The Museum of History of the Far East named after V. K. Arsenyev (Vladivostok), the Department of Research, head department; veravmuseum@mail.ru

V. K. Arsenyev is well known in our country and abroad as a traveler and writer. A special flavor to his works is given by a variety of ethnographic information about the peoples who had lived in the Far East region at the turn of the 19th-20th centuries, collected by the author in numerous expeditions around the Ussuri region. However, V. K. Arsenyev did not only master the practice of field work, but also created a real ethnographer out of himself through systematic self-education, relying on independent study of the university course in ethnography and professional communication with local historians and representatives of academic science. As a result of his ethnological activity, he left behind a vast and diverse ethnographic heritage, which to this day is of great interest to researchers. Nevertheless the heritage itself is only fragmentarily reflected both in scientific works and in museum exhibitions. The author sees the reasons for that in the dispersal of heritage artifacts stored in various cultural institutions, located at a significant geographic distance from each other. The article outlines the idea for solving this problem – creation of a consolidated catalog of ethnographic heritage of V. K. Arsenyev in digital format.

Key words: V. K. Arsenyev, the Far East region, ethnographic heritage, museum collections, consolidated catalog, information space.

Л. С. Гуцян

Деятельность востоковеда
Ашхарбека Лорис-Калантара
в Санкт-Петербурге в начале XX века

Гуцян Лусинэ Степановна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник высшей категории, кандидат культурологии; medievist@yahoo.com

В данном сообщении на основе архивных материалов рассматривается деятельность сотрудника Этнографического отдела Русского музея имп. Александра III и Азиатского музея Ашхарбека Лорис-Калантара в начале XX в.. Будучи одним из учеников академика Н.Я. Марра, в первые годы после окончания Императорского университета он был приглашен на работу в Этнографический отдел Русского музея для регистрации коллекций, в дальнейшем он совершил исследовательскую экспедицию, в которой был собран обширный материал по традиционной культуре курдов-езидов. В 1914 г. А. Лорис-Калантар становится сотрудником Азиатского музея, где занимается армянскими рукописными фондами. Таким образом, он являлся одним из тех многоплановых исследователей-востоковедов, работавших в начале XX в. в Санкт-Петербурге, деятельность которых включает как источниковедческие и археологические, так и этнографические изыскания.

Ключевые слова: Ашхарбек Лорис-Калантар, Этнографический отдел Русского музея имп. Александра III, Азиатский музей, петербургское востоковедение.

Относительно недавно (в 1994, 1999 и 2003 г.) в Париже в серии «Civilisations du Proche-Orient» вышло трехтомное издание избранных трудов Ашхарбека Лорис Мелик Калантара¹ – исследователя-ориенталиста, автора многочисленных трудов, посвященных истории Кавказа.

Значение роли Ашхарбека Лорис-Калантара в исследовании Южного Кавказа подчеркивалось в рецензии к первому тому издания, в частности, в ней отмечалось: «Если до сих пор инициатором изучения ранней истории Южного Закавказья считались Леман-Хаупт и Марр, то данное издание убедительно показывает, что не

кто иной, как Ашхарбек Калантар является скрупулезным ваятелем археологии Армянского нагорья». А «Жизнь и деятельность Калантара доказывают то непреходящее значение, которое имеет Армянское нагорье для мировой культуры»².

Фигура Ашхарбека Калантара интересна для нас тем, что в своей деятельности он объединяет два исследовательских центра Петербурга начала XX в. – Этнографический отдел Русского музея императора Александра III (далее ЭО РМ; ныне Российский этнографический музей, далее РЭМ), и Азиатский музей.

Материалы архивов РЭМ и Российской академии наук (далее РАН) позволяют рассматривать основные направления жизни и деятельности исследователя в первые десятилетия XX в. Благодаря биографии, представленной в архиве РАН, выявляется как точный год – 1884-й, так и место рождения Ашхарбека – родовое имение Ардви Лорийского уч-ка Борчалинского у. Тифлисской губ.³ Последнее важно, поскольку в том же сборнике трудов в биографии указано, что «Ashkharbek Kalantar est né ... à Ardvin en Arménie»⁴. В дальнейшем, как отмечается в биографии, Ашхарбек учился в Армянской духовной семинарии Персесян, окончил курс в 1903 г. и экстерном сдал выпускные экзамены в 3-й мужской гимназии в 1905 г.⁵, а «в 1907 году на основании Аттестата, данного Семинарией, был принят студентом в Императорский Петроградский Университет, где он занимался на Армяно-грузинско-персидском разряде факультета восточных языков. Курс окончил в 1911 году с дипломом первой степени». Отметим, что здесь он становится учеником Н. Я. Марра, который вводит его в круг ориенталистов-кавказоведов широкого профиля.

Благодаря ходатайству академика Н. Я. Марра, А. Лорис-Калантар в 1912 г. начинает работу в ЭО РМ. Однако позже, согласно записи в журнале заседаний музея, хранитель кавказских фондов «А. Миллер доложил, что регистратор коллекций А. А. Лорис-Калантар с 20-го Января 1914 г. прекратил занятия в Этнографическом Отделе вследствие своих подготовительных работ перед магистерскими экзаменами»⁶.

В Этнографическом отделе А. Лорис-Калантар являлся внештатным сотрудником. Согласно практике, опробованной уже в таких учреждениях, как Русское географическое общество и Кунсткамера, кроме штатных сотрудников отдел имел также вольнонаемных регистраторов коллекций и так называемых «корреспондентов» – экспедиционеров, которые по заданию отдела приобретали предметы для собрания ЭО в различных областях Российской империи и за ее пределами. Обращение к содействию внештатных сотрудников диктовалось, помимо необходимости скорейшего создания

фондовой базы музея, еще и тем, что он должен был сосредоточиться не только на комплексных исследованиях и презентации вещевых памятников, но и на фиксации лингвистического аспекта традиционной культуры. Таким образом, будучи регистратором и корреспондентом музея, в мае 1912 г. Ашхарбек Лорис Калантар был направлен, согласно архивным материалам РЭМ⁷, в Эриванскую губ. и Карскую обл. для собирания материалов по этнографии езидов, армян, персов и татар. Результатом экспедиции стала обширная коллекция вещевых экспонатов и фотоматериалов, включающая одну из наиболее представительных музейных коллекций по этнографии курдов-немусульман (№ 2859). В состав коллекции, состоящей из 104 экспонатов, входили предметы мужского, женского и детского костюма, утварь, ковры и оружие. В музей также были переданы 32 экспедиционные фотографии (№ 2680): снимки представителей различных социовозрастных групп, а также портрет самого исследователя с предводителем одного из езидских племен Усуб-беком (кол. № 2680–22).

С 1913 г. Лорис-Калантар начал работу по каталогизации армянских книг и описанию рукописей в Азиатском музее Академии наук⁸. А год спустя он по предложению директора музея Карла Германовича Залемана был приглашен принять участие в выборах на должность сверхштатного младшего ученого хранителя, о чем свидетельствует выписка из протокола заседания историко-филологического отделения коронного высшего учебного заведения⁹: «Директор Азиатского музея читал: „Считая весьма полезным для вверенного мне Музея, чтобы среди его ученого персонала числился также специалист по армянско-грузинской филологии, столь обильно представленной в наших коллекциях, я пригласил принять на себя заведование этим отделом Ашхар-Бека Андреевича Лорис Калатара, окончившего курс на восточном факультете здешнего Университета, и имею честь просить Отделение не отказать в баллотировке его на должность сверхштатного младшего ученого хранителя Азиатского Музея”. Положено произвести выборы А. А. Лорис-Калатара в настоящем заведении. Произведенною баллотировкою А. А. Лорис-Калантар оказался избранным единогласно, о чем положено сообщить в Правление для зависящих распоряжений и директору Азиатского Музея». Для данной процедуры были необходимы личные документы А. Лорис-Калатара, о чем свидетельствует приписка чернилами поверх текста: «Затребовать личные документы г. Лорис-Калатара». Среди необходимых бумаг были свидетельства о рождении, об образовательном цензе и об отношении к отбыванию военной повинности¹⁰. Последнее оказалось достаточно сложным предприятием, о чем свидетельст-

вует переписка¹¹ в которой бывший студент жалуется профессору Ф. А. Розенбергу, что куда-то делось его метрическое свидетельство и все осложнилось: «8 февраля 1915 г. Тифлис. Глубокоуважаемый Федор Александрович, Посылаю Вам копию бумаги, полученной мною от Канцелярии Правления И[мператорской]. Академии Наук; как видите написана она 17 декабря пр[ошлого]. года, но почему-то отправлена мне лишь только 20 января. Жалко очень, что я не был предупрежден вовремя, можно было бы гораздо легче удовлетворить эти требования в Петрограде, чем здесь теперь. Прежде всего покорнейше прошу Вас побеспокойтесь написать мне форму прошения на Высочайшее Имя с необходимыми заметками: на какой бумаге, рукой или можно печатать на ремингтоне и т.д. Из требуемых документов при прошении я могу предоставить свидетельство о явке к исполнению воинской повинности; что же касается метрического свидетельства, я тогда же говорил Карлу Германовичу, что по окончании Университета я его получить обратно не мог вместе с другими документами, которые мне, как пользовавшегося стипендией Мин[истерства]. Нар[одного]. Просвещения, были выданы не сразу. Мне даже не удалось установить, где мое метрич[еское]. свидетельство застряло: в Университете, у Попечителя или где-то в Министерстве. Теперь я взамен метрического свидетельства во избежание задержки из-за непредоставления оно возьму и пошлю выписку из метрической книги. В ожидании Ваших советов и формы прошения шлю привет Вам всем. Искренно уважающий Вас Ваш Ашхар-бек Лорис-Калантар». В ответ на это Ф. А. Розенберг направил письмо¹² управляющему делами академии барону А. П. Штакельбергу, в котором с изящным юмором предлагает несколько ускорить с бумагами, поскольку «наш бедный юноша, сидя на вершинах Кавказа, теряет зря и свое и казенное время».

Следует отметить, что академик Н. Я. Марр также не оставлял без внимания своего ученика. Так, при прошении на Высочайшее имя о поступлении на службу, что, кстати, оказалось необходимо написать «рукой», Лорис-Калантар указывает адрес на 4-й линии Васильевского острова, в доме № 7, где проживал Н. Я. Марр¹³.

При поступлении на должность, то есть на государственную службу, необходимо было дать клятвенное обещание в соответствии со своей конфессией, что и было сделано 13 ноября 1916 г. А. Лорис-Калантаром в петербургской армянской церкви Св. Екатерины; клятву при свидетелях от академии принимал протоиерей церкви Григорий Тер-Григорианц.

Важной составляющей биографии А. Лорис-Калантара является его участие в военных действиях на Кавказском фронте

с февраля 1915 г. в составе Первой Армянской добровольческой дружины, которая в мае указанного года находилась на позициях близ г. Башкалы. На фронте Ашхарбек находился вместе со своим старшим братом и попечителем, Иваном Андреевичем Лорис-Мелик-Калантаром. Об этом свидетельствует письмо последнего в канцелярию правления Императорской Академии наук, в котором, в частности, говорится: «Сношение Канцелярии правления от 17 декабря 1914 года за № 4771, к сожалению, было получено 26 января сего года, а потому брат мой Ашхар-Бек Андреевич Лорис-Калантар по случаю выступления в Действующую Кавказскую Армию не мог своевременно представить требуемые документы. Я только что вернувшись с позиций, по просьбе брата, представляю в Канцелярию Правления свидетельство о явке к исполнению воинской повинности за № 1148 1906 г. и выпись из Метрической книги от 25 февраля 1915 г. за № 4 (Метрическое свидетельство находится в канцелярии Попечителя Петроградского Учебного Округа). Прошение же на Высочайшее имя, если брат мой сумеет приехать хоть на время в Тифлис, то сейчас же представит, а то будет представлено после окончательного в скором будущем уничтожения злейших врагов наших, турок и курдов. А пока, если только это возможно, просил бы представить его к утверждению в должности хранителя Азиатского Музея Императорской академии Наук»¹⁴.

Завершение официальной карьеры Ашхарбека Лорис-Калантара в должности сверхштатного ученого хранителя Азиатского музея Академии наук произошло в ноябре 1917 г. и связано с его отсутствием из-за болезни в Петрограде. В результате управляющий делами Академии А. Штакельберг принял решение исключить его из состава сотрудников музея. Тем не менее, работа над армянскими рукописями была им продолжена вплоть до 1930-х гг., когда Лорис-Калантар навещался в Ленинград из Еревана, где стал одним из семи основателей университета в 1919 г.

Таким образом, Ашхарбек Лорис-Калантар являлся одним из тех многоплановых исследователей-востоковедов, работавших в начале XX в. в Санкт-Петербурге (Петрограде), деятельность которых включает как источниковедческие и археологические, так и этнографические изыскания. В свою очередь, именно ЭО РМ представлял собой учреждение, благодаря которому молодые исследователи имели возможность получать практические навыки не только лингвистической, но и собирательской работы во время экспедиционных поездок по поручению музея. В этот период этнографические знания включаются в круг востоковедческих академических ком-

петенций, что давало возможность молодым исследователям становиться многопрофильными экспертами изучаемого региона.

¹ Ashkharbek Kalantar. Armenia: From the Stone Age to the Middle Ages, Civilizations du Proche-Orient: Serie 1, Vol. 2, Recherches et Publications, Neuchatel, Paris, 1994; Ashkharbek Kalantar. The Mediaeval Inscriptions of Vanstan, Armenia, Civilizations du Proche-Orient: Series 2 – Philologie, Vol. 2, Recherches et Publications, Neuchatel, Paris, 1999; Ashkharbek Kalantar, Materials on Armenian and Urartian History (with a contribution by Mirjo Salvini), Civilisations du Proche-Orient: Series 4 – Hors Serie, Neuchatel, Paris, 2004.

² Adam T. Smith. Armenia: From the Stone Age to the Middle Ages Edited by Ashkharbek Kalantar and G. Karakhanian//American Journal of Archaeology. 1996 (100.3). P. 638–639

³ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 4. Оп. 004. Т. 1. Д. 351. Л. 11.

⁴ Ashkharbek Kalantar (1884–1941)//Association Culturelle Armenienne de Marn-la-Vallee (France) URL: <http://www.acam-france.org/bibliographie/auteur.php?cle=kalantar-ashkharbek>

⁵ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 4. Оп. 004. Т. 1. Д. 351. Л. 11.

⁶ Архив РЭМ. Ф.1. Оп.1. Д. 19. Л. 50.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 380. Л. 1.

⁸ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 4. Оп. 004. Т. 1. Д. 351. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 22–22 об.

¹² Там же. Л. 20–21.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л.10.

UDC 929 (5.7)

L. S. Gushchian

Activity of the Orientalist
Ashkharbek Loris-Kalantar
in Saint-Petersburg at the Beginning
of the XX century

Gushchian Lusine Stepanovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus and Central Asia, research fellow of highest category, Ph. D. (Culturology); medievist@yahoo.com

In the report the activity of the employee of The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum (further – ED) and The Asian Museum of Ashkharbek Loris-Kalantar at the beginning of the XX century is considered on the basis of the archival materials. As one of the students of academician N. Ya. Marr, in the first years after graduating from the Imperial University, he had been invited to work at the ED of The Russian Museum of Emperor Alexander III to register collections, later he undertook the research expedition, in which he collected extensive material on the traditional culture of the Yezidi Kurds. In 1914 A. Loris-Kalantar became an employee of the Asian Museum, where he had been engaged in Armenian manuscript funds. Thus, he was one of those multifaceted orientalist researchers who worked at the beginning of the 20th century in St. Petersburg (Petrograd), whose activities include both source study and archaeological and ethnographic research.

Key words: Ashkharbek Loris-Kalantar, The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum, The Asian Museum, Saint Petersburg's Oriental Studies.

А. В. Газданова

**З. П. Валаев – собиратель
первых осетинских коллекций**

Газданова Анастасия Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник; nastyagazdan@gmail.com

В докладе рассматривается деятельность корреспондента Этнографического отдела Русского музея имп. Александра III Захария Петровича Валаева, связанная со сбором в 1906–1907 гг. первых двух осетинских этнографических коллекций (кол. № 996, 1249), включающих 145 предметов.

Ключевые слова: З. П. Валаев, Этнографический отдел Русского музея, коллекции РЭМ, осетины.

Среди деятелей, внесших существенный вклад в комплектование фондов Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (далее ЭО РМ; в настоящее время Российский этнографический музей, РЭМ) предметами культуры и быта осетин, следует назвать имена крупных ученых – Б. А. Бонч-Осмоловского, А. А. Миллера, Б. А. Куфтина, Е. Н. Студенецкой. Благодаря их усилиям, как и других фондообразователей, музейное собрание РЭМ в настоящее время насчитывает более 70 осетинских вещевых коллекций. Первые две из них (кол. № 996, 1249), включавшие 145 предметов, были собраны в 1906–1907 гг. Захарием Петровичем Валаевым. О его деятельности, связанной со сбором этих коллекций, и пойдет речь в настоящем докладе.

Известно, что Захарий Петрович Валаев родился 18 ноября 1881 г. в станции Чернойрской (ныне Моздокский р-н Республики Северная Осетия – Алания) в семье войскового старшины Петра (Слана) Васильевича Валаева. В 1908 г. он окончил Московское Императорское техническое училище (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) по специальности «инженер-механик»¹. О его дальнейшей судьбе после прекращения переписки с ЭО РМ в 1908 г. на настоящий момент достоверно ничего не известно. Из воспоминаний его двоюродной сестры Л. З. Кургосовой следует, что он покончил с собой². Согласно имеющимся документам, произошло это не ранее 9 февраля 1917 г.

Больше, чем о нем самом, нам известно о его ближайших родственниках и окружении. Так, его родная старшая сестра Саса (Александра) Бегиева-Валаева занималась собиранием фольклора у жителей двух соседних станиц – Черноярской и Новоосетинской. Кроме того, она состояла в дружественных отношениях и переписке с поэтами-основоположниками осетинского литературного языка – Коста Хетагуровым (иронский диалект) и Блашка Гуржибековым (дигорский диалект); была знакома с представителями осетинской интеллигенции Балотти Тускаевым, Захаром Сосиевым, членами семьи священника Цаликова и многими др.³ Вторая сестра Вера была замужем за Иналом Тотруковичем Собиевым – инженером, собирателем фольклора и материалов по этнографии осетин, а также помощником В. Ф. Миллера при составлении осетинско-русско-немецкого словаря. Таким образом, благодаря приятельству и дружбе семьи Валаевых с известными деятелями осетинской культуры того времени, Захарий Петрович, скорее всего, знал о проблемах и задачах, стоящих перед осетинской интеллигенцией и связанных с изучением и сохранением родной культуры. К тому же, он сам не понаслышке был знаком с этнографией, о чем свидетельствуют упоминания в его письмах трудов известных этнографов, интересовался музейной работой и, в частности, посещал Дашковский (Москва) и Берлинский музеи для ознакомления с системой комплектования коллекций.

Учитывая вышесказанное, не вызывает удивления тот факт, что в 1905 г., еще будучи студентом, З. П. Валаев, услышав от товарищей – студентов столичных вузов – о комплектовании фондов ЭО РМ, предложил свою помощь в сборе этнографических коллекций на Северном Кавказе. Получив отказ на первое письмо, через полгода З. П. Валаев написал второе, в котором продемонстрировал свои знания специфики региона: изложил план своей поездки, перечислил пункты программы, по которой он собирался приобрести предметы, и одновременно дал краткое описание района и его жителей⁴. Таким образом, ему удалось убедить ЭО РМ в пригодности своей кандидатуры на роль собирателя. Кроме того, в его пользу сыграли еще два немаловажных обстоятельства: он владел осетинским языком (дигорским диалектом) и имел знакомства в нескольких районах Кабарды, Чечне и Балкарии.

В июне 1906 г. З. П. Валаев с помощью студента-геолога С. А. Гагуева в Дигории и Алагирском ущелье Северной Осетии собрал первую осетинскую коллекцию (№ 996), которая была получена ЭО РМ в начале августа 1906 г. На бланке-перечне приобретенных предметов, сопровождавшем сундуки с вещами, селения упоминаются в следующей последовательности: Ново-Христианское

(в настоящее время г. Дигора), Магометанское (в настоящее время с. Чикола), Стыр-Дигория, Махческ, Фураскатт, Галиат, Фаснал, Дунта, Садон и Алагир. Это дает повод предположить, что собиратель начал свои изыскания с равнинной Дигории, далее переместился в горную Дигорию и из Уаллагкома через перевал добрался до Алагирского ущелья, населенного иронцами. К сожалению, нам известно мало подробностей о самой поездке: была ли организована экспедиция или вещи приобретались в ходе специальных выездов, как отбирались будущие экспонаты и т.д. Собиратель сообщает лишь о том, что «много обменивалось на золотые вещи и материю»⁵. Кроме того, по его словам, облегчило ему работу и позволило «сэкономить» знание языка и наличие родственных связей. В ходе сбора коллекции он сделал «значительное количество фотографических снимков», чертежи дома и мельницы⁶, а также «записал несколько важных тостов, сказаний и заблуждений <...> но по дороге из Стырдигории в Махческ потерял»⁷.

В коллекцию, собранную в 1906 г., вошли 95 предметов: утварь, отдельные земледельческие орудия, орудия для обработки дерева и шерсти, полный комплект мужского и женского костюма, оружие и его принадлежности, колыбель с принадлежностями, музыкальный инструмент, предметы интерьера. К сожалению, неизвестно из какого населенного пункта привезен конкретный предмет, входящий в коллекцию. Кроме того, Захарий Петрович изготовил 8 моделей (среди них: сельскохозяйственные орудия, средства передвижения и др.)⁸. Важно отметить, что З.П. Валаев дает названия предметов (в том числе и собранных в Алагирском ущелье) на дигорском диалекте осетинского языка. Отдельно следует сказать о сосуде, предназначенном для «передачи в Археологическое отделение», который, со слов собирателя, был «раскопан около Галиата (Дигорское ущелье)»⁹.

Сам З.П. Валаев так писал о составе своей первой коллекции: «При собирании мной было обращено внимание почти на все, что представляет интерес в этнографическом отношении. Особенное внимание мною было уделено производству шерстяному, ибо эта отрасль исключительно важна в быту осетин, особенно горцев <...>. Особенно ценной из всей коллекции считаю приобретенную цепь и подсвечник. Мне кажется, судя по трудности, с какой мне удалось их достать, что их нет ни в одном музее из существующих в России»¹⁰.

В сентябре того же года З.П. Валаев написал К.А. Иностранцеву письмо, в котором предложил совершить еще одну поездку в Осетию с целью сбора предметов женского рукоделия: «Область эта довольно богатая и мне в ней пришлось ограничиться самым

необходимым, благодаря недостатку ресурсов. Кроме того, было мною встречено ряд предметов, относящихся к разным областям, и желательность приобретения их для музея была очевидна»¹¹. И в этом же письме перечисляется ряд предметов и их примерная стоимость.

Для последующего приобретения этих предметов в марте 1907 г. Совет Этнографического отдела постановил ассигновать З. П. Валаеву 250 руб. О формировании второй коллекции известно еще меньше. Корреспондент писал, что «все было заказано на месте», исходя из чего можно предположить, что головные уборы, платки, кисеты, предметы домашнего обихода, обувь, плети, образцы тесьмы, галуна, шелковых нитей, составляющие коллекцию, были приобретены в его родной станице и соседней с ней Новоосетинской. Следует отметить, что в описи приобретенных предметов указано, что башлык и один из кисетов являются даром Д. Н. Валаевой, матери собирателя.

Обе осетинские коллекции, собранные З. П. Валаевым, были высоко оценены специалистами. К. А. Иностранцев, получив первую осетинскую коллекцию в марте 1907 г., сообщил корреспонденту: «Вы хорошо дебютировали осетинской коллекцией...»¹² Е. Н. Студенецкая о второй коллекции З. П. Валаева писала: «Прекрасные образцы этого искусства, совершенно исчезнувшего после революции, удалось собрать З. П. Валаеву в начале XX в. Некоторые из них, несомненно, относятся ко второй половине XIX в.»¹³

Подводя итог собирательской деятельности З. П. Валаева, отметим, что Захарий Петрович оставил заметный след в комплектовании кавказского музейного собрания. Он первым привез две полноценные осетинские коллекции, характеризующие быт и занятия народа. Собранные им предметы не раз были представлены на выставках и экспозициях музея.

---

¹ Список выпускников и преподавателей ИМТУ, МММИ, МВТУ, МГТУ с 1865 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bmstu.ru/~people/abcdef/va.htm> (Дата обращения: 23.09.21 г.).

² Научный архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф.19. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

³ Архив РЭМ. Ф. 1 Оп. 2. Д. 53. Л. 1–1об.

⁴ Там же. Л. 2–5об.

⁵ Там же. Л. 21об.

⁶ Там же. Л. 18об.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 18об.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 18–21 об.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² Там же. Л. 43.

¹³ Е. Н. Студенецкая. Осетины в Музее этнографии народов СССР (собираТЕЛЬская и экспозиционная работа 1906–1983 гг.)//Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 152.

UDC 39

A. V. Gazdanova

Z. P. Valaev – Collector
of the First Ossetian Collections

Gazdanova Anastasiya Viktorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucassus and Central Asia, researcher; nastyagazdan@gmail.com

The report examines the activities of Zakhari Petrovich Valaev, a correspondent of The Ethnographic Department of The Emperor Alexander III Russian Museum, associated with the first two Ossetian ethnographic collections (col. No. 996, 1249), including 145 items. These collections were received by the museum in 1906–1907.

Key words: Z. P. Valaev, the Ethnographic Department of the Russian Museum, REM collections, the Ossetians.

Л. Ф. Попова

История киргизского фонда Российского этнографического музея: собиратели
Е. И. Махова и Б. К. Балакин, народный мастер М. Шамурзаев и его потомки

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, заведующая отделом; gem_larisa@mail.ru

В докладе рассмотрена история формирования киргизских вещевых коллекций Российского этнографического музея (№ 6370 и № 6371), а также фотоколлекции (№ 6238). В научный оборот вводятся новые сведения о собирательской деятельности Е. И. Маховой, сотрудника Музея народов СССР и Б. К. Балакина, ученого секретаря Государственного музея этнографии. В исследовательском плане вызывает интерес их экспедиционная поездка 1940–1941 гг. в районы Северной и Южной Киргизии, организованная в целях сбора материалов для музейной экспозиции «Киргизы в прошлом и настоящем». Время требовало от исследователей отражения прогрессивных социально-экономических явлений в колхозах Киргизии, с чем связывался переход к оседлости и занятие земледелием. Более подробно в работе освещены материалы, касающиеся колхоза им. Молотова Сузакского р-на Джалал-Абадской обл., что объясняется появлением новых данных о собранных там экспонатах коллекции (№ 6371). Н. Беков – внук мастера-ювелира М. Шамурзаева, проживавшего в этом колхозе, – в 2020 г. предоставил ценные сведения для уточнения ранее опубликованных данных о нескольких памятниках традиционной культуры киргизов.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, киргизы, советский быт, этнографическая экспедиция, Е. И. Махова, Б. К. Балакин, М. Шамурзаев.

Гордостью киргизского фонда Российского этнографического музея (далее РЭМ) являются вещевые коллекции (№ 6370 и № 6371), а также фотоколлекция (№ 6238), сформированные осенью–зимой 1940–1941 гг. в Тянь-Шаньской, Джалал-Абадской и Ошской обл. Киргизской ССР. Их собиратели – Елена Ивановна Махова, заведу-

ющая отделом Киргизии¹ Музея народов СССР (г. Москва) и Борис Каллистратович Балакин², ученый секретарь Государственного музея этнографии (далее ГМЭ)³. Вещевые коллекции включают 134 памятника разной тематики. Цель настоящего доклада – представить эти коллекции в контексте истории СССР и Киргизии, истории РЭМ, а также одной киргизской семьи.

Поводом для специального исследования указанных коллекций стало письмо Ниязмамата Бекова, жителя г. Джалал-Абада, направленное в адрес музея в июне 2020 г. В конверт был вложен оттиск статьи Е. И. Маховой и С. В. Иванова «Обработка металла», вошедшей в сборник «Киргизское декоративно-прикладное искусство»⁴. Статья написана на основе полевых материалов, собранных Маховой, в том числе в 1940–1941 гг. Текст сопровождается прорисовки кузнечных и ювелирных изделий; в аннотациях к трем из них имеется указание: «Работа неизвестного мастера». По утверждению Н. Бекова, фамилия мастера ему известна – это Мамасеит Шамурзаев, его родной дед. В качестве доказательства уже в ходе переписки, Беков предоставил фотографии тех вещей, с которых были сделаны прорисовки, – они по сей день хранятся в его доме. Еще один удивительный факт: молодой женщиной, запечатленной на одной из фотографий в статье⁵, являлась невестка мастера М. Шамурзаева, которая в июне 2020 г. была еще жива (скончалась в августе того же года в возрасте 94 лет). Н. Беков обращался в Музей с просьбой – сделать информацию о его деду известной, что, несомненно, полностью совпадает с интересами этнографической науки и музея как социально-культурного института.

Столь уникальные обстоятельства побудили обратиться к документам, связанным с экспедицией Б. К. Балакина и Е. И. Маховой. При этом по понятным причинам хотелось расширить круг сведений, полученных от Н. Бекова. В архиве РЭМ были обнаружены малоизвестные материалы, проливающие свет на причины организации поездки, ее задачи и результаты⁶.

После закрепления в Конституции 1936 г. принципов национально-государственного устройства СССР музею предстояло в своем экспозиционном пространстве отразить культуру населения союзных республик. Так, в 1936–1938 гг. научный отдел Средне-Азиатских республик подготовил две экспозиции: «Узбеки в прошлом и настоящем» и «Туркмены в прошлом и настоящем». Как отмечено в переписке директора ГМЭ Е. А. Мильштейна с Комитетом наук при СНК Киргизской ССР: «Строительство этих выставок осуществлено Музеем при непосредственном участии правительственных, хозяйственных и кооперативных организаций Узбекской и Туркменской Республик, выделивших на это политически важное мероприятие

денежные средства, а также экспонаты <...>. В плане своих работ Музей запроектировал строительство постоянной выставки «Киргизы в прошлом и настоящем». На этом основании Музей <...> обратился к правительственным органам Киргизской Республики с призывом принять участие в организации в нашем Музее экспозиции, посвященной киргизскому народу. Тов. Лунин Б. А. сообщил нам, что Совнарком Киргизской ССР принял решение об участии в строительстве в Государственном музее этнографии выставки „Киргизы в прошлом и настоящем”⁷. В архиве РЭМ имеется копия соответствующего Постановления № 1494 от 27 октября 1938 г., подписанного зам. председателя СНК Киргизской ССР С. Садовниковым и управляющим делами СНК Киргизской ССР Н. Дубровским⁸.

Первым шагом в реализации проекта стала поездка Б. К. Балакина по разным районам Киргизии (1939 г.) с целью знакомства с современным бытом колхозников и приобретения экспонатов, отражающих художественные промыслы киргизов. В результате им была сформирована коллекция образцов вышивки и резьбы по дереву (№ 6237), в том же году эта коллекция была выставлена на отчетной выставке по данной поездке⁹. Также Б. К. Балакин привез фотографическую коллекцию (№ 6190), характеризующую «парадную» жизнь социалистической Киргизии. Она была подарена ГМЭ Комитетом по делам искусств (автор фотографий – Фридлянд).

Масштабная киргизская экспедиция, запланированная на 1940 г., затягивалась из-за бюрократических проволочек, и ее сотрудникам пришлось выехать только в октябре. Перенос сроков выезда на весну 1941 г. был исключен – выделенные средства требовалось освоить своевременно. Е. И. Махова осознавала всю трудность работы на севере Киргизии в осенне-зимний период, но согласилась участвовать в поездке во многом благодаря пристрастию к полевым исследованиям.

Среди комплексных задач экспедиции особо важным считался сбор информации по современному быту киргизов в контексте социалистических преобразований. Собиратели руководствовались при этом специальной Программой¹⁰. Она представляет большой научный интерес как документ, формулирующий критерии прогресса для изменения традиционного уклада жизни кочевников. В то же время Программа предусматривала исследования и по «классической» этнографии киргизов, включая такие малоизученные вопросы, как этногенетические предания, родовой состав населения, верования и др.

Маршрут экспедиции был составлен с учетом необходимости фиксации процесса оседания кочевников в разных природных зонах Киргизии. Так, в северной горной части республики экспеди-

ция работала в с. Кочкорка (колхоз «Тюньдюк») Тянь-Шаньской обл. Там и была сформирована коллекция (№ 6370). На юге Киргизии в равнинных районах Джалал-Абадской обл. были обследованы колхоз «Орто-Азия» и колхоз им. Тельмана, в предгорьях той же области – колхоз им. Ворошилова и колхоз им. Молотова, где население сохраняло полукочевой образ жизни. В Опской обл. экспедиция работала в колхозе «Ульгулю» (кишлаки Туз-Бель и Ак-Терек). В этих районах была собрана коллекция (№ 6371).

Семья мастера-ювелира М. Шамурзаева, чьи вещи в числе прочих вошли в эту коллекцию, проживала в колхозе им. Молотова. По свидетельству Н. Бекова, ко времени экспедиции его деда уже не было в живых. Е. И. Махова зарисовала и приобрела изделия его работы¹¹, но в потоке информации не зафиксировала имя мастера. Со слов Н. Бекова, ювелирному делу Шамурзаев выучился у городских мастеров, временами навещавших села округа. Он постоянно находился в разъездах, выполняя заказы, и поэтому домашнее хозяйство вела его жена.

Колхоз им. Молотова, находившийся в 40 км от г. Джалалабада, был организован в 1932 г. и включал 23 кочевых хозяйства (в 1940 г. – уже 46). Ранее здесь находились зимовки, где скотоводы жили в юртах до весны. Как отмечено в материалах экспедиции, селение было разбросанным в силу разного характера его угодий. Первая, основная часть жилых и хозяйственных построек, включавшая правление, школу, табачный сарай, 10–12 домов, располагалась на правом берегу р. Кугарт в урочище Сары-Булак. Вторая часть – *дунгурма* – находилась в 2 км вверх по течению. Третья часть – *кчыуртак* – располагалась в 1,5 км от Сары-булака в сыртах, где в одном из ущелий с ореховым лесом возникло поселение, дома которого отстояли друг от друга на значительном расстоянии (300–500 м). Стационарные постройки возводились из саманного кирпича. В колхозе им. Молотова население еще использовало юрты, что тогда квалифицировалось как пережиток старого быта, подлежащий искоренению. Несмотря на сугубо скотоводческий в прошлом характер хозяйств, колхоз получил зерновое направление: выращивали пшеницу (200 га), ячмень (48 га), овес (20 га), кукурузу (10 га), табак, просо (8 га), горох (5 га), картофель (2 га) и подсолнечник (5 га). Табак и картофель стали возделывать с 1936 г. Тогда же была организована птицеводческая ферма. Хозяйственный инвентарь колхоза включал 10 плугов, лобогрейку, 2 косилки, 4 каменных молотильных катка *сок-таш*, 2 брочки и несколько саней-волокуш¹². В этом колхозе экспедицией была приобретена кожаная и деревянная утварь, а также женские украшения.

Колхоз «Орто-Азия» (кишлак Ак-Баш), находящийся на равнине близ р. Кугарт, судя по фотографиям, был образцовым: его отличала уличная планировка, посадки деревьев вдоль дорог, аккуратные саманные строения, среди которых выделялся дом председателя с черепичной крышей, а также общественные здания – сельсовет, школа, медпункт. Е. И. Махова в каждом обследованном кишлаке составляла планы построек и схемы интерьеров. В колхозе «Орто-Азия» ею были документированы новые явления в быту кочевников: наличие кроватей, столов и стульев¹³, эмалированной посуды, плакатов на стенах¹⁴, швейных машинок, велосипедов, патефонов (у 40% населения)¹⁵. Колхоз специализировался на производстве хлопка – стратегически важной для экономики СССР культуры. В сфере транспорта киргизы продолжали пользоваться его традиционными видами – верховым (лошадь, ишак), вьючным (верблюд), колесным (арба ферганского типа). На снимках зафиксирована телега, по всей видимости, как прогрессивное явление, а также грузовой автомобиль (фотокол. № 6238–189).

На примере колхоза им. Тельмана, в котором наряду с киргизами проживали немцы, Е. И. Махова постаралась выполнить тот пункт Программы, который требовал «показать социалистическое сотрудничество киргизского народа с народами других национальностей»¹⁶. К сожалению, материалы по этнографии немцев не нашли отражения в коллекциях.

Особое внимание сотрудники экспедиции уделили духовной культуре киргизов, которая должна была подвергнуться идеологической «коррекции». Так, было описано проведение мусульманского праздника Ораза Айт, в том числе обряд гостевания, праздничная одежда и трапеза. Большую научную ценность имеют сведения о магах разных сфер воздействия: *джайчи* – вызывающем дождь, *эсебчи* – предсказателе погоды, *кучу* – помощнике при родах, *санчи-сынчи* – угадывающем качества людей и животных, *бахши* и *бюбю* – врачевателях.

Новая общественная обрядность, а именно празднование 22-й годовщины Октябрьской революции, была зафиксирована в с. Кочкорка. На снимках можно видеть движение колонн с портретами советских руководителей, митинг на сельской площади, выступление физкультурников, хорового коллектива, ансамбля балалаечников, самодеятельных артистов, изображающих паровоз (фотоколл. № 6238–213–231).

Глядя на счастливые лица людей, участвующих в празднике, горестно сознавать, что всего через полгода начнется война и не всем из них будет суждено вернуться домой. В числе павших смертью храбрых были и братья мастера Ш. Мамасеитова – Текен и Ысак,

его внук Апиш Беков (1922 г.р.), погибший в 1943 г. при освобождении Смоленска и посмертно награжденный медалью «За Отвагу»¹⁷. Сын мастера Бек Мамасейтов (1898 г.р.), отец Н. Бекова, был мобилизован на трудовой фронт и работал на торфоразработках в Свердловской обл.

Е. И. Махова в годы войны (1942–1943 гг.) работала в г. Фергане секретарем ученой части IV Московского медицинского института; в 1943–1946 гг. она стала лаборантом кафедры этнографии исторического факультета МГУ; в 1946–1966 гг. работала младшим научным сотрудником сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР¹⁸. За годы работы в последнем из перечисленных учреждений она приняла участие в нескольких экспедициях в регион Средней Азии и Казахстана и деятельно участвовала в разработке Этнографического атласа.

О судьбе Б. К. Балакина после завершения экспедиции сведений пока найти не удалось.

В заключение подчеркнем, что материалы экспедиции Б. К. Балакина и Е. И. Маховой являются ценным источником, характеризующим состояние традиционной культуры киргизов на первом этапе ее трансформации в 1930-х гг. Главное достоинство собранных данных состоит в объективности исследователей, хотя и находившихся в условиях политического ангажмента. В преддверии 100-летнего юбилея Советского Союза документальные свидетельства о гигантских подвижках в развитии народов огромной страны приобретают особую актуальность. В народном сознании киргизов, по данным полевых наблюдений 2011–2018 гг.¹⁹, советский период, несмотря на все противоречия этой эпохи, воспринимается как «золотой век» единства и созидания. Исследования в области исторической памяти киргизов, генетически очень цепкой, к сожалению, не ведутся, хотя потенциал семейных хроник позволяет воссоздать, как постарался показать автор, даже утраченные звенья далеких событий.

---

¹ До 1939 г. в Музее народов СССР имелся отдел Средней Азии. В 1939 г. должны были открыться отделы всех 11 союзных республик, см.: Письмо директора Музея народов СССР Герасимовича в Совнарком. Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

² Б. К. Балакин родился в 1905 г. в с. Шиковка Хвалынского у. Саратовской губ. в семье крестьянина. В 1926 г. работал в ЦК КП(б) Узбекистана секретарем Орграспреда. В том же году поступил в Ленинградский восточный институт на узбекское отделение (окончил в 1930 г.). Впоследствии работал в Узбекской ССР в системе Сельхозкооперации. В 1935 г. переехал в г. Ленинград и поступил на работу в ГМЭ на должность на-

ученого сотрудника. С 15 сентября 1937 г. исполнял обязанности ученого секретаря музея. Беспартийный. (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 4. Л. 16).

³ Государственный музей этнографии – одно из исторических названий Российского этнографического музея (с 1934 по 1948 г.)

⁴ Иванов С. В., Махова Е. И. Обработка металла//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968. С. 96–122.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 746; Д. 802.– Переписка с Комитетом наук при СНК Киргизской ССР об экспозиции «Киргизия в прошлом и настоящем», схема экспозиции и протокол заседания этнографической секции с обсуждением отчета об экспедиции Б. К. Балакина в Киргизскую ССР; Д. 842.– Материалы Экспедиции ГМЭ в Киргизию 14 окт. 1940 г.– 14 янв. 1941 г.

⁷ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 746. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 65–70.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 842. Л. 216–219.

¹¹ РЭМ, кол. № 6371–159 (фибула бучулук).

¹² Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 842. Л. 147–148.

¹³ Там же. Л. 155.

¹⁴ На снимке (фотоколл. № 6238–136): на стене комнаты плакаты с изображением Маркса, Ленина, Сталина, членов Политбюро ЦК ВКП(б); на снимке (№ 6238–89) – плакат с русским алфавитом.

¹⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 842. Л. 155.

¹⁶ Там же. Л. 217.

¹⁷ Гаврилова А. Два раза не умирают//Глинковский вестник. 2021. № 12 (3489). С. 6.

¹⁸ URL: http://ethnotest.kunstkamera.ru/w/index.php?title=%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (Дата обращения 19.09.2021).

¹⁹ ПМА: Иссык-Кульская обл. (2011, 2016 гг.), Ошская обл. (2011–2012 гг.)

UDC 39

L. F. Popova

The History of the Kyrgyz Fund of The Russian Ethnographic Museum: Collectors E. I. Makhova and B. K. Balakin, Folk Master M. Shamurzaev and His Descendants

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, head of department; rem_larisa@mail.ru

The article examines the history of the formation of the Kyrgyz collections of The Russian Museum of Ethnography No. 6370, 6371, 6238. New information is introduced into scientific circulation about the collecting activities of E. I. Makhova, an employee of The Museum of the Peoples of the USSR (for 1940–1941) and B. K. Balakin, the scientific secretary of The State Museum of Ethnography. The research focus is on their 1940–1941 expedition trip to the regions of Northern and Southern Kyrgyzstan, organized in order to collect materials for the exhibition of The State Museum of Ethnography «Kyrgyz in the past and present». Time required researchers to reflect progressive socio-economic phenomena in the collective farms of Kyrgyzstan, which was understood as the transition to settlement and farming. In more detail, the article covers materials on the collective farm named after Molotov of the Suzak district of Jalal-Abad region, which is explained by the appearance of new data on the exhibits of collection No. 6371 acquired there. N. Bekov, the grandson of the master jeweler M. Shamurzaev, who lived in this collective farm, in 2020 provided valuable information to clarify previously published data on several monuments of traditional culture of the Kyrgyz.

Key words: The Russian Museum of Ethnography, the Kyrgyz, Soviet life, ethnographic expedition, E. I. Makhova, B. K. Balakin, M. Shamurzaev.

Е. Л. Кубель

Роль А. Л. Мелкова в формировании каракалпакского фонда Российского этнографического музея

Кубель Елена Леонидовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии и Казахстана, научный сотрудник; elenakubel@yandex.ru

Александр Лаврентьевич Мелков (1887–1930) – этнограф, собиратель, художник, фотограф. С именем этого ученого неразрывно связано начало планомерного исследования среднеазиатско-казахстанского региона, развернувшегося в отечественной науке в 1920-х гг. В то время он жил и работал в Казахстане, в 1922–1927 гг. занимал должность заведующего Центральным краевым архивом. 15 октября 1920 г. в Оренбурге, в то время столице Киргизской АССР (до апреля 1925 г.), было организовано Общество изучения Киргизского края (далее Общество). Согласно уставу, оно являлось прямым преемником Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. А. Л. Мелков вступил в Общество и некоторое время занимал должность председателя этнографического отдела. Большая часть его экспедиционных поездок осуществлялась по линии данной организации. В 1928 г. А. Л. Мелков стал начальником Каракалпакской этнографической экспедиции, работа которой продолжилась в 1929 г. Будучи корреспондентом Этнографического отдела Государственного Русского музея, он посетил все основные районы проживания каракалпачков, собрал первую большую, многотемную, подробно аннотированную, вещевую коллекцию, характеризующую занятия и быт каракалпачков второй половины XIX – первой четверти XX в. и являющуюся важным историческим источником.

Ключевые слова: А. Л. Мелков, «Общество изучения Киргизского края», Каракалпакская этнографическая экспедиция (1928–1929), каракалпачки, каракалпачские коллекции, Казахстан, Киргизия, Этнографический отдел Государственного Русского музея, Российский этнографический музей.

В 1929 г. состоялась экспедиционная поездка А. Л. Мелкова в Каракалпакскую АО в статусе корреспондента Этнографическо-

го отдела Государственного Русского музея (далее ЭО ГРМ, ныне Российский этнографический музей). К этому времени собиратель уже имел обширный опыт полевой этнографической работы в регионе. О наличии у него профильного образования свидетельствуют архивные материалы. Так, известный археолог С. И. Руденко назвал его «этнографом школы Штернберга и хорошим собирателем коллекций»¹. До сих пор точно неизвестно, в каком высшем учебном заведении А. Л. Мелков получил образование. Наиболее вероятно, это был Петербургский археологический институт или Оренбургское отделение Московского археологического института.

В 1920-х гг. А. Л. Мелков жил и работал в Казахстане. С именем этого ученого неразрывно связано начало планомерного исследования среднеазиатско-казахстанского региона, развернувшегося в отечественной науке в 1920-е гг. В 1922–1927 гг. А. Л. Мелков занимал должность заведующего Центральным краевым архивом Казахстана. 15 октября 1920 г. в Оренбурге (который в то время стал столицей автономной Киргизской (Казахской) республики) открылось Общество изучения Киргизского края (далее Общество). В нем было образовано три отдела: историко-археологический, естественно-географический и этнографический. А. Л. Мелков вступил в Общество и некоторое время занимал должность председателя этнографического отдела. На новом этапе отечественной истории Общество вошло в общую систему краеведческих организаций 1920-х гг., развернув интенсивную научную и собирательскую деятельность. Большая часть экспедиционных поездок А. Л. Мелкова осуществлялась по линии данной организации. В 1922 г. исследователь совершил поездку в Актюбинскую и Кустанайскую обл. для сбора фольклорного материала, а также приобретения образцов народного декоративно-прикладного искусства казахов для Международной выставки декоративного искусства и художественной промышленности в Париже. В поездках 1923 и 1924 г. А. Л. Мелков продолжил работу по изучению казахского фольклора. В 1925 г. вышла его работа «Материалы по Киргизской этнографии: Киргизские скачки»². В 1927 г. во время двухмесячной экспедиции по Семипалатинской и Джетысуйской обл. А. Л. Мелков собирал материалы о скотоводческих и земледельческих хозяйствах казахов. Опираясь на собственный полевой опыт, а также на опыт своих казахских коллег, он разработал «Программу по изучению быта казахов»³ (далее «Программа»), которая была опубликована в 1929 г. Составляя свою «Программу», исследователь также использовал «Краткую программу по этнографическим сборам для участников экскурсий в Сибирь» Л. Я. Штернберга и «Курс лекций по полевой этнографии» В. В. Богораз-Тана⁴.

Основное внимание в «Программе» А. Л. Мелков уделил культуре первичного производства (основным занятиям, ремеслам, торговле) и культуре жизнеобеспечения (поселениям и постройкам, внешнему и внутреннему убранству жилища, одежде, украшениям, утвари) казахов. Вопросы духовной культуры (традиционного мировоззрения, религии, устного народного творчества) были затронуты лишь отчасти. Автор объяснял это тем, что «Программа» должна была послужить руководством для работы молодых краеведов, не имеющих основательной научной подготовки для работы с таким сложным материалом.

В 1928 г. А. Л. Мелков стал начальником Каракалпакской этнографической экспедиции, организованной, предположительно, Обществом изучения Казахстана; работа экспедиции продолжилась в 1929 г., уже частично по линии Академии Наук СССР⁵. К сожалению, отчета о работе экспедиции А. Л. Мелков не оставил. Представление о широте интересов и серьезности задач, которые исследователь ставил перед участниками экспедиции (особо следует отметить активное участие в ней специалиста по фольклору Калы Аимбетова⁶), дают его обширные фотоколлекции⁷. Исследователь уделил внимание не только основным занятиям каракалпаков, их ремеслам, транспорту, поселениям и жилищу, одежде, и пище, декоративно-прикладному искусству (именно по этим темам собиратель строил свою стратегию в сборе вещевого материала для ЭО ГРМ), но и уделил большое внимание теме семьи, семейного быта, воспитанию детей, детским играм, образованию, народному театру. В сферу научных интересов ученого вошли актуальные темы, связанные с изменениями в жизни каракалпакского общества: выборами совета дехканских депутатов с участием женщин, портретами так называемых «советских работников», а также середняков (появившихся в крае в результате земельно-водной реформы, проводившейся с 1925 г.), которые стали к 1928 г. основной, наиболее мощной силой в каракалпакском ауле.

Собрание ЭО ГРМ в 1929 г. пополнилось первой по времени приобретения, большой многотемной, подробно аннотированной, вещевой коллекцией, которая характеризует занятия и быт каракалпаков второй половины XIX – первой четверти XX в. и является важным историческим источником⁸. Несомненную ценность представляет каракалпакское переносное жилище – юрта (со всеми конструктивными элементами), деревянная двустворчатая дверь которой покрыта тонкой плоскорельефной резьбой, она является единственным и уникальным экспонатом собрания. А. Л. Мелков, будучи этнографом-исследователем, целенаправленно собирал материал по традиционному ткачеству каракалпаков.

Сформированная Мелковым небольшая коллекция тканей особенно ценна тщательным выбором образцов, фиксацией терминологии, места приобретения и особенностей использования разных видов тканей в одежде. Время изготовления образцов соответствует времени сбора – 1927–1928 гг. Обрабатывать хлопок и изготавливать хлопчатобумажные ткани умели все женщины, даже из тех районов, где эту культуру не выращивали. Инструментарий, который использовался во второй половине 1920-х гг., также был приобретен собирателем. Он включает станок *шигиришик*⁹ для первичной обработки хлопка от семян, широко распространенного типа в регионе. Очищенный хлопок взбивался *сабау* – парой прутьев из тала с развилкой¹⁰ – на *постек*, специально предназначенной для этой цели выделанной коже телянка¹¹. Для сучения шерстяной пряжи пользовались веретеном в виде палочки, длиной 33,5 см, с заостренным нижним концом и небольшим утолщением к противоположному, срезанному под небольшим углом концу. На веретене имелась прорезь для фиксации нити; оно было украшено декоративными элементами в виде пяти парных концентрических окружностей коричневого цвета¹². Мастера, изготовлявшие веретена, работали в Каракалпакии, как правило, прямо на базарах. А. Л. Мелков зафиксировал этот процесс, сделав несколько фотографий на городских базарах в Кегейли и Халхабаде¹³. Такая работа предполагала мобильность и небольшие размеры необходимого инструментария, о чем свидетельствуют приобретенные собирателем деревянный станок для вытачивания веретен *гаррек*¹⁴ и дополнительный ящичек *довды*¹⁵ для хранения материала и готовых изделий.

По сведениям собирателя, для наматывания готовой хлопчатобумажной и шелковой пряжи мастерицы могли пользоваться другим типом веретена¹⁶. Это экземпляры, длиной 22–25 см, выточенные на токарном станке, сужаются к заостренным концам, имеют в середине небольшую перемычку, они украшены декоративными элементами в виде концентрических кругов, выкрашенных коричневой краской.

Каракалпакские женщины пряли хлопковое волокно при помощи ручной прялки *шарык* (в среднеазиатско-казахстанском регионе более известен термин *чарх*). При помощи рукоятки вращали двойное колесо, и через бечевку, проведенную по нему, движение передавалось веретену¹⁷. А. Л. Мелков приобрел для музея ткацкий стан *казак*¹⁸ в стадии работы – с куском вытканной белой хлопчатобумажной ткани *боз*. Такой тип станка был заимствован каракалпаками в конце XIX в. у узбеков Хорезма для производства хлопчатобумажных тканей, когда спрос на них заметно увеличил-

ся. В связи с этим у каракалпаков стали появляться ткачи-мужчины. Исследователь также сфотографировал ткача за работой на таком станке¹⁹.

С особой тщательностью А. Л. Мелков сформировал корпус памятников текстильного убранства юрты, в том числе разных видов полос, являющихся частью декоративного убранства экстерьера и интерьера переносного жилища. Они демонстрируют все богатство технологических приемов, которыми владели каракалпакские мастерицы, – технику паласного/гладкого ткачества, включавшую: – полотняное плетение с репсовым эффектом (по основе); – основные настилы, в которых узор создается нитями основы, полностью закрывающими нити утка (*терме, гаджары*); – использование дополнительной узоробразующей нити/узоробразующего утка (*беш – кашта*); а также комбинированную технику – соединение паласного/гладкого ткачества и ворсового ткачества по верхнему ряду основы.

В технике ворсового ткачества выполнены собранные исследователем коврики *есик кас*, которые вешали над дверью внутри юрты, и мешки *каршины* для хранения вещей. Подбирая вещи для коллекции, собиратель постарался также отразить разнообразие орнаментальных композиций и принципов ритмического построения орнамента, используемых мастерицами.

Благодаря исследователю, музейное собрание обогатилось такими важными элементами женского костюма, как головные уборы молодых женщин *кызыл кимешек* и нарукавники *женгсе*, богатство декоративного оформления которых состояло в использовании дорогих материалов для их частей, а внимание к деталям (например, разнообразные способы декоративной заделки соединительных швов) указывает на высокий статус этих предметов, маркирующих важный период в жизни женщины – продолжительности рода.

Традиционным занятием каракалпакских мужчин была обработка дерева. А. Л. Мелков собрал инструментарий ремесленника, а также для демонстрации процесса образцы продукции в работе: сосуды, ложки, седелки для быка и осла.

Исследователь сформировал небольшую коллекцию утвари для сбивания и хранения масла, включающую мутовку, деревянные маслобойки, сосуды из тыквы и кожаной массы, которые представляют собой предметы, имеющиеся в каждом каракалпакском доме. Кроме того, он приобрел для музея маслобойку очень большого размера, высотой 180,0 см, окружностью 313,0 см²⁰, которая использовалась в промысловой артели.

В целом, вклад А. С. Мелкова в формирование каракалпакского фонда Российского этнографического музея трудно переоценить. Исследователь посетил все районы основного проживания каракалпаков, собирая вещевые памятники в соответствии со стратегиями, которые он сформулировал в своей «Программе». В музей впервые поступила коллекция, отражающая быт и культуру каракалпаков второй половины XIX – первой четверти XX в. Списки предметов, подготовленные собирателем, включают местные названия, точную локацию приобретения, а также сведения относительно бытования того или иного памятника, его гендерной, возрастной или профессиональной принадлежности.

¹ Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 128.

² Мелков А. Л. Материалы по Киргизской этнографии: Киргизские скачки. Оренбург, 1925. 23 с.

³ Мелков А. Л. Программа по изучению быта казахов. [Б.м.], 1929. 63 с.

⁴ Прищепова В. А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб., 2000. С. 131.

⁵ В работе экспедиции принимали участие Ибатулаев, Домоягиров, А. Мелков, А. Касаткина, Т. Теуманов, И. Калембетов, Нурмухамедов, Саринбаев, К. Аимбетов. См.: Прищепова В. А. Указ. соч. С. 134; РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281.

⁶ Фольклорист Аимбетов записывает у Аяббергена Мусаева. МАЭ, кол. И 1381–343. Негатив, фотоотпечаток, выполненные А. Л. Мелковым. Каракалпакская АССР. Каракалпаки. 1928–1929 гг.

⁷ МАЭ, кол. И 1378, И 1381, И 4076.

⁸ РЭМ, кол. № 5111 – Ремесла, одежда, утварь, жилище. Включала 140 номеров/247 предметов. Исключено 22 номера/23 предмета. Каракалпакская АО. г. Кунград, г. Чимбай, Караузякский, Кунградский, Ходжейлийский, Чимбайский р-ны. 1929 г. Каракалпаки.

⁹ РЭМ, кол. 5111–3.

¹⁰ Там же. Кол. 511–5/1, 2.

¹¹ Там же. Кол. 5111–4.

¹² Там же. Кол. 5111–7.

¹³ МАЭ, кол. И 4076–435, 436.

¹⁴ РЭМ, кол. 5111–6/а-ж.

¹⁵ Там же. Кол. 5111–6/е.

¹⁶ Там же. Кол. 5111–8–10.

¹⁷ Там же. Кол. 5111–11.

¹⁸ Там же. Кол. 5111–14.

¹⁹ МАЭ, кол. И 4076–317.

²⁰ РЭМ, кол. 5111–92.

E. L. Kubel

A. L. Melkov's Role in the Formation
of the Karakalpak Fund of The Russian Museum
of Ethnography

Kubel Elena Leonidovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan, research fellow; elenakubel@yandex.ru

Alexander Lavrentievich Melkov (1887–1930) – ethnographer, collector, artist, photographer. The name of this scientist is inextricably linked with the beginning of a systematic study of the Central Asian- Kazakhstan region, which developed in domestic science in the 1920s. At that time he lived and worked in Kazakhstan, in 1922–1927 he served as head of the Central Regional Archives. On October 15, 1920, in Orenburg, then the capital of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic (until April 1925), The Society for the Study of the Kyrgyz Territory (The Society) was organized. According to the charter, The Society was the direct successor of The Orenburg Scientific Archive Commission and The Orenburg Department of The Imperial Russian Geographical Society. A. L. Melkov joined The Society and for some time served as chairman of the ethnographic department. Most of his expeditionary trips were carried out through that organization. In 1928 A. L. Melkov became the head of The Karakalpak Ethnographic Expedition, whose work continued in 1929. As a correspondent for The Ethnographic Department of The State Russian Museum, he visited all the main areas of residence of the Karakalpaks, collected the first large, multi-theme, detailed annotated clothing collection that characterizes the occupations and way of life of the Karakalpaks in the second half of the XIX – the first quarter of XX and is an important historical source.

Key words: A. L. Melkov, The Society for the Study of the Kyrgyz Territory, The Karakalpak Ethnographic Expedition (1928–1929), the Karakalpaks, the Karakalpak collections, Kazakhstan, Kyrgyzstan, The Ethnographic Department of The State Russian Museum, The Russian Museum of Ethnography.

Т. В. Ермакова

Экспедиция Г. Ц. Цыбикова в Тибет

Ермакова Татьяна Викторовна, Институт восточных рукописей РАН (С.-Петербург), отдел Центральной и Южной Азии, сектор Южной Азии, старший научный сотрудник, кандидат философских наук; taersu@yandex.ru

Доклад посвящен анализу вклада Г. Ц. Цыбикова в формирование коллекций Азиатского музея, ныне Института восточных рукописей РАН. Цыбиков, бурят, выходец из Забайкалья, получив востоковедное образование, направился при содействии Русского географического общества в Тибет под видом буддиста-паломника. В докладе анализируются малоизученные аспекты его трехлетней экспедиции: организация паломнического каравана, сложности на пути, использование традиционных тибетских практик паковки и сохранения экспедиционных грузов. Показано, что поездка Цыбикова открыла перспективу дальнейших поисков произведений буддийского письменного наследия, поскольку им было достоверно установлено, что буддийские рукописи и ксилографы хранятся и тиражируются в монастырях-центрах монашеского образования.

Ключевые слова: Тибет, буддизм, Г. Ц. Цыбиков, Азиатский музей.

Азиатский музей (ныне Институт восточных рукописей РАН) – всемирно известный центр хранения и исследования рукописей и старопечатных книг на восточных языках. Пополнение его коллекций осуществлялось разнообразными способами: через дарение, покупку, передачу экспедиционных находок. В докладе анализируются организация, проведение и результаты экспедиции Гомбожаба Цэбековича Цыбикова (1873–1930) в Тибет, предпринятой по инициативе и при поддержке Русского географического общества (РГО) и осуществленной в 1899–1902 гг.

Китайское правительство и тибетские иерархи разрешали въезд в Тибет только буддистам с паломническими целями. Из российских этносов такие путешествия совершали калмыки и буряты. Г. Ц. Цыбиков в 1895–1899 гг. обучался на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета и успешно окончил его по китайско-монгольско-маньчжурскому отделению. Видный

монголовед-буддолог А.М. Позднеев рекомендовал способного юношу для путешествия в Тибет под видом буддиста-паломника¹.

В дальний путь тот отправился из родного села Урдо-Ага Читинского у. Паломничество к святыням Тибета было распространённой практикой буддийского благочестия, поэтому односельчане приняли деятельное участие в обеспечении Цыбикова всем необходимым. Бурятскому краеведу Д.-Б. Жигмитову удалось восстановить картину сборов путешественника. Он использовал для этого сведения, собранные им путем опроса местных старожилов. Коллективными усилиями были шиты шубы и другая сезонная одежда, обувь. Также изготовили утепленную палатку, дорожные сумы и мешки, запасли продовольствие (обжаренную муку и молотое сушеное мясо) на крайний случай, если не удастся регулярно пополнять провиант по пути².

Лама дал Цыбикову в дорогу том популярного буддийского сочинения, ксилографически изданного в Тибете. Паломники обычно брали с собой буддийские книги, но Цыбиков не просто демонстрировал благочестие, а занимался переводом текста на русский язык и использовал свободное место на страницах для записи своих наблюдений. Он делал это из предусмотрительности, дублируя дневниковые записи. В случае, если бы дневник был отобран, то остался бы запасной вариант³.

Был составлен примерный маршрут, по которому уже ходили в Тибет. Цыбиков предполагал добраться до Урги (совр. Улан-Батор), потом следовать в монастырь Гумбум, где подождать паломников из других мест, тоже идущих в Лхасу. Планировалось по возможности посетить монастырь Лавран, выехав из Гумбума и вернувшись туда же. Потом, как только караван соберется, следовать с ним из Гумбума до столицы Тибета Лхасы⁴.

Судя по подневным записям Цыбикова, он в целом придерживался рекомендованного маршрута. Путешественник отмечал, что выбор конкретного пути обуславливался необходимостью обеспечить подножный корм для вьючных животных и места отдыха каравана⁵.

Дойдя до монастыря Гумбум, он действительно дожидался остальных паломников, которых набралось 150 человек, прибывших из разных мест. Особенностью паломнического путешествия было проведение ритуала для обеспечения благополучного пути. По инициативе старших участников из дерна складывали возвышение, на котором сжигали собранные со всех палаток муку с маслом, благовонные травы и хвою. Туда же приносили оружие, взятое на случай нападения разбойников. Далее ламы из числа паломников читали молитвы на благополучный путь, освящали

оружие и отдали его владельцам, которые обходили с ним вокруг возвышения.

Поскольку караван был многолюдным, проводились выборы предводителя, в обязанности которого входило определение мест для ночевки и дневок, контроль за временем выхода в путь⁶.

По пути путешественникам приходилось преодолевать реки, которые переходили вброд вместе с вьючными животными или, если река была глубокой, переплывали на лодке. Цыбиков использовал традиционный для тибетцев способ предохранения груза от влаги. Тюк заворачивали в сукно местного изготовления и затем зашивали в сырые воловьи шкуры. Швы промазывали смесью высокосортной муки со свиной кровью⁷. Воловья кожа отличается прочностью, при этом она пластична и упруга. Водоизолирующие свойства обуславливались тем, что сырая шкура после высыхания обтягивала тюк, а смесь муки с кровью присыхала ко швам. Такие предосторожности были особенно необходимы для переправы вброд навьюченных животных, когда притороченный багаж частично погружался в воду.

Об опасности повредить водой экспедиционные находки при переправе сообщали и другие путешественники по Тибету. Так, видный индийский востоковед Рагул Санкритьяяна во время поездки в Тибет в 1936 г. был вынужден переправляться через реку. Один из мулов вместе с вьюками, в которых находились собранные рукописи, оказался полностью в воде. По счастью, ценный груз не намок, но Санкритьяяна описал свой ужас при мысли о возможной утрате результатов экспедиции⁸.

Цыбикову принадлежит ранее неизвестное русскоязычному читателю описание традиционной тибетской лодки. Ее каркас изготавливали из гнутых палок, и на него натягивали сшитые вместе шкуры четырех яков. Швы заделывали так же, как в тюках. Такая лодка была длиной до трех метров, гребец размещался на носу⁹. В случае необходимости лодка использовалась для переправы. Материал и конструкция лодки оставались неизменными вплоть до 1930-х гг., о чем упоминает Санкритьяяна¹⁰.

Преодолев все трудности пути, Цыбиков реализовал задачу путешествия и составил описания главных буддийских монастырей Центрального Тибета, указав, в каких из них ксилографически тиражируются буддийские сочинения. Он также отметил, что отдельные популярные произведения продаются верующим на рынках, но большие многотомные своды необходимо заказывать в монастыре.

По возвращении Цыбиков представил общему собранию РГО обзорный доклад «О Центральном Тибете», в котором впервые

были обнародованы подробные сведения о буддийских монастырях¹¹. Цыбиков заслуженно был награжден специальной золотой медалью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу» и премией имени великого путешественника Н. М. Пржевальского.

В истории пополнения тибетского фонда Азиатского музея коллекция Цыбикова заняла достойное место. В 1903 г. РГО передало все 330 томов ксилографов в Азиатский музей по предварительной описи¹². В распоряжении исследователей буддийского письменного наследия впервые оказались собрания сочинений видных деятелей тибетского буддизма, каноническая литература¹³. Не имея в своем составе уникамов, эта коллекция отразила состояние буддийского монастырского образования. В состав коллекции входят сочинения по медицине, астрологии, биографии прославленных буддийских учителей. Большое значение для последующих исследований имели привезенные Цыбиковым сочинения, в которых описывались главные святыни тибетских буддийских монастырей¹⁴.

Позднее, в обличье буддиста-паломника в Тибет был направлен Б. Б. Барадийн, в 1906–1907 гг. остававшийся в монастыре Лавран. Материалы, привезенные Цыбиковым и Барадийном, стали ценным источником для тибетологических исследований. Талантливый ученик академика Ф. И. Щербатского А. И. Востриков (1902–1937) в 1927–1930 гг. занимался каталогизацией этих коллекций¹⁵ и в дальнейшем преимущественно на их основе подготовил энциклопедический труд «Тибетская историческая литература»¹⁶.

¹ Подробнее см.: Ермакова Т. В. Роль Русского географического общества в изучении буддийских этносов Центральной Азии в 1870–1910-х гг. // *Mongolica*-XI. 2013. С. 15–20.

² Жигмитов Д.-Б.Ж. Новые данные о жизни и деятельности Г. Ц. Цыбикова // К столетию со дня рождения профессора Г. Ц. Цыбикова. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 148.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Там же.

⁵ Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: В 2 т. 2-е изд., перераб./Отв.ред. Р. Е. Пубаев. Т. 1. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 55.

⁶ Там же. С. 56–57.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ Sankrityayana R. Second Search of Sanskrit palm leaf MSS. in Tibet // *Journal of the Bihar and Orissa Research Society*. V. XIII. 1937. Pt. 1. P. 8.

⁹ Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. С. 193.

¹⁰ Sankrityayana R. Op. cit. P. 8.

¹¹ Цыбиков Г.Ц. О Центральном Тибете (читано 7 мая 1903 года в общем собрании Русского географического общества)//Цыбиков Г.Ц. Избранные труды в 2 т. 2-е изд., перераб./Отв. ред. Р.Е. Пубаев. Т. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.С.8–26.

¹² Известия Императорской академии наук. 1904. Т. XXI. № 1. С. 67–72.

¹³ Зорин А. В. Тибетский фонд//Азиатский музей–Институт восточных рукописей РАН: путеводитель/Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Наука – Восточная литература, 2018. С. 356.

¹⁴ Воробьева-Десятовская М.И. Собрание тибетских ксилографов из коллекции Г.Ц. Цыбикова//Краткие сообщения Института народов Азии. Т. LVII: Сборник памяти Ю.Н. Рериха. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 137–142.

¹⁵ Зорин А. В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2013)//Страны и народы Востока. Вып. XXXV. М.: Наука – Восточная литература, 2014. С. 146.

¹⁶ Востриков А.И. Тибетская историческая литература. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

UDC 39; 394

T. V. Ermakova

G. Ts. Tsybikov's Expedition to Tibet

Ermakova Tatyana Victorovna, The Institute of Oriental Manuscripts, The Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), the Department of Central Asia and South Asia, subdivision South Asia, senior researcher fellow, Ph. D. (Philosophy); taersu@yandex.ru

The report is devoted to analysis of G. Ts. Tsybikov's expedition to Tibet and his contribution into enrichment of Tibetan collections kept at The Asiatic museum. As the Russian Buriat he could visit Tibet as Buddhist pilgrim, and as educated orientalist he had all resources for investigation of religious life of Tibetan Buddhists. He visited main monasteries of Central Tibet and bought or ordered Buddhist blockprints. Practically unknown aspects of this expedition were interpreted: mode of caravan's organization, the traditional Tibetan skills of packaging and preservation of luggage. This expedition opened the perspective of future search of the Buddhist block print books in Tibet.

Key words: Tibet, Buddhism, G. Ts. Tsybikov, the Asiatic Museum.

О. А. Ананьева

История формирования туркменского
фонда Российского этнографического музея: экс-
педиция С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной
в Туркменскую ССР (1978 год)

Ананьева Ольга Андреевна, Российский Этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии и Казахстана, научный сотрудник; pnmarevaolga@gmail.com

Целью доклада является аналитический обзор и введение в научный оборот материалов, собранных в экспедиционной поездке в Туркменскую ССР, предпринятой в 1978 г. по заданию Государственного музея этнографии народов СССР (далее ГМЭ) его сотрудниками – С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной. Данная экспедиция рассматривается как важный этап в истории комплектования туркменского фонда музея и в пополнении академических знаний по этнографии туркмен племени нохурли и гоклен, населявших с. Нохур, долины рек Сумбар и Чандыр. Внимание заострено на проблеме отбора материала, характеризовавшего современные на тот момент этнокультурные процессы, а также на рассмотрении стратегий комплектования собрания, обусловленных строительством выставок и экспозиций ГМЭ в русле актуальной для тех лет тематики. В 1970-е гг. сбор современного этнографического материала являлся одним из приоритетных направлений в комплектовании собрания музея. Важнейшим результатом экспедиции С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной стала презентация большого среза бытовой культуры туркмен Юго-Западной Туркмении, выявлявшего параллельное существование глубоких традиций и новаций последних десятилетий, конструирующихся тем не менее в контексте традиции на уровне государственного регулирования. Часть привезенных материалов стала экспонатами двух наиболее значимых проектов ГМЭ 1980-х гг. – «Современные праздники и обряды» и «Новое и традиционное в современном жилище и одежде». В настоящее время туркменские экспедиционные материалы 1978 г. следует рассматривать как уникальный источник сведений об этнографии туркмен 1970-х гг., включая такие аспекты культуры как народные знания, менталитет, традиционные ценности.

Ключевые слова: стратегии собирателей музея, ГМЭ народов СССР, формирование музейных коллекций, экспедиционная поездка С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной в Туркменскую ССР в 1978 г., туркменские коллекции.

Целью доклада является аналитический обзор и введение в научный оборот материалов, собранных в экспедиционной поездке в Туркменскую ССР, предпринятой в 1978 г. по заданию Государственного музея этнографии народов СССР (далее ГМЭ) его сотрудниками С.М. Лейкиной¹ и М.Д. Перлиной². Данная экспедиция рассматривается как важный этап в истории комплектования туркменского фонда музея и в пополнении академических знаний по этнографии туркмен племен нохурли и гоклен, населявших с. Нохур, долины рек Сумбар и Чандыр³. Внимание заострено на проблеме отбора материала, характеризовавшего современные на тот момент этнокультурные процессы⁴, а также на рассмотрении стратегий комплектования собрания⁵, обусловленных строительством выставок и экспозиций ГМЭ в русле актуальной для тех лет тематики⁶.

Участники экспедиции отправились в Юго-Западную Туркмению⁷, которая прежде сотрудниками ГМЭ не обследовалась и представляла интерес как район многочисленных культурных контактов. По р. Сумбар проходила граница с Ираном, на юге туркмены-нохурли соседствовали с курдами, на севере часто вступали в контакты с туркменами-текинцами⁸. Собиратели смогли отразить данные культурные связи, включив в коллекционные материалы памятники, изготовленные местными, иранскими, курдскими, текинскими, узбекскими мастерами.

В экспедиционной поездке 1978 г. было приобретено 354 предмета, составивших три музейные коллекции. По количеству собранного материала в последующие годы вплоть до настоящего времени экспедиции такого масштаба в Туркменистан не предпринимались. Предметы разделены по коллекциям с учетом места сбора: коллекция № 9973 – Бахарденский и Каракалинский р-ны; коллекция № 9983 – г. Ашхабад; коллекция № 9989 – г. Ашхабад, аул Кеши. В дополнение к вещевым памятникам в музей поступили фотоколлекции (№ 9960 и № 9961), всего 173 фотографии.

Предметы коллекций организованы по тематическому принципу: сельское хозяйство, домашние промыслы, одежда, украшения, прикладное искусство, религия. Основной хронологический диапазон – 1920–1970-е гг., но представлены и более ранние вещи, уже вышедшие из употребления, а также фабричные изделия, характеризующие актуальное состояние местных производств. В описа-

нии экспонатов учтены местные названия, назначение предметов, ситуации бытования, способы изготовления.

Земледельческие орудия отражают специфику экономики Юго-Западной Туркмении – района с развитыми земледельческими традициями⁹. В конце 1970-х гг. орудия, в основном, продолжали изготавливать местные кузнецы, передававшие опыт из поколения в поколение. Универсальным инструментом обработки земли оставалась лопата *пил* (кол. № 9973–6), заменявшая здесь *кетмень*. Для уборки зерновых и заготовки травы пользовались серпами *орак* как кустарного (кол. № 9973–12), так и фабричного (кол. № 9973–9,10) производства. Фабричные серпы, называемые «московскими», мастера переделывали в соответствии с местными условиями земледелия. Фотоматериалы характеризуют другие отрасли сельского хозяйства – садоводство, растениеводство, хлопководство. Так, один из фотоснимков (фотокол. № 9960–8) фиксирует масштабные кампании по уборке хлопка, носившие название «красных караванов»¹⁰.

Предметы из экспедиционного сбора отражают важный факт круглогодичного скотоводства, отгонного и личного, являвшегося источником сырья для домашнего производства шерстяных изделий – узорных войлоков *кече* (кол. № 9973–115–117). Примечательно, что в конце 1970-х гг. мастерицы украшали войлоки новыми узорами, не характерными для традиционных изделий¹¹. Фотографии, фиксирующие процесс изготовления войлоков, являются ценным дополнением к вещевому собранию (фотокол. № 9961–14–16).

В фотоматериалах отражены занятия овцеводством, верблюдоводством и козоводством (фотокол. № 9960–3,7,5). Часть заготавливаемой шерсти, возможно, поступала на фабрики производственного объединения «Туркменковёр»¹². Его продукция в коллекции представлена предметами повседневного быта: постилочными коврами *халы* (кол. № 9983–20) и *халиче* (кол. № 9983–22), надверным занавесом *энси* (кол. № 9983–21). В ассортимент новых популярных видов ковровых изделий вошли коврики под телефон, газетницы, женские ручные сумки, а также коврики *халиче* (кол. № 9983–23), которые дарили на свадьбу, клали на телевизор или кресло.

Собиратели приобрели широко бытовавшие в 1970-е гг. предметы шелкоткачества: прялку *чарх* для крутки шелковых нитей (кол. № 9973–31), веретено *ийик* для прядения шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых нитей (кол. № 9973–34), прясла, ремизы, бердо, челноки от ткацкого станка, фабричные шпули. В коллекции № 9983 представлены шелковые ткани *кетени* домашнего производства как из натурального крученого шелка, так и из вискозно-

го. Интересно, что Бахарденская фабрика художественных промыслов выдавала пряжу ткачихам-надомницам, которые сдавали обратно готовую продукцию. По замечанию собирателей, такая работа была хорошим подспорьем для семьи: без отрыва от домашней работы, за месяц мастерица могла соткать 32 м ткани¹³. Из домотканого шелка *кетени* (кол. № 9983–28,29) на Бахарденской и Ашхабадской фабриках изготавливали кошельки, пользовавшиеся большим спросом у местного населения.

Наиболее представительную часть изучаемых коллекций составили предметы одежды, являющиеся наиболее устойчивыми элементами материальной культуры. Большая их часть сшита на машинке в домашних условиях семейными женщинами или мастерицами-надомницами (на примере пос. Бахарден): для повседневной одежды использована хлопчатобумажная и шерстяная ткани, для праздничной – шелковая, прежде всего, *кетени*. Домотканая хлопчатобумажная ткань шла для пошива мужских рубаш, а шерстяная – для изготовления верхней одежды и портянок¹⁴. Фабричные ткани в изготовлении мужской одежды использовались, например, для верхних штанов из вельвета (кол. № 9973–51). Производством головных уборов *тельпек* и рабочей обуви *чарык* в конце 1970-х гг. всё ещё занимались местные мастера-мужчины¹⁵. Современная мужская одежда представлена полным костюмным комплектом пожилого туркмена-нохурли (кол. № 9973–50–55/1,2). Отдельные предметы этого костюма характеризуют локальную специфику костюма и его общетуркменские черты. Интересно, что вязаные носки *джораб* даже в 1970-х гг. изготавливали курдские мастера, украшая их, по словам информантов, иранскими узорами.

Женская одежда нохурли и гоклен в коллекциях представлена вышедшими из бытования головными халатами-накидками *елек* (кол. № 9973–72,73), каркасными женскими головными уборами (кол. № 9973–78,80), налобными девичьими повязками (кол. № 9973–91), украшениями на головной убор, представляющими в настоящее время большую историческую ценность.

Современная женская текинская одежда, приобретенная в г. Ашхабад и ауле Кеши Ашхабадского р-на, свидетельствуют о том, что туркменки в целом продолжали носить платья из кустарного шелка *кетени койнек* (кол. № 9989–3) традиционного туникообразного покроя, украшенные ручной или машинной вышивкой. Тем временем повсеместно в городах выросла популярность кроенной по лекалу женской одежды, сшитой из новых материалов. Костюм горожанки-текинки, включавший крепдешиновое платье *койнек* (кол. № 9989–1) с короткими рукавами и камзол *чабыт* (кол. № 9989–2) из кримплена, имел широкое распространение

в городах Туркмении. Вместо камзола у женщин любого возраста вошла в обиход безрукавка *енсизже* (кол. № 9983–9, № 9989–23) из шерстяных тканей; этот вид одежды выпускали фабрики художественных промыслов. Ворот платья девушки и молодые женщины украшали брошью *гульака* (кол. № 9989–20,21), которые изготавливались в мастерских Художественного фонда г. Ашхабада. Широко использовались молодыми и пожилыми женщинами на территории Туркмении шелковые платки *калгай* (кол. № 9983–10,11) с набивным узором, изготовлявшиеся Исмаилинским производственным комбинатом АзССР. Женские вязаные носки, также как мужские, приобретали у курдов.

Народные верования, как важная сфера духовной культуры, закономерно привлекали внимание собирателей. В 1970-х гг. у туркмен продолжала существовать традиция изготовления оберегов, нашивавшихся на одежду и головные уборы. Так, амулеты *аладжа йип* (кол. № 9973–163) в виде шнурка, сплетенного из черных и белых хлопчатобумажных ниток, у гоклен носили женщины и дети для предохранения от сглаза и болезней. Пожилые мужчины-нохурли с той же целью вырезали из дерева дагдан обереги сердцевидной формы с резным орнаментом (кол. № 9973–164,167,170); такие же вешали на шею верблюда (кол. № 9973–171). В коллекциях также представлены текинские обереги *аладжа* в виде тесьмы, которые носили на шее пожилые женщины, их нашивали на одежду ребенка или надевали как браслет на ручку младенца, вешали на колыбель (кол. № 9989–30,31,32).

Современные формы свадебной обрядности, а именно зарождение ритуала «молодежной»¹⁶ свадьбы, зафиксированы в двух вариантах, на примере туркмен-нохурли. Новый молодежный формат свадьбы приобрел широкое распространение с одобрения старшего поколения, так как проводившиеся мероприятия были не менее торжественными и предполагали значительно меньшие затраты. Собирателями приобретены отдельные предметы одежды туркменской невесты, например, сшитое по заказу ГМЭ Ашхабадским домом моделей платье из красного атласа (кол. № 9983–8), имеющее по вороту и разрезу, выполненный машинной вышивкой, традиционный орнамент. Такое платье надевали во время торжественной регистрации брака в городах. В качестве свадебного головного убора выступала девичья шапочка с наверхием *гунбо* (кол. № 9983–17), изготовлявшемся в мастерских Художественного фонда г. Ашхабада. Поверх головного убора надевали накидку-халат *гызыл куртэ* (кол. № 9989–14) из кустарной шелковой ткани *кетени*; накидку покупали родители невесты. На свадьбе, по тра-

диции, гостям преподносили в подарок платочки *той яглык*, но

теперь из фабричной ткани (кол. № 9973–155/1,2).

Собирателями были прослежены изменения в обрядах традиционного свадебного цикла, получивших намного большее распространение в сельской местности. Так, отмечено «облегчение»¹⁷ некоторых обрядов, но в то же время незабываемыми брачными нормами оставались калым (его размер даже возрос) и мусульманское бракосочетание *никях*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в 1970-х гг. сбор современного этнографического материала являлся одним из приоритетных направлений в комплектовании собрания музея. Важнейшим результатом экспедиции С.М. Лейкиной и М.Д. Перлиной явилась презентация обширного массива бытовой культуры туркмен Юго-Западной Туркмении, который выявил сосуществование глубоких традиций наравне с новациями, вошедшими в быт в последние десятилетия, конструировавшимися в контексте традиции на уровне государственного регулирования. Большая часть привезенных материалов стала экспонатами двух наиболее значимых проектов ГМЭ 1980-х гг.: «Современные праздники и обряды» и «Новое и традиционное в современном жилище и одежде». В настоящее время туркменские экспедиционные материалы 1978 г. следует рассматривать как уникальный источник сведений об этнографии туркмен 1970-х гг., включая такие аспекты культуры, как народные знания, менталитет, традиционные ценности.

---

¹ Сарра Мордуховна Лейкина окончила восточное отделение Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова по специальности филолог-тюрколог. В музее была ведущим научным сотрудником отдела этнографии народов Средней Азии (1945–1983 гг.), специалистом по этнографии киргизов; активно занималась экспозиционной, в особенности научно-просветительской деятельностью в музее.

² Мария Давыдовна Перлина окончила историческое отделение Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, получив специальность историк-археолог. В музее – научный сотрудник отдела этнографии народов Средней Азии; проводила научно-исследовательскую работу по изучению каракалпакских коллекций музея, а также набойного ремесла Средней Азии на материале коллекций ГМЭ.

³ О туркменах нохурли и гоклен см.: Михайлов Ф.А. К этнографии аула Нохур//Закаспийское обозрение. 1911. № 32; Карпов Г.И. «Отуркменившееся» племя нохур//Туркменоведение. Ашхабад, 1930. № 8/9; Мошкова В.Г. Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ 1947 г. в Бахарденском р-не ТССР//Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1953. Т. II; Васильева Г.П. Туркмены-нохурли//Среднеазиатский этнографический сборник: Труды Института этнографии. М., 1954; Овезов Д.-М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976.

⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1902. Л.1. Отчет С.М. Лейкиной.

⁵ Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции комплектования коллекций в истории Российского Этнографического музея//Музей. Традиции. Этничность. 2017. № 1(9).

⁶ Из описи АРЭМ: «Современные праздники и обряды», «Новое и традиционное в современном жилище и одежде».

⁷ Маршрут экспедиции пролегал через г. Ашхабад и аул Кеши Ашхабадского р-на в Бахарденский р-н Ашхабадской обл. и Кара-Калинский р-н Красноводской обл.

⁸ См.: Васильева Г. П. Указ. соч.

⁹ См.: Оразов А. О земледельческих традициях в долинах Сумбара и Чандыра в конце XIX – начале XX в.//Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973. С. 7–37.

¹⁰ Опись фотоколлекции № 9960.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1902. Л. 80. Отчет С. М. Лейкиной.

¹² Фабрики располагались в г. Ашхабаде, г. Кизыл-Арвате, пос. Бахарден, пос. Геок-Тепе.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1902. Л. 82. Отчет С. М. Лейкиной.

¹⁴ С середины XX века бязь для мужских рубаш, равно как и шелковые ткани для халатов, покупали в городах. См.: Васильева Г. П. Указ. соч. 1954. С. 151.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1902. Л. 78,79. Отчет С. М. Лейкиной.

¹⁶ Там же. Л. 83.

¹⁷ Там же. С. 97.

UDC 069.4

O. A. Ananieva

The History of the Formation of the Turkmen Fund of the Russian Ethnographic Museum: the Expedition of S. M. Leikina and M. D. Perlina to the Turkmen SSR (1978)

Ananieva Olga Andreevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan, research fellow; pnmarevaolga@gmail.com

The aim of the article is analytical review and scientific introduction of the expedition materials brought by S. M. Leykina and M. D. Perlina from Turkmen SSR in 1978 by order of the State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR (SME further). The expedition trip is considered to be an important stage in forming the Turkmen gathering of the museum and in academic knowledge acquisition about Nokhur and Goklen ethnography. The problem of choosing the material reflecting contemporary (for that time) ethno-cultural processes together with observa-

tion of some collecting strategies, depending on creating the exhibitions on currently important topics in SME, are in the main research focus. Collecting of contemporary ethnographical material in 1970 th was one of the top-priority focus in acquisition of museum collections. One of the main results of the expedition is presentation of a large cut-off of the Turkmen folklife culture in the South-West Turkmenistan. It reflects the co-living of traditions and novations, constructed in the context of tradition, on the governmental regulation level. The expedition materials became exhibit items in two most important SME projects in 1980 th– ‘Contemporary holidays and ceremonies’ and ‘New and traditional in contemporary dwelling and clothes’. At present, the expedition materials of 1978 are considered to be a unique source of Turkmen ethnography of 1970 th, including such aspects as folk knowledge, mindset and traditional values.

Key words: strategies of collecting for the museum, the State Museum of Ethnography of Peoples of the USSR, the formation of the museum collections, expedition trip of S.M. Leykina and M.D. Perlina to Turkmen SSR in 1978, Turkmen collections.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЕЕМ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР.
ВКЛАД ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
В КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ (ЭТНИ-
ЧЕСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ)

УДК 069.01

Н. И. Ивановская

«Краеведческий метод» в этнографии и роль
региональных музеев в этнографических
исследованиях

Ивановская Наталья Ивановна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник высшей категории, кандидат исторических наук; n_iva@mail.ru

Доклад посвящен истории и методологии этнографических исследований в региональных музеях России в первой четверти XX в. В нем рассматривается - теоретически обоснованная русскими этнографами в указанный период - модель исследования местными музеями регионально конкретных форм этнической культуры. Автор приходит к выводу, что данная модель не утратила актуальности и в наши дни, поскольку перспектива краеведного подхода к этнокультурному наследию перекликается со стремлением современных регионов к поиску и укреплению присущей им идентичности. Это увеличивает значение региональных музеев как центров по изучению и проектированию социокультурного пространства на региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: местные музеи, этнографические исследования в региональных музеях.

В наше время огромное значение придается инновационному развитию российских территорий, одним из важнейших ресурсов которого является их историко-культурный потенциал, охватывающий материальные и духовные ценности народов России¹. Этот ресурс является основой для формирования историко-культурных

брендов территорий. Решающая роль в формировании историко-культурного бренда конкретного региона принадлежит региональным музеям.

Деятельность «регионального» или «местного», «областного», «районного» музея распространяется на административно-территориальную единицу (область, район) или исторически сложившийся географический регион, представляющий целостный историко-культурный интерес, в границах которого находятся объекты музейного изучения. Региональные музеи, занимаясь изучением края, сбором и экспонированием местного материала, являются, по сути, краеведческими.

Современные региональные музеи, выполняя миссию, направленную на изучение и сохранение специфики конкретного региона, в своей деятельности опираются на опыт предшественников – местных музеев, получивших распространение в русской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Главной предпосылкой их создания были государственные, общественные запросы изучения местной промышленности, природы и истории края, народного искусства.

К середине второго десятилетия XX в. сеть музеев, хотя и стихийно развивающаяся, охватила почти все губернские и некоторые из уездных городов страны². Широкое распространение этих музеев, а также та роль, которую они играли в изучении своего региона, привлекли к ним внимание научной общественности России. На рубеже XIX – XX вв. в отечественном музееведении была создана концепция деятельности местного (регионального) музея, определившая дальнейшее развитие музеев данного типа. Местные музеи рассматривались русскими учеными как научные центры по всестороннему изучению края, а также как просветительные учреждения³. В них видели «своего рода местные академии»⁴. В дальнейшем, в 1920-е гг., когда в стране получило развитие краеведческое движение и деятельность местных музеев окончательно связывают с задачами краеведения, за ними прочно закрепляется название краеведческих, имея в виду комплексный подход к изучению края (природы, истории, экономики, этнографии и т.п.)⁵.

Несомненным достижением отечественных этнографов первых двух десятилетий XX в. можно считать создание модели исследования местными краеведческими музеями регионально конкретных форм этнической культуры. Первым, кто обратился к вопросу о специфике этнографических исследований местного или областного музея, проводимых именно на региональном уровне, был Н. М. Могилянский, один из ведущих этномузеологов своего времени⁶. Ему

удалось очертить качественное своеобразие исследовательско-собирательской деятельности областного музея, который «ограничивается территорией области, ее населением, но стремится к полноте в пределах этой территории, стремится создать все вариации костюма, головного убора, домашней утвари и т.д. полностью, для центрального музея недостижимой»⁷. Н.М. Могилянский был первым, кто сформулировал в качестве важнейшей задачи этнографических исследований, проводимых региональными музеями, фиксацию локальных особенностей этнокультурных явлений в рамках региона (области). Поэтому вполне обоснованно выглядит его утверждение о том, что этнографические исследования этих музеев являются важным звеном научных этнографических исследований, а этнографические собрания этих музеев – одним из компонентов вещевой источниковой базы отечественной этнографии.

Эта идея Н.М. Могилянского получила дальнейшее развитие в 1920-е гг. Б.А. Куфтин сформулировал необходимость «краеведного подхода» к изучению этнокультурного наследия⁸, в осуществлении которого областному музею отводилась центральная роль. Благодаря тому, что исследователи-краеведы в большой мере способны собрать детальную информацию в процессе комплектования памятников, «с указанием их бытования на местах, отношении к ним населения, техники их изготовления, терминологии»⁹, результаты их деятельности могут и должны стать одним из звеньев этнографических исследований в масштабе страны.

Краеведный подход к этнографическим исследованиям методологически был близок к стационарному методу изучения народной культуры, которому в 1920-е гг. придавалось огромное значение. Этнографы тех лет полагали, что подлинно научный материал, отражающий реальное состояние традиционной культуры, можно собрать лишь в длительных, не менее двух лет, этнографических экспедициях, работающих по заранее разработанной программе, включающей в себя и сбор вещевых коллекций, как одного из компонентов характеристики этнического своеобразия изучаемой территории. На приоритет краеведного подхода, осуществляемого силами местных исследователей и приближающегося к методу стационарного этнографического наблюдения, указывал и Д.А. Золотарев¹⁰, руководитель Верхневолжской этнографической экспедиции (1921–1926 гг.). В докладе, прочитанном им на Музейном съезде в Ярославле в 1926 г., были выдвинуты основные требования к исследованию и сбору коллекций в русле регионального подхода к этнографическим фактам: точность и разносторонность, сохранение и выявление своеобразия края, единство истории и современности¹¹. Успешное выполнение

программы экспедиции во многом было определено применением нового краеведческо-стационарного метода при этнографических исследованиях, заключавшегося в «научном сотрудничестве центральных ученых учреждений (при общем их руководстве) с местными научными обществами при установлении тесной связи с местными деятелями»¹².

Безусловно, концептуальные разработки Н. М. Могилянского, Б. А. Куфтина, Д. А. Золотарева можно расценивать как вклад (незаслуженно забытый) в методологию взаимодействия региональных музеев и этнографической науки.

К сожалению, краеведный подход к этнографической деятельности региональных (краеведческих) музеев, теоретически обоснованный этнографами в 1910–1920-е гг, получил реализацию лишь в ограниченной мере: только в практике Музея Центрально-Промышленной области (впоследствии реформированного)¹³. Этот музей являлся организатором и координатором этнографических исследований для местных музеев, находившихся в регионах, входивших в состав области. Он практически выполнял посреднические функции между местными музеями и этнографической наукой, проводя с ними совместные этнографические исследования, организуя регулярные совещания по вопросам этнографии и занятия по повышению квалификации сотрудников местных музеев, а также публикуя результаты этнографических исследований, имевших систематический, планомерный характер с постепенным охватом всех сторон народной культуры.

В 1920-х гг. вклад краеведческих организаций, в том числе и региональных музеев, в которых в то время повсеместно создавались этнографические отделы и подотделы, в этнографические исследования был довольно значителен. Это дало основание этнографам говорить о краеведческом методе в этнографических исследованиях, который давал возможность близкого знакомства со всеми деталями народной культуры и длительного, стационарного ее наблюдения¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что использование краеведного подхода к этнографическим исследованиям могло быть эффективным только при тесном взаимодействии региональных музеев и этнографической науки. Но этнография в 1930-е гг. была низведена до уровня вспомогательной исторической дисциплины, изучающей проблемы перехода общества к социалистической общественно-экономической формации¹⁵, а в советском музееведении возобладали историко-бытовое направление, что диктовалось общественно-идеологическими запросами эпохи¹⁶. В те годы этнографические коллекции рассматривались региональными музе-

ями как материал, необходимый для создания историко-бытовых экспозиций, получивших тогда широкое распространение и призванных отразить социальные отношения, существовавшие в крае в прошлом, без учета этнокультурной специфики.

Вновь к модели исследования краеведческими музеями регионально конкретных форм этнической культуры обращаются советские этнографы уже в 1950–1960 гг.¹⁷ Однако и тогда она не была воплощена в жизнь, этнографические памятники в музеях по-прежнему расценивались в первую очередь как иллюстративный материал по истории быта.

Тем не менее, методологические наработки отечественных этнографов первых десятилетий XX в. в области этнографических исследований, проводимых региональными музеями, не утратили актуальности и в наши дни. Перспектива краеведного подхода к этнокультурному наследию перекликается со стремлением современных регионов к поиску и укреплению присущей им идентичности. Опыт прошлого, интегрированный в современную этномuzeологию, способствует изучению и проектированию социокультурного пространства на региональном и национальном уровнях.

¹ Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Книга вторая: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М.: ИЭА РАН, 2010.

² Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – нач. XX в. (1861–1910)//Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 145–223.

³ Богданов В. В. О местных музеях краеведения//Народный учитель. 1918. № 1. С. 18–19.

⁴ Тальгрэн А. М. Родиноведение в Финляндии (задачи, история и современная его организация). СПб., 1913.

⁵ Богданов В. В. Значение областных музеев для задач краеведения//Краеведение. 1923. № 1. С. 11–14.

⁶ Могилянский Н. М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения//Живая старина. 1916. Вып. 4. С. 303–326.

⁷ Там же. С. 313.

⁸ Куфтин Б. А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения//Вопросы краеведения. Н. Новгород, 1923. С. 101–109.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Золотарев Д. А. Изучение населения Ленинградской губернии//Краеведение. 1925. № 1–2. С. 59–65.

¹¹ Золотарев Д. А. О принципах организации этнографических отделов//Краеведение. 1927. Т. 4. С. 396–400.

- ¹² Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев//Музей. 1923. № 1. С. 15.
- ¹³ Культура и быт населения ЦПО. М., 1929.
- ¹⁴ Богданов В. В. Задачи краеведения. Н. Новгород, 1923. С. 6–13; Толстов С. П. Вопросы согласования методов полевых этнографических исследований//Культура и быт населения ЦПО. М., 1929. С. 39.
- ¹⁵ Маторин М. Н. Современный этап и задачи советской этнографии//Советская этнография. 1931. № 1. С. 3–38.
- ¹⁶ Прислков М. Д. Историко-бытовые музеи. Л., 1928.
- ¹⁷ Левин М. Г. Этнографический материал в экспозиции краеведческих музеев//Очередные задачи перестройки работы музеев. М., 1950. С. 59–70; Гарданов В. К. Научно-исследовательская и собирательская работа краеведческих музеев в области этнографии//Собирательская работа музеев. М., 1961. С. 100–112.

UDC 069.01

N. I. Ivanovskaya

“Local History Method” in Ethnography
and the Role of Regional Museums
in Ethnographic Research

Ivanovskaya Natalia Ivanovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of North-West Russia and Baltic Region, senior research fellow, Ph. D. (History); n_iva@mail.ru

The article is devoted to the history and methodology of ethnographic research in regional museums in Russia in the first quarter of the twentieth century. It considers the model of research by local museums of regionally specific forms of ethnic culture, theoretically substantiated by Russian ethnographers during that period. This model has not lost its relevance today, because the prospect of a local history approach to ethnocultural heritage echoes the desire of modern regions to search and strengthen their identity. This increases the importance of regional museums as centers for the study and design of sociocultural space at the regional and national levels.

Key words: local museums, ethnographic research in regional museums.

О. М. Фишман

Музеефикация жилого и приусадебного пространства как форма этнолокальной идентификации (на примере современной постаграрной карельской и русской деревни Тверской области)

Фишман Ольга Михайловна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, заведующая отделом, доктор исторических наук; olga_fishman@mail.ru

Доклад основан на результатах визуального обследования и фотофиксации весьегонских карел и русских Тверской обл. в ходе экспедиций 2011–2012 гг., а также на фотографиях, размещенных в Интернете, в том числе местными краеведами. Главной задачей являлось изучение этнолокальной идентичности, ее состояния и форм проявления, на примере сохранности, устойчивости и модернизации историко-культурного ландшафта и жилого фонда современной постаграрной деревни. Среди новых форм ее проявления – музеефикация и эстетизация пространства дома, усадьбы, села, получившие распространение в последнее десятилетие XXI в. и зафиксированные многими полевыми исследованиями. Новую предметно-пространственную среду можно рассматривать как способ благоустройства и облагораживания своей территории, что указывает на улучшение уровня жизни местного населения и экономическое развитие конкретной территории. Но не только. Потребность в новой интерпретации окружающего пространства связана с актуализацией этнолокальной идентичности местного сельского сообщества и активизацией краеведческой работы, проявляющейся в формах сельского этнотуризма и православного паломничества, а также с влиянием дачной моды.

Рассмотрены типы домашних музеев и оформление приусадебных участков предметами материальной культуры, вышедшими из повседневного обихода. Проанализированы категории местных жителей (сельской интеллигенции и национальных активистов), участвующих в преобразовании сельского ландшафта и репрезентирующих этнокуль-

турную идентичность разных групп населения.

Ключевые слова: современная постаграрная деревня, карелы, русские, Тверская обл., музеефикация, этнолокальная идентичность.

Доклад написан на основании визуального обследования и фотофиксации в ходе экспедиций 2011–2012 гг. к весьегонским карелам и русским Тверской обл., а также фотографий, размещенных в Интернете, в том числе местными краеведами. Причем, одной из главных задач являлось изучение состояния и форм проявления этнолокальной идентичности на примере сохранности, устойчивости и модернизации историко-культурного ландшафта и жилого фонда современной постаграрной деревни¹. Среди новых форм ее проявления – музеефикация и эстетизация пространства дома, усадьбы, села, получившие распространение в последнее десятилетие XXI в. и зафиксированные многими полевыми исследователями². Эта новая предметно-пространственная среда создается самими жителями. Ее можно рассматривать как способ благоустройства и облагораживания своей территории, что указывает на улучшение уровня жизни местного населения и экономическое развитие конкретной территории. Но не только. Потребность в новой интерпретации окружающего пространства связана с актуализацией этнолокальной идентичности местного сельского сообщества, активизацией краеведческой работы в формах сельского этнотуризма и православного паломничества, влиянием дачной моды.

Село Чамерово и окружающие его деревни, где осуществлялось полевое обследование, – довольно удаленный уголок Тверского края, в котором фиксируется высокая сохранность жилого фонда первой половины XX в., с резными наличниками на окнах, тесаными изнутри стенами изб, полатями, воронцами, старыми печами и традиционными интерьерами. В старых сельских домах встречается старинное устройство входа в подпол избы через припечную лавку – *karžinlawda*. В сенях некоторых домов еще и сейчас стоят шкафы-«молочники» для хранения молочных продуктов с дверцами из реек или сосновой щепы. Здесь же стоят и кровати с пологамми. В клетях до сих пор можно увидеть старинные сундуки, гнутые из луба – *l'iraš* или ремесленной работы, обитые жостью и расписные. Во всех деревенских домах много керамической посуды, бондарной утвари, орудий прядения и ткачества, деревянной мебели.

Сохранность большого объема предметов традиционной культуры позволила создать в чамеровской средней школе музей «Русский быт», а в библиотеке с. Чистая Дуброва постоянно обнов-

ляемые выставки: «Живи, мое село родное» и «Этот загадочный Камень».

В нескольких сельских домах чамеровской округи осуществлено воссоздание старинной обстановки крестьянской избы, а также собраны коллекции предметов крестьянского быта. Как правило, в создании этих домашних музеев участвуют бывшие местные жители, приезжающие из городов на весенне-осенний период. Подобные музеи являются органичной частью жилого дома, воспроизводят родное пространство, памятное с детства, свидетельствуют о приоритете ностальгических воспоминаний у категории бывших сельских жителей и желании воспроизвести романтизированные представления, связанные с семьей, ее мирной, докризисной жизнью. При создании таких живых музеев происходит конструирование важных смыслов семейной идентичности, вписанной не только в локальную, но и общероссийскую историю. Прежде всего, это связано с семьями раскулаченных крестьян. Наряду с таким типом домашнего музея имеет место размещение серий этнографических и историко-бытовых предметов на чердаках, клетях, верандах и в сараях. Как правило, они демонстрируют личные интересы того или иного собирателя и владельца этих предметов.

В настоящее время широкое распространение получило оформление приусадебных участков предметами материальной культуры, вышедшими из повседневного обихода. В их числе уже упомянутые глиняная и металлическая посуда, утварь, которые используются как вазоны для цветов. Практику вторичного использования старинных предметов крестьянского быта, распространенных в данных деревнях еще в 1960–1980-е гг., можно рассматривать как способ и механизм воспроизводства культурных ценностей прошлого. Эти вещи становятся вещественными маркерами этнолокальной идентичности в условиях постаграрного развития села. Из них делают тематические фольклоризированные композиции, сочетают с изготовленными из пластика (бутыли, емкости и т.п.) фигурами животных, птиц, экзотических растений. Кроме того, из традиционных материалов (дерева) изготавливают фигуры сказочных персонажей. Такое конструирование нового приусадебного места заметно меняет их визуальный образ: фактически можно говорить о переосмыслении общего пространства поселения через наполнение его не только визуальными знаками крестьянского прошлого, но и стремлением воспроизвести новое урбанизированное пространство, приближенное к оформлению дачных и коттеджных садов. Многие с гордостью демонстрируют свои огороды, которые можно воспринимать не только с практической точки зрения, но и привлекательности их оформления. Оче-

видно отличие нового конструирования приусадебного участка от идеи создания домашних музеев.

Важно проанализировать – какие категории местных жителей участвует в преобразовании сельского ландшафта. Прежде всего, сельская интеллигенция и национальные активисты: работники культуры, преподаватели школы, организаторы праздников, участники фольклорного коллектива, местные уроженцы, а ныне городские жители, репрезентирующие этнокультурную идентичность разных групп населения. Это люди разных поколений, разного уровня образования, карелы и русские. Играет роль продолжительность проживания в сельской местности или городе, возраст, пол, доход и мобильность участников процесса модернизации жилой и хозяйственной среды³. В целом, среди них преобладают пенсионеры, как приезжающие в родные места из городов на время (внутренние мигранты⁴), так и не покидавшие деревни, но давно отошедшие от традиционных аграрных форм деятельности, живущие за счет личного подсобного хозяйства, сбора и продажи ягод, грибов, лекарственных трав, что соответствует изменившемуся образу жизни современного сельского населения. Исследователи так называемой «новой сельскости» пишут о процессе «сельской урбанизации»⁵.

Среди сельской интеллигенции многие восстанавливают генеалогию рода и семейных кланов, о чем свидетельствуют домашние архивы, составляют генеалогические древа, для чего делают запросы в областные архивы, осуществляют поиск родственников в Интернете. Актуализации интереса к генеалогии, семейной и локальной истории способствует довольно активная краеведческая работа как локального сельского сообщества, так и в целом Тверской обл. В библиотеке с. Чистая Дуброва сформирован архив, включающий воспоминания о прошлой крестьянской и колхозной жизни, описания праздничной культуры, истории семей, фотографии местных жителей, видов домов, деревень, утраченных церквей и кладбищ; скомплектован раздел научно-популярных работ современных краеведов, писателей, поэтов и историографов Тверского края. На различных официальных сайтах размещены истории сельских поселений и культовых памятников, подготовленные библиотекарями крупных карельских и русских сельских библиотек Тверской обл. под руководством Тверской областной универсальной научной библиотеки им. А.М. Горького⁶ и деятелей Тверской епархии.

При библиотеке создан хор «Oma ganda», постоянный участник и лауреат ежегодных фольклорных фестивалей и праздников карел Тверской обл. и Карелии. Историческая память, которую они

транслируют, помогает местному населению идентифицировать себя, напоминает об уникальной истории карельских переселенцев XVII в. и каждого конкретного поселения.

Примером переосмысления знаний об историко-культурном наследии карел является создание при входе на приусадебный участок А. Б. Чумина в центре старинного карельского с. Чамерово деревянного сооружения, напоминающего крепостные ворота с галереей. Его автор, А. Б. Чумин, председатель Восьегонского отделения Автономии тверских карел Тверской обл., вернулся на родину предков в 1990-е гг. из Эстонии, он и его жена преподают в местной школе, являются активными участниками местного краеведческого и карельского национального движения. К заслугам А. Б. Чумина относят: воссоздание утраченного культурного объекта – каменной часовни-копилки, ставшей визуальным знаком памяти о прошлом с. Чистая Дуброва; обнаружение местной святыни – лечебного камня, оставшегося на месте уничтоженного женского Троице-Пятницкого монастыря; организацию местных паломнических маршрутов.

Подобные формы трансляции местных народных ценностей являются важнейшим фактором поддержания культурной и этнолокальной идентичности, свидетельствуют об устойчивости чувства причастности к родному месту. Таким образом, локальность как некий современный этнокультурный феномен проявляется в таких взаимосвязанных признаках как музеефикация пространства дома, усадьбы, села, проявляется в школьных и сельских музеях, в краеведческой деятельности сельской интеллигенции.

В итоге можно констатировать общее в основе этих признаков: они строятся на знании, интересе и репрезентации «прошлого в настоящем»⁷. Однако, домашние музеи, коллекции школьного музея и библиотечные выставки строятся с помощью предметов, вышедших из повседневного бытования, и акцентируют символику доиндустриального села. Оформление же приусадебных участков репрезентирует постиндустриальную локальность, отражающую формирование новых неаграрных форм образа и стиля сельской жизни, включенных во внелокальные – региональные и даже международные – экономические и культурные процессы, в контекст туристических и культурных проектов. Этому подчинена и деятельность местных краеведов.

---

⁷ Савина Н. Рец на кн.: Hana Horáková, Andrea Boscoboinik, Robin Smith (eds.). *Utopia and Neoliberalism: Ethnographies of Rural Spaces*. B.: Lit-Verlag, 2018. 256 p. // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 252–266.

² Слепцова И. С. «Чувство дома»: конструирование идентичности в семейных музеях//Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX – XXI веков. Мат-лы Девятнадцатых Междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2020. С. 21–25.

³ Илин В. И., Покровский Н. Е. (сост. и науч. ред.). Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.

⁴ Benson M., O'Reilly K. Lifestyle Migration Expectations, Aspirations and Experiences. Burlington, VT: Ashgate Publishing Ltd., 2009. 168 p.

⁵ Gulinck H. and Dortmans C. Neo-Rurality: The Benelux as a Workshop for New Ideas about Threatened Rural Areas // Built Environment. 1997. Vol. 23. No. 1: Vanishing Borders: The Second Benelux Structural Outline. P. 37–46; Ta Chee-Beng, Ding Yuling. Rural Urbanization and Urban Transformation in Quanzhou, Fujian//Anthropologica. 2008. Vol. 50. No. 2. P. 215–227.

⁶ URL: <http://tverlib.ru/ru/event/project/pro-tverskoe/> (Дата обращения: 6.09.2021).

⁷ Denton S. The Rural Past-in-Present and Postwar Sub/urban Progress// American Studies. 2014. Vol. 53. No. 2. P. 124.

UDC 316; 929.52

O. M. Fishman

Museumfication of Living and Infield Space
as a Form of Ethnolocal Identification on the
Example of Modern Karelian and Russian
Postagrarian Countryside of the Tver Oblast'

Fishman Olga Mikhailovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of the North-West and the Baltic States, head of department, D. Sc. (History); olga_fishman@mail.ru

The article is based on results of visual exploration and photographic recording in course of expedition to the Vesegonsky Karelians and Russians of the Tver Oblast and photographs posted in Internet, some of them by local historians. One of the most important tasks was study of condition and manifestation forms of ethnolocal identity taking as a case study- preservation, sustaintibility and modernization of historical-cultural landscape and living facilities of modern postagrarian countryside. Museumfication and aesthetizaion of home space, farmstead and village which became widespread in last decade of XXI century and recorded by numerous field researchers are among new forms of its manifestation. New subject-space environment can be considered as a way of beautification, improving and cultivating one's territory

which indicates improvement of life quality of local population and economical development of concrete territory. The need for new interpretation of environment is related to actualization of ethnocultural identity of local rural community's activation of work in local history in forms of ethnic tourism, Orthodox pilgrimage and influence of village style fashion.

Types of home museums and farmsteads' designs made with help of outfashioned material culture objects are examined. Categories of local residents, involved in reorganization of rural landscape – countryside intelligentsia and national activists who represent ethnocultural identity of different population groups are analyzed.

Key words: modern postagrarian countryside, the Karelians, the Russians, Tver Oblast', museumfication, ethnocultural identity.

Л. Н. Хаховская

Репрезентация этнических культур
сквозь призму контрастов северного гардероба

Хаховская Людмила Николаевна, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан), лаборатория истории и экономики, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; hahovskaya@gmail.com

Один из важных методов репрезентации этнических культур в музейных экспозициях заключается в показе ярких, выразительных различий. Автор обращается к опыту проведения выставки «Контрасты северного гардероба». Предметный ряд выставки демонстрирует кардинальные различия гардероба двух коренных северных народов – эвенов и коряков. Различия выявлены в конструкции традиционной одежды, ее комплектности, сезонности и декоре. Отличительным признаком этнического облика народа является также наличие или отсутствие различий между мужским и женским костюмом.

Распашной крой, наличие сезонной комплектности и составной характер многих элементов эвенского костюма указывают на южное происхождение народа, верховой способ передвижения на оленях. Корякская одежда глухая, ее детали цельные, специальный гардероб для теплого сезона отсутствует, что говорит об автохтонном происхождении коряков. Также она хорошо приспособлена для пастушеского труда и нартовой езды.

В гендерном плане корякская одежда различалась конструктивно, а эвенская – только по наличию украшений. В обоих случаях это обусловлено дифференциацией хозяйственных занятий, а у эвенов, кроме того, особенностями социальной организации.

Ключевые слова: музей, выставка, эвены, коряки, традиционная одежда, конструкция, комплектность, сезонность, гендерные различия.

Репрезентация этнических культур в музейных экспозициях в значительной мере опирается на показ различий, которые указывают на характерные особенности облика того или иного народа. Наглядная демонстрация различий вызывает повышенный инте-

рес аудитории, облегчает понимание регионального исторического процесса и этнических взаимодействий. В экспозиционной работе Магаданского областного краеведческого музея с этой целью проведена камерная выставка-беседа под говорящим названием «Контрасты северного гардероба». Хорошо известно, что традиционная одежда является ярким, выразительным и познавательным элементом этнической культуры. По одежде можно узнать о происхождение народа, его хозяйственных занятиях, контактах и взаимовлияниях. На материале выставки эти вопросы прослежены через кардинальные различия традиционного гардероба двух коренных северных народов – эвенов и коряков. Различия выявлены в конструкции одежды, ее комплектности, сезонности и декоре. Кроме того, важным признаком этнического облика народа является наличие или отсутствие гендерных особенностей в одежде; посетители узнают, отличался ли мужской костюм от женского и чем это обусловлено. Таким образом, контрасты северного гардероба показаны в двух аспектах – этническом и гендерном.

Эвены и коряки в численном отношении находятся на первых двух позициях среди коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Магаданской обл. Именно эвенская и корякская одежда представлена на этнических праздниках, ее традиционный облик служит основой для пошива фольклорных костюмов. Но между ними существует глубокая дифференциация, хорошо воспринимаемая визуально. С самого первого взгляда видно, что конструкция верхней плечевой одежды (а именно она первой попадает в поле зрения посетителей) принципиально разнится: эвенский кафтан – распашной, а корякская кухлянка – глухая. Эвенский кафтан не зря получил свое наименование – так его называли русские, потому что распашной крой, приталенный и расходящийся книзу силуэт, яркие украшения на полах и подоле живо напоминали им кафтаны придворных¹.

Конструкция эвенского кафтана довольно проста: классический вариант кроился с цельной спинкой, верхняя часть которой перегибалась через плечи и формировала верхнюю часть рукавов. К спинке пришивали узкие полочки. Стан дополняли подкройные детали – ластовица комбинированной формы и расклинивающие вставки на спинке. Очень важными и этнически маркирующими деталями являются именно расклинивающие вставки, за счет которых достигался расходящийся от талии силуэт. Как и распашной крой в целом, они обеспечивали удобство во время передвижения верхом на олене. Это сразу указывает на характерные черты эвенской культуры – малостадный тип оленеводства южного происхождения, с достаточно крупными оленями и высокой степенью

их прирученности, что позволяло практиковать верховую посадку и перевоз грузов вьюком.

Название верхней одежды коряков также дано русскими, и оно также указывает на саму сущность этой одежды. Кухлянка или куклянка – это глухая просторная меховая рубаха с капюшоном (кукулем)². Семантически и во многом функционально кухлянка имеет связь с другим кукулем – меховым спальным мешком. Действительно, просторная кухлянка позволяет закрыть голову капюшоном, а лицо нагрудником, втянуть руки вовнутрь, подтянуть под себя ноги и спать на снегу как в спальном мешке. Конструкция корякской кухлянки обязательно предполагает наличие капюшона и нагрудника. Эти детали также защищают человека во время езды на нартах, когда снег от копыт оленя летит в голову. Для традиционной корякской кухлянки характерен крой реглан: стан состоит из трапециевидной спинки и такого же переда, оба рукава кроются вместе и составляют единое целое с капюшоном.

В целом, корякская верхняя одежда более тяжелая, громоздкая, ее силуэт и декор не блещут таким изяществом, как у эвенов. Причина заключается в том, что коряки являются северо-восточными палеоазиатами, то есть имеют местное, автохтонное происхождение. Глухая и просторная одежда позволяла выжить в условиях арктической зимы. Также она была хорошо приспособлена для пешего выпаса крупных слабо прирученных оленьих стад и нартового передвижения по открытым тундровым пространствам.

Второе принципиальное различие заключается в комплектности гардероба. И плечевая, и поясная одежда коряков состоит из одной цельной вещи – кухлянки и штанов (у женщин – комбинезона), которые могли быть одинарными или двойными. Эта малокомплектность также сложилась под влиянием природно-климатических условий севера. А состав эвенской одежды указывает на их южное происхождение: распашной крой обусловил наличие еще одной детали плечевой одежды – передника. Передник, надеваемый под кафтан, защищал переднюю часть тела от холода. Более того, и эвенские передники были составными, скомплектованными из двух деталей – верхнего нагрудника и нижнего фартука. Нагрудник менялся по сезону, фартук оставался неизменным. Составной была и поясная одежда эвенов: это не цельные штаны, а штаны, включающие два элемента: натазники и ноговицы, а также пояс, благодаря которому они удерживались. Составной характер поясной одежды обеспечивал подвижность элементов, что было необходимо при верховой езде.

Третье важное отличие корякского и эвенского гардеробов – сезонная сменяемость. Коряки, по сути, имели только зимний гарде-

роб, который каждый год обновлялся. В теплое время они носили старую зимнюю одежду с вытертым мехом. Одежды из кожи у коряков не было, и кожу для этих целей они не выделывали. Эвены, напротив, для каждого сезона имели отдельный комплект одежды: летом они носили кафтаны, натазники и ноговицы из специально подготовленной кожи (ровдуги), зимой – из меха.

Эвенский гардероб дополняет круглая, облегающая голову шапочка-капор, меховая или ровдужная обувь, другие детали (рукавицы, перчатки, шарф-боа, пояс). Коряки носили обувь из меха и кожи, ромбические малахаи и пояса (как правило, только мужчины). Шарфов и перчаток у них не было.

В гендерном плане эвенская одежда не содержала никаких различий ни по составу, ни по конструкции. Единственное отличие заключалось в наличии украшений – все богатство декора, которое мы привыкли видеть у эвенов, располагалось почти исключительно на женском костюме. Мужская одежда не содержала ни бисера, ни металла. Это объясняется хозяйственными занятиями – мужчины много времени уделяли охоте, и их одежда должна была быть легкой, бесшумной. А женская одежда выступала как своего рода способ накопления сокровищ: чем богаче женский костюм, тем зажиточнее семья, тем более высокий у нее общественный статус.

Корякская одежда, напротив, имела ярко выраженное гендерное различие конструктивного плана. Основу женского гардероба составлял цельный комбинезон, а не парные штаны и кухлянка, как у мужчин. Комбинезон кроили с широким воротом и штанинами. Это был домашний вид одежды, при выходе из яранги женщины поверх комбинезона надевали кухлянку. Такое различие было обусловлено оленеводческим типом хозяйства: пастуху приходилось постоянно бегать, это было удобно в узких штанах. А вот женщине в ее домашнем труде широкие штанины комбинезона не мешали, а широкий ворот давал возможность быстро освобождать руки. Также корякская одежда не отличалась обилием украшений, однако под влиянием контактов с эвенами они сталишивать на свои кухлянки бисерные розетки и пришивать к подолу орнаментальные полосы (упованы).

Таким образом, наглядно наблюдаемая дифференциация гардероба двух соседних народов позволяет развернуть целый ряд аспектов исторической ретроспективы этнических процессов в регионе.

¹ Хаховская Л. Н., Вуквукай Н. И. Эвенская этническая одежда: классический костюм и современная трансформация//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 18.

² Хаховская Л. Н. Корякские кухлянки: типичность и вариативность (на материале фондов Магаданского областного краеведческого музея)// Краеведческие записки. Магадан, 2015. С. 121–138.

UDC 391.4

L. N. Khakhovskaya

Representing Ethnic Cultures Through the Contrasts of the Northern Wardrobe

Khakhovskaya Liudmila Nikolaevna, The North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan), the Laboratory of History and Economics, leading research fellow, Ph. D. (History); hahovskaya@gmail.com

Displaying vivid, expressive differences is an important method of representing ethnic cultures in museum exhibits. The author discusses the experience of the exhibition «Contrasts of the Northern Wardrobe». The items of the exhibition demonstrates the cardinal differences in the wardrobe of the two indigenous northern peoples – the Evens and the Koryaks. The construction of traditional clothing, its complement, seasonality and decor are different for these two peoples. The presence or absence of differences between male and female costume also serves as a distinctive feature of the ethnic appearance of peoples.

The slit design, the presence of seasonal complement and the composite nature of many elements of the Even costume indicate the southern origin of the people, the riding mode of movement on reindeer. The Koryak clothes are deaf, the details of the clothes are one-piece, there is no special wardrobe for the warm season. These signs indicate the autochthonous origin of the Koryaks. This garment is also well suited for shepherding and sled riding.

In terms of gender, the Koryak clothes differed constructively, while the Even clothes differed only in the presence of jewelry. In both cases, this difference is due to the differentiation of economic activities, and among the Evens – also to the peculiarities of social organization.

Key words: museum, exhibition, the Evens, the Koryaks, traditional clothing, construction, complement, seasonality, gender differences.

А. А. Михайлова

Между сербами и хорватами: традиционные костюмы шокцев в собрании Российского этнографического музея

Михайлова Алена Алексеевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии, научный сотрудник ведущей категории, кандидат исторических наук; alena-muzej@yandex.ru

С XIX в. культура южнославянского народа шокцев оказалась прочно вовлечена в процесс сербского и хорватского национального строительства. В этнографической литературе вопрос о том, субэтносом какого из этих двух народов являются шокцы, до сих пор вызывает споры. На Всероссийской выставке 1867 г. семь шокских костюмов были представлены как костюмы сербов-католиков. В настоящее время они хранятся в фондах Российского этнографического музея. В XXI в. актуализуется проблема корректной атрибуции этих памятников с учетом изменений этнополитической карты той области, откуда происходит культура шокцев. Анализ этих изменений заставляет поставить вопрос о целесообразности рассмотрения традиционной культуры шокцев второй трети XIX в. как самостоятельного феномена. В докладе также приводятся обстоятельства попадания памятников в собрание Российского этнографического музея и впервые уделяется внимание фигуре деятеля, предоставившего мужской и женский костюмы шокцев из г. Субботицы для Всероссийской этнографической выставки 1867 г.

Ключевые слова: традиционный костюм, Воеводина, национализм, идентичность, наследие.

Наследие легендарной Всероссийской этнографической выставки 1867 г., хранящееся в собрании Российского этнографического музея (далее РЭМ), представляет собой ценнейший источник для изучения этнического разнообразия населения сразу нескольких империй середины XIX в. Особое место в нем занимают памятники традиционной культуры южных славян, проживавших в Австрийской и Османской империях. Именно в этот период этническое самосознание этих народов оказалось тесно

переплетено с процессом формирования национальных идентичностей, обусловившим возникновение на месте империй национальных государств. Политические трансформации и военные конфликты XX в. стали факторами усиления межэтнического разграничения и таких негативных проявлений национализма, как ангажированное переписывание истории, попытки присвоения общепареального культурного наследия, распространение идеи превосходства одной этнической группы над другой. В связи с этим объективный анализ этнографических данных, подтверждаемых музейными артефактами, способствует сохранению достоверных знаний о прошлом южнославянских народов.

Балканские этнографические памятники, демонстрировавшиеся на выставке, датируются преимущественно второй третью XIX в. и составляют около тысячи единиц хранения. В учетной документации музея они числятся за болгарами, сербами, македонцами, хорватами, черногорцами и словенцами, что соответствует современному разделению южных славян на национальные общности, но не отражает их этнокультурной вариативности того периода. Комплекс источников, по которым изучается выставка (переписка организаторов, указатели, путеводители, фотографии, музейная документация и др.), свидетельствует о том, что на выставке были представлены костюмы морлаков, сережан, шокцев, загорян, бокезцев, ресавцев и др. локальных групп, которые в XX в. стали частью вышеперечисленных более крупных сообществ. Таким образом, в условиях кардинально изменившегося за полтора столетия этнокультурного ландшафта Балканского региона материалы выставки позволяют проследить, из каких субэтнических компонентов складывались современные нации.

Факт того, что этноконфессиональные конструкты, утвердившиеся в XX в., отличаются от представлений об этих народах во второй трети XIX в. в материалах выставки находит отражение в контексте сербо-хорватского вопроса. В публичной дискуссии об этнических отличиях этих двух лингвистически близких друг другу народов уже тогда обсуждалась возможность различать их по конфессиональному или диалектному признакам¹. Однако на практике эти категории не всегда совпадали с соответствующим самосознанием. Так, к сербам могли относить себя не только православные, но также католики и мусульмане.

В общественной риторике также подчеркивалось, что сербы и хорваты имеют общее происхождение². От этого отталкивалась идея югославизма, призывавшая их к политическому сближению³. Практическая реализация этой идеи в XX в. не привела к стиранию этнических границ и способствовала обратному.

В 1930-х гг. среди православных сербов широкое распространение получил так называемый святославский национализм, в основе которого лежала синтагма: один народ, одна религия, одно государство⁴. Эта идеология породила стереотип о том, что сербами могут считаться лишь православные, поскольку именно церковь пронесла через века мифологизированный образ сербской государственности. Пережив ревитализацию в период югославского кризиса в конце XX в., святославская идея не теряет своей актуальности до сих пор.

Одним из проявлений постюгославского национализма стало использование объектов из этнографических собраний в качестве символов новых национальных идентичностей для легитимизации их связи с прошлым. РЭМ столкнулся с тем, что интерес обращающихся к его собранию сербских исследователей был направлен на выявление предметов, маркирующих сербскую этничность, а хорватских, соответственно, хорватскую. Это поставило перед музеем задачу защиты наследия от ложных интерпретаций и ангажированной репрезентации.

Таким образом, уточнение атрибуции этнической маркированности памятников, учтенных в РЭМ как сербские и хорватские, приобретает принципиальное значение. Это связано также и с хорошо известным фактом, что материалы выставки содержат немало ошибочных и неточных данных. Путаница в атрибуции части памятников произошла уже на этапе подготовки к выставке, затем была растиражирована в посвященных ей изданиях⁵ и приумножена при перемещении предметов из одного музея в другой⁶.

Уточнений также требуют и имена тех, кто непосредственно приобретал костюмы к выставке. В качестве фондообразователя коллекции славянских костюмов чаще всего указывается имя священника церкви при российском посольстве в Вене М. Ф. Равевского (1811–1884 гг.), координировавшего сбор вещей на австрийских территориях и отправлявшего их в Москву. Однако самую сложную работу по приобретению костюмов и фотографий выполняли активисты на местах. Так, в частности, архивные документы позволили определить, что два костюма сережан, представленных на выставке как хорватские, были приобретены карловацким протопопом Н. Беговичем у своих прихожан – православных сербов в с. Перна⁷. В фокус настоящего доклада помещена другая похожая проблема: атрибуция костюмов шокцев – этнической группы с территории современных Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Венгрии, представленных на выставке 1867 г. в числе сербских экспонатов.

Согласно «Указателю», всего на выставке демонстрировалось восемнадцать сербских мужских и женских костюмных комплексов⁸. Отмечалось, что шесть из них принадлежали шокцам – сербам-католикам, проживавшим в окрестностях гг. Сомбора и Субботицы (№ 106–109, 149–150). Данные архивных материалов свидетельствуют о том, что костюм из с. Брег (№ 45) также был шокским⁹. Эти костюмы были присланы на выставку из Воеводины – австрийской окраины, граничившей со Смедеревским санджаком Османской империи. В отличие от Смедеревского санджака, населявшегося преимущественно сербами, Воеводина представляла собой довольно пестрый в этническом отношении регион. В ней проживали сербы, венгры, румыны, шокцы, буньевцы, русины, словаки и др. народы.

Об этногенезе шокцев нет единого мнения. По одной из гипотез они осели в Славонии еще в период славянского освоения Балкан, по другой – переселились в XVI в. в Срем, Банат и Бачку из Боснии, Герцеговины и Далмации, спасаясь от турецкого зюлума¹⁰. Поскольку большинство населения этих областей осело в них в более позднее время, шокцев условно считают старожилами. Они являются носителями архаичного икавского восточнославянского говора и большей частью исповедуют католицизм, поскольку столетиями проживали в Габсбургской империи. По австрийской переписи 1840 г. шокцев насчитывалось более 200 тысяч человек, в конце XIX в. – чуть более 50 тысяч, а на сегодняшний день – около 2 тысяч человек¹¹. Большинство из них проживает на территории Хорватии и изъясняется как хорваты, сохраняя шокскую идентичность в качестве локальной. На территории современной Сербии шокцев насчитывается чуть более 1500 человек. Они проживают в окрестностях г. Сомбора, в сс. Бачки Брег, Бачки Моноштор и Сонта, откуда в 1866 г. и были присланы на выставку образцы их традиционного костюма и фотографические портреты.

Идея отправить на выставку в Москву шокские костюмы принадлежала Н. Вукичевичу (1830–1910 гг.), главному преподавателю педагогической школы в г. Сомборе (впоследствии ее директору). Обстоятельства приобретения экспонатов он описал в пяти письмах к М. Ф. Раевскому, ныне хранящихся в архиве РЭМ. В них он отмечал, что населяющие Бачку сербы, буневцы, шокцы и русины имеют разные традиционные костюмы, а также отличаются чертами лица. В костюмах их можно было встретить только в праздники и на воскресной службе. Подлинно сербских костюмов в регионе уже не было, поскольку сербы предпочитали носить городскую одежду европейского образца. В то же время у шокцев

традиционный костюм сохранялся по всей Славонии и в Бараньской области Мохач (Венгрия)¹². Таким образом, Н. Вукичевич невольно свидетельствовал о том, что между сербами и шокцами существовали не только конфессиональные, но и другие зримые различия, выражавшиеся в костюме и специфике их антропологических черт. Все упомянутые им шокские фамилии (Дражин, Пеяк, Проданов) морфологически отличались от сербских, традиционно оканчивавшихся на «-ич». В своих письмах Н. Вукичевич настойчиво называл шокцев сербами-католиками, при этом не переставал подчеркивать их культурное своеобразие и противопоставлять сербам: «Одежда земледельческих сербов роскошная, но очень дорогая, а вот у шокцев-крестьян должна быть дешевле, потому что она довольно проста, и они сами ее изготавливают»¹³.

Справедливости ради стоит отметить, что к сербам шокцев относил не только Н. Вукичевич, но и многие этнографы XIX в.¹⁴ Однако на практике с этим соглашались далеко не все. В сербских газетах конца XIX в. встречаются заметки, в которых образ шокцев рисовался совершенно инородным для сербской общности, в то время как боснийские мусульмане, ей представлялись намного ближе¹⁵. Тем не менее, по мере укрепления молодой сербской государственности и ее идеологии в духе косовского завета, культивировавшегося сербской православной церковью, усилилась и эксклюзия неправославных славян, сделавшая их для сербской нации чужими¹⁶. Принцип конфессионального маркирования этничности включил шокцев в начале XX в. в орбиту хорватского национализма. Вопреки тому, что до второй половины XIX в. этноним «хорваты» практически не употреблялся в Славонии¹⁷, распространилось мнение, что народность шокцы является хорватским субэтносом. То, что шокцы прежде не были хорватами признавали даже хорватские этнографы. А. Радич, в частности, писал: «Если бы вы еще хотя бы 20 лет назад оказались в тех краях и назвали шокцев хорватами, вам бы повезло, если бы они над вами только посмеялись, а не покотили за это. Эти люди называли себя шокцами, но не хорватами!»¹⁸ Однако, с появлением Государства сербов, хорватов, словенцев тенденция изъяснения шокцами в качестве хорватов получила большое распространение.

Определенная часть шокского населения еще несколько десятилетий сохраняла свою идентичность. Апогея хорватизация шокцев достигла по окончании Второй мировой войны, когда 14 мая 1945 г. на государственном уровне было объявлено о том, что национальности «шокцы» не существует, вследствие чего, во всех документах ее следует заменять на этноним «хорваты»¹⁹.

Самосознание своего этнического отличия от сербов и хорватов к настоящему моменту сохранила небольшая часть шокцев, проживающих в Венгрии. Все эти факты заставляют задуматься о том насколько отождествление шокской и сербской культур правомерно, особенно применительно к этнографическому наследию, предназначение которого – описывать культурное разнообразие народов, а не наоборот.

Более длительное по сравнению с другими народами бытование традиционного костюма у шокцев указывает на сохраняющуюся у них потребность маркировать свою этническую обособленность от других населявших регион этнических групп. Из писем Н. Вукичевича следует, что визуально выделить шокца из толпы не составляло труда. Об обстоятельствах приобретения одного из шокских костюмов он, в частности, писал: «Накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы в городе на ярмарке я увидел трех шокских девушек из села Брег (ныне с. Бачки Брег) – одну замужнюю и двух незамужних. Мне пришлось их очень долго уговаривать, чтобы они еще раз приехали в город на следующий день для фотографирования. Я пообщал им по 1 форинту вознаграждения и их фотографии в подарок. У одной из незамужних девушек я купил ее костюм, который она привезет в воскресенье»²⁰. Спустя неделю семнадцатилетняя Клара Дражина действительно привезла Н. Вукичевичу свой костюм, оказавшийся очень старым и изношенным. Н. Вукичевич сперва не хотел его брать, но после замены рубахи и передника на более новые согласился.

Фотографии и костюмы, присланные Н. Вукичевичем на выставку, а также составленные им описания, позволяют выделить основные черты женского шокского традиционного костюма. Девичий костюм состоял из длинной рубахи из кенарной и льняной тканей с округлым воротом на сборке, без воротника и прямым пазушным разрезом. Рукава рубах были присборены в плечах и у кистей. Края рукавов и подола украшались кружевом. Особенностью рубах были вставки кружевной тесьмы на спине и в виде клиньев по подолу. Ритмичные узоры из блесток и цветных шерстяных ниток проходили несколькими тонкими полосами от ворота к поясу, от пояса к краю подола или вокруг него, а также по плечам и низу рукавов. Поверх рубахи носился передник, в будничные дни – из пестрой хлопчатобумажной ткани, а в праздничные – тканый из шерстяных нитей в разноцветные горизонтальные полосы. Костюм дополняли цветные бусы, серьги, накосные ленты или легкий узорчатый платок. Замужние женщины носили поверх рубахи однотонную юбку, белый тон-

кий платок, закрывавший шею, а также головной убор *наглавало*, состоявший из платка, надетого на легкую шапочку, декорированную золотными нитями и кружевом. Н. Вукичевич писал: «Другой одежды шокацкие девушки не имеют и ходят в ней как летом, так и зимой. Зимой поверх рубахи они надевают шерстяную юбку. Кроме того, они носят красные сапожки с желтыми краями, но только по большим праздникам. Поскольку на фотографирование они пришли в будничный день, то все три были босы, и мне пришлось распорядиться снимать их в таком виде. Возможно, мне пришлось несколько переплатить за шокские костюмы, но в продаже их нет – шокцы делают их себе сами»²¹.

Задавшись целью приобрести также костюмы брачной пары, Н. Вукичевич отправился на храмовый праздник в то самое село, откуда ему был привезен девичий костюм. Дорога заняла три с половиной часа. Там ему сообщили, что когда муж восемнадцатилетней Марии Продановой Павлович из с. Сонта узнал о том, что она фотографировалась для выставки, он сильно избил ее. На сельском празднике Н. Вукичевич познакомился с шокской супружеской парой Мариным и Мартой (урожд. Шелунова) Пеяк, которым было по 18 лет. Он смог уговорить их сфотографироваться в традиционных костюмах, а затем приобрел у них эти костюмы для выставки. Поездка была результативной еще и потому, что шокцы помогли Н. Вукичевичу приобрести еще два шокских костюма, но уже из с. Моноштор.

Благодаря этим приобретениям и фотографиям можно также выделить основные черты мужского шокского костюма. Рубаха и летние штаны к нему также шились из льняного полотна. Края рукавов и широких штанин украшались кружевом, вышивкой и блестками. Поверх рубахи носился жилет, а на шею повязывался платок с золотной бахромой. На голове была шляпа, декорированная цветами, а на ногах – портянки и кожаные лапти.

Еще одна пара шокских костюмов, мужской и женский, также была прислана на выставку из г. Субботицы. В «Указателе» значилось, что их носили богатые шокские кушцы, но не указывалось имя того, кто их приобрел. Это имя обнаруживается в письме Н. Вукичевича, в котором он писал, что обратился за помощью в приобретении костюмов к почтовому чиновнику Божидару Вуичичу (1840–1899 гг.) в г. Субботица²². Б. Вуичич был хорошо известным общественным деятелем, крупным землевладельцем. В сербских газетах писали: «Не было ни единого события у нашего народа, в котором бы дядя Бошко не принял участия. Он был настоящим Сербом и всегда всем помогал, в том числе финансово»²³. Таким образом, есть все основания полагать, что

именно Б. Вуичич предоставил на выставку костюмы шокцев из г. Субботицы.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что шокцы, область расселения которых совпала с территорией сербохорватского этнополитического разграничения, в XIX–XX вв. оказались зоне сильнейшего воздействия сербского и хорватского национализма²⁴. Это способствовало быстрому сокращению числа лиц с шокской идентичностью и ее замещением сербской или хорватской, о чем свидетельствует статистика. Более трети костюмов, представленных на выставку 1867 г. как сербские, происходило из католической среды, что противоречит современным представлениям о сербской традиционной культуре как православной. В то же время оснований для отождествления шокского наследия с хорватской культурой также недостаточно, поскольку инкорпорирование шокцев в хорватское сообщество произошло уже в XX в. Напрашивается вывод о том, что материалы выставки 1867 г. зафиксировали шокскую традиционную культуру как этнографический факт. Во многих своих чертах она была схожа с сербской и хорватской, но обладала самобытной внутренней природой. Это подтверждается сохранением шокского самосознания в Южной Венгрии, где влияние сербского и хорватского национализма оказалось слабее. Таким образом, репрезентация памятников традиционной культуры шокцев в пространстве музея и этнографическом дискурсе видится целесообразной в качестве самостоятельного феномена, но в контексте фактора соседства.

¹ Карађић В. С. Срби и Хрвати//Видовдан. 1861. Бр. 31.

² Škiljan F. Identitet Srba u Hrvatskoj. *Politička misao: časopis za politologiju*. 2014. № 51 (2). S. 111–134.

³ Шарова В. Л. Йосип Юрай Штротсмайер и проекты объединения народов монархии Габсбургов: От иллиризма к югославизму//Центральноевропейские исследования. СПб., 2017. С. 145.

⁴ Kostić N. Upotreba Svetog Save u postavljanju etnoreligijskih granica// *Sociologija*. 2017. Vol. LIX. № 3. S. 332.

⁵ Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. М., 1905. С. 55–56; Каталог Дашковского этнографического музея. М., 1877. С. 26–27; Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1887. С. 36–37.

⁶ Ишполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

⁷ Михайлова А. А. Сerezане на границе Габсбургской империи: проблема интерпретации музейного наследия в свете исторической трансформации этнокультурного ландшафта//Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 49–68.

⁸ Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М., 1867. С. 101, 102, 107.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Иванић И. Буњевци и Шокци. Београд: Д. Дмитријевић, 1899. С. 24–25.

¹¹ Op. cit. С. 15.

¹² АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 11.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Czernig K. Ethnographie der Österreichischen monarchie. Wien, 1857; Ficker A. Die Völkerstämme der Österreichisch-Ungarischen Monarchie, ihre Gebiete, Gränzen und Inseln. Wien, 1869; Hunfalvy P. Ethnographie von Ungarn. Budapest, 1877.

¹⁵ Најновији зулуми у Босни и Херцеговини//Застава. № 181. 19.11.1899.

¹⁶ Павловић-Лучић, Ј. Срби католици//Српски Глас. 1890. № 9.

¹⁷ Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 36.

¹⁸ Радић А. Тко је створио Хрвате?//Дом. 10 stud. 1904.

¹⁹ Историјски архив Суботица. Књ. Окружни народни одбор у Суботици. Бр. 5869.

²⁰ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об.

²¹ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 11.

²² АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 17.

²³ Вести из места и са стране//Застава 19 stud. 1899.

²⁴ Žigmanov T. Šokački Hrvati u Vojvodini na prijelazu tisućljeća// Migracijske i etničke teme. 2009. Br. 25 (4). S. 387–409.

UDC 391

A. A. Mikhailova

Between Serbs and Croats: Shokian Traditional
Costumes in the Collection of The Russian
Museum of Ethnography

Mikhailova Alena Alexeevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg); the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraina, Moldavia, chief research fellow, Ph. D. (History); alena-muzej@yandex.ru

Since the XIX century the culture of the South Slavic people Shokians (Šokci) was firmly involved in the process of Serbian and Croatian nation-building. The question with which of these two peoples Shokians are ethnically related is still a matter of controversy in the ethnographic literature. At the All-Russian Exhibition of 1867, seven Shokian costumes were presented as the costumes of Catholic Serbs. Currently they are stored in the depository of the Russian Museum of Ethnography. Taking into

account changes in the ethnopolitical map of the area from which the Shokian culture originates a matter of correct attribution of these items becomes of particular importance. The analysis of these changes forces to raise the question of the expediency of considering the traditional culture of the Shokians as a self-sufficient phenomenon. The report also cites the incoming circumstances of the Shokian costumes in the museum collection. Special attention for the first ever is paid to the personality who provided a pair of Shokian costumes from Subbotitsa city for the All-Russian ethnographic exhibition of 1867.

Key words: traditional costume, Voyvodina, nationalism, identity, heritage.

Т. Г. Емельяненко

Культура бухарских евреев
в музейных собраниях

Емельяненко Татьяна Григорьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Средней Азии и Кавказа, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; rem.tatyana@mail.ru

В докладе рассматриваются и анализируются различные подходы, которые существовали в истории комплектования артефактов бухарских евреев в музейных собраниях, а также применялись в создании специализированных музеев, посвященных их культурному наследию. В дореволюционный период акцент в собирательской работе делался на то, чтобы представить бухарских евреев прежде всего как этноконфессиональную группу в мусульманском пространстве Средней Азии. Впоследствии был принят комплексный подход, однако к этому времени многое из их традиционного быта было уже утрачено, и собирателям приходилось ограничиваться тем, что сохранилось среди семейных реликвий. После массовой эмиграции из Средней Азии на рубеже XX–XXI вв. бухарские евреи стали инициаторами создания музеев и выставок, демонстрирующих их культурное наследие, видя в них одно из средств сохранения и трансляции своей идентичности.

Ключевые слова: бухарские евреи, культурное наследие, традиционная культура бухарских евреев, музеи бухарских евреев, этническая идентичность.

В настоящее время во многих музеях мира, где имеются коллекции памятников культуры народов Средней Азии, можно встретить немало артефактов бухарских евреев, чья история на протяжении столетий была связана с этим регионом. Однако, очень часто в музейных документах эти предметы отнесены по этнической принадлежности к узбекам или таджикам, так как были изготовлены ремесленниками этих народов и бытовали также и у них. Схожесть или даже идентичность традиционного предметного мира бухарских евреев и соседних народов стала одной из основных причин отсутствия на протяжении длительного времени интереса к нему исследователей и собирателей музейных коллекций¹.

Сбор первых экспонатов связан с подготовкой Всероссийской политехнической выставки (Москва, 1872), на которой были представлены мужской костюм и отдельно два мужских головных убора. В составе Туркестанского раздела выставки, насчитывавшего более 1500 предметов, эти экспонаты занимали незначительное место, фактически лишь обозначая существование в среднеазиатском регионе данной этнической группы. При этом акцент был сделан на ее конфессиональную принадлежность: в костюме обычная для бухарских евреев меховая шапка была заменена похожей по форме, но имеющей совершенно другой покрой, шапкой *штраймел* восточноевропейских евреев, к которой для большей религиозной «убедительности» были приколоты пряди волос – *пейсы*. После закрытия выставки ее экспонаты хранились в Политехническом музее, а в 1902 г. были переданы в Дашковский этнографический музей, собрание которого стало основой образованного в 1924 г. Государственного центрального музея народоведения².

В 1926 г. сотрудником этого музея С. П. Преображенским в Самарканде среди местных бухарских евреев была собрана еще одна коллекция из 30 предметов, причем ее состав отражал прежний подход к комплектованию бухарско-еврейских артефактов: в нее вошло 4 предмета одежды, а остальные – *талит катан*, *тфиллин* и мешочки для их хранения, свиток *Мегиллот Эстер*, *мезуза*, амулеты с текстами молитв и заклинаниями против злых духов, иллюстрировали религиозно-культурную область их жизни.

Первая попытка комплексного отражения культуры бухарских евреев была предпринята в Туземно-еврейском музее (далее ТЭМ), созданном в 1922 г. в Самарканде под руководством И. С. Лурье и по инициативе Еврейского историко-этнографического общества. За время работы в музее были собраны многочисленные документальные и фотоиллюстративные материалы, вещевые коллекции, представлявшие не только предметы культа, но и орудия ремесленников и их произведения, бытовую утварь, одежду. Последняя была подобрана с большим знанием расцветки, покроя, украшений и других «нюансов», отличающих одежду бухарских евреев от одежды соседних народов. Но в 1938 г. музей был закрыт (как и другие программы в СССР по изучению евреев), и его коллекции более полувека оставались никому неизвестными. Однако впоследствии, когда в других музеях началось комплектование коллекций, представляющих бухарских евреев, принцип комплексного подхода в большинстве из них стал доминирующим, хотя к этому времени многое из традиционного быта было уже утрачено и собирателям приходилось ограничиваться тем, что сохранилось среди семейных реликвий.

Так, крупнейшие собрания артефактов бухарских евреев находятся в Израильском музее (г. Иерусалим) и Музее Диаспоры (г. Тель-Авив). Израильский музей уже спустя два года после образования (1965) организовал большую выставку, посвященную этой еврейской группе³, и продолжает пополнять свои фонды, приобретая вещи, которые удалось вывезти из Средней Азии иммигрировавшим в разные периоды XIX–XX вв. бухарским евреям. Это преимущественно предметы праздничного назначения, представляющие материальную ценность. Их вывозили не только как семейные реликвии, но и для того, чтобы реализовать в трудные времена. Аналогичные по ассортименту экспонаты представлены в Российском этнографическом музее (далее РЭМ), где с 1990-х гг. ведется целенаправленное комплектование коллекций, представляющих бухарских евреев, создана экспозиция, посвященная их традиционной культуре. И хотя, в отличие от израильских и других зарубежных музеев, вещи приобретались в собрание РЭМ у бухарских евреев, готовившихся к эмиграции, среди их семейных реликвий к этому времени сохранились преимущественно наиболее ценные предметы – ювелирные украшения из драгоценных металлов и камней, одежда из нарядных кустарных и фабричных тканей, медная пасхальная утварь, украшенная чеканным и гравированным узором, праздничная столовая посуда.

Подобный набор артефактов сегодня можно найти и в частных музеях, большинство из которых были созданы самими бухарскими евреями в последние десятилетия в Израиле и других странах их современного проживания. В этой связи следует отметить, что последняя и самая массовая эмиграция бухарских евреев из Средней Азии (конец XX – начало XXI в.) вызвала новые предпосылки для организации таких музеев. Если раньше они создавались (или комплектовались артефакты в других музеях) в результате «внешних» инициатив (государства или коллекционеров), то в последние десятилетия инициатива принадлежит самим бухарским евреям. В 2008 г. благодаря их организационной и финансовой поддержке в Самаркандском областном краеведческом музее открылась выставка, на которой были показаны экспонаты ТЭМ, долгие годы хранившиеся в фондах. Первоначально выставка планировалась как временная, но по просьбе руководителей бухарско-еврейских организаций (и их финансовой поддержке) впоследствии стала постоянной. Среди музеев, созданных бухарскими евреями, наиболее показателен пример Музея культурного наследия бухарских евреев в Нью-Йорке, основанного в 1995 г. А. М. Ароновым – энтузиастом и знатоком бухарско-еврейской культуры⁴. До 2003 г. экспонаты (более 2000 предметов традиционного быта, фотографии, архивные документы) хранились у него дома до тех пор, пока под экспозицию не выделили помеще-

ния в здании Квинс-гимназии – учебном заведении в Квинсе (районе Нью-Йорка), где компактно проживает большинство бухарских евреев США⁵. В настоящее время музей зарегистрирован в штате Нью-Йорк в качестве некоммерческой организации «Бухарское этнографическое общество», но в планах Всемирного конгресса бухарских евреев США и Канады придать ему официальный музейный статус. Столь пристальное внимание к музею (как и вообще создание подобных музеев) обусловлено тем, что, проживая в новых этнокультурных пространствах и испытывая значительный риск потери этнической идентичности, бухарские евреи (прежде всего социальная и интеллектуальная элита) особое значение придают музеям своего культурного наследия и популяризации своего исторического прошлого. В Квинсе, например, посещение музея входит в обязательную программу всех местных детских и образовательных учреждений.

Таким образом, в настоящее время специализированные музеи и экспозиции приобрели у бухарских евреев значение одного из активных средств подтверждения и сохранения своей идентичности и трансляции ее в окружающий мир.

¹ Подробнее см.: Емельяненко Т.Г. Памятники традиционно-бытовой культуры бухарских евреев в музейных собраниях: особенности комплектования // ЭО. 2010. № 3. С. 66–76.

² В 1948 г. после закрытия музея его этнографические коллекции поступили в фонды Государственного музея этнографии (ныне Российский этнографический музей).

³ Vokhara (cat. no. 39). The Israel Museum, Jerusalem, 1967–1968.

⁴ Рыбаков И. Музей наследия бухарских евреев в Нью-Йорке // Елена Коровая и др.: Бухарские евреи в русской культуре. М., 2020. С. 274–285.

⁵ Емельяненко Т.Г. Бухарские евреи Нью-Йорка: особенности адаптации // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 60–41.

UDC 39

T. G. Emelyanenko

The Culture of the Bukharian Jews in Museum Collections

Emelyanenko Tatyana Grigoryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Caucasus, leading researcher, D. Sc. (History); rem.tatyana@mail.ru

The article examines and analyzes various approaches that exist in the history of the acquisition of artifacts of the Bukharian Jews in museum collections and create museums dedicated to their cultural heritage. In the pre-revolutionary period, the emphasis in collecting work was made to present the Bukharian Jews in total as an ethno-confessional group in the Muslim space of Central Asia. Subsequently, an integrated approach was adopted, but by this time much of their traditional life had already been lost and the collectors had to limit themselves to what remained among the family relics. After the liberation of emigration from Central Asia at the turn of the XX–XXI century. The Bukharian Jews initiated the creation of museums and exhibitions demonstrating their cultural heritage, seeing in them one of the means of broadcasting their identity.

Key words: the Bukharian Jews, cultural heritage, traditional culture of the Bukharian Jews, museums of the Bukharian Jews, ethnic identity.

О. В. Ладыгина

Репрезентация таджикской идентичности в музейных экспозициях

Ладыгина Ольга Владимировна, Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Республика Таджикистан), кафедра культурологии, заведующая кафедрой, доцент, доктор философских наук; friedrichii@rambler.ru

С приобретением независимости в Республике Таджикистан приоритетное направление получили исследования, связанные с историей и культурой таджиков, с возрождением утраченных традиций и сохранением исчезающих, а также с популяризацией культурного достояния народа. Знание своих корней, богатого наследия предков, ценностей народной культуры способствует формированию национальной идентичности, процессу культурной идентификации. В этом отношении трудно переоценить роль музеев, выставочная деятельность которых создает определенные условия для конструирования различных форм идентичности и формирования чувства патриотизма.

В докладе сопоставляются теоретические выводы с этнографическим материалом, представленном в музейных экспозициях. Автор обосновывает положение о том, что музейные экспозиции отражают особенности идентичности таджиков и создают необходимые предпосылки для конструирования ее национальной формы.

Ключевые слова: региональные формы идентичности, национальная идентичность, музейная экспозиция, таджики, вышивка, орнамент.

Осознание своей принадлежности определенному социуму обусловлено потребностью человека в социальной адаптации. В процессе идентификации человек овладевает различными видами социального взаимодействия, усваивает нормы и ценности общности, в которой живет, а также нормы поведения.

Идентичность может иметь разнообразные источники, выбор которых зависит от исторического опыта, особенностей среды. В Таджикистане преобладают аскриптивные и территориальные источники идентичности. Поэтому в структуре таджикской идентичности доминируют примордиальные компоненты, архаичные,

общинные представления, патриархальный уклад. Результаты социологических исследований свидетельствуют о значимости для населения Таджикистана этнической идентичности, которая имеет ярко выраженные региональные особенности¹. Региональная специфика представлена выразительно и многообразно в экспозиции Музея этнографии им. М. С. Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана. Более чем за 60 лет активной собирательской работы музей аккумулировал в своем собрании многие коллекции, привезенные исследователями из научных этнографических экспедиций, они представлены в экспозиции, включающей традиционные памятники культуры таджиков Северного и Южного Таджикистана, Центральных его районов, а также культуру таджиков Памира.

Этнокультурные особенности стали следствием ландшафтно-географической локализации различных частей таджикского этноса. Историческое развитие Согдийской обл. (север Таджикистана) проходило в тесном контакте с соседними народами. Города здесь издревле являлись административными центрами, обеспечивавшими контроль над потоком товаров по Великому шелковому пути. По сравнению с другими регионами Таджикистана этот был более зажиточным. Здесь получили развитие многочисленные ремесла, в том числе золотошвейное, изготовляли атлас и адрас, что нашло отражение в экспозиции музея. Если Согдийская обл. являлась наиболее экономически развитым регионом, то в Кулябе (юг Таджикистана) товарно-денежные отношения, определяющие уровень экономического развития, были развиты слабо. Поэтому задача эстетизации окружающего предметного мира осуществлялась другим образом – через яркость цветового решения.

«Красочность костюма горных таджиков, – пишет И. Л. Белинская, – тяготение к ярким цветам, на первый взгляд, поражает известной резкостью, так сказать, лобовым решением цветовой задачи. Однако эту яркость и звучность цветов породили местные условия. Яркое солнце, чистый горный воздух, дальние расстояния, с которых чаще всего воспринимается весь костюм в целом, – все это исключает осторожное, излишне приглушенное сочетание цветов, затрудняет восприятие различных полутонов, диктует необходимость простых и лаконичных решений, открытого звучного цвета»². Различия в одежде касаются не только используемых тканей, но и конструктивного решения одежды, манеры ее ношения, а также декоративной вышивки.

Богатством разнообразия отличаются вышитые изделия, которые представлены в Музее этнографии: *сюзаны*, *борпуш*, *джоина-моз*, *руиджи*, тубетейки и другие изделия народных умельцев.

Музейные предметы аккумулируют идеи и представления народа о красоте и добре, которые воспринимаются через внутренний мир личности и способствуют приобщению к сложившейся системе ценностей. Так, идеал совместного коллективного действия визуализирован в крупных вышивках *сюзана* как результат коллективного творчества.

Визуализация культурного разнообразия, представленного в экспозиции, позволяет соприкоснуться с традициями, эстетическими представлениями народа и способствует самоопределению личности, ее культурной идентификации. Поэтому региональное композиционное решение экспозиции в процессе музейной коммуникации направлено на осознание принадлежности к этнической группе, формирование ценностного отношения к своему культурному наследию.

В то же время формируется положительная установка на восприятие культурных особенностей «другого», понимание и принятие этих особенностей, что является важным для Таджикистана, так как ряд исследований свидетельствует о неосведомленности жителей разных регионов друг о друге. Это приводит к настроенному и даже негативному отношению. Согласно проведенным исследованиям среди студенческой молодежи, меньше всего респонденты осведомлены о жителях Горно-Бадахшанской автономной обл. Более того, распространенным является предвзятое отношение к таджикам Памира³. Преодоление сложившихся стереотипов восприятия, формирование толерантности как механизма восприятия культурного разнообразия – одна из важнейших задач музея.

Региональные различия не являются критическими, репрезентируя принцип единства в многообразии. Динамика развития декоративных форм представлена в экспозиции музея вышивкой. Среди экспонатов яркостью красок выделяются орнаменты южных районов Таджикистана. Композиции кулябских вышивок состоят из мелких розеток, кустиков и деревьев. Розетки перемежаются со стеблями и веточками, что придает орнаменту некоторый динамизм. На эту особенность кулябского орнамента обращала внимание в своем исследовании И. Л. Белинская, отмечая, что кулябские композиции насыщены движением⁴. На другую особенность – отсутствие типичных для Северного Таджикистана больших декоративных вышивок – указывает А. К. Писарчик⁵. Вышивки, представленные в экспозиции музея, все разные. Поэтому женские праздничные платья производят чарующее впечатление вышитыми на них яркими цветочными узорами.

Со второй половины XX в. в вышивках Куляба, Дарваза, Каратегина можно проследить влияние эстетики северных регионов.

Постоянные контакты, связанные с развитием экономики и установлением прочных хозяйственных связей между регионами Таджикистана, порождают заимствования, что обогащает культуру в целом и создает необходимые предпосылки для формирования национальной идентичности.

Так, например, орнамент в виде крупных розеток и кустов, характерный для традиционных вышивок на женских праздничных платьях и *сюзанах* северных регионов Таджикистана, появляется теперь и на вышивках Каратегина, Дарваза, Куляба. «Это, – пишет О.А. Сухарева, – период ломки границ распространения стилей в прикладном искусстве, период слияния местных традиций в одну общую сокровищницу национальной художественной культуры, период создания ее общенациональных форм, творимых общими усилиями всего народа»⁶.

Таким образом, визуализация динамики развития традиционных декоративных форм конструирует уже не культурно-этническую, а национальную идентичность, демонстрируя общность в художественных приемах, элементах орнамента, а также сходство семантики. На последнее указывает И.Л. Белинская, отмечая, что в декоративно-прикладном искусстве гармских, кулябских и особенно дарвазских таджиков имеет место чрезвычайно большое количество аналогий, а иногда и полных совпадений с искусством Памира⁷. Сходство элементов орнамента, семантики обусловлено природно-климатическими факторами и хозяйственной деятельностью. Ритм жизни *дежканина* определяется ритмом сельскохозяйственных работ. Отсюда приверженность к традиционному образу жизни, причем природная ориентация сознания народа отражена в доминировании растительного орнамента. Среди мотивов самый популярный – круглые концентрические розетки. Их можно обнаружить на кулябских платьях, на *сузани*, расшитых мастерицами Согдийской обл. Розетка, составляя основу композиции, символизировала солнце. Обычно в кулябских вышивках в центре розетки размещали свастические элементы, характерные для декоративно-прикладного искусства таджиков Памира. Со временем они приобрели растительную трактовку в кулябских вышивках. Ромб (простой, лучистый, с продленными сторонами, с крючкообразными фигурами) символизировал землю, зигзаг – воду. Таким образом, в орнаментах присутствует символика, соответствующая представлениям древних земледельцев. В вышивках Северного Таджикистана зигзаг интерпретируется как «улучки Бухарь», что тоже, несомненно, указывает на особенности хозяйственной деятельности и образа жизни.

Репрезентация в музейных экспозициях общих черт в декоративно-прикладном искусстве Таджикистана способствует формированию национальной идентичности, которая сегодня в структуре идентичности таджиков имеет, к сожалению, маргинальный характер. Слабость национальной идентичности обусловлена особенностями экономического и социального развития, устойчивостью традиционных норм и практик. Музеи обладают уникальными возможностями для конструирования национальной идентичности через «опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности»⁸. В этой связи обращает на себя внимание один из кувшинов в собрании Национального музея Таджикистана, который был создан в 1999 г. мастерами г. Истравшана. Уникальность экспоната заключается в том, что глина, из которой сделан кувшин, собрана из всех регионов Таджикистана, символизируя единство нации.

¹ См.: Ладыгина О. В. Идентичность и ее актуальные формы в современном Таджикистане. Душанбе: РТСУ, 2017.

² Белинская И. Л. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль). Душанбе, 1965. С. 32.

³ См.: Ладыгина О. В. Указ. соч. С. 67–68.

⁴ Белинская И. Л. Указ. соч. С. 24.

⁵ Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года // Известия Таджикского филиала АН СССР. Сталинабад, 1949. № 15. С. 92.

⁶ Сухарева О. А. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954. С. 150–151.

⁷ Белинская И. Л. Указ. соч. С. 75.

⁸ Гнедовский М. Б. Музей и образование: Материалы для обсуждения. М.: Наука, 1990. С. 18–19. UDC 130.2; 908(575.32)

UDC 130.2; 908(575.32)

O. V. Ladygina

The Tajiks Identity Representation in the Museum Expositions

Ladygina Olga Vladimirovna, The Russian–Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan), the Department of Culturology, head of department, associate professor, D. Sc. (Philology); friedrichii@rambler.ru

With the attainment of independence in the Republic of Tajikistan, priority was given to the study of the history and culture of the Tajiks. The focus was on the revival of lost traditions, and the

preservation of those that are on the verge of extinction, and the popularization of the cultural heritage of the Tajiks.

Thus, knowledge of one's roots, the rich heritage of one's ancestors, the values of folk culture are considered as the main contributors to the formation of national identity, the process of cultural identification. In this regard, it is difficult to overestimate the role of museums, whose exhibition activities create certain conditions for the construction of various forms of identity, for the formation of a sense of patriotism.

Based on the conducted research, which allowed the author to identify the actual forms of identity in modern Tajikistan, the article attempts to compare the theoretical conclusions with the ethnographic material presented in museum expositions. The author justifies the statement that museum expositions reflect the peculiarity of the Tajik identity and establish essential prerequisites for the construction of its national form.

Key words: regional forms of identity, national identity, museum exposition, the Tajiks, embroidery, ornament.

О. В. Старостина

Музеи Горноматчинского района
Республики Таджикистан

Старостина Ольга Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии и Казахстана, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; starostinaov73@mail.ru

В настоящее время в Республике Таджикистан развиваются две основных формы музейной деятельности – государственная и частная. Государственные музеи, пользующиеся финансовой поддержкой государства, сосредоточены в нескольких крупных городах, таких как Душанбе, Худжанд, Гиссар и Куляб. Однако, они не могут обеспечить культурных запросов, которые диктует современное таджикское общество. Этнический состав населения страны достаточно разнообразный, и жители каждой долины, например, кулябцы, дарвазцы, варзобцы, матчинцы и др. локальные группы, подчеркивают свои культурные отличия, считая их важнейшими для этнической самоидентификации. Возможно, именно это обстоятельство и повлияло на создание в Республике Таджикистан целой сети местных частных и общественных, краеведческих и исторических музеев.

Одним из таких музеев является Обурдонская крепость. Сооружение имеет богатую историю, начало которой связано с Кушанской эпохой. Несмотря на присвоенный памятнику государственный статус объекта исторического наследия, территория крепости входит в частный музейный комплекс. В связи с полным отсутствием государственного финансирования Обурдонская крепость и музей существуют исключительно за счет поддержки местных жителей и владельца музейного комплекса – Нурулло Окилзода, который, являясь высокопоставленным чиновником и обеспеченным человеком, использует личное влияние и собственные финансовые ресурсы.

Существование подобных музеев связано с культурными запросами общества, желанием сохранить исторические и этнографические памятники, характеризующие культурные особенности жителей Матчинской долины.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Горная Мас-
чо, частный музей, образовательная и экскурсионная дея-
тельность.

В настоящее время музейная деятельность в Республике Таджикистан имеет две основных формы – государственную и частную. Музеи, являющиеся государственными учреждениями и пользующиеся финансовой поддержкой государства, сосредоточены в нескольких крупных городах, таких как Душанбе, Худжанд, Гиссар и Куляб. Однако, они не могут обеспечить культурных запросов, которые диктует современное таджикское общество. Этнический состав населения страны достаточно разнообразный, в каждой горной долине на протяжении веков складывался свой особенный тип культуры, который значительно отличался от соседних, особенно в своем материальном аспекте. Жители определенной долины, например, кулябцы, дарвазцы, варзобцы, матчинцы и др. подчеркивают эти отличия, считая их важнейшими для своей этнической самоидентификации. Возможно, именно это обстоятельство и повлияло на создание в Республике Таджикистан целой сети местных частных и общественных, краеведческих и исторических музеев.

На их базе Министерство культуры и Комитет по развитию туризма Республики Таджикистан планируют развитие туристических маршрутов. В рамках этого направления проходят научные конференции, например, «Этнотуризм в Республике Таджикистан: состояние и перспективы развития» (2019 г.) и проводятся экспедиционные изыскания в соответствии с государственными программами.

История создания и деятельность таких музеев впервые была изучена автором во время экспедиционной поездки в Горноматчинский р-н Согдийской обл. Республики Таджикистан, состоявшейся в 2018 г.

Самым крупным музеем района является крепость, расположенная в кишлаке Обурдон, которая возвышается на скале над стремительным потоком р. Зеравшан, протекающей в узком ущелье, и занимает площадь около одного гектара. Благодаря своему положению, крепость закрывает единственный проход в долину. Таким образом, контроль над крепостью обеспечивал безопасность местного населения, а также позволял регулировать торговые связи с жителями среднего и нижнего течения Зеравшана и соседних долин. Во время археологических исследований, проводившихся в 2010-х гг. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством П.Б. Лурье, на территории памятника были обнаружены немногочисленные фрагменты архитектурных сооружений и предметов быта, относящиеся к Кушанской эпохе (I–III вв.н.э.). История крепостных сооружений насчитывает около шести столетий и относится

к эпохе Средневековья. Этому объекту присвоен статус исторического памятника, охраняемого государством.

История Обурдонской крепости связана с многочисленными междоусобными конфликтами матчинцев с жителями соседних районов и центральной властью. Так, в 1860–1870 гг. крепость являлась важным опорным пунктом матчинского бека Падшах-ходжи, который непрерывно вел военные действия против отрядов эмира Бухары, стремясь получить права на соседние территории, а также расширить свою политическую самостоятельность. Этой линии придерживались и преемники Падшах-ходжи, благодаря чему среди соседей матчинцы считались суровым и воинственным народом. В последнее десятилетие XIX в. крепость была разрушена по приказу Сеид Абдулахад-хана, правителя Бухарского эмирата¹. В 1920-х гг. развалины Обурдонской крепости стали одним из центров сопротивления басмачей на территории Таджикской республики.

Несмотря на богатую историю и статус объекта исторического наследия, в конце 1990-х гг. территория крепости вошла в состав частного музейного комплекса, принадлежащего частному лицу – Нурулло Окилзода, бывшему руководителю Матчинского р-на, в настоящий момент являющемуся заместителем руководителя Комитета по образованию, культуре и делам молодежи при президенте Республики Таджикистан, коренному жителю Матчинского р-на. Согласно закону Республики Таджикистан о реституции земельной собственности, граждане страны получили право возврата земельных наделов, принадлежавших их семьям до 1921 г. при предоставлении документов, его подтверждающих. Сама крепость в надел семьи Окилзода не входила, так как принадлежала матчинскому беку, однако вся примыкающая к ней территория была возвращена законному владельцу, которому удалость также «взять на баланс» и сам исторический памятник, построив рядом с ним небольшой культурно-туристический комплекс.

Комплекс состоит из крепости, небольшого музея, созданного самим владельцем в 2004 г., в котором собраны археологические находки и некоторые предметы традиционной материальной культуры матчинцев конца XIX – первой трети XX в., а также гостиницы – *мехмонхона* – на 20 комнат, являющейся частью жилого дома и примыкающего к ним сада. Музей был создан под эгидой Министерства культуры Республики Таджикистан, однако никакой финансовой, методической и научной помощи не получает. Он представляет собой большое помещение с несколькими столами, на которых размещены экспонаты частной коллекции Окилзода. Предметы не задокументированы и не снабжены этикетками. В целом, собрание носит хаотичный характер и представляет собой «комнату

древностей», в которой можно обнаружить сосуды, монеты, архитектурные фрагменты, относящиеся к первой половине I тысячелетия н.э., а также этнографические артефакты XIX – первой трети XX в. (металлическая и глиняная утварь, сельскохозяйственный и ремесленный инвентарь, предметы одежды и убранства интерьера).

Для поддержания сохранности крепостных сооружений Нурулло Окилзода использует традиционный социальный институт общественной взаимопомощи (*кõи*). Мужчины – жители кишлака Обурдон и близлежащих поселков – два-три раза в год собираются для коллективной безвозмездной работы по расчистке от каменной осыпи стен, а также реконструкции и реставрации некоторых участков крепостных сооружений. «Реставрация» крепости происходит согласно личным представлениям владельца об особенностях крепостного строительства и традиционном быте матчинских беков. Так, например, были «воссозданы» площадки для часовых военного гарнизона и построен амфитеатр на котором «происходили традиционные праздничные состязания матчинцев». Для повседневной работы, связанной с функционированием музейного комплекса, хозяин нанимает постоянных сотрудников из числа своих односельчан. В музейном комплексе проводятся экскурсии, преимущественно для школьников, которые в рамках программы по истории под руководством своих преподавателей проводят интерактивные занятия в музее и крепости. Редких гостей и туристов в летнее время принимает сам Окилзода и проводит любительские исторические экскурсии по экспозиции музея и крепости. Кроме того, приезжающим предлагается отдых в гостинице, развлекательные поездки к горным ледникам и на охоту. Для жителей Матчинской долины комплекс «Обурдонская крепость» является значимым культурно-историческим объектом, предметом гордости и воспринимается как настоящий, народный музей.

В связи с полным отсутствием какой-либо государственной поддержки «Обурдонская крепость» и музей существуют исключительно за счет поддержки местных жителей и владельца музейного комплекса – Нурулло Окилзода, который, являясь высокопоставленным чиновником и обеспеченным человеком, использует личное влияние и собственные финансовые ресурсы. Однако произвольная перестройка крепости наносит, на взгляд автора статьи, ущерб историческому памятнику, а отсутствие какой-либо основанной на научных принципах музейной работы, касающейся краеведения, истории, археологии и этнографии таджиков-матчинцев, снижает качество просветительно-образовательной деятельности среди местного населения.

Иным вариантом частного является Музей кишлака Лангар, принадлежащий местному поэту, краеведу и учителю Файзуллохи Холмухамаду. Коллекцию музея начал собирать еще его отец, являвшийся членом Коммунистической партии, ветераном Великой Отечественной войны и сотрудником администрации Матчинского р-на. Часть достаточно структурированной экспозиции музея посвящена его личности и истории семьи владельца, другая – отражает материальную культуру жителей верховьев Зеравшана. В музее собраны разнообразные предметы быта: керамическая и медная утварь, традиционные вышивки, а также кузнецовский фарфор, самовары и пр. Дом, в котором находится музей, был построен в 1939 г. и является центром большой усадьбы с гостевым домом и отдельно стоящей *мехмонхона* (рестораном). Просветительная деятельность данного музея также направлена преимущественно на односельчан, прежде всего школьников.

Еще одним вариантом с точки зрения правового статуса музея, встречающегося в верховьях р. Зеравшан, является школьный музей. Изучение традиционной культуры и ремесел является важной частью школьного образования у таджиков-матчинцев. При каждом учебном заведении существует небольшой музей и центр ремесленного творчества, в котором занимаются дети. В музее выставляются лучшие работы школьников (столярные изделия, лоскутные предметы, вышивки, бисерные украшения и пр.), а также предметы, изготовленные их родителями, бабушками и дедушками. Нередко в школьных коллекциях можно увидеть экспонаты, являющиеся шедеврами декоративно-прикладного искусства таджиков, датирующимися первой половиной XX в. Следует отметить, что коллекции в школьных музеях классифицированы по тематическому принципу, а предметы снабжены краткими аннотациями.

Таким образом, в Горноматчинском р-не для обеспечения жизнедеятельности небольших территориальных музеев используются два основных источника – благотворительная помощь в виде предоставления материальных средств и традиционный социальный институт взаимопомощи, который по сей день используется в традиционной культуре для решения разнообразных задач, таких как расчистка дорог, рытье каналов, организация семейных и религиозных праздников. Развитие подобных музеев связано также с культурными запросами общества, желанием сохранить свои исторические и этнографические памятники, отражающие особенности жителей Матчинской долины. Это явление характерно не только для Горноматчинского р-на Республики Таджикистан, оно отражает общее положение местных краевых и районных музеев в стране.

---

¹ Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в отделе рукописей Российской национальной библиотеки//Восточный сборник. Вып. 6. 2003. С. 4–5.

UDC 39

O. V. Starostina

Museums of the Gornomatchinsky District
of the Republic of Tajikistan

Starostina Ol'ga Viktorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan, leading researcher, Ph. D.(History); starostinaov73@mail.ru

Currently, two main directions are developing in the museum activity of the Republic of Tajikistan – state and private. State museums that enjoy financial support from the state are concentrated in several large cities, such as Dushanbe, Khujand, Hissar and Kulyab. However, they cannot meet the cultural the modern Tajik society's demands. The ethnic composition of the country's population is quite diverse, and the inhabitants of each valley, for example, Kulyab, Darvaz, Varzob, Matchin, etc. use to emphasize their cultural differences and consider them important for ethnic self-identification. Perhaps this circumstance influenced to create a network of private public local historical museums in the Republic of Tajikistan.

One of them is the Auburdon fortress the beginning of which is associated with the Kushan era. Despite the state status of an object of historical heritage, fortress's territory is included in a private museum complex. Due to the complete absence of any state assistance and control, both the Auburdon fortress itself and the museum exist solely due to the efforts of local residents and the owner – Nurullo Okilzoda, who, being a high-ranking official and a well-off person, uses personal influence and his own financial resources.

The development of a network of private public local historical museums is also connected with the cultural needs of society, the desire to preserve their historical and ethnographic heritage reflecting the cultural characteristics of the inhabitants of that valley.

Key words: The Republic of Tajikistan, Mountain Mascho, private museum, educational and excursion activities.

Е. А. Берман

**Этнографические музеи и экспозиции
Израиля в формировании еврейского
культурного наследия и конструировании нацио-
нальной идентичности**

Берман Елена Александровна, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск), кафедра ювелирного дизайна и технологий, доцент, кандидат технических наук (техническая эстетика и дизайн); lena.berman.amanut@gmail.com

История музеев Израиля насчитывает немногим более 100 лет. В начале XX в., еще до образования современного Государства Израиль, в Палестине, входившей в то время в состав Османской империи, стали появляться первые музеи. Они создавались благодаря энтузиазму частных коллекционеров и меценатов. После образования в 1948 г. еврейского государства количество музеев значительно увеличилось. К началу XXI в. в Израиле насчитывалось более 200 государственных и частных музеев и около 100 национальных парков различного профиля, рассказывающих об археологии ближневосточного региона, об истории евреев диаспоры и становлении современного Государства Израиль, о еврейской этнографии, литературе, достижениях науки и техники Израиля.

Среди израильских музеев существуют как отдельные этнографические музеи, так и этнографические музейные экспозиции в составе многопрофильных музеев. Первый музей на территории Палестины был создан в 1906 г. Борисом Шацем, основателем школы искусств и ремесел «Бецадель», художником и скульптором. Большая часть экспонатов музея состояла из его личной этнографической коллекции, собранной в разные годы. Впоследствии коллекция Б. Шаца стала основой этнографического собрания Музея Израиля в Иерусалиме. В дальнейшем музейные собрания Израиля пополнялись за счет даров из частных этнографических коллекций и в настоящее время располагают обширными материалами, демонстрирующими многообразие еврейского культурного наследия и способствующими сохранению и реконструкции общей еврейской этнокультурной идентичности, объединяющей выходцев из разных общин диаспоры.

Ключевые слова: иудаика, этнография, музеи Израиля, этнографические музеи, этнографические коллекции, еврейская диаспора, этнокультурная идентичность.

Первая алия – возвращение евреев на историческую Родину – началась в 1882 г. Современного Государства Израиль еще не существовало, и евреи из черты постоянной еврейской оседлости переселялись в Палестину, входившую тогда в состав Османской империи. В 1948 г. после образования государства возвращение в Израиль стало массовым, и из диаспоры в него вернулись евреи более чем из 140 стран мира¹.

В начале XX в. в Палестине появились первые музеи. В 1906 г. при школе искусств и ремесел «Бецалель» художником и ее основателем Борисом Шацем был организован этнографический музей. В 1926 г. началось создание Музея искусства в Тель-Авиве, в 1938 г. – Археологического музея им. Джона Д. Рокфеллера (младшего) в Иерусалиме. Первый сельский музей в Эй-н-Хароде также был открыт в 1938 г. Эти и некоторые другие музеи были частными – существовали на средства благотворителей и благодаря энтузиазму организаторов.

Большая же часть музеев, действующих на территории Израиля, открылась после создания современного еврейского государства, однако значительная доля экспонатов по-прежнему поступала из частных коллекций меценатов и дарителей. В настоящее время в Государстве Израиль более 200 комплексных и профильных музеев различной направленности и 86 национальных парков, существенная часть которых создана вокруг историко-археологических памятников разных временных периодов. При этом население государства составляет всего около 9 млн человек.

Среди израильских музеев есть как государственные, так и созданные общественными организациями и частными лицами. Музеи существуют во всех городах Израиля без исключения, часть их находится в небольших населенных пунктах, в том числе в кибуцах, однако большинство крупных музеев сосредоточено в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе. Как правило, экспозиции всех музеев страны посвящены разным историческим периодам и социокультурным аспектам ближневосточного региона и еврейского государства, а особенностью многих израильских музеев является наличие в одном и том же музее экспозиций различного профиля.

Характерным для израильских музеев является также обилие археологических и исторических материалов, отражающих важные периоды в истории народа Израиля с древнейшей библейско-ханаанской эпохи до середины XX в. Существуют художественные, военно-исторические музеи, музеи природы, науки и техники,

музеи литературы и др. Есть ряд монографических музеев, посвященных известным историческим и политическим деятелям, видным деятелям культуры и искусства.

Поскольку еврейские общины, вернувшиеся в Израиль, были очень разнородны, они привезли с собой из диаспоры разнообразный культурный багаж стран исхода. Именно поэтому этнографические коллекции израильских музеев являются прекрасной иллюстрацией истории культуры евреев диаспоры и важнейшим источником для исследователей².

Самой крупной и полной этнографической коллекцией располагает Музей Израиля в Иерусалиме³, а среди музеев, основным тематическим направлением экспозиций которых являются еврейская этнография и история иудаизма, в Иерусалиме можно выделить такие музеи, как музей еврейского наследия «Гейхал Шломо» (Музей еврейского искусства им. Вольфсона)⁴, основанный в 1958 г.; Дом АРИ⁵ (дом каббалиста рабби Ицхака бен Шломо Ашкенази Лурии), основанный в 1976 г. и демонстрирующий быт еврейской общины Палестины, а также материалы, посвященные известным средневековым каббалистам Ицхаку бен Шломо Ашкенази Лурии и Хаиму бен Атара; Музей еврейской музыки⁶, Музей искусства евреев Италии⁷, Музей библейских стран⁸.

В музее вавилонского еврейства в Телль-Авиве представлен быт евреев Вавилона и Ирака, в Музее наследия евреев Венгрии в Цфате – история репатриантов из Ирака⁹. Этнографические коллекции находятся также в Музее Земли Израильской (Тель-Авив)¹⁰, в музее Мане Каца (Хайфа)¹¹, в Музее еврейского и иудейского искусства и иудаики Бар-Давид (Галилея, кибуц Барам)¹² и др.

Этнографическая коллекция Музея Израиля в Иерусалиме («Отделение еврейского искусства и культуры Джека, Джозефа и Мортон Менделей») является не только самой крупной, но и самой информативной по принципу экспонирования. Материалы экспозиции рассказывают об истории израильских общин всего мира от Средневековья до наших дней и путем сравнения демонстрируют материальные предметы, которыми пользовались члены еврейских общин из многих регионов, включая Северную Африку, Среднюю Азию, Европу и Израиль. Художественные стили, в которых они были созданы, а также различные материалы и способы использования предметов демонстрируют сходство и различия между традициями и обычаями еврейских общин в контексте их исторического прошлого, социальные и культурные связи¹³. Экспонаты собрания музея отражают пять ключевых тем: жизненный путь – рождение, брак и смерть; священные книги; синагоги; еврей-

ский год и цикл праздников; одежда и украшения. В музее также хранится подборка церемониальных предметов из разных общин, которые использовались в жизни человека от рождения до смерти. В свою очередь, иллюстрированные и редкие рукописи на иврите эпохи Средневековья и Возрождения показывают их художественное достоинство и важность книг в истории еврейского искусства. Наряду с украшениями для свитков Торы и ковчегов из еврейских общин всего мира в музее экспонируются макеты четырех синагог из Европы, Азии и Америки, имеющие разную архитектуру и декор. В залах «Еврейский год и цикл праздников» показаны предметы, многие из которых являются произведениями прикладного искусства, используемыми для освящения Шаббата и еврейских праздников, включая праздники и памятные дни, установленные в календаре Государства Израиль. В залах «Одежда и украшения» представлены костюмы и украшения евреев разных общин Востока и Запада, дающие представление о разнообразии еврейского культурного наследия и идентичности

Поскольку на территории Государства Израиль проживают не только евреи, но и арабы, бедуины, друзы и другие народы и народности, большой исследовательский интерес представляют такие этнографические музеи, как музей бедуинской культуры «Албадия» (пригород Бер Шева), этнографический центр Акко и Галилеи «Сокровища стены» (Акко)¹⁴, а также музей ближневосточных музыкальных инструментов «Музыкальная шкатулка Зами» (Метула) и музей бедуинской культуры «Центр им. Джо Алона» (Лавхав)¹⁵. К примеру, музей бедуинской культуры «Албадия» – это крупный этнографический музей, посвященный культуре кочевых народов Ближнего Востока. Музей был основан в 1985 г. Он расположен в 20 км от г. Беер-Шева и ставит своей задачей сохранение культурного наследия бедуинов, чьи традиции постепенно разрушаются в условиях современных цивилизационных процессов. В музее представлены традиционное оружие и предметы быта кочевников, одежда и культовые предметы.

Таким образом, из 200 израильских музеев более 10 являются этнографическими и столько же имеют в своих постоянных экспозициях этнографические материалы. Данные этнографические музеи и экспозиции освещают различные стороны религиозной жизни и быта евреев из разных стран рассеивания и представляют огромный интерес для исследователей еврейского культурного наследия и конструирования национальной идентичности современного Государства Израиль.

¹ The Jewish Wardrobe. From the Collection of the Israel Museum, Jerusalem/Ed E. Juhasz. Jerusalem: The Israel Museum, 2012. 368 p.

² Шелковые нити: история бухарской еврейской общины/Пер. и ред. Л. Магин. Тель-Авив, 2013. 240 с.

³ The Israel Museum, Jerusalem [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imj.org.il>

⁴ Heichal Shlomo – Jewish Heritage Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hechalshlomo.org.il>

⁵ Old Yishuv Court Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oys.co.il>

⁶ Hebrew Music Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://hebrewmusicmuseum.com>

⁷ Nahon Museum of Italian Jewish Art [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moija.org>

⁸ Bible Lands Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blmj.org>

⁹ Museum of Hungarian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hjm.org.il>

¹⁰ Eretz Israel Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.erezmuseum.org.il>

¹¹ Mané-Katz Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkm.org.il>

¹² Bar-David Museum of Jewish Art and Judaica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bardavid-museum.org.il>

¹³ Treasures of Jewish Art. The Jakob, Erna, and Charles Michael Legacy in the Israel Museum / ed. G. Perugia. Jerusalem: The Israel Museum, 2015. 102 p.

¹⁴ Treasures in the Walls Museum [Электронный ресурс]. URL: <http://ozarot.net>

¹⁵ Joe Alon Center [Электронный ресурс]. URL: <https://joelalon.org.il>

UDC 391; 394

E. A. Berman

Ethnographic Museums and Expositions of Israel in the Formation of the Cultural Heritage of the Jews and the Construction of National Identity

Berman Elena Aleksandrovna, The Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk), the Department of Jewelry Design and Technology, associate professor, Ph. D. (Technical Aesthetics and Design); lena.berman.amanut@gmail.com

The history of museums in Israel is a little over 100 years old. At the beginning of the 20th century, even before the formation of the modern State of Israel, the first museums began to appear in Palestine, which was part of the Ottoman Empire at that time.

They were created thanks to the enthusiasm of private collectors and patrons of the arts. After the formation of the Jewish state in 1948, the number of museums increased significantly. By the beginning of the XXI century. In Israel, there were more than 200 public and private museums and about 100 national parks of various profiles, telling about the archeology of this Middle East region, about the history of Diaspora Jews and the formation of the modern State of Israel, about Jewish ethnography, literature, nature, and the achievements of science and technology in Israel.

Among Israeli museums, there are both separate ethnographic museums and ethnographic museum expositions that are part of multidisciplinary museums. It is worth noting that the first museum in Palestine was the ethnographic museum, created in 1906 by the founder of the Bezalel school of arts and crafts, artist and sculptor Boris Shatz. Most of the museum's exhibits consisted of the personal ethnographic collection of Judaica, collected by the artist in different years. Subsequently, the collection of B. Shatz became the basis of the ethnographic collection of the Israel Museum in Jerusalem.

Later, the museums of Israel were replenished with gifts from other private ethnographic collections and now they have become the basis of the Jewish cultural heritage, contributing to the preservation and reconstruction of a common Jewish ethnocultural identity, uniting people from various diaspora communities.

Key words: Judaica, ethnography, the museums of Israel, ethnographic museums, ethnographic collections, the Jewish diaspora, ethnocultural identity.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ
И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОС-
ТИ МУЗЕЕВ

УДК 069.14

Т. А. Зимина

Проект «Музейный десант»: коллекция
и просветительная деятельность
контактного этнографического музея

Зимина Татьяна Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, ведущий научный сотрудник; Ziminat@mail.ru

В докладе рассматривается музейная деятельность молодежного этнопроекта «Музейный десант», который функционирует на базе Ленинградской областной общественной организации социальных программ (ЛООСП) «Центр женских инициатив» г. Тосно Ленинградской обл. В частности, уделяется внимание коллекции этнографических предметов, собранных за последние 5–6 лет, и передвижной контактной выставке, демонстрирующей в действии ряд предметов традиционной утвари и инструментария. Выставка за 2020–2021 гг. побывала почти во всех районных центрах Ленинградской обл., экспонировалась в помещениях школ и домов культуры, на открытых площадках пришкольных территорий, ярмарок, праздничных мероприятий.

Ключевые слова: музей, контактный музей, коллекция этнографических предметов, передвижная выставка, молодежь.

Молодежный этнопроект «Музейный десант»¹ был разработан в г. Тосно Ленинградской обл. В 2019 г. он был представлен на Первый конкурс грантов Президента Российской Федерации, направленных на развитие гражданского общества (проекты в об-

ласти культуры и искусства); реализация проекта пришлась на 2020–2021 гг. По словам авторов проекта², он направлен на популяризацию культурно-исторических ценностей и приближение их к целевой аудитории, в первую очередь, к детско-юношеской.

Важными составляющими этого проекта – они и рассматриваются в данной работе – стали коллекция предметов традиционной культуры русского народа и передвижная этнографическая выставка, включающая демонстрацию экспонатов коллекции в действии; эта часть проекта получила еще одно название – «контактный этнографический музей». Основная часть сотрудников передвижной выставки, то есть непосредственно «музейный десант» – это дети и подростки 10–17 лет, совмещающие исследовательскую работу с функциями экскурсовода и реконструктора.

Коллекция этнографических предметов создавалась на базе общественной организации социальных программ «Центр женских инициатив» (г. Тосно) в рамках этнолюбительского объединения «Бабий куть» (2016). Участники объединения занимаются изготовлением текстильных изделий с помощью традиционного крестьянского оборудования: ткацкого стана, приспособлений для плетения и тканья поясов. Они проводят мастер-классы по заправке ткацкого станка и изготовлению текстиля, а также обучению навыкам пользования некоторыми предметами старинной утвари и орудий. Комплектование собрания значительно активизировалось в связи с финансированием по гранту Президента РФ. Авторы проекта изначально исходили из того, что создать в наше время музей, в полном объеме отражающий предметный мир традиционной культуры русского народа, – невозможно, а потому коллекция неизбежно будет фрагментарной. Однако, основная задача, которую ставили ее учредители в процессе подбора экспонатов, заключалась в том, что приобретаемые предметы традиционного быта должны «работать» в рамках передвижного контактного этнографического музея, то есть это должны быть экспонаты, которые не только можно «потрогать руками», но и увидеть, как они действуют, «живут».

К основным принципам отбора экспонатов относятся следующие:

- принадлежность к русской традиционной культуре, с ориентацией на Тосненский р-н Ленинградской обл., а в целом на весь Северо-Западный регион России;
- принадлежность к старине или соотнесенность со стариной по ряду признаков, в том числе качественные реплики;
- хорошая сохранность, возможность воспроизводства функционального потенциала предмета (приведение в действие, относительная простота пользования, безопасность);
- мобильность (перевозка с места на место, малогабаритность).

Предметы музейного назначения приобретали у местных жителей (среди которых, надо отметить, много приезжих), антикваров, частных коллекционеров и музеев. В коллекции можно увидеть текстиль, утварь, орудия труда и инструментарий, продукты крестьянского производства; вещи старинные (конец XIX – первая половина XX в.) и современные, а также реплики. Несмотря на то, что большинство предметов приобреталось с целью последующего их «участия» в «Музейном десанте», среди них оказалось и много случайных для данного музейного проекта экспонатов: названия, функции, способы их использования оказывались не всегда известны участникам проекта. Некоторые из предметов после проведения научно-исследовательской экспертизы можно было бы атрибутировать, но цель проекта состояла именно в использовании экспонатов в выставочном пространстве «контактного музея». В целом, характеризуя коллекцию, следует отметить, что она представляет интерес с этнографической точки зрения, так как, с одной стороны, включает типичные для населения этой части Ленинградской обл. этнографические экспонаты; с другой – в ней встречаются весьма редкие и даже уникальные предметы русской (и не только) традиционной культуры и быта, хотя отсутствие легенды (что обычно свойственно предметам из антикварных магазинов), несомненно, снижает их ценность.

Количество приобретенных экспонатов на сегодняшний день весьма значительно. Все они размещены в помещении «Центра женских инициатив» в г. Тосно, экспозиция которого организована по типу открытого хранения. Однако, проблема музейного стационара для только что собранной коллекции и сохранности экспонатов весьма актуальна, поскольку то место, в котором находится она сегодня, не соответствует требуемым условиям безопасности.

Обратимся к описанию передвижной этнографической выставки. Она включает 10 тематических разделов – «станций», – каждый из которых имеет свой набор функционально взаимосвязанных предметов традиционного быта: главным образом утварь и инструментарий, а также сопроводительный и дополнительный инвентарь. Предполагалось, что «хозяин станции» – ответственный за ее работу – должен в полной мере владеть конкретной темой и технологией работы с экспонатом, чтобы наглядно показать посетителям функциональные возможности предметов и объяснить их использование в крестьянском хозяйстве. Демонстрацию следовало дополнить рассказом об экспонатах (название, материал, из которого изготовлен, функции и особенности использования, обрядовое употребление и т.д.), сопровождая фольклорным материалом в виде загадок, пословиц, песен. Затем зрителям предла-

галось испробовать свои силы в освоении бытовых работ и действий. При этом задача куратора – помочь посетителю справиться с поставленной задачей.

Обучение же куратора навыкам работы с выбранным предметом осуществляли руководители и преподаватели «Центра женских инициатив» и организации «Бабий куть». Занятия с детьми и подростками проводили также представители старшего поколения жителей г. Тосно и близлежащих поселений, то есть непосредственные носители народных традиций. Кроме освоения знаний, полученных от старших, куратор должен был подготовить материал для проведения экскурсии, основой которой служила специально разработанная методическая рекомендация, дополнительные сведения по теме собирались самостоятельно. Во время выступлений на станциях «Музейного десанта» все кураторы для создания атмосферы русской деревни были одеты в этнические костюмы, сшитые по основным канонам традиционной одежды русского населения Северо-Запада: девушки – в рубаху, сарафан (с имитацией набивной или пестрядиной ткани), пояс, платок или ленту на голове; юноши – в рубаху-косоворотку, брюки или штаны, заправленные в сапоги, пояс.

«Станции» передвижной выставки знакомили посетителей с десятью темами, связанными с крестьянскими работами и занятиями:

1. «Мельница» – приготовление пищи: подготовка основных продуктов для мучных блюд; обработка зерна (экспонаты: жернова, ступа с пестом, ступка с пестиком для измельчения специй);
2. «Масло» – приготовление сливочного масла (экспонаты: толкачная и вращательная маслобойки, глиняный горшок с мутовкой);
3. «Засолка» – рубка капусты, моркови, яблок (экспонаты: корыто и 2–3 разновидности сечки (по форме металлической части); сопутствующий материал: свежая капуста);
4. «Печь» – приготовление пищи: печь и печная утварь (экспонаты: глиняный горшок, чугунок, ухват, кочерга; сопроводительный инвентарь: макет русской печи из папье-маше);
5. «Коромысло» – ношение и пользование двух ведер с водой (экспонаты: коромысла двух видов, вёдра; дополнительный инвентарь: камни и мешки с песком для утяжеления ведер);
6. «Стирка и глажение» – стирка, глажение и хранение тканей и других текстильных предметов (экспонаты: валёк, стиральная доска, корыто; рубель и каток, утюг на углях; сундук и короб; сопутствующий материал: полотенце, скатерть, рубаха);

7. «Весы и гири» – меры веса, способы взвешивания (экспонаты: безмен, весы разных конфигураций, гири; сопутствующий материал: набитые мешки разного размера и веса);
8. «Прядильная» – подготовка к изготовлению тканей: чесание, прядение (экспонаты: прялка и веретено; чёски; сопутствующий материал: льняное и шерстяное волокна, нити);
9. «Ткацкая» – изготовление тканей, поясов и текстильных изделий (экспонаты: ткацкий стан, челнок, иглицы, образцы домотканины; сопутствующий/основной инвентарь: настольный ткацкий стан);
10. «Народные игры и забавы» – детство: младенчество, школа, игра: народные игры и изготовление кукол (экспонаты: тряпичные куклы из лоскутов; сопутствующий и дополнительный материал: лоскуты, иголка, нитки, ножницы, бумага для шитья куклы и одежды для нее).

Несмотря на то, что передвижная выставка «Музейный десант» изначально была ориентирована на посетителей дошкольного и школьного (младшего и среднего) возраста, ее посещали и взрослые. Общение с некоторыми представителями этой возрастной группы стало для кураторов своеобразным продолжением научно-исследовательской работы, поскольку эти посетители, как правило, возрастные, делились с юными музейщиками своими воспоминаниями и опытом.

Рассматривая проект «Музейный десант» с точки зрения музейного дела, следует отметить особый подход к комплектованию памятников традиционной культуры и быта и их популяризации. Во-первых, «контактная этнографическая выставка» позволяет посетителям не только визуально, но и тактильно, и через техническую эксплуатацию этнографического экспоната познакомиться с укладом жизни в недавнем прошлом. Во-вторых, предметы, активно бытовавшие не так давно и являвшиеся неременной частью быта наших предков, а ныне заброшенные и погибающие, начинают новую жизнь в руках юных экскурсоводов, которых с полным основанием можно назвать реконструкторами. Легкость, которую они демонстрируют, в воспроизводстве навыков владения разными предметами крестьянского быта, разными техниками, подкупает современного человека и заставляет несколько иначе взглянуть на историю родного края, его предметный мир, в частности, и на этнографические коллекции музеев в целом. И, в-третьих, что отметили авторы проекта в разделе «дальнейшее развитие проекта», возможность передвижения музейной коллекции, функционирования ее в помещении и на улице, интерес к ней детей и взрослых в дальнейшем будет способствовать созданию «школьных музеев

историко-этнографической направленности, как очагов формирования эмоционально-личностного отношения школьников к ценностям культурного наследия»³.

¹ Музейный десант – Центр женских инициатив. [Электронный ресурс]. URL: <https://wic-tosno.ru/proekti/muzejnij-desant/> (Дата обращения 15.10.2021); Презентация, доклад Молодежный этно-проект г. Тосно. Реализуется ЛОООСП «Центр женских инициатив» [Электронный ресурс]. URL: <https://myslide.ru/presentation/molodezhnyj-etnoproekt-gtosnoxArealizuetsya-loosp-centr-zhenskix-iniciativxAza>; (Дата обращения 15.10.2021).

² Руководитель проекта Княжева Ирина Михайловна, председатель ЛОООСП «Центр женских инициатив»; Зимина Татьяна Александровна, автор статьи, являлась экспертом по традиционным историко-культурным ценностям.

³ Заявка № 19–1–017623 на участие в Первом конкурсе 2019 года на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.

UDC 069.14

T. A. Zimina

The “Museum Landing” – Participatory
Ethnography Museum: Collection
and Educative Efforts

Zimina Tatyana Alexandrovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, leading research fellow; Ziminat@mail.ru

The article regards museum activities of the youth ethno-project “Museum Landing”, functioning on the base of The Leningrad Regional Non-governmental Organization of Social Programs “Centre of Women’s Initiatives” (Tosno, Leningrad Oblast). The author highlights the ethnographic collection gathered in the late 5–6 years and the traveling participatory exhibition. The exhibition presents the usage of a set of traditional implements and utensils. In the period 2020–2021 the display traveled around almost all regional centers of the Leningrad Oblast. The exhibition was usually arranged in schools, on the open spaces areas near schools, community centers, fairs, and festival events.

Key words: museum, participatory museum, ethnographic collection, travel exhibition, youth.

Н. М. Мельникова, И. В. Мельников

Традиционная культура русских Заонежья
в архитектурно-этнографической экспозиции
музея-заповедника «Кижь» в -2010–1990е годы

Мельникова Наталья Михайловна, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь» (Петрозаводск), ведущий специалист по просветительской работе; melnikova@kizhi.karelia.ru

Мельников Игорь Валерьевич, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь» (Петрозаводск), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; melnikov@kizhi.karelia.ru

Доклад посвящен опыту работы Государственного музея-заповедника «Кижь» в области создания экспозиции по традиционной культуре этнолокальной группы русских Заонежья в 1990–2010-е гг. Затрагиваются вопросы: формирования традиционных интерьеров жилых (дом Березкиной, интерьер залы в доме Ошевнева) и культовых построек (церковь Покрова Пресвятой Богородицы, часовня Архангела Михаила), создания интерактивных форм представления хозяйственных занятий (земледелия, ремесел), нематериальных компонентов наследия (декоративного искусства, фольклора, колокольных звонов). Особо акцентируется работа музея, связанная с освоением темы традиционного судостроения и судоходства: создание специальной экспозиции, работа судостроительной мастерской, проведение фестиваля «Кижская регата». Рассказывается о выставочной репрезентации традиционной культуры заонежан: выставках по этническому фольклору, традициям чаепития, декоративно-прикладному искусству.

Ключевые слова: музейная экспозиция, этнография, этнолокальная группа русских Заонежья, музей-заповедник «Кижь».

Значение музеев определяется их собранием, но известность им приносят постоянные экспозиции. Архитектурно-этнографическая экспозиция музея «Кижь» давно получила признание посетителей, причем как профессионалов – музейных сотрудников, историков, архитекторов, этнографов, так и любителей народной культуры.

Тема русских Заонежья является ключевой для музея-заповедника «Кижь», расположенного в этом удивительном карельском уголке на севере Онежского озера. Данная этнолокальная группа являлась предметом особого внимания со стороны исследователей народной культуры – этнографов, фольклористов, специалистов по народному зодчеству¹. Заонежский сектор музея вместе с Кижским архитектурным ансамблем является главной экспозицией, с которой прежде всего знакомятся посетители. Представление компонентов традиционной культуры русских Заонежья всегда являлось приоритетным в экспозиционной работе музея «Кижь».

Отрезок времени, 1990–2010-е гг., является исключительно важным периодом в истории музея. В начале 1990-х гг. резко возрос статус музея. В декабре 1990 г. ансамбль Кижского погоста в числе первых пяти памятников на территории СССР был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в 1993 г. музей «Кижь» – в свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В то же время вот уже более 10 лет как был закрыт на реставрацию главный памятник музея – церковь Преображения Господня (из 55 лет истории музея «Кижь», 40 лет храм был закрыт для посетителей). Разработка концепции и проекта реставрации, подготовка и проведение реставрационных работ – все эти сложные и масштабные мероприятия осуществлялись в период с конца 1990-х до конца 2010-х гг. Вместе с тем, все эти годы музей был активно посещаем, что явилось следствием систематической работы по развитию архитектурно-этнографической экспозиции и прежде всего экспозиционного сектора музея – «Русские Заонежья». Все эти годы в существующие комплексы крестьянских усадеб и интерьерные экспозиции вносились тематические изменения и дополнения, музейная экспозиция насыщалась новыми формами показа крестьянских трудовых и бытовых процессов, картинами обрядовой и обыденной жизни заонежан².

В 1990–2010-е гг. в музее был реализован ряд важных научно-экспозиционных проектов. В первую очередь, получила дальнейшее развитие работа по представлению нематериальных компонентов историко-культурного наследия. С начала 1990-х гг. фольклорный коллектив музея стал выступать на экспозиции с реконструкциями фрагментов обрядов, молодежных вечеринок, народных праздников³. С 1994 г. на территории крестьянских усадеб и в интерьерах крестьянских домов о-ва Кижь в рамках программы «Ожившая экспозиция» демонстрируются традиционные хозяйственные и ремесленные технологии⁴. Также одним из направлений ее работы стала демонстрация колокольных звонов, проведение фестивалей колокольной и духовной музыки⁵. В на-

чале 2000-х гг. системный характер приобрела программа традиционного земледелия, которая позволяет создать на о-ве Кижы исторически достоверную экспозицию заонежской деревни, частью которой были обработанные поля и огороды, с демонстрацией традиционных сельскохозяйственных процессов.

Важным направлением работы архитектурно-этнографического музея-заповедника является создание интерьеров церковных, жилых и хозяйственных построек, а также тематических экспозиций и выставок. Одним из важных в этом плане изменений в жизни музея 1990-х гг. стало возрождение литургической жизни в церкви Покрова Пресвятой Богородицы Кижского погоста. В 1998–1999 гг. была осуществлена реэкспозиция интерьера собственно церковного помещения церкви, который был приближен к облику действующего храма XVIII–XIX вв. Иконостас стал более соответствовать церковным канонам, значительно увеличилось количество икон в собственно церковном помещении, были написаны необходимые копии, в храме появилось церковное убранство. Дополнением интерьерной экспозиции стала выставка в сенях храма, посвященная истории Кижского прихода, где представлены архивные материалы и фотографии, осветившие ключевые моменты приходской истории XVI–XX вв.

Конец 1990-х гг. был ознаменован началом реализации этнографической программы музея-заповедника «Кижы» по представлению в музейной экспозиции традиционного судостроения. В 1999 г. в доме Елизарова была открыта выставка «Строительство лодки-кижанки», посвященная традициям судостроения в Заонежье, и впервые проведена «Кижская регата» – гонка весельных лодок, которая сейчас превратилась во Всероссийский фестиваль традиционного судостроения и судоходства. С 2008 г. в рамках регаты проводится конкурс мастеров-судостроителей, цель которого – способствовать возрождению интереса к строительству лодок по старым технологиям. В 2010 г. экспозиция по традиционному судостроению была перенесена из д. Логморучей в дом Сергеева. Помимо крестьянской судостроительной мастерской она была дополнена различными видами традиционных лодок, распространенных на территории Карелии в конце XIX – первой половине XX в. На первом этаже хозяйственной части дома была организована демонстрация работы мастера-лодочника. В 2014 г. на берегу залива, неподалеку от дома, была создана под открытым небом экспозиция «Кижская гавань», на которой представлены лодки традиционной постройки, лодочные причалы, вешала для сушки и чистки рыбацких сетей. Создание в том же доме Сергеева в 2018 г. выставки «Водные пути-дороги. Из истории судостроения,

судоходства и рыболовства на Онежском озере» стало логическим продолжением мероприятий по формированию на о-ве Кижи единого экспозиционного комплекса, посвященного судостроению и судоходству⁶.

Одним из наиболее значимых и сложных проектов развития экспозиции музея-заповедника «Кижи» стало воссоздание в 2001 г. интерьера часовни Архангела Михаила из заонежской д. Леликозеро. Восстановленный, он поистине уникален подлинностью и многочисленностью сохранившихся икон, обладающих исключительной художественной ценностью. В часовне сохранились иконостас последней трети XVII в. и «небо» – иконы, расположенные на потолке молитвенного помещения.

В 2003 г. в доме Елизарова был воссоздан интерьер «избы на сарае» («сарайной горницы»), что позволило проиллюстрировать эволюцию крестьянского жилища Заонежья второй половины XIX в., связанную с разделением больших семей и отходом части населения в город.

В 2010 г. воссоздан интерьер кузницы из д. Суйсарь, где установлены горн с мехами, наковальня, размещен кузнечный инструмент. Это позволило не только показать посетителям музея еще один интерьер традиционной хозяйственной постройки северной деревни на рубеже XIX–XX вв., но и продемонстрировать кузнечное ремесло в живом исполнении музейного мастера.

В 2011 г. в выставочном помещении дома Яковлева из д. Клещейла (Карельский сектор музея) была создана выставка «Два эпоса – две культуры», которая знакомит с историей собирания и изучения русского и карельского эпосов, с выдающимися исполнителями и собирателями русских былин и карельских рун, с лучшими образцами эпических жанров, бытовавших на территории Карелии. Выставка как и дом Яковлева являются площадкой для выступлений фольклорного коллектива музея-заповедника «Кижи», живое исполнение русских и карельских песен, народной инструментальной музыки и танцев которого оказывает сильное эмоциональное воздействие на посетителей, «погружая» их в фольклорную тематику.

В 2013 г. в доме Березкиной, входящем в состав архитектурной экспозиции исторической д. Ямка, были воссозданы интерьеры двух изб, горницы, а также создана экспозиция на втором этаже хозяйственной части. Экспозиция изначально планировалась как интерактивная площадка для реализации просветительных и образовательных программ.

Восстановление в 2014 г. причала у Кижского погоста способствовало целостности восприятия исторически сложившегося архитектурно-ландшафтного окружения Кижского ансамбля.

Одним из наиболее ярких экспозиционных проектов музея-заповедника «Кижь» стало создание в 2016 г. в доме Ошевнева интерьера залы – парадного помещения заонежского дома. Это позволило более полно и достоверно представить в музейной экспозиции дом состоятельной заонежской семьи, какой являлась семья Ошевневых. Интерьер воссоздает период 1900–1914 гг. – время, когда в Заонежье происходил процесс разложения традиционного уклада жизни.

В указанный отрезок времени на о-ве Кижь был создан ряд временных этнографических выставок, отражающих различные аспекты традиционной культуры заонежан: «Заонежье в старых фотографиях» (1997), «Приданное и дары заонежской невесты» (1999), «Отражение» (2000), «Девичья обрядность Заонежья конца XIX – начала XX в.» (2006), «Новые поступления в фонды музея-заповедника «Кижь». 2000–2010 гг.» (2012), «Выпей чайку, позабудь тоску» (2013).

В целом, созданные в музее-заповеднике «Кижь» в 1990–2010-х гг. экспозиции и выставки позволяют более полно и всесторонне представить традиционную культуру русских Заонежья во всем многообразии ее проявлений.

---

¹ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993; Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле: Сборник статей/Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2014.

² Мельникова Н. М. Презентация традиционной культуры народов Карелии в музейной экспозиции на острове «Кижь» в 1990–2010-е гг.// Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 644–647.

³ Михайлова Н. С. Фольклорный ансамбль музея «Кижь»: основные принципы и перспективы развития//Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск, 2016. С. 293–299.

⁴ Нематериальные формы культурного наследия в музее-заповеднике Кижь//Музей-заповедник «Кижь»: 40 лет. Петрозаводск, 2006. С. 100–110.

⁵ Хуттер И. И. Проект «Возрождение утраченных традиций Русского Севера. Колокольная партитура Кижской волости»//Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск, 2016. С. 300–308.

⁶ Наумов Ю. М., Мельников И. В. Водные пути-дороги Обонежья (новая экспозиция в музее-заповеднике «Кижь»)//Живая старина. 2019. № 3. С. 44–46.

UDC 069.295

N. M. Melnikova, I. V. Melnikov

The Traditional Culture of the Zaonezhye Russians
in The “Kizhi” State Museum-Reserve
in the 1990s-2010s

Melnikova Natalia Mikhailovna, The State Historical, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve “Kizhi” (Petrozavodsk), leading specialist of the educational work; melnikova@kizhi.karelia.ru

Melnikov Igor Valeryevich, The State Historical, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve “Kizhi” (Petrozavodsk), leading research fellow, Ph. D. (History); melnikov@kizhi.karelia.ru

The article is devoted to the review of the experience of The Kizhi State Museum-Reserve in the field of presenting the traditional culture of the ethnocultural group of The Russians of the Zaonezhye region in the 1990–2010-ies. The issues of forming traditional residential interiors (the Berezkina house, the interior of the “hall” in the Oshevnev house) and religious buildings (the Church of the Intercession of the Most Holy Theotokos, the Archangel Michael Chapel), interactive forms of presenting traditional economic activities (agriculture, crafts), intangible components of heritage (decorative art, folklore, bell ringing) are touched upon. It's characterized development of the theme of traditional shipbuilding and shipping – the creation of an exposition, the work of a shipbuilding workshop, the holding of the Kizhi Regatta festival. The authors pay attention to the museum display of the culture of the Russians of the Zaonezhye region in exhibitions on epic folklore, tea drinking traditions, decorative and applied art.

Key words: museum exposition, ethnography, ethnocultural group of the Russians of the Zaonezhye region, The Kizhi Museum-Reserve.

П. В. Матвиец

Этнографическая экспозиция «Люди моря»
в Музее Мирового океана

Матвиец Полина Владимировна, Музей Мирового океана (Калининград), отдел «Морской выставочный центр», научный сотрудник, искусствовед; polinamatviets@gmail.com

В докладе рассказывается об этнографической коллекции, экспонируемой в отделе «Морской выставочный центр» Музея Мирового океана в Калининграде. Уникальные аутентичные предметы, отражающие самобытность культуры и быта народов стран Юго-Восточной Азии, были собраны немецким путешественником Хубертом Матишеком в 1960–1990-е гг. и в 2016 г. представлены в выставочном проекте «Люди моря». Дается краткий обзор основных разделов экспозиции, ее наиболее интересных экспонатов, рассматриваются направления деятельности музея по развитию и популяризации экспозиции.

Ключевые слова: Музей Мирового океана, этнографическая коллекция, быт, культура, традиция, экспозиция, путешественник Хуберт Матишек, Юго-Восточная Азия, экспедиция, народы, выставка «Люди моря».

В 2016 г. Музей Мирового океана создал новый отдел – «Морской выставочный центр», основой которого стала уникальная художественно-этнографическая экспозиция «Люди моря», рассказывающая об истории, быте и культуре народов стран Юго-Восточной Азии. Коллекция насчитывает более тысячи самых разнообразных аутентичных предметов, отражающих самобытность островных культур «ожерелья экватора» – Индонезии, Новой Гвинеи, Таиланда, Мьянмы, Индии, Камбоджи, Китая. Представленные в залах музея произведения декоративно-прикладного искусства, скульптуры, атрибуты религиозных культов, оружие, украшения знакомят с видами традиционных искусств и ремесел, помогают ощутить мировосприятие экзотических народов, чья жизнь органично связана с морем.

История культуры стран Юго-Восточной Азии привлекла наибольший интерес европейских и отечественных исследователей в середине XX столетия – времени обретения ими независимости.

Религиозные представления, архитектура, искусство, на которые в древности оказали колоссальное влияние великие культуры Индии и Китая, тем не менее, всегда сохраняли чрезвычайно своеобразную индивидуальность.

Предметы экспозиции «Люди моря» в прошлом являлись коллекцией немецкого кинорежиссера-документалиста и путешественника Хуберта Матишека (род. в 1939 г.), собранной им в 1960–1990-х гг. История этой удивительной коллекции начинается на о. Бали, где Матишек впервые оказался в 1966 г. в поисках материала для киносъемок. Именно здесь путешественник ощутил особую притягательность материального и духовного наследия этносов, которые остались практически не затронутыми техническим прогрессом, бурным течением цивилизации. Последующие наиболее значимые экспедиции Х. Матишека были связаны с исследованиями Новой Гвинеи. С 1975 по 1991 г. путешественник неоднократно посещал западную часть острова, индонезийскую провинцию Ириан-Джая, где проводил съемки жизни папуасских народов дани, асматов, ставшие основой одного из самых ценных его документальных фильмов «Мои друзья каннибалы» (1979). В 1960–1980-х гг. Матишек организовал ряд экспедиций к островам Меланезии, Микронезии, Полинезии, активно путешествовал по Непалу. В период 1960–1970-х гг. он совершил большое количество экспедиций в Африку, с 1969 по 1981 г. неутомимый искатель приключений провел в Южной Америке. Всюду, где бывал Хуберт Матишек, собирая материал для своих документальных фильмов, он пристально изучал художественное наследие, повседневный быт, религии, традиции народов, формируя интереснейшую этнографическую коллекцию, основной идеей которой стало желание показать самодостаточность, уникальность и огромную жизненную силу народов, оставшихся в стороне от европейского влияния.

В 2015 г. этнографическая коллекция Х. Матишека была приобретена российским предпринимателем В. И. Щербаковым и передана для хранения, изучения и экспонирования в Музей Мирового океана.

Собрание Хуберта Матишека нельзя охарактеризовать как строго научное, систематическое. Оно сложилось скорее как «человеческое», эмоциональное: исследователь стремился познать представителя той или иной народности через свойственные лишь его культуре явления и предметы, которые наиболее ярко отражают самое интересное и неповторимое в нем. Так, самобытность о. Бали для Матишека заключена в его утонченной театральности; Новой Гвинеи – в верности первобытным усто-

ям; Индии и Китая – в сложившихся в глубокой древности традициях. Предметы коллекции датируются периодом с 1930-х до конца 1990-х гг. Главной задачей экспозиции «Люди моря» стало не только знакомство с представителями иных, уникальных, обладающих морским лейтмотивом культур, но и создание особой среды, предлагающей зрителю поразмыслить о том, что море не разделяет, а объединяет народы, дарит их культурам общие вневременные мотивы и образы, вдохновляет их как в далеком прошлом, так и в суетном настоящем. И не столь важно, жители они загадочной Юго-Восточной Азии или хорошо знакомой нам Прибалтики.

«Люди моря» – это содержательный рассказ о странах Юго-Восточной Азии, выстроенный отдельными тематическими экспозиционными комплексами, которые последовательно, словно географическая карта, раскрывают наиболее характерные черты пестрой культуры каждого народа, населяющего эти удивительные земли. Важно отметить, что создание экспозиций «Людей моря» объединило специалистов Музея Мирового океана с коллегами из Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) и Государственного Музея искусства народов Востока (Москва), без компетентной помощи которых было бы невозможно представить работу по изучению и атрибуции предметов коллекции.

Значительную и наиболее цельную часть экспозиции представляет раздел «Новая Гвинея». Сбор разнообразных предметов духовной культуры папуасских народов занимал особое место в исследовательской деятельности Хуберта Матишека. Изучению быта и культуры народностей аснат, дани, ятмул, толаи и др. путешественник посвятил более пятнадцати лет, собрав ряд уникальных предметов, выражающих их архаический жизненный уклад, древние родоплеменные верования, основанные на анимизме и культе умерших. Таким образом, коллекция Матишека демонстрирует интереснейшие образцы резьбы по дереву: статуэтки вождей; небольшие скульптурные группы, изображающие сцены повседневной жизни папуасов; украшенные символическими орнаментами традиционные боевые щиты (*ямаш*) народа аснат; высокие столбы *биш* с антропоморфными фигурами для церемонии поминовения ушедших в «иной мир». Особым акцентом экспозиции «Новая Гвинея» можно считать коллекцию ярких по своей экспрессии масок, предназначавшихся для ритуалов плодородия, обрядов инициации, церемоний проводов душ умерших, а также традиционные атрибуты быта папуасов – сумки *билум*, предметы одежды и др. Экспозиция, посвященная Новой Гвинее, показывает многообразие народов, чья культура и жизнь

представляется своеобразным водоразделом между каменным веком и сегодняшним днем.

Другим крупным комплексом в экспозиции «Люди моря» является собрание произведений декоративно-прикладного искусства и скульптуры с о-ва Бали. Богатейшая изобразительная культура обитателей «Острова богов» выражена широким спектром образов божественных и мифических существ, предстающих в виртуозном исполнении балийских резчиков по дереву. Истории героев Рамаяны, сцены вечной борьбы персонажей мистерии «Чалонаранг», воплощенные скульпторами в сложных рельефных композициях и отдельных фигурах, поражают художественным великолепием, раскрывающимся в тонкой безупречной детализации всего изображения, а также искусном применении ярких цветовых сочетаний. Отдельного внимания заслуживает коллекция театральных масок и кукол, иллюстрирующих многообразие видов традиционного балийского театра. Повествовательной и своего рода «атмосферной» доминантой этого раздела являются представленные в экспозиции музыкальные инструменты национального индонезийского оркестра гамелан.

Искусство Таиланда и Мьянмы отражено интересными образцами буддийской храмовой скульптуры, в произведениях которой образ Будды, наряду с мастерским воспроизведением канонических черт, обретает изысканную декоративную трактовку. Особого внимания заслуживает демонстрируемое на выставке воспроизведение из стекла знаменитой буддийской святыни – статуи Изумрудного Будды, выполненной из цельного куска зеленого жадеита в XIV–XV вв.

Мощными смысловыми аккордами звучат разделы экспозиции, посвященные Индии и Китаю, двум величайшим странам, чьи древние традиции, оказав значительное влияние на культуру многих стран Юго-Восточной Азии, в то же время не заслонили их самобытности.

Искусство Индии передано скульптурными образами главных божеств индуистского пантеона – Шивы, Ганеши, Сарасвати, Лакшми и др., исполненных с присущим пластической традиции Индии ощущением танцевальной ритмики.

Раздел Китая представляет интересный круг предметов, связанных с понятием китайского экспортного искусства: сосуды и курильницы в технике эмали «клуазоне»; лаковая мебель; живопись на стекле; статуэтки, изображающие популярное божество милосердия Гуань-Инь, грозного бога войны Гуань-Ди, владыку потустороннего мира Дицзан-вана и др. Центром притяжения экспозиции раздела служат реплики фигур знаменитой терра-

ковой армии из погребального комплекса первого китайского императора Цинь Шихуанди.

Как мы видим, коллекция Х. Матишека имеет весьма разноплановый характер, однако это и становится ее неким принципом: предметы последовательно иллюстрируют масштабные этнографические пласты от первобытных культур островных племен до высокоразвитых древнейших восточных цивилизаций.

В 2021 г. отдел «Морской выставочный центр» отметил свое пятилетие. За этот небольшой период этнографическая экспозиция «Люди моря» стала неотъемлемой частью образа Музея Мирового океана, укрепились как самостоятельное научно-исследовательское и просветительское направление. Изданы брошюры и обобщающий альбом-каталог коллекции¹, на материалах выставки проводятся многочисленные тематические мероприятия, мастер-классы, научно-популярные лекции, встречи. К ярким просветительским проектам можно отнести серию музейных акций «Другие берега», целью которых является знакомство посетителей с различными странами, их удивительными жизненными традициями, фольклором и искусством, обязательно содержащими что-то близкое, созвучное русской душе.

В музее ведется активная работа над развитием разделов экспозиции «Люди моря». Предметы замечательной коллекции путешественника и искателя приключений Х. Матишека постепенно предстают в новой интерпретации – включенными в своеобразный диалог с историей русских географических открытий и путешествий. Так, в разделе «Новая Гвинея» был создан интерактивный познавательный комплекс «Хижина Маклая», посвященный отечественному этнографу, антропологу, биологу и путешественнику Н. Н. Миклухо-Маклаю, внесшему огромный вклад в развитие и систематизацию знаний о коренном населении Новой Гвинеи. Рассказ об изучении острова также дополняют странички советских исследований, проведенных в 1970-х гг. научно-исследовательским судном «Дмитрий Менделеев». Новым камертоном экспозиции, посвященной Индии, стала включенная в нее выставка «Хождение за три моря Афанасия Никитина»², восприятие китайского раздела наполнилось историей русских географических экспедиций в Поднебесную в XIX в.

Экспозиция «Люди моря» – это не набор застывших в пространстве и времени артефактов, а живой развивающийся организм, проводник в удивительный и разнообразный мир, полный открытий.

---

¹ Люди моря. Этнографическая коллекция Юго-Восточной Азии: Альбом-каталог/Музей Мирового океана. Калининград, 2018.

² Хождение за три моря Афанасия Никитина: Брошюра. Музей Мирового океана. Калининград, 2019.

UDC 316.7

P. V. Matviets

The Ethnographic Exhibition “People of the Sea”
in The Museum of the World Ocean

Matviets Polina Vladimirovna, The Museum of the World Ocean (Kaliningrad), the Department “Marine Exhibition Center”, research fellow, art critic; polinamatviets@gmail.com

The article describes the ethnographic collection exhibited in the department of The Museum of the World Ocean “Marine Exhibition Center”. Unique authentic objects reflecting the identity of the cultures and everyday life of the peoples of the countries of Southeast Asia were collected by the German traveler Hubert Matishek in the 1960s-1990s and in 2016 represented in the exhibition project “People of the Sea”. The article gives a brief overview of the main sections of the exhibition, its most interesting exhibits, examines the directions of the museum’s activities for its development and popularization.

Key words: The Museum of the World Ocean, ethnographic collection, everyday life, culture, tradition, exposition, traveler Hubert Matishek, Southeast Asia, expedition, peoples, expedition “People of the Sea”.

Е. В. Колчина

Традиционная кукла в проектах Российского этнографического музея 2010–2021 годов

Колчина Елена Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья, заведующая отделом; ek6@mail.ru

В сообщении рассматриваются проекты, в которых использовались традиционные куклы из собрания Российского этнографического музея (РЭМ). Кукла как объект экспонирования позволяет обозначить различные грани традиционной культуры. Характеризуются методы экспонирования кукол из собрания музея в выставочных проектах различной тематики, данные проекты были представлены в РЭМ, а также в других музеях нашей страны в 2010–2021 г.

Ключевые слова: музейный предмет, этнокультурное наследие, традиционная кукла, выставка, лекция, мастер-класс.

Традиционная кукла – один из интереснейших музейных предметов. Российский этнографический музей (РЭМ) обладает обширным собранием кукол, которые были созданы как взрослыми для детей, так и самими детьми, а также артельщиками и народными мастерами. Также фонд включает и фабричные изделия – игровые и сувенирные фигурки. Коллекция кукол РЭМ является чрезвычайно ценной с точки зрения исторической значимости и репрезентативности. Представленные в ней памятники наглядно демонстрируют развитие этнических традиций в данном виде народного творчества на протяжении длительного исторического периода. Основу коллекции составляют экспонаты, поступившие в фонды в начале XX в., благодаря экспедиционно-сборительской деятельности как сотрудников Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, так и его корреспондентов.

С 1900-х гг. и до настоящего времени происходит пополнение музейного собрания образцами народной куклы, изготовленной уже в начале XXI в., но сохраняющей этнические и национальные традиции. Многие современные сувенирные куклы выполнены по мотивам традиционной игрушки, бытовавшей двумя столетиями ранее. Они проделали путь от игрушек-забав до произведений декоративно-прикладного искусства.

Куклы игровые, ритуальные, театральные и сувенирные помогают раскрыть особенности культуры и быта разных народов Евразии: от Восточной Европы до Дальнего Востока, от Русского Севера до Средней Азии, Казахстана и Черноморско-Каспийского региона. Представленные в музейных экспозициях образцы самодельных фигурок, этнографических и авторских, дают возможность составить полную картину бытования куклы в традиционной культуре.

В сообщении характеризуется ряд проектов РЭМ, реализованных в рамках исследовательского, выставочного, просветительного, методического направлений деятельности в 2010–2020 гг., в которых использовались куклы из коллекционного собрания музея.

Кукла как объект экспонирования, позволяющий обозначить разные грани традиционной культуры, всегда приковывала к себе пристальное внимание посетителей.

Очень удачен опыт демонстрации антропоморфных миниатюр в выставочных проектах для раскрытия разнообразных тем, таких как социализация, праздники и обряды, а также традиционный костюм, ремесла и промыслы.

Отдельные фигурки использовались при экспонировании текстильных памятников в рамках выставок «Этноджинс» (Архангельск, Москва, Екатеринбург, Сыктывкар), «Лоскутный узор» (СПб., РЭМ). Куклы, введенные в экспозиционное пространство выставки «Красота земная» (СПб., РЭМ), представляли собой символические образы красоты, репрезентирующие различные этнонациональные сообщества. Фигурки, выполненные с разной долей условности, становились своеобразными смысловыми акцентами во всех разделах выставки.

Выставка «Мир детства в традиционной культуре народов России», экспонировавшаяся в музее в 2014 г., включала раздел, в котором были представлены преимущественно игровые традиционные куклы XIX – первой половины XX в., вписанные в контекст народной педагогики.

Наглядно продемонстрировать разные ипостаси этнографического памятника представляется возможным в формате моновыставки, главный объект которой – кукла. В детской игре ан-

тропоморфная фигурка – это средство воспитания, в ритуальных практиках – культовый атрибут, а в постановках фольклорного театра – персонаж театрализованного действия. Выставка «Волшебный мир куклы (игра, ритуал, театр)» (СПб., РЭМ), подготовленная в 2021 г., позволила показать широкую картину бытования куклы в различных этнических и региональных средах. Впервые в едином экспозиционном пространстве были представлены куклы игровые, ритуальные, театральные, сувенирные, бытовавшие в XIX – начале XXI в. у разных народов Евразии. Особый блок включал так называемых демонстрационных кукол, которые были призваны проиллюстрировать либо костюмный комплекс, либо образ, наделенный узнаваемыми чертами определенного этнического сообщества. Такие фигурки часто приобретали статус художественного произведения.

Во время экспонирования члены авторского коллектива выступали с лекциями о региональных особенностях куклы, включая трансляции на портале «Культура РФ», проводились мастер-классы.

Учитывая интерес к изучению и воспроизведению традиционной куклы, РЭМ (имеющий статус всероссийского научно-методического центра этнографического музееведения) разработал лекции и специализированные образовательные программы (например, стажировка «Детские игры и игрушки в традиционной культуре народов России. XIX–XX вв.»), рассчитанные на широкую аудиторию, к которой относятся, прежде всего, сотрудники музеев и научных учреждений, педагоги, народные мастера, дизайнеры. В частности, в рамках музейной стажировки слушателям курсов предлагается изготовить несколько образцов игровых кукол разных конструкций на основе предметов из коллекции РЭМ.

В последние годы практикуются комплексные занятия-лекции с мастер-классами, которые проводятся научными сотрудниками музея совместно с мастерами-педагогами. В качестве информационных источников для подготовки лекционно-практических занятий используются этнографические памятники из фондов музея, а также оригинальные (включая, экспедиционные) материалы научных сотрудников.

Активно используя такие ресурсы, как социальные сети и различные Интернет-платформы, в формате постов, подкастов, видео-сюжетов, онлайн-выставок и альбомов, сотрудники РЭМ представляют традиционную куклу широкой аудитории.

Таким образом, Российский этнографический музей, обладая уникальным этнокультурным наследием, предлагает разнообразные форматы презентации кукол, модернизируя и совершенст-

вужа методы работы в рамках различных направлений музейной деятельности.

UDC 392.34

E. V. Kolchina

Traditional Doll in the Projects of The Russian Museum of Ethnography 2010–2021

Kolchina Elena Victorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Volga Region and the Urals, head department; ek6@mail.ru

The report discusses projects that used traditional dolls from the collection of the Russian Ethnographic Museum (REM). The doll as an exhibit object allows you to designate various facets of traditional culture. Methods of exhibiting dolls from the museum's collection in exhibition projects of various subjects are characterized; these projects were presented in The Russian Museum of Ethnography, as well as in other museums of Russia in 2010–2021.

Key words: museum item, ethnocultural heritage, traditional doll, exhibition, lecture, master class.

Л. Г. Ганина

Онлайн-выставка «Бисер в украинском костюме: традиция и современность» – от замысла к воплощению

Ганина Любовь Геннадьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии, научный сотрудник; lg1selena@gmail.com

В докладе изложен опыт создания онлайн-выставки «Бисер в украинском костюме: традиция и современность». Затронуты такие вопросы, как соотношение вербального и визуального, роль исторической фотографии в виртуальном экспонировании цифровых копий вещевых коллекций, принципы группировки экспонируемых материалов, особенности тематической структуры виртуальной выставки.

Ключевые слова: музей, выставка, онлайн-выставка, тематическая структура, бисер, украинцы, традиционная культура, народный костюм.

Вызванные эпидемиологической ситуацией ограничения 2020–2021 гг. поставили перед обществом не только физические, но и психологические барьеры. В условиях длительной изоляции люди испытывали сильное эмоциональное напряжение, чувство неуверенности в завтрашнем дне, тревогу за собственное здоровье и жизнь близких. После отмены ряда ограничений у многих сохраняется назофобия, не позволяющая вернуться к привычному укладу жизни. Музеи, как и другие учреждения культуры, вынуждены адаптироваться к новым пост-пандемическим реалиям. Одним из откликов на запросы современности явилась активизация музеев в области создания онлайн-выставок.

Освоение музеями Интернет-пространства началось еще в конце XX в.¹ Плюсы и минусы виртуального экспонирования достаточно хорошо освещены в научной литературе², поэтому не будем останавливаться на этом подробно. Несмотря на то, что термины «виртуальный» или «онлайн-музей/галерея/коллекция/экспозиция/выставка» зачастую используются как синонимы, разница между этими понятиями есть как по сути отбора материала, так и по форме его подачи. В рамках данного исследования внимание сосредоточено исключительно на онлайн-выставках.

В основе любой выставки лежит концепция, влияющая на отбор и группировку экспонируемых материалов. Виртуальная выставка, как и традиционная, имеет структуру, состоящую из разделов, тем и подтем. Онлайн-выставка «Бисер в украинском costume...» разработана как классическая тематическая выставка, направленная на знакомство широкого круга посетителей с традицией использования бисера в украинском costume второй половины XIX – начала XX в., на дальнейшее развитие этой традиции в XX в. и современные направления применения бисера в украшениях и декоре одежды. В задачи выставки входило не только обозначение области применения бисера в costume, перечисление техник работы с этим художественным материалом, но и выделение региональных особенностей, сформировавшихся в результате культурных, геополитических и торговых связей.

Выставка состоит из трех разделов. Первый посвящен наиболее широкой области применения бисера в украинском costume второй половины XIX – первой половины XX в. – шейным и шейно-нагрудным украшениям. Внутри этого раздела материал делится на две части. В одной дается общая характеристика области применения бисера и подробно рассматривается самая простая техника работы (низание) с этим художественным материалом, распространенная фактически повсеместно. Другая часть посвящена бисерным украшениям Западной Украины (территория современных Тернопольской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Закарпатской и Львовской обл.). Поскольку на указанной территории проживали разные этнические группы со своей локальной культурной традицией, нашедшей отражение и в бисерных работах, вторая часть первого раздела подразделяется на три подтемы: бисерные украшения бойков и лемков; бисер в украшениях гуцулов и русин Закарпаття (здесь рассмотрены не только шейно-нагрудные украшения, но и бисер в декоре головных уборов, перстней, топорцов); бисерные украшения Западного Подолья.

Второй раздел выставки раскрывает тему бисера в декоре плечевой одежды (рубаш, тканевых и меховых безрукавок). При помощи цифровых копий музейных предметов и исторических фотографий показаны локализации бисерных вышивок на различных предметах одежды, наиболее распространенные орнаментальные мотивы, сочетания бисера с другими вышивальными материалами (хлопчатобумажными, шерстяными, золотными нитями, блестками, стеклярусом), а также постепенное увеличение доли используемого в вышивке бисера, достигшее особого масштаба на территории Западной Украины во второй половине XX в.

Третий раздел связан с обращением к бисеру народных мастеров и любителей в последней трети XX – начале XXI в. В разделе экспонируются цифровые копии хранящихся в собрании РЭМ бисерных украшений, которые изготовлены в 1970-х гг. народным мастером УССР Э. Н. Литвинец, и полевые фотографии Е. В. Дьяковой, выполненные в 2010-х гг., во время поездок по Ивано-Франковской обл. Украины.

Использование при создании виртуальных выставок цифровых копий памятников позволяет сохранить подлинники от негативных воздействий окружающей среды (изменений светового и температурно-влажностного режимов, запыления, натяжения ткани при экспонировании и т.д.). Безопасность экспонатов, а также независимость от размеров физического пространства делают онлайн-выставки фактически бессрочными. В то же время отсутствие трехмерного пространства создает определенные сложности в выделении разделов и тем. В ряде музеев эта проблема решается разнесением тем на разные вкладки. Посетитель может как «переходить» от одной части к другой в заданном авторами порядке, так и «перемещаться» произвольно, выбирая разделы по собственному предпочтению. В большинстве случаев, и данный не исключение, вся выставка размещается на одной «странице». Такая подача материала сближает онлайн-выставки с иллюстрированными статьями, однако в последних превалирует слово, а изображение выполняет вспомогательную функцию, в то время как на выставках упор делается на предметный ряд (в случае с онлайн – визуальный).

В онлайн-выставках роль слова несколько больше, чем в классических, поскольку они не подразумевают ни дополнительного экскурсионного обслуживания, ни проведения тематических занятий. При этом текст не описывает конкретные экспонаты, а предваряет визуальный ряд, подготавливая посетителя к тому, что он увидит далее именно ту или иную группу памятников³.

Бисер – художественный материал малых форм. Возможность экспонировать не только предмет целиком, но и его увеличенные фрагменты позволяет лучше раскрыть такие темы, как техника работы с бисером и орнаментальные мотивы бисерных изделий⁴. В то же время экспонирование в виртуальном пространстве отдельных предметов или их фрагментов вне состава костюма может вызвать у посетителя сложности в восприятии, в частности, искажение оценки масштаба предмета. Понимание этой проблемы обусловило при отборе материала особое внимание к историческим фотографиям, позволяющим показать место бисера в комплексе с другими частями костюма, а также лица людей того времени.

Человеческое восприятие так устроено, что трехмерный объект всегда притягивает больше внимание, чем двухмерный. В случае с виртуальными выставками объектом показа является не сам предмет, а его цифровая копия. В связи с этим роль исторической фотографии на онлайн-выставках не менее значима, чем в процессе классического экспонирования. Исключения составляют выставки плоскостного материала при физическом показе и использовании 3D-моделей в виртуальном пространстве.

На онлайн-выставке «Бисер в украинском костюме: традиция и современность» представлено более 60 цифровых копий предметов традиционной культуры украинцев (украшений, головных уборов, плечевой одежды), около 20 исторических изображений (студийные фотографии костюмов на антропологических манекенах, выполненные Т. Митрейтером в 1880-х гг., открытки начала XX в., полевые фотографии XX в.) из фонда фотографий и из иллюстративного фонда РЭМ, а также 13 полевых фотографий, выполненных Е. В. Дьяковой в 2010-х гг. во время выездов на территорию Ивано-Франковской обл. Украины. Многие из представленного материала публикуются впервые.

Несмотря на широкий круг экспонируемых памятников, охватывающий более чем полутрадиционную традицию использования бисера в украинском костюме, не все темы удалось раскрыть достаточно подробно. В частности, хотелось бы познакомить аудиторию с конкретными примерами использования тех или иных техник работы с бисером, используемых мастерицами конца XIX – начала XX в. В связи с этим было принято решение подготовить на основе фондовых материалов видео мастер-класс по изготовлению подольского шейного украшения из бисера, сплетенного на четырех нити. Информацию о выставке и мастер-классе планируется разместить в социальных сетях. Если тема вызовет интерес у публики, возможно продолжение работы по дополнению онлайн-выставок новыми мастер-классами, знакомящими заинтересованную аудиторию с различными традиционными техниками изготовления бисерных украшений.

¹ Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: анализ понятия//Вестник МГУ-КИ. 2012. № 2 (46). Март–апрель. С. 197.

² Волькович А. Ю., Чigareва Н. Г. Виртуальные выставки как новая форма деятельности музея//Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2015. Т. 212. С. 250–254; Беркутова Л. С. Подготовка электронной выставки в методике обучения специальности//Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций//Сборник

материалов. XI Всероссийская научно-практическая конференция «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов». 2–3 ноября 2016 г. СПб, 2016. С. 297–302; Ксенофонтова А. Г. Виртуальные музеи как возможность доступа к культурному наследию//Там же. С. 288–292; Пилко И. С., Савкина С. В. Электронные выставки музеев: специфические особенности, видовая классификация//Вестник кемгуки. 2014. № 29. С. 207–214; Чижанова Е. А. Виртуальные выставки: новые технологии. URL: <http://...files/chiganova!1422.doc>, свободный (Дата обращения 3.08.2021) и др.

³ Удачными примерами соотношения вербального и визуального на онлайн-выставках, посвященных бисеру в народном costume, являются «Шитье бисером в традиционной культуре саамов». (URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/shite-iz-bisera-v-tradicionnoj-kulture-saamov/>) и «Декор из стекла в традиционном costume народов Балтийского и Баренцева регионов» (URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/dekor-iz-stekla-v-tradicionnom-kostyume-narodov-baltijskogo-i-barenceva-regionov/>), подготовленные сотрудниками отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики (РЭМ) в 2021 г.

⁴ В частности, в рамках онлайн-проекта РЭМ «Орнаментика этнографических артефактов» подготовлен онлайн-альбом «Украинские бисерные украшения». URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ALBUM/1476850?page=2&index=68>

UDC 069.9; 746.5(477)

L. G. Ganina

The Online Exhibition «Beads in Ukrainian costume: Traditional Forms and Modern Tendencies»: From Concept to Implementation

Ganina Lyubov Gennadievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, research fellow; lg1selena@gmail.com

The article describes the experience of creating an online exhibition «Beads in Ukrainian costume: traditional forms and modern tendencies». Such theoretical problems as the correlation of verbal and visual, the role of historical photography in the virtual exposure of digital copies of collections, the grouping of exposed materials, the allocation of sections and topics in the virtual space exhibition.

Key words: museum, exhibition, online exhibition, thematic structure, beads, the Ukrainians, traditional culture, ethnographic costume.

Г. Н. Варавина, Н. Г. Лаптева

**Конная культура в краеведческом музее
«Полюс холода»: наследие северных якутов**

Варавина Галина Николаевна, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Республика Саха), отдел археологии и этнографии, научный сотрудник, кандидат исторических наук; varavina1982@mail.ru

Лаптева Наталья Гавриловна, Верхоянский районный краеведческий музей «Полюс холода» им. В.З. Кириллиной (Верхоянск, Республика Саха), научный сотрудник; verhojana77@mail.ru

В докладе рассматривается наследие, связанное с конной культурой северных (верхоянских) якутов. Уникальный краеведческий музей «Полюс холода» находится в историческом г. Верхоянске Республики Саха (Якутия). Музейное собрание, связанное с конной культурой, содержит много интересных и редких экспонатов. Например, раритетом музея является чепрак XIX в. (сукно, шитье, вышивка цветными нитями; узор «лира» в самом старинном варианте).

Ключевые слова: северные якуты, Верхоянье, конная культура, культурное наследие, музейное собрание.

Культ поклонения Верхним божествам Айыы и духам-покровителям природы ярко прослеживается в традиционной культуре якутов (саха). Одним из главных якутских божеств выступает Дьөһөгөй Айыы, который охраняет, защищает лошадей, а также способствует их размножению. В честь божества лошадей Дьөһөгөй Айыы устраивались празднества, обряды, к нему обращались с алгысами (заклинаниями-благопожеланиями).

Согласно представлениям якутов, бог – покровитель коневодства, Дьөһөгөй, дарует людям ретивых коней и отважных мужчин. Его называли в Олонхо Күн Дьөһөгөй Тойон («Солнечный господин Дьёсёгёй»). Данный эпитет указывает на тесную связь покровителя коневодства с культом солнца. В эпической традиции якутов «кони посылаются из Верхнего мира, с небесной стороны, страны солнца». Якуты сравнивали лучи солнца с хвостом белой кобылицы¹.

Культ солнечного (небесного) коня был центральным символом религиозно-мифологической системы степного евразийского регио-

на. По мнению специалистов, культ коня среди тюркоязычных народов Сибири был лучше всего представлен у якутов. В якутской мифологии сохранился сюжет о том, что «вначале бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уж от последнего родился человек».

В материалах И. А. Худякова по верхоянским якутам приведено предание, которое существовало в Верхоянском округе. Когда-то якутский род Юсальцев вымирал от голода, и «один из них ушел куда-то в лес, блудил там и утонул бы, как вдруг прибежал к нему сивожелезый жеребец. Якут сел на него, и жеребец перевез его через реку. За рекой оказались люди и скот; таким образом, он спасся от голодной смерти, и так как он был родоначальником, то сивожелезый жеребец и сделался богом четырех Юсальских наслегов (Дулгалахского, Бустахского, Сартанского и Чинекинского)»².

В честь Дьөһөгөй Айбы устраивали *Тунах-Ыһыах* и Кулун Ыһыах (ыһыах, на котором пробовали ранний «жеребячий» кумыс). Они проводились в начале лета при переезде на летники, когда в хозяйстве было изобилие кумыса. Месяц июнь, когда проводились эти ысыахи, назывался *тунах* («изобилие молочной пищи»)³. Основное ритуальное действие праздника состояло в окроплении кумысом высших божеств, а именно Дьөһөгөй Айбы – покровителя конного скота. Это символическое действие и исполнение алгыса считались обращением к божествам Айбы с молитвой о благополучии всего рода и домашнего скота. В целом, в традиционном мировоззрении и ритуальной практике якутов большое место отводилось почитанию коня.

Знания и артефакты уникальной конной культуры северных якутов сохраняются в районном краеведческом музее «Полос холода» им. В. З. Кириллиной. В целях сохранения исторического наследия, материальной и духовной культуры коренных народов Якутии заслуженным учителем ЯАССР, отличником народного просвещения школ РСФСР, отличником культуры Республики Саха, обладателем знака «За верность музею» Варварой Захаровной Кириллиной в 1990 г. был основан Верхоянский районный краеведческий музей «Полос холода». Музей находится в г. Верхоянске, расположен в здании склада, построенного в 1930-х гг. Основу собрания первоначально составляли коллекции школьного музея, впоследствии под руководством директора В. З. Кириллиной оно было пополнено уникальными предметами. Сотрудниками проведена большая собирательская работа, осуществлены научные экспедиции.

Экспонаты, характеризующие коневодство в зоне вечной мерзлоты, представлены в постоянной экспозиции. В составе конского убранства демонстрируются изделия знаменитых мастеров кузнеч-

ного дела. Восхищение вызывает работа «инородца» Юсальского наслега Верхоянского окр., мастера серебряника Саввы Ивановича Румянцева (1815–1897), проживавшего здесь во второй половине XIX в. Румянцев на поверхности оковки выгравировал орнамент, образованный растительными узорами и изображениями единорога и льва. С мастерством изготовлены предметы для седлания и управления лошадей, входящие в состав упряжи. Искусно сделаны седёлки (подушки), подбитые конским волосом, поводья, чересседельники (ремни) и уздечки из кожи с медными пряжками.

В экстремальных природных условиях наши предки, используя смекалку и талант, применяли на охоте и в быту различные приспособления, изготавливали специальные инструменты. На экспозиции представлены следующие предметы: плетёная сеть со скребницей, *дэйбиир* для защиты от комаров и мошек, предметы для очистки копыт, тавро для клеймения, шляпы из конского волоса и т.д. Эти виды изделий прочно вошли в быт якутов, коневоды используют их в своём нелегком труде. Интересна коллекция седел округлой и трапециевидной формы (с гравированными инициалами владельцев, датировкой), стремена, подковы. В составе убранства можно увидеть элементы из серебра, меди, кожи, конского волоса и меха, что свидетельствовало о статусе владельца.

Глубоко почитая лошадь как дитя природы, мастерицы создавали шедевры. Это чепрак XIX в., предназначенный для покрытия крупа лошади. Изящно выполненные попоны (седельные тебеньки), чепраки, ковры, комплекты одежды воплощают символику Древа жизни, пожелания мира, изобилия и благ потомкам.

Ритуальная утварь, которую использовали во время проведения национального праздника Ысыах, представлена в изделиях мастеров – резчиков по дереву. Колорит кубков *чороон* разнообразен: кубки на поддоне, с тремя ножками в форме конских копыт, использовали в обряде *алгыс*, окроплении матушки-земли, подношении Верхним небожителям Аар Айыы тойон, покровителю лошади Дьёһөгөй Айыы.

Коновязь *сэргэ* является сакральным наследием северных якутов. На территории музея имеется коновязь, которую установили в 1945 г. в пос. Боронук в день летнего национального праздника Ысыах, приуроченного к победе в Великой Отечественной войне. Это работа мастера по дереву М. Н. Романова, уроженца Усть-Алданского р-на.

Для расширения знаний и представлений по истории развития сельского хозяйства, коневодства на полюсе холода и воспитания нравственно-патриотических чувств у подрастающего поколения необходимо продолжить комплексную исследовательскую культуру-

но-просветительную работу. Традиционно в этом направлении музеем проводятся различные мероприятия. В частности, в районном конкурсе «Биеннале» тема, связанная с коневодством, входит в этапы конкурса. Состоялись тематические выставки. В выездной выставке «Кульг лошади в этнографии северных якутов» (пос. Томтор) помимо седел и предметов по уходу за лошадьми были экспонированы изделия одежды из конских шкур, награды передовых табунщиков Верхоянского р-на, предметы искусства (картины по мотивам олонхо – памятника духовной культуры народа саха, включающего изображение лошади богатыря). В рамках районного мероприятия «Улуу Дьөнөгөй Ыһыаҕа», посвященного коневодам Верхоянья, проведена выставка «Айбы оҕото – ат барахсан» («Лошадь – дитя Айбы») (Столбинский наслег, 2018 г.). На выставке, приуроченной к Дню коневода – «Сылгы – саха омугун уйгу-быйан тускула» (г. Верхоянск, апрель 2021 г.), были представлены материалы знатных коневодов Верхоянского р-на, заслуженных зоотехников ЯАССР; альбомы-рапорты тружеников совхозов района, издания, посвященные сельскому хозяйству, уходу и содержанию верхоянского типа лошадей в условиях Крайнего Севера; были показаны видеofilмы.

¹ Романова Е. Н., Игнатъева В. Б., Дьяконов В. М. Степная Арктика: «помнящая культура» номадов Севера//Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. Монография/Под общ. ред. Д. Н. Замятина, Е. Н. Романовой. М., 2018. С. 313.

² Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 272.

³ Романова Е. Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск., 1994. С. 119.

UDC 391.397

G. N. Varavina, N. G. Lapteva

Horse Culture in the Regional Museum
«Pole of Cold»: the Heritage of the Northern Yakuts

Varavina Galina Nikolaevna, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Republic of Sakha), the Department of Archaeology and Ethnography, research fellow, Ph. D. (History); varavina1982@mail.ru

Lapteva Natalya Gavrilovna, The Verkhoyan District Museum of Local Lore «Pole of Cold» named after V.Z. Kirillina (Verkhoyansk, Republic of Sakha), research fellow; verhoyana77@mail.ru

The article considers the museum heritage associated with the horse culture of the northern Yakuts (Verkhoyan). The unique local history museum «Pole of Cold» is located in the historical town of Verkhoyansk of the Republic of Sakha (Yakutia). The museum heritage associated with the horse culture contains many interesting and rare exhibits. For example, the museum's rarities include cheprack of the XIX century. (cloth, sewing, embroidery with colored threads. The «lira» pattern in the oldest version).

Key words: the Northern Yakuts (Sakha), Verkhoyanye, equestrian culture, traditions, museum heritage.

Н. М. Калашникова

Опыт взаимодействия Российского
этнографического музея с высшими
учебными заведениями Санкт-Петербурга

Калашникова Наталья Моисеевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины, Молдовы, заведующая отделом, профессор, доктор культурологии; ethnonataly@mail.ru

В докладе рассматривается опыт многолетней работы сотрудников Российского этнографического музея по интеграции вузовской и этнографической науки, применению новых образовательных технологий в музее, а также выработке соответствующих рекомендаций (создание методических пособий, программ, учебников) для учащихся вузов Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: этнография, образование, музей, экспозиции, высшие учебные заведения Санкт-Петербурга.

Многообразие функций современного музея, тесные контакты с учреждениями культуры и образования делают его важным звеном в системе гуманитарного образования. Российский этнографический музей (РЭМ), существующий более ста лет в Санкт-Петербурге, кроме задач комплектования, сохранения и изучения памятников традиционной культуры народов России, экспонирования музейных предметов и коллекций, ориентирован на формирование у различных категорий посетителей, в том числе и учащихся высших учебных заведений, ценностных ориентиров, обеспечивающих самоопределение личности через этническое и конфессиональное сознание, семейные традиции и народную культуру. Начавшееся в 1970-е гг. активное взаимодействие музея с высшими учебными заведениями Ленинграда продолжается вплоть до настоящего времени. Особое внимание многие годы уделялось интеграции вузовской и этнографической наук, применению новых образовательных технологий в музее, а также подготовке соответствующих рекомендаций, предполагающих разработку методических пособий и программ, написание учебников и пр.

Именно для этой категории слушателей были созданы специальные методики, посвященные изучению особенностей традици-

онной культуры различных народов с демонстрацией разнообразных артефактов, в том числе предметов материальной и духовной культуры, изделий художественных ремесел и промыслов; не остались без внимания и вопросы, касающиеся питания, народной медицины, танцевального и песенного фольклора. Подобная тематическая направленность научно-просветительной работы музея вполне закономерна, так как отвечает одной из его основных задач – популяризации научных знаний в области этнографии народов России.

Кроме прослушивания специализированных лекционных курсов в залах музея, посвященных различным аспектам российской этнографии, будущие историки, археологи, этнографы, искусствоведы, модельеры, художники и режиссеры имеют возможность проходить в РЭМ разные виды практик (музейная, реставрационная, копиянная и пр.), а также использовать коллекционные собрания и экспозиции музея для написания курсовых и дипломных сочинений.

В области этнокультурного образования, наряду с традиционными для музея формами работы (коллективными стажировками для музейных работников и практиками для студентов художественных и исторических факультетов вузов Санкт-Петербурга и России), на рубеже XX–XXI вв. появились и стали обязательными для учащихся многих ведущих учебных заведений города новые курсы лекций и программы¹. Даже простое перечисление вузов Петербурга, студенты которых посещали специализированные занятия и лекции сотрудников РЭМ, свидетельствует о востребованности этой тематики у учащихся разных специальностей. Среди них студенты исторического, философского, психологического, социологического факультетов и факультета истории искусств Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Института народов Севера и факультета изобразительного искусства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ), факультетов искусства и мировой культуры Санкт-Петербургского института культуры (СПбГИК), Институтов дизайна и искусств, дизайна костюма, текстиля и моды, прикладного искусства Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД), театроведческого факультета Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (СПбГАТИ), факультетов истории, этнологии, истории искусств Санкт-Петербургского Европейского университета (ЕУСПб); кафедры художественного текстиля и дизайна костюма Санкт-Петербургской государственной

ной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица (СПбГХПА).

Общеизвестно, какую большую роль в XX в. играл Петербург (Ленинград) в деле воспитания научных кадров для районов Сибири и Крайнего Севера. В этом отношении чрезвычайно показательна деятельность РЭМ и та тематика циклов лекций, которые читаются по сей день на базе музея для студентов Института народов Севера, РГПУ им. А. И. Герцена, а именно: «Введение в североведение», «История и этнография народов Крайнего Севера», «Этнографическое музееведение», «Методика преподавания этнографии в школе», «Этнология», «Мифология, традиционные верования и народные знания народов Крайнего Севера», «Традиционная культура народов Крайнего Севера», «Фольклор народов Крайнего Севера». Такая целенаправленная политика Российского этнографического музея позволяет считать его одной из важнейших площадок, делающих Петербург центром североведения.

В 1990 г. СПбГУПТД при участии РЭМ открыл в своих стенах Институт промыслов малочисленных народов России, где научные сотрудники музея вели курсы «Основы этнологии», «Традиционные промыслы и ремесла малочисленных народов России», «Санкт-Петербург – центр этнической культуры», «Народный сувенир», «Народный орнамент», «Народный костюм». Позднее данное учебное заведение стало называться «Институт прикладного искусства», при этом его этнографический блок был преобразован с помощью специалистов музея в систему курсов с центральными темами «Основы этнологии», «Этнографическая практика» и написанием индивидуальных работ студентов, связанных с этническими традициями.

Особо нужно остановиться на взаимоотношениях РЭМ и кафедры антропологии и этнографии СПбГУ. Необходимо отметить, что в настоящее время значительная часть работающих в РЭМ музейных специалистов среднего и молодого поколений являются выпускниками этой кафедры. Следует с благодарностью вспомнить первого заведующего кафедрой Рудольфа Фердинандовича Итса и его последователей – А. В. Гадло, В. А. Козьмина, А. Г. Новожилова, усилиями которых была возрождена не только сама кафедра, но и выбрано абсолютно верное направление, предусматривающее теснейший контакт с музеями. Будучи членами Ученого совета РЭМ, наши университетские коллеги всегда участвовали в обсуждении концепций новых экспозиций и научных планов, совместно с сотрудниками музея разрабатывали тематику образовательной деятельности. Около пятидесяти лет на базе музея для будущих этнографов читаются различные курсы, проводится

студенческая музейная практика, при этом сотрудники музея не только выступают с лекциями, но и руководят курсовыми и дипломными работами. Приведем примеры лишь некоторых курсов и спецсеминаров, действовавших на протяжении последних десятилетий. К ним относятся: «Этнографическое музееведение», «Этнографическая практика», «Народные ремесла и промыслы», «Этнография Зарубежной Европы», «Этнография народов Кавказа», «Этнография народов Средней Азии», «Комбинаторно-статистические методы в этнографии», «Региональная этнография Западного Кавказа», «Традиционный костюм народов России», «Вещь в этнокультурном пространстве», «Пространство и время в культуре народов Северного Кавказа», «Мир ислама в России: традиционная культура и современное состояние», «Этническая толерантность: теоретические и практические аспекты», «Конфликты на Кавказе» и многие другие².

В музей обращаются и с разовыми заявками, отвечающими интересам студенчества сегодняшнего дня. Так, например, тема «Народы Кавказа» была особенно актуальна у учащихся Военной академии связи им. С. М. Буденного и Санкт-Петербургского военно-морского института. Кроме того, на занятия в РЭМ приезжали учащиеся из вузов Москвы, Ставрополя, Кемерово и других городов России.

Важно отметить, что наряду с обязательными курсами, заложенными в образовательном стандарте, музейные специалисты создают и авторские разработки. Например, изучение одной из традиционных тем материальной культуры любого этноса – народного костюма – проводят в сочетании с практическими занятиями по народной одежде в залах Российского этнографического музея. Эта тема давно и прочно вошла в учебный процесс. Однако, учитывая, что в современных научных исследованиях в области изучения этнической культуры народный костюм стал интерпретироваться как своеобразный этнический и культурный социокод, был разработан авторский курс занятий «Семиотика народного костюма» вместо читавшегося ранее «Народного костюма»³. Поскольку, по мнению специалистов, именно в традиционной одежде аккумулируется и посредством семиотической системы трансформируется социокультурный опыт, то подобная точка зрения продиктовала и иную подачу изучаемого музейного материала (одежды), то есть через призму семиотических (знаковых) функций народного костюма. Это позволило по-новому проследить процесс влияния народной традиции на формирование российской моды XVIII–XX вв., проанализировать семиотический статус основных типов одежды сельского населения России, рассмотреть законо-

мерность появления среди различных направлений моды XX в. фольклорного стиля.

Другой пример подобного рода – изменение содержания и, соответственно, названия курса «Народное искусство» на «Традиционные ремесла и промыслы» с учетом специфики обучения этнографов, в котором значительное место отводится рассмотрению предметов бытовой культуры⁴.

Сотрудничество РЭМ с относительно новыми кафедрами музеологии и истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ привело к разработке курсов лекций: «Материальная культура» и «Этнография зарубежных славян», при чтении которых использовались уникальные коллекции РЭМ.

Студентам кафедры музееведения и экскурсоведения СПбГИК на экспозициях музея более двадцати лет преподавался такой важный курс, как «Научное проектирование и архитектурно-художественное решение музейной экспозиции», рассматривавший основные этапы научного проектирования экспозиций как синтез музейной деятельности, а также проводились авторские семинарские занятия на темы «Вещь в этнокультурном пространстве», «Музей в системе культуры» и др.

О признании профессионализма сотрудников РЭМ свидетельствуют и приглашения их для участия в государственных экзаменационных комиссиях и заседаниях ученых советов вузов Санкт-Петербурга.

В заключение хотелось бы подчеркнуть разнообразие образовательных программ РЭМ, в число которых входит и проведение совместных с высшими учебными заведениями конференций. Так, постоянными участниками заседаний «Мавродинские чтения», «Полевая этнография», «История славянских и балканских стран», проводимых в Институте истории СПбГУ, являются научные сотрудники музея. Убедительным примером разработки актуальной тематики может служить и проходящая в течение двадцати пяти лет международная научная конференция «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии» по сложившейся (организаторы: РЭМ, Государственный Эрмитаж, СПГУПТД). По сложившейся традиции в дни конференции в залах РЭМ открывается выставка, представляющая один из элементов традиционного костюмного комплекса (состоялось 15 выставок из серии «Антропология вещи»). Междисциплинарный характер имеют и приуроченные к началу конференции публикации сборников статей ее участников, посвященных изучению истории традиционного костюма, тенденциям в развитии современной моды. Важно отметить, что в этих конференциях принимают участие не только

ученые высших учебных заведений и музеев Санкт-Петербурга, но и учащаяся молодежь, а именно – студенты старших курсов (вместе с преподавателями) и аспиранты⁵.

Таким образом, накопленный сотрудниками Российского этнографического музея многолетний опыт взаимодействия с вузами Санкт-Петербурга свидетельствует о наличии научного потенциала и перспективе его развития в будущем.

¹ Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования: Мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. СПб.: Астерион, 2003. С. 581–585; Традиционная обувь народов России: Учебное пособие /Сост. Н. М. Калашникова, И. В. Грязева. СПб.: СПГУТД, 2006.

² Дмитриев В. А. Глава 11. «Народы Северного Кавказа», глава 17.1. «Народы Южного Кавказа»//Этнология (этнография): учебник для бакалавров/ Под ред. В. А. Козьмина, В. С. Бузина. М.: Юрайт, 2014. С. 307–330.

³ Калашникова Н. М. Семиотика народного костюма: Учебник. СПб.: СПГУТД, 2000.; Семиотика народного костюма: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУПТД», 2016.

⁴ Калашникова Н. М. Традиционные промыслы и ремесла России// Образовательная программа «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы»: Учебные программы. СПб.: СПбГУ, филол. Фак., 2005. С. 145–148; Специфика преподавания курсов «Народное искусство» и «Народный костюм» и проведение музейной практики на базе Российского этнографического музея//Стиль, мода и дизайн в контексте синтеза искусств: Сб. науч. тр. СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУПТД», 2014. С. 162–175.

⁵ Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: международная конференция: библиографический словарь участников конференции 1998–2017 гг. СПГУТД, РЭМ/Сост. и ред. А. Э. Жабрера. СПб.: СПГУТД, 2017.

UDC 069.013; 069.15; 378.4(470.23–25)

N. M. Kalashnikova

Experience of Interaction of The Russian Museum of Ethnography with the Higher Educational Institutions of Saint-Petersburg

Kalashnikova Natalia Moiseevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine, Moldova, heard department, professor, D. Sc. (Culturology); ethnonataly@mail.ru

The article examines the experience of The Russian Museum of Ethnography in the integration of university and ethnographic

science, the use of new educational technologies in the museum, as well as the development of the recommendations (methodological manuals, programs, textbooks) for students of Saint-Petersburg universities.

Key words: ethnography, education, museum, expositions, the higher educational institutions of St. Petersburg.

Н. В. Мальцева, В. А. Белокопытова

Анимация как способ передачи этнографических знаний (на примере культурно-просветительной деятельности Магаданского областного краеведческого музея)

Мальцева Наталья Васильевна, Магаданский областной краеведческий музей, заместитель директора по культурно-просветительной и организационной работе; banshchikova1986@mail.ru

Белокопытова Виктория Александровна, Магаданский областной краеведческий музей, отдел музейной педагогики, экскурсовод; vicky2014@mail.ru

В докладе рассмотрена культурно-просветительная деятельность Магаданского областного краеведческого музея с предметами этнографической коллекции в онлайн-формате. Описана инновационная форма работы – создание мультфильма по истории и культуре эвенов.

Ключевые слова: анимация, этнография, социальные сети, этнографическое просвещение, краеведение.

Этнографическая коллекция Магаданского областного краеведческого музея пополняется в течение 87 лет и насчитывает более 3 тыс. предметов. Она представлена орудиями труда, предметами быта, образцами одежды и украшений коренных малочисленных народов северо-востока России (эвенов, коряков, чукчей, юкагиров, якутов и др. этносов). Более 2 тыс. предметов посетители могут увидеть на постоянной экспозиции «Люди Земли и Моря». В 2014 г. на материалах тематических комплексов в музейном зале были разработаны абонементные программы для «якорной» аудитории музея, состоящей из воспитанников детских дошкольных образовательных учреждений и учащихся начальных классов школ города, которая обеспечивала стабильную посещаемость музея в течение нескольких лет.

В марте 2020 г. вследствие запрета посещения музея детской и взрослой аудиторией было принято решение перевести общение с ними в онлайн-формат, задействовав для этого электронные площадки музея (сайт и социальные сети). Классические экскурсии стали проводиться в режиме видеолекций и видеоэкскурсий.

Информационные ресурсы музея функционируют уже более десяти лет. Однако вопрос их эффективности не стоял так остро до недавнего времени¹, то есть весны 2020 г.

В последние два года роль электронных площадок музея возросла, особенно повысился интерес к социальным сетям. Для активизации работы в них потребовалась оценка запросов конкретных групп пользователей с учетом неоднородности состава аудитории, дифференциации интересов по возрасту и социальному статусу.

Так, на площадке сети «Instagram» музей запустил минутный видеоролик «История одного предмета» в онлайн-рубрике «Музейный карантин»².

В качестве предметов выступили эвенские седла для оленей. Виртуальные посетители из ролика «Эвенские седла» могли познакомиться с вьючно-верховым способом передвижения на оленях, многообразием седел (мужских, женских и детских), их конструктивными отличиями, рассмотреть музейные предметы, представленные в экспозиции.

Практика видеотрансляции дополнилась 10–15-минутными экскурсиями, получившими название «Краеведческие уроки» в проекте «Виртуальный музей». Для социальных сетей музея был подготовлен цикл коротких экскурсий по этнографической тематике с использованием музейных предметов и материалов экспозиции «Люди Земли и Моря», рассказывающих о воспитании детей у коренных малочисленных народов Севера, их способах обработки шкур и изготовления одежды.

Перед сотрудниками стояла задача привлечения внимания постоянной аудитории к электронным площадкам музея. Видеоэкскурсии позволили повысить активность подписчиков в социальных сетях.

В качестве оптимального способа общения с детской аудиторией в виртуальном пространстве была выбрана анимация.

Новый вид взаимодействия сотрудников музея с детьми позволил транслировать материалы краеведческой и этнографической тематик среди заинтересованной аудитории, разнообразить познавательным интерактивным видеорядом классические экскурсии, а также создать первый в Магаданской обл. электронный контент для детей в виде просветительного анимационного мультфильма по региональной тематике.

Анимация позволила расширить аудиторию онлайн-посетителей и подписчиков, пополнив ее родителями с детьми, маломобильными горожанами, детьми-инвалидами с родителями, педагогами города и отдаленных районов области. Анимационный

продукт в дальнейшем может быть использован на краеведческих уроках и мероприятиях в образовательных учреждениях.

Главным персонажем мультфильма стала эвенская девочка Удани. Экскурсия, посвященная ей и названная «Моя любимая игрушка», в формате офлайн с успехом проводилась на экспозиции «Люди Земли и Моря».

Детям оказалась близка героиня мультфильма их возраста. Они легко погружались в игру и с интересом слушали рассказ о ничем не знающей о жизни своего народа маленькой девочке, которая приезжает на летние каникулы из города к бабушке и дедушке в оленеводческую бригаду. Там она знакомится с бытом эвенов, их жилищем, одеждой, традициями, основным видом деятельности – оленеводством, и находит нового друга, олененка Пыжика.

Перед создателями проекта стояла сложная задача в коротких двух-трех минутных сериях мультфильма создать образ современного эвена-оленевода, показать его быт, погрузить зрителя в атмосферу лесотундры и оленеводческого стойбища. Причем сделать это ненавязчиво, в максимально доступной для детей форме. Поэтому над каждым эпизодом сценария, каждой фразой персонажей, а также каждым кадром велась длительная работа на всех этапах создания мультфильма – от написания основного сюжета до кадровой отрисовки. В качестве фона для съемок использованы настоящие фотографии ландшафтов Магаданской обл.

Первая серия мультфильма повествует о том, как девочка из города приезжает к бабушке и дедушке в оленеводческую бригаду на летние каникулы. С вертолета, доставившего девочку в стойбище, видно насколько далеко кочующие оленеводы находятся от ближайших поселков.

Три юрты на горизонте указывают на местонахождение стойбища и свидетельствуют о немногочисленности кочующих оленеводов в бригаде. Девочку встречает только бабушка, так как дедушка находится при стаде. Таким образом, до зрителя доносятся устои оленеводческой семьи по гендерному типу – уход за оленями, в основном, был мужским делом. Летний период времени был самым беспокойным для оленеводов, так как животные, мучавшиеся от жары и гнуса, часто разбредались.

Девочка Удани встречается с олененком, который держится на расстоянии от нее. Присутствие олененка рядом с людьми неудивительно. Олени ламутской породы отличались от чукотских стад большей прирученностью и не боялись человека. Оленят приучали к общению с человеком с рождения.

В ходе второй серии мультфильма дети получают представление об эвенском жилище. Из информационной вставки в мультфильм

становится понятно, что оно носит название «чорама-дю», но более известно как юрта. Герои обращают внимание на особенности конструкции и внутреннего убранства юрты: в ней нет мебели, сидят олениводы на полу на шкурах, которыми застелены ветки кедрового стланика. Посредине жилища горит очаг, используемый для приготовления пищи и его обогрева. Дым очага отпугивает гнус³. Бабушка рассказывает девочке и маленьким зрителям, что спальным местом является теплый полог, сшитый из оленьих шкур собственноручно мастерицей.

В третьей серии мультфильма – «Эвенская одежда» демонстрируются музейные предметы из этнографической коллекции фонда музея: заготовки бисерных орнаментов из кожи и меха для бортов подола кафтана, сумка для рукоделия «авсь» с игольником, катушкой-могалкой, подшейным волосом оленя, сухожильными нитями. Это позволяет юным зрителям увидеть подлинные этнографические предметы, которые обычно не доступны для просмотра в фондах.

Знание эвенов об оленях, понимание повадок животного отражено в четвертой и пятой сериях проекта. Общение бабушки, а потом и самой девочки с олененком, их взаимодействие указывают на важное место оленя в жизни эвена-оленивода. Олень – покровитель семьи и рода, сопровождает человека не только на земле, но и в других мирах⁴.

Из диалога Удани и Пыжика зрителю становится понятно, что эвены практикуют тунгусский тип оленеводства с транспортным направлением хозяйствования и вьючно-верховым способом передвижения на олене. Из мультфильма дети узнают о разнообразии эвенской терминологии оленеводства, согласно которой олени разделяются по полу, возрасту, масти, повадкам⁵.

Просматривая серии мультфильма, юные зрители погружаются в жизнь оленеводческого стойбища. Этнографические представления об эвенах доносятся в простой и непринужденной форме. Это уже не урок, а настоящее виртуальное путешествие вместе с их ровесницей.

Систематическая публикация серий мультфильма на канале музея в «YouTube» сегодня дает наглядные результаты. Количество подписчиков в апреле 2021 г. составляло 173 человека. В мае была размещена первая серия мультфильма. За месяц количество подписчиков увеличилось до 207 человек (на 01.06.2021 г.). На текущий момент их уже 259 человек (на 02.09.2021 г.). Таким образом, отмечается положительная динамика роста аудитории канала.

В настоящее время авторами проекта ведется работа над созданием следующих серий мультфильма, в которых будут демонстрироваться этнографические материалы из фонда музея и которые, надеемся, также получат положительные отзывы педагогов и родителей, учащихся города и области.

¹ Гук Д. Ю., Сулова Е. А. Релевантность онлайн-ресурсов музея в период пандемии // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2020. С. 142.

² [Электрон. ресурс] URL: https://www.instagram.com/magadan_museum.

³ Историко-этнографический атлас Сибири / Ред. М. Г. Левин, Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 131.

⁴ Сайт Адаптация к изменениям климата: традиционные знания коренных народов Арктики и Крайнего Севера. [Электрон. ресурс] URL: http://archive.iite.unesco.org/courses/climate_change/module.html#/4/55/ (Дата обращения 03.09.2021, время обращения 12:35).

⁵ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. С. 93.

UDC 069; 39(571.1)

N. V. Maltseva, V. A. Belokopytova

Animation as a Way of Broadcasting Ethnographic Knowledge (Educational Activities of the Magadan Regional State Museum)

Maltseva Natalya Vasilievna, The Magadan Regional State Museum (Magadan), deputy director for cultural and educational and organizational work; banshchikova1986@mail.ru

Belokopytova Victoria Alexandrovna, The Magadan Regional State Museum (Magadan), the department of museum pedagogy, guide; vicky2014@mail.ru

The report examines the cultural and educational activities of the Magadan Regional Museum with the items of the ethnographic collection in online format. An innovative form of work is described – the creation of a cartoon on the history and culture of the Evens.

Key words: animation, ethnography, social networks, ethnographic education, local history.

В.Э Первак

**Живопись в экспозиционном дизайне
Российского этнографического музея**

Первак Виктория Эдуардовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел консервации, главный специалист по обеспечению сохранности музейных предметов, заслуженный работник культуры РФ; victoriapervak@mail.ru

Автор представляет обзор произведений живописи, использованных в оформлении экспозиционного пространства Российского этнографического музея второй половины XX в., характеризует технику и стилистические особенности изобразительных произведений, приводит краткую информацию о художниках. В докладе показана трансформация художественного оформления экспозиций музея в связи с изменениями концепции экспонирования этнографических предметов. В работе использованы архивные документы, информация из открытых источников, воспоминания очевидцев.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, художник, живопись, этнографическая экспозиция.

Живопись в оформлении экспозиционно-выставочных пространств появляется на рубеже XVIII–XIX вв. и особенно активно используется в XIX – начале XX в., когда строятся новые музейные здания и живописное оформление их интерьеров считается важным фактором привлечения публики, инструментом эстетического и эмоционального воздействия.

При проектировании и строительстве здания для Этнографического отдела Императорского Русского музея (ныне Российский этнографический музей) архитектор В. Ф. Свиньин рассматривал экстерьер и интерьер здания как целостный концептуальный ансамбль, который должен соответствовать предназначению строения. Поэтому он предусмотрел богатое декоративное убранство интерьеров. По имеющимся сведениям, живописного оформления интерьеров архитектор не планировал, живопись появилась в экспозиционном пространстве музея намного позже.

В годы войны здание музея серьезно пострадало от бомб и снарядов, и живописные работы в интерьере музея появились в период

послевоенного восстановления. Во время реставрации здания утраченные лепные украшения центральной части свода Аванзала были заменены росписью в технике гризайль в цветовой гамме сеเปีย, выполненной по эскизам художника Черновой¹. Роспись соответствует традициям стиля «триумф» или так называемого «сталинского ампира» и характеризует идеологический нарратив времени.

Следующей по времени появления в экспозиционном пространстве музея стала работа художников Трауготов². В одном из экспозиционных залов второго этажа, там, где раньше располагалась часть экспозиции «Народы Сибири и Дальнего Востока. XIX – начало XX в.», сохранилось живописное полотно с изображением праздника на стойбище оленеводов. Работа выполнена в 1952 г. Г. Н. Трауготом и его сыновьями А. Г. Трауготом и В. Г. Трауготом специально для конкретной экспозиции как иллюстрация, позволяющая посетителям визуально представить сцену из жизни оленеводов Сибири, почувствовать динамику движения людей и животных, увидеть традиционное жилище и типичный ландшафт территории. Таким образом, картина представляет посетителям те аспекты экспозиции, которые невозможно показать с помощью предметов из собрания музея, и в то же время создает определенный эмоциональный настрой. В этом случае живописное полотно выступает не в качестве архитектурного элемента, оно включено в содержание экспозиции, поэтому максимально реалистично. Г. Н. Траугот сотрудничал с музеем многие годы и еще до войны создавал живописные работы для нескольких экспозиций. Ради достижения наибольшей достоверности, Г. Н. Траугот участвовал в экспедициях музея, где делал зарисовки и эскизы, которые потом использовал для живописного оформления выставок и экспозиций. В настоящее время в экспозиционных залах музея сохранилась только одна работа Трауготов.

В 1950-х гг. «с целью усиления показа советского раздела... и разрешения национального вопроса в СССР» коллектив музея разработал новую экспозиционную концепцию, которая была утверждена на Коллегии МК РСФСР в январе 1956 г.³ В ее рамках в музее началось строительство двух масштабных экспозиций: «СССР – братский союз равноправных народов» и «Искусство народов РСФСР»⁴, для которых были заказаны живописные работы на торцевых стенах залов. В 1958–1961 гг. художники С. И. Щербинина и Л. Г. Полищук⁵ создали монументальные живописные работы для новых экспозиций. Стилистически работы соответствуют канонам изобразительного искусства советского периода и символизируют историческую общность «советский народ». Даже композиционно фигуры людей изображены единой группой. Авторы – опытные монументалисты, филигранно владеющие ракурсами, смогли безупречно вписать

композиции в сложный архитектурный объем. Сейчас в одном из залов музея сохранилась фреска экспозиции «Искусство народов РСФСР», а живописное полотно для экспозиции «СССР – братский союз равноправных народов» было демонтировано.

Наиболее поздние живописные работы, оформляющие экспозиционные залы, относятся к 1990-м гг. Это несколько полотен в зале «Обряды, праздники, развлечения» на экспозиции «Русские. Конец XIX – начало XX в.»: картина «Русская свадьба» художника В. Н. Янтарева⁶ и два живописных панно – «Зимние праздники и обряды», «Весенние и летние праздники и обряды» художников Джаннет Далгат⁷ и П. Г. Татарникова⁸. Работа В. Н. Янтарева – яркая жанровая сцена. Живопись по левкасу художников Д. Далгат и П. Татарникова – обобщенные символы народных обрядов и праздников.

В экспозициях Российского этнографического музея XXI в. живописное оформление уже не использовалось, его вытеснили копии фотографий и иллюстративных материалов в виде баннеров или постеров, различные мультимедийные средства. Однако подлинные авторские художественные произведения несут эмоциональный импульс, который трудно чем-то заменить. Отрадно, что музей сохраняет живопись в экспозиционном пространстве и как элемент представления этнографических предметов публике, и как самостоятельные авторские художественные произведения, характеризующие разные периоды в истории страны.

¹ Архив ГИОП. Д. 166. С. IV.

² Георгий Николаевич Траугот (1903–1961). Учился у К. П. Петрова-Водкина, А. И. Савинова, А. Е. Карёва. Преподавал в Ленинградском государственном художественно-промышленном техникуме. С 1927 г. – член общества «Круг художников». С 1932 г. – член Союза художников России. В 1945–1948 гг. – член правления Ленинградского отделения Союза художников.

Александр Георгиевич Траугот (1931 г.р.) Родился в Ленинграде в семье художников Г. Н. Траугота и В. П. Яновой. Учился в СХШ при ИЖСА на скульптурном отделении. С 1956 г. – начинает работать в книжной иллюстрации. Иллюстрации подписываются псевдонимом Г. А. В. Траугот (в том числе после смерти отца и брата). Член Союза художников, заслуженный художник РФ.

Валерий Георгиевич Траугот (1936–2009). Родился в Ленинграде в семье художников Г. Н. Траугота и В. П. Яновой. Учился в СХШ при Академии художеств, продолжил учебу в Москве, в Суриковском институте (на отделении скульптуры), в 1957 г. перевелся в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной, где учился на монументальном отделении. В 1965 г. – вступил в Ленинградское отделение Союза художников России. 1987–2009 гг. – возглавлял бюро секции

графики Союза художников. Заслуженный художник РФ. [Биографические сведения предоставлены А. Г. Траутогом]

³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1184. С. 2.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1293. С. 9.

⁵ Леонид Григорьевич Полищук (род. 22 июня 1925 г.) советский и российский художник-монументалист, народный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств. Золотая медаль им. Сурикова Союза художников России за выдающийся вклад в изобразительное искусство РФ. Лауреат премии Правительства РФ (Полищук Леонид Григорьевич//Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <http://wikipedia.org>); Светлана Ивановна Щербинина (1930–2017) советский и российский художник-монументалист, народный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств. Лауреат премии Правительства РФ. Золотая медаль им. Сурикова Союза художников России за выдающийся вклад в изобразительное искусство РФ. (Щербинина Светлана Ивановна//Там же).

⁶ Владимир Николаевич Янтарев родился в 1940 г. в Ленинграде. Окончил среднюю художественную школу и Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии Художеств России. Член Союза художников России. (Art-katalog.com URL: <http://www.art-katalog.com/ru/biography/635>).

⁷ Гюль Джаннет Далгат родилась в 1954 г. в Ленинграде. Окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Член Союза художников России. (Изобразительное искусство и фотографии. URL: <https://art.rin.ru/cgi-bin/index.pl?id=95&art=1614>).

⁸ Петр Георгиевич Татарников, представитель известной петербургской художественной фамилии, родился в 1953 г. в Ленинграде. После окончания средней художественной школы поступил на отделение монументального искусства факультета живописи Академии художеств. Член Союза художников России. (URL: <https://www.erarta.com/ru/museum/collection/artists/detail/author-00467/>).

UDC 069; 39

V. E. Pervak

Painting in the Art Design of The Russian Museum of Ethnography

Pervak Victoria Eduardovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Conservation, chief expert of the storage; victoriapervak@mail.ru

The author presents an overview of paintings in the exhibition design of The Russian Museum of Ethnography in the second half of the XX century, as a special element of the ethnographic exposition. The article analyzes the transformation of the art design of expositions in connection with changing the concept of displaying

ethnographic artifacts. The author characterizes the technique and stylistic features of the art design of the museum expositions. The article also provides brief information about the artists. The work uses archival documents, information from open sources, memories of eyewitnesses.

Key words: The Russian Museum of Ethnography, artist, painting, ethnographic exposition.

В. Э. Первак, Г. Н. Романова

Люди и манекены: история создания
этнографических фигур в Российском
этнографическом музее

Первак Виктория Эдуардовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел консервации, главный специалист по обеспечению сохранности музейных предметов, заслуженный работник культуры РФ; victoriapervak@mail.ru

Романова Галина Ниловна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел экскурсионного обслуживания и приема посетителей, кандидат исторических наук; gala.romanova@gmail.com

В докладе рассказывается о создании и использовании объемных этнографических фигур в музейных экспозициях Этнографического отдела Русского музея Александра III (ЭО РМ, ныне Российский этнографический музей, далее РЭМ). Представлен материал по истории организации прикладных мастерских РЭМ, биографические данные работавших в них специалистов. Авторы рассматривают этапы истории манекенной мастерской в контексте трансформации экспозиционно-выставочной деятельности музея, происходившей под влиянием исторических событий в стране. В основе работы – архивные документы и воспоминания сотрудников Российского этнографического музея.

Ключевые слова: экспозиция, этнографические фигуры, манекены, художник, музей.

К началу прошлого века изготовление и использование антропоморфных манекенов (от фр. *mannequin*, от нидерл. *mannekin* – «человечек») как средства репрезентации в музейных экспозициях было обычной практикой. Уже с конца XVIII в. человеческие фигуры из гипса, дерева, воска, ткани, папье-маше и др. материалов изготавливались в специальных мастерских, в том числе и для музеев. В начале XIX в. в Западной Европе (особенно много в Германии) открылись специальные производства по изготовлению музейного оборудования и объемных фигур для экспозиций. В частности, Е. С. Соболева отмечает, что в Берлине Королевские музеи

«обслуживала гипсовая мастерская (Gipsformerei), существующая с 1819 г.»¹. Наиболее часто для изготовления музейных манекенов использовалась бумажная масса – папье-маше (фр. *papier-mâché* – «жеваная бумага»), как наиболее практичный и достаточно долговечный материал. Объемные скульптурные изображения людей из папье-маше в натуральную величину с воспроизведением антропологических типов, расовых признаков получили название этнографических фигур.

В Этнографическом отделе Русского музея Александра III (ЭО РМ, ныне Российский этнографический музей, далее РЭМ) в 1912 г. хранителем отдела А.А. Миллером были организованы манекенная, муляжная, реставрационная и формовочная мастерские, где по вольному найму работали мастера П.А. Смелов² и К.З. Кавтарадзе³. Оборудование и станки для мастерских приобрели в Париже. В манекенной мастерской из папье-маше изготавливали этнографические фигуры, воспроизводившие антропологические типы народов России, которые были необходимы для создававшихся экспозиций музея. В октябре 1915 г. руководителем работ по реставрации и изготовлению манекенов назначили К.З. Кавтарадзе, а с 1 февраля 1916 г. его зачислили в штат ЭО РМ.

Для первых экспозиций музея было изготовлено свыше 400 гипсовых форм (головы, торсы, руки, ноги) мужских, женских и детских фигур по которым впоследствии делались манекены из папье-маше. Были разработаны стандартные типы манекенов. «Главное внимание обращено было на вылепку типичных для каждой народности голов»⁴. Были также изготовлены объемные фигуры животных (осла, лошади, верблюда) для демонстрации упряжи. Качество изготовленных фигур оценивалось научными специалистами музея.

С началом Первой мировой войны все работы были приостановлены. Коллекции музея, включая предметы из уже построенных экспозиций, эвакуированы в Москву и возвращены в музей только в 1920 г. В 1921 г. К.З. Кавтарадзе вернулся в Петроград (с 1917 по 1921 г. он жил и работал в Тифлисе) и восстановился на службе в ЭО РМ, возобновилась и работа манекенной мастерской. В 1923 г. открылись для публики восстановленные экспозиции музея. Однако, в 1924 г. работа музея была прервана катастрофическим наводнением. Подвалы музея, где хранились коллекции и располагались мастерские, оказались затопленными. Последствия были ужасны: тысячи предметов нуждались в срочной консервации и реставрации; почти все хранившиеся в подвалах гипсовые формы для изготовления манекенов были утрачены.

Удалось спасти лишь небольшую часть манекенов и заготовок для них, тем не менее, работа скульптурной и манекенной мастерских возобновилась. В 1925 г. на работу в музей поступил скульптор Н. А. Астафьев-Чадин⁵. Вернувшись с фронтов Гражданской войны и приступив к работе манекенный мастер Н. И. Малышев⁶. Помимо ЭО РМ мастерские изготавливали манекены и модели по заказам других учреждений. К началу 1930-х гг. в структуру Этнографического отдела входили три мастерские: реставрационная, скульптурно-муляжная и манекенная. Манекенными мастерами служили Н. И. Малышев, И. К. Иванов, И. П. Медведев. В эти годы появился другой тип манекенов – индивидуальный, так как для экспозиций потребовались не только стандартные, стоящие и сидящие фигуры людей, но и фигуры в различных позах. Изменилась концепция построения музейной экспозиции. Для первых экспозиций требовались манекены только в стоячих и сидячих позах, ибо они в основном демонстрировали костюмы. В 1930-х гг. экспозиции стали театрализованными, в них создавались многофигурные композиции (так называемые «обстановочные сцены»), представляющие бытовые и производственные сюжеты, и манекены должны были передавать образ людей в процессе какой-либо деятельности. «Сценография и телесный язык манекенов в обстановочных сценах были призваны сглаживать противоречия между вещами и идеологией, объединять их в увлекательном представлении»⁷. Дороговизна работ по лепке и формовке фигур нового типа привела к тому, что мастера стали переделывать манекены предыдущего типа «путем перекройки по старым формам частей фигур, придавая им желаемые положения и позы... Для большей пластичности фигур введены и рационализированы шарниры – локтевые и голенные»⁸.

В годы Великой Отечественной войны здание музея было сильно повреждено бомбами и снарядами. Оборудование мастерских было утрачено, значительная часть манекенов не подлежала восстановлению. Для послевоенного воссоздания экспозиций требовалось большое количество манекенов. Использовались сохранившиеся старые фигуры, реставрировались поврежденные. Манекенная мастерская располагалась в одном из помещений первого этажа административного корпуса. С 1951 г. в манекенной мастерской работал Ю. Е. Антропов⁹, а в 1960–1980-х гг. – И. Н. Хитров¹⁰. По воспоминаниям сотрудников РЭМ, И. Н. Хитров реставрировал старые манекены и изготавливал новые, часто использовал те части фигур, которые после войны собрали и сложили в чердачном помещении. Им же были изготовлены этнографические фигуры для многих других музеев города: Кунсткамеры, Музея истории

города, Музея религии и др. По мнению сотрудников музея, работавших в те годы, новое поколение манекенов уже не так точно отображало антропологические типы народов страны. Можно предположить, что сложившаяся в соответствии с официальной идеологией общность – советский народ, в очередной раз изменила нарратив этнографической экспозиции, которая теперь представляла публике «общие» черты народов страны.

К 1990-м гг. манекенная мастерская перестала работать. Практика изготовления индивидуальных антропоморфных фигур ушла в прошлое. Для музейных выставок и экспозиций стали приобретать портновские и магазинные манекены. Например, для экспозиции «Татары Поволжья и Приуралья. XIX – начало XX в.» в 2020 г. были приобретены магазинные манекены, которым художники музея добавили в лица сходства со старыми фотографиями.

---

¹ Соболева Е. С. К истории манекенов и этнографических фигур в музее антропологии и этнографии//Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. СПб., 2020. С. 497–500.

² Павел Александрович Смелов (1874–1942), уроженец г. Чистополь, художник, реставратор. Работал в Этнографическом отделе Русского музея, в Музее антропологии и этнографии МАЭ РАН. [Архив Российской Академии наук. Персона (ranar.spb.ru) URL: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/15205/>]

³ Константин Зурабович Кавтарадзе (Коте Кавтарадзе) (1879–1941), уроженец Тифлиса. Получил образование в Тифлисской художественной школе, в 1904 г. переехал в Санкт-Петербург, где посещал занятия в Академии художеств. Занимался ретушированием фотографий, исполнял заказы на портреты, был иллюстратором журналов «Живописное обозрение» и «Нива»; заведовал столярными, токарными и переплетными мастерскими в Училище попечительства о глухонемых императрицы Марии Федоровны; работал зубным техником. В 1910 г. Константин Зурабович вернулся на Кавказ, чтобы поправить здоровье. Там он продолжил свою деятельность как иллюстратор периодических изданий и художник, организовал выставку картин и рисунков типов народностей Кавказа, на которой и встретил А. А. Миллера. В музее К. З. Кавтарадзе проработал с 1912 по 1939 г. [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. С. 9–12.]

⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 431. С. 1.

⁵ Николай Андрианович Астафьев-Чадин (1889–1941). Родился в крестьянской семье в Гдовском у. Санкт-Петербургской губ. Окончил Академию художеств. Художник-скульптор. Работал в Русском музее с октября 1925 г. реставратором, скульптором. [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 3. С. 5].

⁶ Николай Иванович Мальшев (1898–1941). Поступил в ЭО РМ на должность манекенного мастера в 1917 г. В 1919 г. ушел на службу в Красную

Армию, в 1923-м демобилизовался и вернулся на работу в музей. С 1926 г. Николай Иванович работал научно-техническим сотрудником – манекенщиком. [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 133. С. 1–4].

⁷ Петряшин С. С. Вещи и идеология в обстановочных сценах (на примере Государственного музея этнографии 1930-х гг.)//Вещь в трансляции этничности: Материалы Семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2018. С. 265.

⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 431. С. 2.

⁹ Юрий Евгеньевич Антропов (1923–?). Художник. Работал в музее с 1951 г. художником-манекенщиком. [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 3. С. 1–4].

¹⁰ Иван Николаевич Хитров (1918–1998). Родился в д. Мужилово Костромской обл. в семье крестьянина. В 1930 г. семья Хитровых переехала в Ленинград. И. Н. Хитров учился в Серовском училище. В начале 1950-х гг. ему предложили работу в Зоологическом музее, где он выполнил огромные карты-барельефы континентов. Дальнейшая творческая биография художника неразрывно связана с Кунсткамерой. Здесь появились его первые этнографические фигуры. Выполнению заказов предшествовала тщательная, кропотливая подготовительная работа вместе с антропологами и этнографами с использованием старинных монографий, рисунков, фотографий, с учетом всех антропометрических параметров представителей того или иного народа. В эти же годы И. Н. Хитров начинает работать в Государственном музее этнографии народов СССР (ныне РЭМ). (См.: Парфентьева Н. И. Неизвестный известный художник. О И. Н. Хитрове-скульпторе и художнике, авторе скульптур в экспозициях МАЭ РАН//Австралия, Океания и Индонезия в пространстве, времени и истории: Статьи по материалам Маклаевских чтений, 2007–2009 гг. РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)/Сост. и отв. ред. Е. В. Ревуненкова. СПб., 2010. С. 185–195.)

UDC 069; 39

V. E. Pervak, G. N. Romanova

People and Mannequins: History of Creation of the Ethnographic Figures in The Russian Museum of Ethnography

Pervak Victoria Eduardovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Conservation, chief expert of the storage; victoriapervak@mail.ru

Romanova Galina Nilovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Excursion Service and Reception of Visitors, Ph. D. (History); gala.romanova@gmail.com

The report is devoted to the creation and use of volumetric ethnographic figures in museum expositions of The Ethnographic Department of The Russian Museum of Alexander III (EO RM,

now The Russian Museum of Ethnography, – REM). The material on the history of the organization of REM applied workshops, biographical data of the specialists who worked in them are presented. The authors consider the stages of the work of the mannequin workshop in the context of the transformation of the exposition and exhibition activities of the museum, which took place under the influence of historical events in the country. The work is based on archival documents and memoirs of the staff of the Russian Ethnographic Museum.

Key words: exposition, ethnographic figures, mannequins, artist, museum.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Материалы Двадцатых Санкт-Петербургских
этнографических чтений

Редакторы: *И. В. Белобородова, О. О. Брашнина*
Корректор: *Т. А. Шпак*
Компьютерная верстка: *Ю. А. Хайретдинов*

Подписано в печать 18.11.21. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,14.
Тираж 150 экз. Заказ № 52.

Отпечатано в типографии СПГУТД,
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26.